

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 1 • 2023

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Издательство «Проспект», Антопян Е.А., Бодров Н.Ф., Зайцев О.А., Редникова Т.В.

Издатель:

Издательство «Проспект»

Главный редактор:

Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, член Бюро Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Сарсембаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительств Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антопян Елена Александровна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исмахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрали Шакарпулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Лукьянов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

Маркьян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Милич Иван Душанович, доктор юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета государственного Университета в городе Нови-Сад (Республика Сербия)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скрудатов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунайчевски Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устокова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмманн Уве, dr. jur. habil., профессор Потсдамского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Германии (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шшико Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Редактор:

Свещая Елена Владимировна

Помощник редактора:

Махмутова Лилия Ренатовна

Почта журнала

skk_vkk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2023. — № 1.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2023. — 204 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 30.03.2023. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 25,5 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-1-204

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 1 • 2023

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

ООО «Прспект», Antonian E.A., Bodrov N.F., Zaitsev O.E., Rednikova T.V.

Verleger:

Прспект

Der Chefredakteur:

Zhilkin Maxim Gennadievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessor, Büromitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Avetisian Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhniy Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filippovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Professor an der Universität Potsdam, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Bundesrepublik Deutschland (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskower Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskov, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter

des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Staats- und Zivilrecht der Moskauer Regionalabteilung der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Milic Ivan Dushanovic, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Universität in Novi Sad (Republik Serbien)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Direktor der Abteilung Nischni Novgorod der St. Petersburger Akademie des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhniy Novgorod (Nyzhniy Novgorod, Russland)

Prikhodko Natalya Yurievna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seiverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Iustinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khailov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolgovskiy Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgischen Republik (Bischkek, Kirgische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechts Fakultät der Belorussischen Staats Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Redakteur Assistent:

Makhmutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2023. — Nr. 1.

Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2023. — 204 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbcheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 30.03.2023. in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 25,5. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-1-204

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 1 • 2023

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

ООО «Прспект», Antonian E.A., Bodrov N.F., Zaitsev O.E., Rednikova T.V.

Publisher:

Прспект

The Editor-in-Chief:

Zhilkin Maxim Gennadievich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Bureau member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazheev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Avetisian Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Vaysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor of the University of Potsdam, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Federal Republic of Germany (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Milic Ivan Dushanovic, Doctor of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the State University in Novi Sad (Republic of Serbia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Prikhodko Natalya Yurievna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebila Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Justinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khailov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)

Shiryaev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Victorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Editor's Assistant:

Makhmutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2023. — No. 1.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2023. — 204 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscommnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 30.03.2023. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 25,5. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-1-204

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Жилкин Максим Геннадьевич

Доклад профессора Лопашенко Н.А.

«Комиссаров: о роли личности в науке уголовного права и задачах доктрины в настоящее время» 7

Лопашенко Наталья Александровна

Об итогах анкетирования ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии (в связи с 70-летием профессора В.С. Комиссарова) 8

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Куликова Светлана Геннадьевна

Урядник – главный полицейский на селе: неизвестные страницы создания и функционирования института полицейских урядников Российской империи 1878–1917 гг.12

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Дмитренко Андрей Петрович, Кадников Николай Григорьевич

К вопросу о признании криптовалюты предметом взятничества и иных преступлений имущественного характера..... 18

Борков Виктор Николаевич

Отграничение занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 2101 УК РФ) от руководства преступным сообществом (ч. 4 ст. 210 УК РФ)..... 24

Приходько Наталья Юрьевна

Правовое регулирование противодействия транспортным преступлениям на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры..... 31

Пшеничнов Илья Михайлович

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики в сфере преступлений против мира и безопасности человечества: постановка проблемы.....37

КРИМИНОЛОГИЯ

Углицких Дмитрий Васильевич

Криминологические аспекты энергетической безопасности в Российской Федерации на современном этапе.....44

Дегтерев Андрей Александрович

Противодействие киберпреступности: необходимость учета зарубежного опыта..... 50

Бражин Юрий Юрьевич

Исследование показателей служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» 56

КОНФЕРЕНЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ»

Волчецкая Татьяна Станиславовна

Научный вклад Калининградского отделения Союза криминалистов и криминологов в деятельность по противодействию экстремизму в России и за рубежом 65

Анисифоров Тим Сергеевич

Превентивные меры финансово-правового характера как механизм противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 68

Волчецкая Татьяна Станиславовна, Козырева Ирина Евгеньевна

Криминологические и психологические особенности личности преступника, совершающего преступления экстремистской направленности: теоретическое и прикладное значение..... 71

Григорьев Анатолий Николаевич, Кот Екатерина Александровна

Современный экстремизм: понятие, социокультурные основания и тенденции развития..... 78

Исаенко Вячеслав Николаевич

Отдельные вопросы организации расследования преступлений террористической направленности 86

Крамаренко Владимир Петрович, Шабанов Вячеслав Борисович

О роли и значении частных криминологических теорий в раскрытии и расследовании экстремизма, терроризма и превенции следственных ошибок..... 92

Куликов Александр Викторович, Шелег Ольга Алексеевна

Террористический акт: особенности уголовно-правовой и криминологической характеристик..... 98

Кустов Анатолий Михайлович, Макарова Олеся Александровна

К вопросу о структуре частной криминологической методики расследования преступлений экстремистской направленности105

Макарова Олеся Александровна, Куркова Наталья Алексеевна

Криминологическая профилактика преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними116

Осипова Екатерина Васильевна, Авакьян Михаил Владимирович

Криминологический анализ скрупутинга в России и за рубежом128

Панькина Инга Юрьевна

Специфика этнического экстремизма в России138

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Игнатович Наталья Павловна

Объективные и субъективные критерии при признании деяния малозначительным в уголовном праве142

Цысс Зинаида Александровна

Клевета в уголовном праве Российской Федерации149

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

Главы из книги «Пастухов Борис Николаевич.

Портрет на фоне эпох» 157

НЕКРОЛОГ

Мацкевич Игорь Михайлович

Памяти Романа Владимировича Кулешова.....170

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 172

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

«СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 203

INHALT

KOLUMNE DES CHEFREDAKTEURS

Zhilkin M.G.

Bericht von Professor Lopaschenko N.A. "Kommissarow: Über die Rolle des Individuums in der Wissenschaft des Strafrechts und die Aufgaben der Doktrin in der Gegenwart" 7

Lopashenko N.A.

Zu den Ergebnissen einer Umfrage unter Wissenschaftlern auf dem Gebiet des Strafrechts, des Strafvollzugs, der Kriminologie (anlässlich des 70. Geburtstags von Professor V.S. Komissarov) 8

DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES

Kulikova S.G.

Uryadnik – der wichtigste Polizist auf dem Lande: unbekannte Seiten der Entstehung und Funktionsweise des Instituts der Polizeibeamten im Russischen Reich, 1878–1917... 12

STRAFRECHT

Dmitrenko A.P., Kadnikov N.G.

Zur Frage der Anerkennung von Kryptowährungen als Gegenstand von Bestechung und anderen Vermögensdelikten ... 18

Borkov V.N.

Unterscheidung zwischen der Besetzung einer höheren Position in der kriminellen Hierarchie (Art. 2101 StGB RF) von der Leitung einer kriminellen Vereinigung (Teil 4 Art. 210 StGB RF) 24

Prikhodko N.Yu.

Rechtliche Regelung der Kriminalitätsbekämpfung bei Verkehrsanlagen und in der Verkehrsinfrastruktur 31

Pshenichnov I.M.

Rechtsvergleichende Analyse der Strafgesetzgebung der Russischen Föderation und der Republik Aserbaidschan im Bereich der Verbrechen gegen den Frieden und die Sicherheit der Menschheit: Problemstellung 37

KRIMINOLOGIE

Uglitskikh D.V.

Kriminologische Aspekte der Energiesicherheit in der Russischen Föderation in der gegenwärtigen Phase 44

Degterev A.A.

Bekämpfung der Cyberkriminalität: Berücksichtigung der internationalen Erfahrungen 50

Brazhin Yu.Yu.

Untersuchung von Indikatoren der Wirtschaftskriminalität im Rahmen der Umsetzung des Nationalprojekts „Gesundheitswesen“ 56

KONFERENZ

INTERNATIONALE WISSENSCHAFTLICH-PRAKTISCHE KONFERENZ "PROBLEME BEI DER UMSETZUNG DER KRIMINALPOLITIK IM BEREICH DER BEKÄMPFUNG VON EXTREMISMUS UND TERRORISMUS"

Volchetskaya T.S.

Wissenschaftlicher Beitrag der Kaliningrader Abteilung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen zur Bekämpfung des Extremismus in Russland und im Ausland 65

Anisiforov T.S.

Präventivmaßnahmen finanzieller und rechtlicher Art als Mechanismus zur Bekämpfung von Geldwäsche und Terrorismusfinanzierung 68

Volchetskaya T.S., Kozyreva I.E.

Kriminalistische und psychologische Merkmale der Persönlichkeit extremistischer Straftäter: theoretische und Nutzenanwendung 71

Grigoriev A.N., Kot E.A.

Zeitgenössischer Extremismus: Konzept, soziokulturelle Grundlagen und Entwicklungstrends 78

Isaenko V.N.

Ausgewählte Fragen zur Organisation der Untersuchung terroristischer Straftaten 86

Kramarenko V.P., Shabanov V.B.

Zur Rolle und Bedeutung spezieller kriminalistischer Theorien bei der Aufdeckung und Untersuchung von Extremismus und Terrorismus sowie bei der Vorbeugung von Ermittlungsfehlern 92

Kulikov A.V., Sheleg O.A.

Terrorakt: strafrechtliche und kriminalistische Merkmale 98

Kustov A.M., Makarova O.A.

Zur Struktur der speziellen kriminalistischen Methoden für die Untersuchung von extremistischen Straftaten 105

Makarova O.A., Kurkova N.A.

Kriminalistische Prävention von extremistischen Straftaten, die von Jugendlichen begangen werden 116

Osipova E.V., Avakyan M.V.

Kriminalistische Analyse von Schulschießereien in Russland und im Ausland 128

Pankina I.Yu.

Die Besonderheiten des ethnischen Extremismus in Russland 138

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

Ignatovich N.P.

Objektive und subjektive Kriterien für die Anerkennung einer strafrechtlich geringfügigen Handlung 142

Cyss Z.A.

Verleumdung im Strafrecht der Russischen Föderation 149

KAPITEL UNSERER BÜCHER

Kapitel aus dem Buch "Boris Nikolajewitsch Hirten. Porträt vor dem Hintergrund der Epochen" 157

NEKROLOG

Matskevich I.M.

In gedenken an Roman Vladimirovich Kuleshov 170

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 174

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 178

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN 203

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Zhilkin M.G.

Report of Professor Lopashenko N.A. "Komissarov: on the role of personality in the science of criminal law and the tasks of the doctrine at the present time"..... 7

Lopashenko N.A.

On the results of the survey of scientists in the field of criminal and penal enforcement law, criminology (in connection with the 70th anniversary of Professor V.S. Komissarov)..... 8

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Kulikova S.G.

Uryadnik – the chief policeman in the village: unknown pages of the creation and functioning of the Institute of police officers of the Russian Empire 1878–1917..... 12

CRIMINAL LAW

Dmitrenko A.P., Kadnikov N.G.

On the issue of recognizing cryptocurrency as a subject of bribery and other crimes of a property nature..... 18

Borkov V.N.

Delimitation of occupying the highest position in the criminal hierarchy (art. 2101 CC RF) from the leadership of the criminal community (p. 4 art. 210 CC RF)..... 24

Prikhodko N.Yu.

Legal regulation of countering transport crimes at transport and transport infrastructure facilities..... 31

Pshenichnov I.M.

Comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan in the field of crimes against the peace and security of mankind: problem statement..... 37

CRIMINOLOGY

Uglitskikh D.V.

Criminological aspects of energy security in the Russian Federation at the present stage..... 44

Degterev A.A.

Countering cybercrime: the need to take into account foreign experience 50

Brazhin Yu.Yu.

Study of indicators of service-economic crime in the field of implementation of the national project "Healthcare"..... 56

CONFERENCE

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM"

Volchetskaya T.S.

Scientific contribution of the Kaliningrad branch of the Union of criminologists and criminologists to the activities to counter extremism in Russia and abroad 65

Anisiforov T.S.

Preventive measures of a financial and legal nature as a mechanism for countering the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism..... 68

Volchetskaya T.S., Kozyreva I.E.

Forensic and psychological features of the personality of a criminal who commits crimes of an extremist orientation: theoretical and applied significance 71

Grigoriev A.N., Kot E.A.

Modern Extremism: Concept, Socio-Cultural Foundations and Development Trends..... 78

Isaenko V.N.

Individual issues of the organization of the investigation of terrorist crimes 86

Kramarenko V.P., Shabanov V.B.

On the role and significance of special forensic theories in the detection and investigation of extremism, terrorism and the prevention of investigative errors..... 92

Kulikov A.V., Sheleg O.A.

Terrorist act: features of criminal law and criminalistic characteristics 98

Kustov A.M., Makarova O.A.

To the question of the structure of the private forensic methodology for investigating extremist crimes 105

Makarova O.A., Kurkova N.A.

Criminalistic prevention of extremist crimes committed by minors 116

Osipova E.V., Avakyan M.V.

Forensic analysis of school shooting in Russia and abroad..... 128

Pankina I.Yu.

The specifics of ethnic extremism in Russia..... 138

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

Ignatovich N.P.

Objective and subjective criteria for recognizing an act as insignificant in criminal law..... 142

Cyss Z.A.

Slander in the criminal law of the Russian Federation..... 149

CHAPTERS OF OUR BOOKS

Chapters from the book "Pastukhov Boris Nikolaevich. Portrait against the backdrop of eras"..... 157

NECROLOGUE

Matskevich I.M.

In memory of Roman Vladimirovich Kuleshov 170

ABOUT THE AUTHORS 176

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 191

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"..... 203

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ДОКЛАД ПРОФЕССОРА ЛОПАШЕНКО Н.А. «КОМИССАРОВ: О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ЗАДАЧАХ ДОКТРИНЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ»

Жилкин Максим Геннадьевич

Юридическим факультетом Кыргызско-Российского Славянского университета и юридическим факультетом МГУ 28–29 марта 2023 г. проводилась международная конференция «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», посвященная 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова. Профессор Наталья Александровна Лопашенко выступила с докладом на тему «Комиссаров: о роли личности в науке уголовного права и задачах доктрины в настоящее время». Ее выступление основывалось на проведенном масштабном опросе российских и зарубежных ученых по разработанной автором небольшой анкете в рамках заявленной темы.

По результатам обработки полученного эмпирического материала был представлен блистательный доклад, вызвавший неподдельный интерес аудитории и получивший широкий отклик в научном сообществе. Сама постановка темы исследования — о значении роли личности в науке уголовного права и задачах доктрины в настоящее время в связи с конкретной личностью — отмечена учеными как чрезвычайно актуальная и безусловно важная для дальнейшего продвижения уголовно-правовой науки. Наталье Александровне удалось получить неформальный отклик на заданные вопросы, при этом опрашиваемые не ограничивались простым выбором из предложенных вариантов ответа, а давали развернутые отзывы, что позволило исследователю выявить общие настроения и обнажить «нерв» современной доктрины уголовного права.

Отмечено, что итоги анкетирования, с одной стороны, предоставляют возможность определить

основные тенденции развития уголовно-правовой науки, а с другой — констатировать отсутствие лидера (по крайней мере, формального), который смог бы взять на себя, подобно В.С. Комиссарову, нелегкую ношу организации ученых-криминологов под флагом модернизации уголовного права в современных условиях. Метко выразился в чате авторского телеграм-канала «Обсуждение, новости от Лопашенко» (<https://t.me/LopashenkoN>) профессор Ю.Е. Пудовочкин: «В такой ситуации особенно чувствуется нехватка координирующей силы и площадки для “стыкования” позиций. Нужен новый “комиссар” или “комиссарша”».

Проведенное профессором Н.А. Лопашенко исследование и представленный на его основе доклад не только дали ответы на многие вопросы, но и поставили новые, ранее не определяемые проблемы.

Наталья Александровна любезно предоставила нам текст своего научного сообщения об итогах проведенного ею анкетирования ученых, которое само по себе является уникальным научным событием, но при этом требует взвешенного осмысления и дополнительного анализа.

Надеемся, что публикация данного материала станет основой для продолжения научной дискуссии по сформулированным автором проблемам и откроет новые горизонты понимания стоящих сегодня перед криминологами задач развития уголовно-правовой науки. Размещаем его в рубрике «Колонка главного редактора».

*Жилкин Максим Геннадьевич,
главный редактор журнала «Союз
криминалистов и криминологов»*

ОБ ИТОГАХ АНКЕТИРОВАНИЯ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ (В СВЯЗИ С 70-ЛЕТИЕМ ПРОФЕССОРА В.С. КОМИССАРОВА)

Лопашенко Наталья Александровна

***Цель:** на примере личности доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии МГУ (2000–2017 гг.), внесшего безусловный вклад в организацию науки, проверить путем социологического исследования высококвалифицированной профессиональной аудитории, какими качествами должен обладать лидер в науке для того, чтобы эффективно влиять на доктрину и организацию науки, определить, какие задачи стоят сегодня, в наше сложное время, перед наукой уголовного права и криминологии.*

***Методология:** диалектический метод, социологический метод (анкетирование), анализ, синтез.*

***Выводы.** Основу личности в науке вообще и в организации науки в частности, в том числе в науках криминального цикла, составляет совокупность качеств, включающих в себя профессиональные, коммуникативные и личные качества. Личность ученого играет существеннейшую роль в науке, прежде всего в ее организации, в налаживании научных коммуникаций, в научном воспитании учеников и последователей, в формировании доктринального знания. Она же во многом определяет те главные задачи, которые стоят перед наукой.*

***Научная и практическая значимость.** Роль личности в науке уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии относится к малоисследованным темам, потому это исследование восполняет имеющуюся в доктрине брешь. Исследование имеет практическую значимость для молодых ученых, хотя и не только для них, поскольку показывает приоритеты формирования у себя отдельных научных качеств.*

***Ключевые слова:** личность в науке; уголовное право; криминология; качества личности; организация науки; влияние лидера науки на доктрину; задачи, стоящие перед наукой.*

29 марта 2023 г. доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой уголовного права и криминологии МГУ в 2000–2017 гг. В.С. Комиссарову исполнилось бы 70 лет, если бы не его кончина почти шесть лет назад. Владимир Сергеевич был заметной, знаковой фигурой в науке уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, занимаясь, помимо руководства кафедрой, еще и организацией всей науки посредством выстраивания коммуникаций между учеными. Всем известны научно-практические конференции, далее выросшие в Конгресс уголовного права, активно проводившиеся в первое и до середины второго десятилетия текущего века, организацией которых, а часто и инициатором выступал профессор Комиссаров.

Активно работало под его руководством в этот период республиканское учебно-методическое объединение (УМО) по уголовному праву и криминологии с крупными ежегодными выездными заседаниями. Были изданы при участии и под его редакцией коллективные научные работы (учебники, монографии). После кончины профессора Комиссарова многие из этих процессов замедлились, а то и вовсе сошли на нет (УМО).

Потому мне было отраднo узнать о проведении и принять участие в Международной конференции «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», посвященной 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова, организаторами которой выступили кафедра

уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и юридический факультет Кыргызско-Российского Славянского университета имени Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. Конференция проводилась 28–29 марта 2023 г. в Бишкеке в смешанном формате (полный вариант выступления размещенной в моем телеграмм-канале «Новости от Лопашенко» <https://t.me/NovostiLopashenko>).

Под свое выступление на этой конференции я провела масштабное анкетирование среди ученых уголовного и уголовно-исполнительного права и криминологии России и некоторых зарубежных государств, результатами которого и хочу далее поделиться.

Анкетирование проводилось в период с 10 по 27 марта 2023 г. Количество респондентов составило 168 ученых, при этом 99 из них (58,9%) — это доктор юридических наук и профессора в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. В анкетировании участвовали представители семи государств: Армении, Беларуси, Казахстана, Приднестровья (Молдова), России, Сербии и Словении. В числе российских регионов, где работают/живут респонденты, следует назвать Архангельск, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Краснодар, Красноярск, Курск, Махачкалу, Москву, Нижний Новгород, Новороссийск, Омск, Оренбург, Пензу, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Самару, Саранск, Саратов, Симферополь, Ставрополь, Тамбов, Тольятти, Томск,

Улан-Удэ, Уфу, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Черкесск, Ярославль. По сути, на анкету смогли ответить ученые из всех крупных научных и образовательных центров страны.

Анкета была составлена таким образом, чтобы от частных вопросов, посвященных В.С. Комиссарову, перейти к вопросам общим — о роли личности в науке и о задачах, стоящих перед наукой сегодня (соответственно, три вопроса о Владимире Сергеевиче и три вопроса, отталкиваясь от уже полученных данных о нем как о лидере уголовно-правовой науки).

Большинство из ответивших на вопрос № 1 — 103 человека (61,3%) — знали профессора Комиссарова лично как коллегу, учителя, наставника или товарища, друга. В двух других вариантах ответа на этот вопрос было заложено знание В.С. Комиссарова, личного характера не носящее. Так, 39 респондентов (23,2%) указали в качестве источника своих знаний знакомство с научными работами профессора В.С. Комиссарова, еще 35 (20,8%) — факт знания о том, что Владимир Сергеевич заведовал кафедрой МГУ и был организатором науки (здесь и далее совокупность ответов превышает обычно количество респондентов, поскольку многие выбрали сразу несколько их вариантов). Первый вопрос был проверочным отчасти, поскольку мог свидетельствовать о том, насколько информированы респонденты будут отвечать на два других вопроса, касающиеся профессора В.С. Комиссарова.

Второй вопрос анкеты касался того, каким образом опрошенные определяют главный вклад профессора В.С. Комиссаров в науку. Результаты таковы.

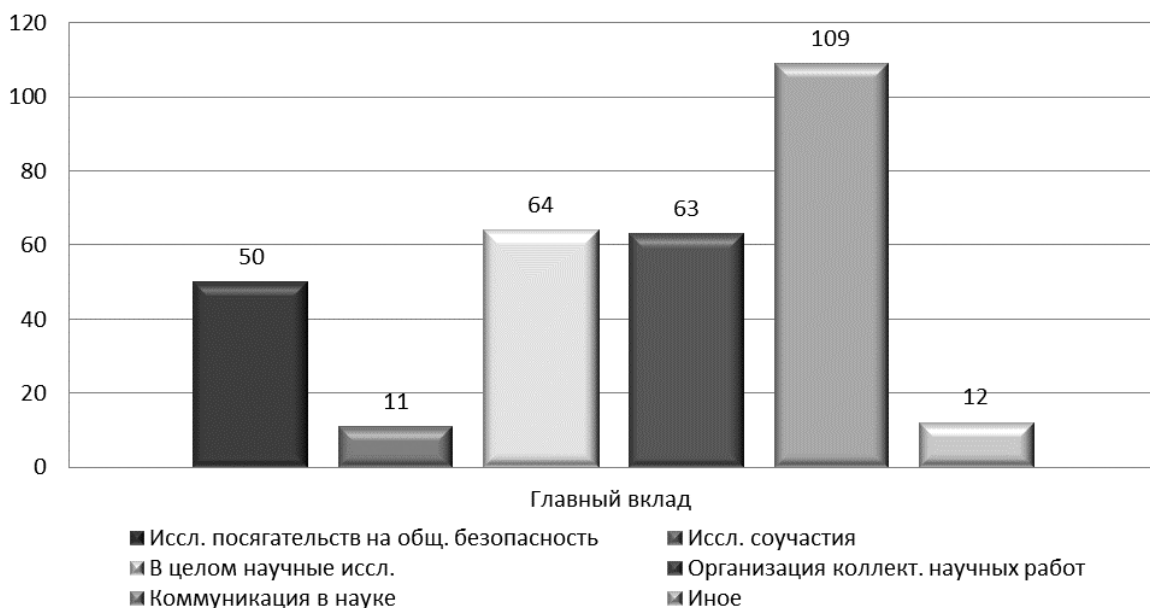

Диаграмма 1. Главный вклад В.С. Комиссарова в уголовно-правовую и криминологическую науку (итоги ответов на вопрос № 2)

Таким образом, главный вклад В.С. Комиссарова в науку респонденты чаще всего (109 человек — 64,9% от всех опрошенных, знавших его как лично, так и по другим критериям) связывают с организационной деятельностью в области коммуникации представителей уголовно-правовой и криминологической доктрины (проведение научных и научно-практических мероприятий); еще 63 человека (37,5%) — с организационной деятельностью в области написания коллективных научных работ (учебников, монографий и пр.); оба варианта — как раз об организации науки.

Второе место по количеству выбравших этот вариант ответа респондентов — 64 человека (38,1%) — занял ответ о научных исследованиях В.С. Комиссарова в целом. Соответственно, 50 опрошенных (29,8%) знают Владимира Сергеевича по его научным исследованиям в области посягательств на общественную безопасность (тема его докторской диссертации, защищенной в 1997 г.) и еще 11 (6,5%) — по его исследованиям проблем соучастия.

Для того чтобы получить представление о том, какие же именно качества личности лежат в основе того, что эта личность играет существенную роль в доктрине и, прежде другого, в ее организации, я задавала респондентам вопрос о наиболее, по их мнению, характерных его качествах. В анкетах были выделены более 110 различных позитивных человеческих и профессиональных качеств. На этот вопрос отвеча-

ли только те, кто знал Владимира Сергеевича лично.

Чаще других назвались:

- коммуникабельность / коммуникативность / общительность — 27 (26,2%);
- добродушие / доброжелательность / дружелюбие / приветливость — 26 (25,2%);
- открытость — 23 (22,3%);
- организаторский талант — 21 (20,4%);
- порядочность — 20 (19,4%);
- научная эрудированность / грамотность / компетентность / глубокие знания уголовного права / профессионализм — 18 (17,5%);
- простота в общении / без снобизма / отсутствие высокомерия, кичливости / демократичность — 16 (15,5%);
- доброта — 12 (11,7%);
- жизнерадостность / позитивность / оптимизм — 11 (10,7%);
- ответственность / научная ответственность / научная зрелость — 10 (9,7%).

Таким образом, основу личности в науке вообще и в организации науки в частности, в том числе в науках криминального цикла, составляет совокупность качеств, включающих в себя профессиональные, коммуникативные и личные качества.

Четвертый вопрос был посвящен выяснению, по мнению респондентов, конкретной роли личности ученого в организации науки, начиная от того, есть ли она вообще.

Никто из опрошенных в роли личности в науке не усомнился. Результаты таковы.

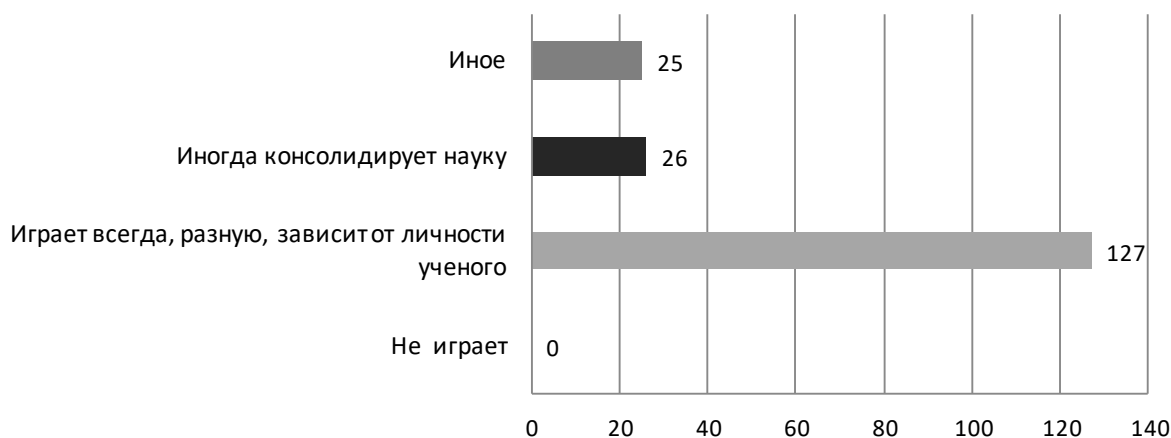

Диаграмма 2. Роль личности ученого в формировании научной доктрины, научных коммуникаций, научной позиции (взглядов) (итоги ответов на вопрос № 4)

Превалирует, и это очевидно, следующий ответ: личность играет в науке важную роль, но какую именно, определить в качестве одной характеристики нельзя — всегда разную, это зависит в том числе от личных качеств исследователя

(так ответили 75,6% респондентов). По мнению же 15,5%, личность ученого иногда консолидирует науку (при этом как в части поддержки, так и в части отвержения научной позиции (идеи и пр.) отдельного ученого); впрочем, 7 респондентов из

26 выбравших этот вариант ответа указали на еще один вариант.

В пятом вопросе анкеты я спрашивала об ученых, которые, по мнению респондентов, внесли наибольший вклад в организацию науки уголовного права и криминологии (в любой период ее развития). Были названы 180 имен разной государственной, временной и т. д. принадлежности. Чаще других звучали фамилии следующих ученых (в алфавитном порядке).

Таблица 1

Часто упоминаемые среди внесших наибольший вклад в организацию науки уголовного права и криминологии ученые

Антонян Юрий Миранович	28
Бабаев Михаил Матвеевич	15
Волженкин Борис Владимирович	32
Гаухман Лев Давидович	11
Гишинский Яков Ильич	13
Долгова Азалия Ивановна	53
Жалинский Альфред Эрнестович	17
Карпец Игорь Иванович	19
Ковалев Митрофан Иванович	10
Козаченко Иван Яковлевич	27
Комиссаров Владимир Сергеевич	54
Коробеев Александр Иванович	18
Кудрявцев Владимир Николаевич	62
Кузнецова Нинель Федоровна	67
Лопашенко Наталья Александровна	104
Лунеев Виктор Васильевич	19
Наумов Анатолий Валентинович	43
Пионтковские А.А. и А.А.	23
Рарог Алексей Иванович	67
Таганцев Николай Степанович	32
Трайнин Арон Наумович	12
Шаргородский Михаил Давидович	12
Яни Павел Сергеевич	28

Наконец, шестой вопрос касался главных задач, стоящих перед наукой уголовного права и криминологией сегодня, в наше сложное время (остатки пандемии, мировая напряженность, СВО, колебание основ международного права в силу противоположного его истолкования представителями разных государств и т. д.). Здесь наибольшее количество респондентов (56 человек — 33,3 %) выбрали вариант «решение по-новому вечных уголовно-правовых и криминологических проблем (например, проблемы понятия общественной опасности, преступления, целей наказания, проблемы понимания преступности, личности преступника, криминализации и т. д.)». Вторым по популярности был свободный ответ. 45 респондентов (26,8 %) представили свое видение того, какие задачи должны стоять на первом месте сейчас; например, часто здесь встречался ответ, связанный с необходимостью «усмирить» законодателя, включающего в уголовный закон все новые и новые составы преступлений. Указывали респонденты и на такую задачу в качестве главной перед наукой, как повышение качества научных исследований, в том числе за счет повышения их обоснованности.

Остальные ответы распределились следующим образом. Вариант «разработка концепции нового уголовного права, с учетом изменившихся реалий» выбрали 35 ответивших (20,8 %); вариант «сосредоточение на квалификационных проблемах, то есть полный уход в практикоориентированность и обслуживающую правоприменение роль» — 9 (5,4 %); вариант «в наше сложное время для науки уголовного права и криминологии ничего не изменилось, следует работать, как работали» — 25 (14,9 %); вариант «основные усилия науки сейчас должны быть направлены на помощь государству в тех аспектах, в которых наука уголовного права и криминологии компетентна» — 42 (25 %). Представляется, что ни один из предложенных мной ответов не противоречит другому, кроме ответа по уходу в полную практикоориентированность науки. Наука не может и не должна превращаться в «служанку» правоприменения, даже в самых благих целях.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УРЯДНИК – ГЛАВНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ НА СЕЛЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1878–1917 ГГ.

Куликова Светлана Геннадьевна

Цель: осветить неизвестные страницы создания и функционирования института полицейских урядников Российской империи 1878–1917 гг.

Методология: базируется на методах исторического анализа, а именно сравнительно-историческом и статистическом методах. При воссоздании просопографии полицейских урядников был апробирован метод ретроспективного анкетирования. Комплексное использование общенаучных и частнонаучных методов исторического исследования в сочетании с принципами объективности, системности и историзма позволило адекватно очертить границы исследования. Реализации принципа научной объективности способствовал критический отбор, анализ и сопоставление исторических источников. Принцип системности дал возможность исследовать институт полицейских урядников как характерный для своего времени исторический феномен. В свою очередь, принцип историзма помог реконструировать среднестатистический портрет урядника на фоне эпохи.

Выводы. Полицейский урядник был одним из прототипов современного института участковых уполномоченных полиции. Основным недостатком института полицейских урядников является слабое координирование их деятельности на уездном и губернском уровне, а также большой объем должностных полномочий, что при слабом контроле вышестоящих должностных лиц приводило к вседозволенности.

Научная и практическая значимость. Научная значимость материала состоит в том, что представленная в статье информация собрана из архивных источников, ряд из которых впервые введен в научный оборот. Практическая значимость объясняется необходимостью сохранения исторической памяти, касающейся истории становления и развития правоохранительных институтов.

Ключевые слова: полицейский урядник, школы полицейских урядников, вторая половина XIX в., начало XX в., Российская империя, полиция.

Законодательные изменения второй половины XIX в., связанные с проведением Великих реформ, привели к необходимости апробации новых форм контроля над жизнью общества. Четкое осознание того факта, что крестьянин становится лично свободным, равно как и понимание, что произойдет это не сиюминутно, а после периода временнообязанного положения, усиливало беспокойство властей предрезающих относительно стабильности

в русской деревне. Усилившаяся миграция крестьян в города, их отрыв от привычной культуры, начавшиеся процессы люмпенизации приводили к увеличению правонарушений, в основном пьянства и хулиганств, кроме того, в городе неокрепший крестьянский ум мог увлечься революционной идеологией. В сложившихся условиях власть принимает решение о создании полицейской должности, контролирующей порядок на селе.

Тем более в условиях постоянного роста канцелярской переписки чиновников простой сельский староста уже не мог качественно выполнять свои функции. Указом от 9 июня 1878 г. в каждом уездном стане вводилась должность ближайшего помощника станowego пристава — полицейского урядника. Сам термин «урядник» означает порядок, покой. Согласно инструкции 1878 г. урядники обязаны были «охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, власти, общественного порядка» [2, с. 159].

По общему правилу, число урядников на губернию определялось Министерством внутренних дел, по уездам урядников распределял губернатор, по станам — уездный исправник [1, с. 140]. В структуре полиции урядники занимали промежуточное положение: контролируя деятельность десятских и сотских, они подчинялись становому приставу. Следует отметить, что в структуре полиции Тверской губернии конца XIX в. урядники составляли лишь 0,9 % [7, с. 31]. При этом обслуживаемый участок состоял в среднем из трех волостей. Так, применительно к Тверской губернии в среднем на 1 стан приходилось 4 уряднических участка, причем количество жителей участка в среднем превышало 13 тысяч человек, а протяженность составляла в среднем 47 верст (от 22 в Ржевском уезде, до 72 в Осташковском) (*Тверские губернские ведомости. 1878. № 96. Л. 6, № 97. Л. 5*). При большой протяженности участка полицейский урядник не мог активно проводить розыскную деятельность при том, что отсутствовала координация взаимодействий на уездном и губернском уровнях.

В основном раскрытие преступлений проводилось благодаря знанию урядником населения своего участка, его территории. Статистика преступлений первых пореформенных десятилетий сохраняет в целом достаточно традиционную картину. Так, из 564 преступлений, совершенных в 1885 г. в Ярославском уезде, кражи и грабежи составляли 47 % (268 преступлений), оскорбления словами и действием — 6 % (31), нарушения тишины — 5 % (28), поджоги — 3 % (19), оскорбления словами и действием — 6 % (31), убийства — 0,3 % (2) (*Государственный архив Ярославской области. Ф. 912. Оп. 1. Л. 3*). Большая часть преступлений совершалась пришлыми из других уездов (*Государственный архив Ярославской области. Ф. 288. Оп. 1. Л. 5*).

Количество урядников было невелико. К примеру, на губернский город Ярославль в 1885 г. при-

ходило лишь 9 урядников [4, с. 38]. Нарастание нестабильности политической ситуации и постоянный рост численности преступлений привели к росту численности полицейских урядников. Показательны данные о динамике преступлений, дела о которых в 80–90-е гг. XIX в. прошли через окружные суды Ярославской губернии. Так, общее количество дел возросло на 66 % (с 943 в 1885 г. до 1424 дел в 1894 г.), в том числе дела о разбоях и грабежах: на 80 % (с 76 — в 1885 г., до 94 — в 1894 г.); о кражах — на 66 % (с 358 — в 1885 г., до 537 — в 1894 г.); об убийствах — на 43 % (с 34 в 1885 г. до 78 — в 1894 г.) [5, с. 95]. Если рост преступлений составил в среднем 66 % по Ярославской и Тверской областям, то численность полицейских урядников к началу XX в. увеличилась на 50 % [3, с. 87–96].

Для занятия должности урядник подавал прошение исправнику того уезда, где собирался служить. Прошение оплачивалось гербовыми марками. В случае положительного решения от кандидата требовалось предоставить документы об образовании и аттестат о военной службе. На начальных этапах кадры для службы в должности полицейского урядника набирались из отставных унтер-офицеров и рядовых. Лица, занимавшие эту должность, оставались в прежнем военном чине, и в документах можно, например, встретить такое словосочетание: полицейский урядник запасной ст. унтер-офицер Василий Николаевич Ласточкин (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 1. Д. 5995. С. 9–11*).

К началу XX в. большинство урядников имело за плечами народное, сельское или духовное училище. Так, по данным 1905 г., из 10 полицейских урядников Калязинского уезда Тверской губернии 2 человека окончили духовное училище, 4 — земское народное училище, 2 — сельское училище. С начала XX в. обязательным для занятия должности станет прохождение специальных курсов полицейских урядников. Кроме того, исправники начинают запрашивать местную полицию о политической и моральной благонадежности кандидата. В свою очередь, уездные исправники ежегодно подавали губернскому правлению данные «о поведении, нравственных качествах и служебной деятельности урядников». И если одни исправники подавали стандартные отписки, то по данным других вырисовывался облик типичного урядника, добросовестного служаки, удовлетворительного поведения, склонного к выпивке, но соответствующего условиям службы. Так, Корчевской уездный исправник (Тверская губерния), характеризуя урядника Адама Семеновича Васи-

левского, служащего с 1897 г., сообщает, что он «полицейский урядник по службе и поведению» (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 1. Д. 5995. Л. 12*).

Несмотря на достаточно низкое жалование, на должность полицейского урядника существовал резерв. Для многих занятие этой должности означало возвращение утраченной власти на селе. Институты вотчинной юстиции были ликвидированы в результате Великих буржуазных реформ, а стремление держать в узде крестьян осталось. Представляя в волостях исполнительную и отчасти судебную власть, урядник считался на подведомственном участке «хозяином». Крестьяне титуловали урядника «Ваше благородие», то есть как классный чин. Потому и многие представители ситятельных родов не чурались должности. Так, в Осташковском уезде Тверской губернии с 1879 г. урядником 12 участка служил князь В.И. Шаховской, а на 1 участке в 1880–1881 гг. эту должность занимал князь К.К. Вадбольский (*Государственный архив Тверской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10321. Л. 221*). В ряде случаев фиксируются попытки сохранить должность в пределах одной семьи. Так, в 1879 г. на место уволившегося для отбытия воинской повинности урядника 3 участка 1 стана Ржевского уезда Тверской губернии М.Д. Михайловского заступил его брат И.Д. Михайловский (*Государственный архив Тверской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10321. Л. 107 об.*). В 1885 г. урядник 6 участка Зубцовского уезда Тверской губернии П.И. Готлибов с разрешения исправника уступил свою должность И.П. Готлибову (*Государственный архив Тверской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10973. Л. 40*).

Но если для представителей привилегированного сословия небольшое жалование урядника не было проблемой, то для многих других представителей оно ею становилось. Сами служащие полиции отмечали ряд трудностей, связанных с финансированием их деятельности. Так, в одном из писем в журнал «Вестник полиции» некий полицейский урядник сообщал о нехватке средств, выделяемых на фураж для лошади, а также нехватке квартирных денег и отсутствии компенсации на канцелярские расходы (*Вестник полиции. 1908. № 15. С. 18*). Однако попытки найти иной источник дохода решительно пресекались. Так, на урядника 3 участка 1 стана Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Беляева был подан доклад, в котором сообщалось, что он имеет пекарню. Беляев в свое оправдание сообщил, что «лавку завел, ... чтобы можно было жить с семейством безбедно и не искать каких-либо посторонних

доходов» (*Государственный архив Тверской области. Ф. 816. Оп. 2. Д. 44. Л. 26*). Однако некоторых урядников низкие доходы толкали на путь коррупции. Неспроста на селе урядников прозвали «курятниками» – некоторые из них были падки на угощение и взятки самого мелкого разбора. Так, «они беспрестанно проверяли кабаки, лавочки, где их одаривали каждый раз, чтобы задобрить на будущее. На престольный праздник в селе урядника приглашали из одного двора в другой, с просьбой отведать угощения» [8]. Естественно, это подрывало престиж полицейской власти. Это объясняется большими властными полномочиями урядников при довольно слабом контроле за ними становых приставов. Судебный пристав Кашинского окружного суда Д.А. Скульский оценивал реальные «доходы» некоторых урядников в 5 тысяч рублей в год (*Государственный архив Тверской области. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 901. Л. 41*). Защитой от коррупции должна была служить частая ротация урядников с одного участка на другой. Перемещения в пределах одного уезда производились по распоряжению уездного исправника, исходя из интересов службы.

Архивные источники сохранили свидетельства и о проступках полицейских урядников. Чаще всего они наказывались выговором, штрафом либо удержанием части жалования. Хочется отметить, что в основном становые приставы защищали своих подчиненных. Лишь в исключительных случаях по жалобе следовало наказание полицейского, вплоть до его увольнения со службы. Так, полицейский урядник Восьегонского уезда Любавин, возвращаясь со стрельбы из Восьегогонска к месту службы, приехал в пьяном виде в дер. Демьяново, в дом своего брата Михаила, с которым еще выпили водки, а проснувшись утром, пытался изнасиловать няньку детей 13-летнюю Анну Люлькину. Восьегогонский уездный исправник Федоров доносил в Тверское губернское правление, что, хотя факт этот не подтверждается в виду отсутствия свидетелей, но «в показаниях Люлькиной чувствуется правда» (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 3. Д. 598. Л. 94*). Результатом разбирательства по данному факту стало увольнение урядника со службы.

Крайне редко дело доходило до суда. Так, в 1911 г. был обвинен в мошенничестве за растрату 42 руб. 39 коп. и приговорен к 1,5-годовому заключению земским начальником бывший урядник 24 участка Бежецкого уезда Адам Пиотровский. Прослужив в должности 4 месяца, он отметился незаконными сборами с крестьян и торговцев, присвоив и пропив собранные деньги. Не остановился

Адам Львович и после увольнения от службы, продолжая собирать сборы и налоги в пользу Бежецкого земства, не выдавая взамен никаких документов. Подвергнутый аресту при квартире станового пристава, он начал заваливать Тверское губернское правление жалобами на незаконность задержания, полностью отрицая свою вину, ссылаясь на то, что так поступают и в других уездах, и требуя выплаты жалования (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 3. Д. 519. Л. 5–34*).

Однако наиболее часто урядников наказывали за злоупотребления горячительными напитками. Так, в качестве любителя спиртных напитков прославился урядник 25 участка 4 стана Бежецкого уезда тверской губернии С.П. Петров (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 1. Д. 5995. Л. 12*). Помимо административных мер воздействия к наиболее рьяным пьяницам применялся арест на 7 суток. Если меры не помогали, то урядника увольняли со службы. Так, подвергся наказанию и увольнению от службы и полицейский урядник 14 участка Тверского уезда Гаврила Блинов, утерявший в пьяном виде в трактире на Сенной площади служебный револьвер с 21 боевым патроном (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 3. Д. 397. Л. 2*).

На полицейских урядников с 1887 г. распространялось право о награждении их медалями «За беспорочную службу в полиции» за безупречную службу в должности не менее 5 лет. Награда носилась на ленте ордена Св. Анны. Награждаемые этой медалью освобождались от уплаты денежного сбора. Прослужившие не менее 10 лет получали право носить медаль и после увольнения [6]. Другой распространенной наградой полицейских урядников была медаль «За усердие». Этой наградой отмечали за отличную службу в течение определенного срока.

С целью улучшения качества службы для полицейских урядников вводилась специальная система обучения — школа урядников. Первая школа по подготовке полицейских урядников была создана в 1880 г. в Перми. В 1913 г. МВД ввело единую программу для школ полицейских урядников [5, с. 92]. Обучение в них было бесплатным. Занятия проводились старшими чинами уездного полицейского управления, служащими губернских учреждений, представителями суда и прокуратуры. В Тверской школе урядников обучение занимало 2 месяца. За это время урядников обучали производству дознания, основам законодательства, русскому языку и умению составлять официальные документы. Проводились и практические занятия. По завершению курса

кандидаты на должность полицейских урядников сдавали экзамен. Введение школ подготовки было продиктовано необходимостью повышения образовательного уровня урядников. В профессиональной деятельности урядники должны были руководствоваться многочисленными законодательными актами, уставами и инструкциями МВД Российской империи, а также распоряжениями губернской власти. Подчас различные трактовки нормативных правовых актов приводили к столкновениям чинов полиции, причем иногда не в пользу урядников. Так, урядник А.В. Тихменов, беспорочно прослуживший 19 лет в означенной должности, был вынужден в 1899 г. подать в отставку из-за столкновения с земским начальником 5 участка Старицкого уезда Тверской губернии Ф.Н. Вельяшевым (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 3. Д. 174. Л. 158–160*). Успешное обучение на курсах не гарантировало трудоустройства. Так, в 1905 г. некий О.Т. Кормалев, успешно прошедший обучение, сетовал, что «не может подыскать место службы, так как вакансии уже заняты», причем многие из урядников не получили профессионального образования (*Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 3. Д. 344. Л. 145*).

Институт полицейских урядников был ликвидирован Временным правительством в марте 1917 г. и заменен волостной милицией. Многие из урядников пали жертвами «красного террора».

Классическая русская литература рисует в основном весьма одиозный портрет полицейского урядника. На страницах «Олеси» А.И. Куприна перед нами предстает образ «мерина» с «отвислой нижней губой и обиженной мордой», «занимающий своим чудовищным телом, облеченным в серую шинель щегольского офицерского сукна, оба сиденья» [9, с. 347]. Чем это отношение мыслящей общественности к институту полицейских урядников можно объяснить? Прежде всего, самим отношением русского общества к власти, невообразимо усилившейся в период консервативной стабилизации. Неограниченная власть самодержавия старалась держать русский народ в угнетении, покорности и темноте. Писатель-острослов В.А. Гиляровский в 1886 г. по случаю издания пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы» сочинил меткий экспромт: «В России две напасти: Внизу — власть тьмы, Вверху — тьма власти». Щедрин увековечил реакционный режим 80-х годов в образе «Торжествующей свиньи», которая «кобенится» перед Правдой и «чавкает» ее. В подобных условиях негативное отношение общества к институту полицейских урядников, являвшемуся органической

частью системы, вполне понятно. Между тем исторические источники свидетельствуют о том, что многие урядники, выполняя свой служебный долг, демонстрировали глубокую порядочность и верность Отечеству. Доказательством тому являются страницы рубрики «Самоотверженное исполнение долга» в журнале «Вестник полиции», выходившем в 1907–1917 гг. [10, с. 13].

Сегодня особенно актуально встает вопрос о формировании позитивного облика сотрудника правопорядка. В этой связи несомненный интерес приобретает портрет полицейского в разные исторические эпохи. Ведь история, по меткому изречению В.О. Ключевского, есть «зеркало из бытия и деятельности, завет предков потомкам».

Обычно люди не любят смотреть в «нормальное» зеркало исторического прошлого: оно отражает наши собственные врожденные пороки, проявляющее себя в болезнях настоящего. Но жить в королевстве лъстивых «кривых» зеркал — все равно что рассчитывать на долголетие, прибегая к снотворному. Изучение образа полицейского урядника на фоне эпохи без прикрас иллюстративно покажет людям, избравшим для себя нелегкий путь полицейского, все положительные и отрицательные черты профессии, будет способствовать восприятию исторически сложившихся, положительных образов служения Отечеству, воплощению их в каждодневную практическую деятельность сотрудника полиции!

Литература

1. Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 год. СПб., 1880. № 124. — 439 с.
2. Правящая Россия. Полный сборник сведений о правах и обязанностях административных учреждений и должностных лиц Российской империи (от Государственного Совета до сельского старосты). СПб.: Кн. склад Н.И. Игнатова, 1904. Ч. 1. — 355 с.
3. Адрес-календарь Тверской губернии 1900 г. Тверь: ТГУАК, 1908. — 148 с.
4. *Марасанова В.М.* Ярославский край в конце XIX — начале XX века. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 1995. — 67 с.
5. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. — 316 с.
6. *Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г.* Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. — 851 с.
7. *Любина Т.И., Смирнов С.Н.* Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX — начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика. М.: Юнити-Дана, 2008. — 320 с.
8. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. — 304 с.
9. *Куприн А.И.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Правда, 1971. Т. 2. — 495 с.
10. Из товарищеских бесед // Вестник полиции. 1908. № 13. С. 13.

References

1. Sbornik tsirkulyarov i instruktsii MVD za 1878 god [Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1878]. Sankt Petersburg, 1880, no. 124. 439 p. (In Russian)
2. Pravyashchaya Rossiya. Polnyi sbornik svedenii o pravakh i obyazannostyakh administrativnykh uchrezhdenii i dolzhnostnykh lits Rossiiskoi imperii (ot Gosudarstvennogo Soveta do sel'skogo starosty) [Ruling Russia. A Comprehensive Compendium of Information on the Rights and Duties of Administrative Institutions and Officials in the Russian Empire (from the State Council to the Village Elderly)]. Sankt Petersburg: Kn. sklad N.I. Ignatova Publ., 1904. P. 1. 355 p. (In Russian)
3. Adres-kalendar' Tverskoi gubernii 1900 g. [Address-calendar of Tver province 1900]. Tver': TGUAK Publ., 1908. 148 p. (In Russian)
4. *Marasanova V.M.* Yaroslavskii krai v kontse XIX — nachale KhKh veka [Yaroslavl region in the late 19th and early 20th centuries]. Yaroslavl': YarGU im. P.G. Demidova Publ., 1995. 67 s. (In Russian)
5. Politsiya i militsiya Rossii: stranitsy istorii [Russia's police and militia: pages of history]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 316 p. (In Russian)
6. *Grigor'ev B.N., Kolokolov B.G.* Povsednevnyaya zhizn' rossiiskikh zhandarmov [Daily life of Russian gendarmes]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 851 p. (In Russian)

7. *Lyubina T.I., Smirnov S.N.* Chinovnichestvo v sisteme mestnogo upravleniya Tverskoi gubernii v kontse XIX — nachale XX veka: pravovoi status i sotsiokul'turnaya kharakteristika [Officialdom in the system of local government of the Tver province in the late XIX — early XX century: legal status and socio-cultural characteristics]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2008. 320 p. (In Russian)

8. *Bezgin V.B.* Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala KhKh veka) [Peasant everyday life (traditions of the late XIX — early XX centuries)]. Moscow-Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta Publ., 2004. 304 p. (In Russian)

9. *Kuprin A.I.* Sobranie sochinenii v 9-ti tomakh [Collected works in 9 volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1971. V. 2. 495 p. (In Russian)

10. Iz tovarishcheskikh besed [From friendly conversations]. *Vestnik politsii [Police Bulletin]*, 1908, no. 13, p. 13. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ КРИПТОВАЛЮТЫ ПРЕДМЕТОМ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

Дмитренко Андрей Петрович,
Кадников Николай Григорьевич

***Цель:** проанализировать проблемы квалификации имущественных преступлений и взяточничества, совершаемых с использованием криптовалюты и информационно-коммуникационных технологий, и с учетом судебного толкования предложить рекомендации по их разрешению.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Учитывая современное судебное толкование, а также ряд законодательных новелл в сфере оборота имущества, можно констатировать, что криптовалюта или иные виртуальные активы могут и должны признаваться предметом имущественных преступлений, в том числе и коррупционной направленности (в частности, быть предметом получения и дачи взятки). Следует поддержать Пленум Верховного Суда РФ в стремлении разъяснить и уточнить предмет преступления в имущественных преступлениях, понимая под таким предметом наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, а также и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты). Тем не менее требуется более точное толкование при использовании вместо термина «виртуальные активы» — термина «криптовалюта», в том числе и применительно к имущественным преступлениям.*

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в необходимости решения проблем уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых с использованием криптовалюты, в целом и по имущественным преступлениям в частности. Последние решения в этой части Верховного Суда РФ позволят более точно осуществлять дифференциацию уголовной ответственности за имущественные и коррупционные преступления.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, имущественные преступления, предмет взяточничества, криптовалюта как предмет преступления.*

Современный мир характеризуется небывало стремительным внедрением в общественную жизнь достижений науки и техники. На смену глобальным индустриальным изменениям, произошедшим в обществе в первой половине XX века, пришла компьютерная революция, которая кардинально изменила практически все сферы жизнедеятельности человека. Компьютерные технологии стали неотъемлемой основой функционирования современного общества.

При этом развитие телекоммуникационных сетей привело к тому, что в ряде сфер, историче-

ски относившихся исключительно к компетенции государства, была нарушена его монополия, что обусловило возникновение новых общественно опасных явлений. Так, беспрецедентное развитие цифровых технологий способствовало появлению одноименной экономики, в которой для расчетов используются не традиционные деньги, а криптовалюты (цифровые деньги). Вошедшие в нашу повседневную жизнь такие явления, как блокчейн (blockchain) (блокчейн — это цепочка блоков; буквально так называемые блоки, в которых содержатся транзакции, собираются последовательно,

встают в цепь друг за другом. Образ цепи хорошо подходит, потому что как цепь соединяет свои звенья, так и части блокчейна связаны друг с другом) (*Блокчейн: что это на самом деле и как работает // [Электронный ресурс]: URL: <https://crypto-fox.ru/faq/blokchejn-cto-eto/> (дата обращения: 06.12.2022)*), майнинг (mining) (деятельность по созданию новых структур (обычно речь идет о новых блоках в блокчейне) для обеспечения функционирования криптовалютных платформ. За создание очередной структурной единицы обычно предусмотрено вознаграждение за счет новых (эмитированных) единиц криптовалюты и/или комиссионных сборов) (*Майнинг // [Электронный ресурс]: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Майнинг> (дата обращения: 06.12.2022)*), в очень широком смысле слова — деятельность по созданию криптовалют, в современных реалиях опасности для общества не представляет. Вполне (допустимо, что она может принести государству и обществу пользу. Например, Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко 22 декабря 2017 г. подписал декрет «О развитии цифровой экономики» (*О развитии цифровой экономики // [Электронный ресурс]: URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 06.12.2022)*), которым де-юре подтвердил имевшее место де-факто существование и оборот криптовалют. Соответственно, в Республике Беларусь создается система обмена криптовалютами, действующая для перехода на реальные деньги.

Однако игнорирование на уровне нормативного регулирования фактического существования в Российской Федерации цифровых валют привело к возникновению и распространению в средствах массовой информации мнения об отсутствии уголовной ответственности за совершение ряда имущественных преступлений и преступлений коррупционной направленности с использованием криптовалют, которые, вне всяких сомнений, являются общественно опасными.

Так, авторы одной из журналистских публикаций, ссылаясь на отсутствие обязанности чиновников отчитываться о владении криптовалютами в Методических рекомендациях по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2018 г. (за отчетный 2017 г.), подготовленных Министерством труда и социальной защиты. Они констатируют, что любой российский чиновник может безбоязненно владеть любой суммой в криптовалюте, потому что правительство официально разрешило ее не декларировать.

При этом приводят мнения комментаторов этого нормативного акта, утверждающих, что можно брать взятки в биткоинах и ничего за это не будет, обосновывая свое мнение тем, что в России криптовалюта официально не признана. Ее как бы нет. А значит, нет и взятки (*Лучший подарок чиновнику — биткоин // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.bfm.ru/news/374642> (дата обращения: 06.12.2022)*).

Менее категоричное мнение было высказано представителями прокуратуры и науки уголовного права. Так, на проходившем в прокуратуре Тульской области IV открытом антикоррупционном форуме прокурору области Александру Козлову был задан вопрос о возможности признания биткоина взяткой? На который им был дан отрицательный ответ с пояснениями, что биткоин — это нечто эфемерное, что нельзя пощупать руками, нельзя дать и взять, и что правового статуса криптовалюта не имеет. В законе о противодействии коррупции эта эфемерность никак не прописана. Также он сказал: «Взятку в криптовалюте как взятку идентифицировать мы не можем, максимум — как покушение, приготовление к даче взятки, потому что даем фикцию, вот секс-услуги, к примеру, являются взяткой, а биткоин — нет» (*Тульский прокурор Козлов: «Биткоин взяткой не является, а секс-услуги — да» // [Электронный ресурс]: URL: <https://news.sputnik.ru/internet/961b87acd> (дата обращения: 07.12.2022)*). Фактически такую же точку зрения высказала и Э.Л. Сидоренко (*Почему взятка криптовалютой не взятка и за что посадят майнера: в Екатеринбурге выступила главная по «крипте» в Госдуме // [Электронный ресурс]: URL: <https://newdaynews.ru/ekb/614026.html> (дата обращения: 14.05.2018)*).

Вместе с тем представляется, что процитированная позиция является дискуссионной, а обозначенная проблема, по крайней мере применительно к взяточничеству, выглядит несколько искусственно. Первопричиной ее возникновения является отнесение авторами диспозиций норм, предусматривающих ответственность за взяточничество, к категории бланкетных. В целом такой подход возражений не вызывает, но только в тех случаях, когда в нормативном материале, раскрывающем содержание признаков взяточничества, дается определение, не допускающее его расширительного толкования. В частности, следует согласиться с мнением о невозможности признания криптовалюты деньгами. Это обосновывается тем, что согласно ст. 140 ГК РФ (Деньги (валюта)) законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на

всей территории Российской Федерации, признан исключительно рубль, а в специально определенных законом случаях иностранная валюта. При этом положения п. 2 ч. 1 ст. 1 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» также не позволяют признать криптовалюту иностранной валютой, поскольку относят к таковой:

— денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки;

— средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.

Следовательно, понятие деньги, данное в нормативных актах Российской Федерации, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит, что предопределяет обоснованность вывода о недопустимости признания криптовалюты деньгами.

Однако такой предмет взятки, как услуга имущественного характера, не имеет нормативно закреплённого определения, оно сформулировано в науке уголовного права и в актах судебного толкования [1, с. 670]. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснил, что под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автомобиля, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами). Данное толкование позволило Е.А. Русскевичу сделать вывод, согласно которому при квалификации коррупционных преступлений, если подкупающее лицо регистрирует криптокошелек в пользу конкретного лица, а затем передает ему пароль от него или осуществляет транзакции криптовалюты между кошельками, содеянное следует оценивать как оказание услуг имущественного характера [2, с. 40]. В целом

данная позиция является вполне обоснованной. Следует также отметить, что она нашла свое нормативное закрепление в законодательстве Италии, налоговая служба которой в сентябре 2016 г. выпустила руководство для бизнеса по вопросам обложения НДС операций с биткоинами, согласно которому сделки с использованием биткоина квалифицированы как услуги, не облагаемые НДС (без права на налоговый вычет) (*Поликахин М.С. Правовой статус криптовалюты в Российском законодательстве // [Электронный ресурс]: URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/29/pravovoj_status_kriptovalyuty_v_rossijskom_zakonodatelstve (дата обращения: 04.12.2022)*).

Однако в указанной позиции акцент сделан на действие, выраженное в регистрации криптокошелька и передаче пароля от него, а не на криптовалюту как на вещь материального мира, созданную трудом человека и обладающую, пусть и не официальным, но все же существующим в объективной действительности эквивалентным выражением стоимости. Рассмотрение же криптовалюты через призму названных признаков позволяет поставить вопрос о возможности признания ее имуществом. Аргументы противников такого решения сводились к отсутствию нормативного акта, признающего этот факт. Тем более, что ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» не содержала ни нормативного определения иного имущества, ни исчерпывающего перечня такового. Соответственно, признание криптовалюты имуществом не противоречило действующему российскому законодательству.

В подтверждение данного вывода уместно привести аргументы, сформулированные в судебном решении, признавшем криптовалюту иным имуществом. В частности, Арбитражный суд г. Москвы отказал в удовлетворении ходатайства финансового управляющего о включении содержимого криптокошелька в конкурсную массу должника, аргументируя свое решение состоянием неурегулированности оборота криптовалюты в России (*Определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160*). Девятый арбитражный апелляционный суд, отменяя данное решение, указал следующее: в силу диспозитивности норм гражданского права в Гражданском Кодексе РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав. Поскольку действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутое в ст. 128 ГК РФ, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое

его толкование. По мнению суда апелляционной инстанции, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество (*Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017*).

Следует также отметить, что при вынесении этого постановления суд учел находящийся в стадии рассмотрения законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», который предусматривает введение понятия цифрового права (вместо термина «токен») в системе объектов гражданских прав (п. 1 ст. 128 ГК РФ). Итак, приведенные выше аргументы позволяют признать наиболее аргументированной позицию, согласно которой криптовалюта является иным имуществом, а следовательно, и предметом взяточничества.

Но судебная практика тем не менее была разнонаправленной, многие суды не признавали криптовалюту в качестве имущества.

Учитывая подобную практику, Верховный Суд РФ решил на принятие весьма серьезных положений, касающихся криптовалюты. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» было дополнительно революционными разъяснениями 26 февраля 2019 г. Согласно п. 1 под денежными средствами, которые являются предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, следует понимать наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, под иным имуществом — движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документальные и бездокументальные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления (например, объект недвижимости, построенный из стройматериалов, приобретенных преступным путем). Более того, Пленум указал, что, исходя из положений ст. 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ, предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, могут

выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления. Можно ли в связи с этим говорить о том, что криптовалюта является предметом взяточничества? Аналогия в уголовном праве запрещена (согласно ст. 3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии не допускается), но в данном случае отсутствует аналогия уголовного закона. Мы имеем лишь судебное толкование о предмете легализации имущества, полученного преступным путем. Это означает, что если криптовалюта признается имуществом или денежным средством, то она может быть получена преступным путем, в том числе и путем взяточничества или коммерческого подкупа. Тем не менее и при таком судебном толковании продолжались научные дискуссии по поводу имущественного характера криптовалюты.

Наконец, законодательные и научные дискуссии обрели форму закона: вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым к объектам гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) относятся вещи (включая наличные деньги и документальные ценные бумаги); иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументальные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Таким образом, цифровые права приравнены к иному имуществу (хотя есть и в этой формулировке спорные моменты). Складывается мнение, что законодатель, признавая в целом виртуальные активы, не решился использовать термин «криптовалюта», а ограничился лишь общим указанием о цифровых правах (тем самым внося некоторую путаницу в понимание данного вида имущества).

Еще более путанно законодатель разъяснил понятие «цифровые права» в ст. 141.1 (Цифровые права), введенной в ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Согласно данной статье цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых

определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Таким образом, законодателем сделаны, на наш взгляд, лишь осторожные шаги в сторону признания криптовалюты имуществом.

Но, учитывая судебное толкование и даже такие законодательные решения, можно с уверенностью сказать, что криптовалюта или иные виртуальные активы могут и должны признаваться предметом взяточничества. В качестве примера можно привести уголовное дело, рассмотренное Вторым Западным окружным военным судом, который 26 февраля 2021 г. вынес приговор по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере) сотруднику 7-го отдела Следственного управления ФСБ РФ С. Б. и его бывшему подчиненному А. К., вымогавшим 1 млн долларов в биткоинах у экс-гендиректора ФГУП «Издательство «Известия» Э. Г. По приговору суда С. Б. получил девять лет лишения свободы в колонии строгого режима, А. К. — 12 лет также в колонии строгого режима (*Суд вынес приговор следователю ФСБ и его экс-подчиненному, вымогавшим \$1 млн биткоинами // [Электронный ресурс]: URL: <https://news.rambler.ru/crime/45898152/> (дата обращения: 14.02.2021)*). Как видно из приговора, криптовалюта рассматривалась как предмет взяточничества.

Судебная практика ставит и другие вопросы относительно криптовалюты. Например, можно ли говорить о криптовалюте как о предмете хищений или иных преступлений против собственности. Это важно, так как судебная практика неоднозначна. Например, 16 июля 2018 г. Свердловским районным судом г. Костромы был вынесен приговор в отношении трех обвиняемых по уголовному делу, возбужденному по ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность). Обвиняемые организовали обменник криптовалюты и титульных знаков, который успешно функционировал с 2013 по 2015 г. (*приговор № 1-416/2017 1-9/2018 от 16 июля 2018 г. по делу № 1-416/2017*). Однако Петроградский районный суд, рассмотрев в июне 2020 г. уголовное дело № 1-95/2020 о вымогательстве наличных денежных средств и криптовалюты, исключил из обвинения факты вымогательства криптовалюты и взыскал в пользу потерпевшего только денежные средства, утраченные им в на-

личной форме. По мнению суда, криптовалюта не является предметом преступления против собственности. Следует оговориться, что разные судебные инстанции неодинаково относятся к криптовалюте (по данному делу решение выносилось и апелляционной инстанцией — приговор первой инстанции оставлен в силе, и кассационной инстанцией — приговор отменен и частично криптовалюта признана предметом) (*Крицына А. Криптовалюта как предмет преступления. Проблемы уголовно-правовой защиты прав собственности на криптовалюту // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.eg-online.ru/article/450687/>; От признания до отрицания: как суды решают дела с криптовалютой // [Электронный ресурс]: URL: <https://pravo.ru/story/239374/> (дата обращения: 12.08.2022)*).

Более современное судебное толкование, на наш взгляд, поставило в целом жирную точку в этой дискуссии. Виртуальные активы (криптовалюта), по разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, могут приобретаться преступным путем, что означает возможность признания их предметом отдельных форм хищений и иных преступлений против собственности. Представляется, что такое уточнение следовало бы внести в указанное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

В случае, когда имущественные преступления либо деяния коррупционной направленности, где предметом выступают электронные деньги или криптовалюта, совершаются с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, действия виновных следует оценивать в соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет». Например, имущественные преступления, совершаемые посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требуют дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274¹ УК РФ.

Литература

1. Уголовное право России: учебник: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. проф. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2018. — 833 с.
2. Русскевич Е.А. Новые нормы УК об «электронном» мошенничестве и коррупционных преступлениях // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 26–33.

References

1. Uголовное право Rossii: uchebnik v 2 t. T. 2: Osobennaya chast' [Criminal law of Russia: a textbook in 2 volumes. Vol. 2: Special part]. Ed. prof. N.G. Kadnikov. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2018. 833 p. (In Russian)
2. Russkevich E.A. Novye normy UK ob «elektronnom» moshennichestve i korruptsionnykh prestupleniyakh [New norms of the Criminal Code on “electronic” fraud and corruption crimes]. *Ugolovnyi protsess [Criminal process]*, 2018, no. 7, pp. 26–33. (In Russian, abstract in English)

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (СТ. 210¹ УК РФ) ОТ РУКОВОДСТВА ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ (Ч. 4 СТ. 210 УК РФ)

Борков Виктор Николаевич

Цель: разработка критериев отграничения занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) от руководства преступным сообществом, совершенного лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

Методология: для достижения поставленной цели использовались диалектический метод, нормативный и социологический подходы, позволяющие оценить социальную обусловленность правовых явлений. Применены метод системного анализа и формально-юридический метод.

Выводы. Установление наличия в действиях лица состава занятия высшего положения в преступной иерархии не должно подменяться констатацией осуществляемого субъектом руководства преступным сообществом. В статье с учетом складывающейся судебной практики и позиций ученых сформулированы аргументированные выводы по двум аспектам заявленной проблемы. Решается вопрос о квалификации по совокупности ст. 210¹ УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ действий лица, руководящего преступным сообществом и занимающего при этом высшее положение в преступной иерархии. А также исследуется возможность вменения виновному ст. 210¹ УК РФ в случае, когда «вор в законе» не руководит преступным сообществом, не делит сферы влияния и криминальные доходы. Решение указанных проблем основывается на понимании занятия высшего положения в преступной иерархии как длящегося преступления и представлении о том, что ст. 210¹ УК РФ и норма, предусматривающая совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 11 ст. 210 УК РФ лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ), не соотносятся как часть и целое.

Научная и практическая значимость. В статье показана специфика нормы, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ), явившаяся причиной дискуссии о ее содержании в теории и судебной практике. Автором сформирована аргументированная позиция о соотношении преступлений, предусмотренных ст. 210¹ УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии, руководство преступным сообществом, вор в законе, длящееся преступление, конкуренция уголовно-правовых норм, часть и целое.

Уголовный закон предусматривает ответственность за организацию и руководство преступным сообществом лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ), а также за само занятие такого положения (ст. 210¹ УК РФ). Избранный законодателем способ ужесточения репрессии в отношении «генералов» преступного мира требует комментария от-

носительно соотношения составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210¹ УК РФ. В первом приближении к проблеме возникают два вопроса. При установлении признаков руководства преступным сообществом лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, достаточно ли действия специального субъекта квалифицировать только по ч. 4 ст. 210

УК РФ, или требуется квалификация по совокупности со ст. 210¹ УК РФ? Второй вопрос о возможности вменения виновному только ст. 210¹ УК РФ, то есть о вероятности ситуации, когда «вор в законе» не руководит преступным сообществом, не делит сферы влияния и криминальные доходы и т. д. Данные вопросы возникли в связи с обращением к практике применения нормы, запрещающей занятие высшего положения в преступной иерархии.

При признании лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, «о его авторитете и лидерстве», – разъяснил Верховный Суд РФ, – свидетельствуют создание и руководство преступным сообществом, координация его действий, создание устойчивых связей, раздел сфер влияния и преступных доходов» (*п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»*). Вместе с тем судебная практика свидетельствует о недопустимости установления признаков преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, путем указания на его роль в организации и руководстве криминалитетом. Тверской областной суд вернул уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в занятии высшего положения в преступной иерархии, прокурору «...по тем основаниям, что в обвинительном заключении при описании преступного деяния, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, следователь фактически описал объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ...» (*Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2021 г. по делу № 77-866/2021*).

Практика, когда факт занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) доказывается деятельностью обвиняемого, содержащей признаки ст. 210 УК РФ, является достаточно распространенной. Так, в числе доказательств по одному из дел были использованы показания оперативных сотрудников, согласно которым «проходила информация о том, что лица, совершающие нападения, заезжают к “вору в законе” О., который распределяет территории совершения нападений... принимает участие в судьбе различных преступных элементов, оказывает непосредственное влияние на людей, находившихся в местах лишения свободы, назначал “смотрящих”, ведет движение “черный ход”, то есть людей, которые не подчиняются администрации тюрьмы, получает

денежные средства из так называемого “общака”» (*Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 24 января 2022 г. № 55-47/2022*). Но была информация и о том, что «...в августе 1999 г. Окунев неоднократно организовывал и принимал участие в «воровских сходках», проходивших в городах Энгельс, Туапсе, Сочи... После помещения в СИЗО-5 Каширы... придерживается воровской традиции, имея вышеуказанный статус, решал споры между заключенными, вел пропаганду среди лиц, впервые поступивших в СИЗО, координировал жизнедеятельность других лиц, содержащихся в изоляторе, через доверенных лиц путем выкриков».

«Если применение ч. 4 ст. 210 УК РФ, – пишут А.В. Бриллиантов и А.В. Щербаков, – преследует цель выбить криминального авторитета из цепочки принятия управленческих и организационных решений при осуществлении преступной деятельности в условиях организованной преступной группировки или преступного сообщества, то в новой норме ответственность, как представляется, следует исключительно за сам факт наличия статуса криминального авторитета» [1, с. 93]. Следует согласиться с указанными авторами в том, что ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ предусматривают ответственность за разные преступления. Первое состоит в создании и руководстве преступным сообществом, второе – в обладании статусом «вора в законе». Суд обосновано оставил без удовлетворения апелляционную жалобу адвоката лица, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, в которой защитник обращал внимание на то, что «нет доказательств, которые бы подтверждали занимаемое Б. положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия Бенидзе по руководству преступным сообществом либо по координации преступных действий членов преступной организации...» (*Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 24 января 2022 г. по делу № 55-3/2022*). Согласно позиции адвоката, Бенидзе не мог быть признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, если он не руководил преступным сообществом. Как было показано выше, такое понимание содержания ст. 210¹ УК РФ не основано на законе.

Судом первой инстанции был оправдан Н., обвиняемый в занятии высшего положения в преступной иерархии. Передавая дело оправданного Н. на новое судебное разбирательство для рассмотрения иным составом суда, апелляционная инстанция указала, «...что Найбауэр, являясь

лидером в преступной иерархии, совершил какие-либо преступления, а также не установлено наличие конкретного преступного сообщества, которое создал или в котором состоял Найбауэр» (*Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 20 января 2022 г. по делу № 55-9/2022*). Признание признаками состава занятия высшего положения в преступной иерархии, создания субъектом преступного сообщества или руководства им повлекло бы за собой необходимость доказывания при вменении ст. 210¹ УК РФ факта существования такого сообщества и осуществления уголовного преследования его членов. При подобном понимании действия виновного наряду со ст. 210¹ УК РФ обязательно следовало бы квалифицировать по совокупности с ч. 4 ст. 210 УК РФ.

«В отличие от ст. 210 УК РФ, — правильно разъяснил Четвертый апелляционный суд применительно к занятию высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ), — в данном составе преступления необязательно устанавливать принадлежность к конкретному преступному сообществу (преступной организации)» (*Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25 августа 2021 г. по делу № 55-630/2021*). Поэтому сложно согласиться с Т.В. Стукаловой, которая предлагает дополнить ст. 210¹ УК РФ примечанием, в котором дать определение субъекту соответствующего посягательства, указав в числе прочего, что это лицо «...которое в любой форме осуществляет управление преступной группой и (или) преступным сообществом (преступной организацией) и (или) организует ее (его) деятельность...» [2, с. 95]. В.С. Кармановский и Е.В. Касьяненко обращают внимание на то, что следователю затруднительно доказать факт существования преступного сообщества, легче путем допроса свидетелей и установления досудебного соглашения установить занятие лицом высшего положения в преступной иерархии [3, с. 150].

«Из диспозиции ст. 210¹ УК РФ следует, — правильно разъясняется в определении Второго кассационного суда, — что данная норма уголовного закона преступным признает сам факт занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии и не требует от лица соучастия в любой форме в каком-либо ином преступлении, совершения действий по организации, планированию, руководству преступной деятельностью, как не содержит иных обязательных условий для предъявления обвинения по ст. 210¹ УК РФ» (*Кассационное определение Второго кассационно-*

го суда общей юрисдикции от 1 апреля 2021 г. по делу № 77-866/2021). В другом случае «...суд верно учел, что вопреки доводам защиты установление конкретных фактов и обстоятельств создания или руководства тем или иным лицом преступными группами, фактов координации их действий и создания связей между ними, фактов разработки планов совершения преступлений, а также раздела сфер преступного влияния и преступных доходов, необходимо для квалификации действий лица по ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая Д. не инкриминируется» (*Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 22 ноября 2021 г. № 55-1604/2021*).

По одному из уголовных дел в качестве доказательства высшего положения субъекта в преступной иерархии, его авторитета среди лиц криминальной направленности послужило назначение обвиняемым вместе с другим лицом по согласованию с руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, «смотрящего» за исправительным учреждением якобы для «противодействия распространению наркотиков». Адвокат настаивал, «...что назначение “смотрящим”... по прозвищу “Тамач” проходило согласованно с заместителем начальника ОБОП УУР МВД по... и при этом целью этих действий было противодействие распространению наркотиков, что является противодействием преступной деятельности и не может рассматриваться как реализация полномочий лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, поскольку сами задачи этого назначения не имеют противоправной или преступной направленности, что полностью исключает состав преступления в действиях ФИО1, даже с точки зрения предполагаемого наличия у него статуса “вора в законе”, который не может содействовать правоохранительным органам в решении задач ОРД» (*Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 17 декабря 2021 г. по делу № 55-695/2021*). Апелляционная инстанция не изменила решения суда относительно признания ФИО1 виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. Данный пример также свидетельствует о разграничении судами пребывания субъекта в особом криминальном статусе и осуществляемой в связи с этим статусом преступной деятельностью.

Неверно связывать объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, только с «...приобретением в процессе инициации статусными лидерами, лицами, занимающими главенствующее (высшее) положение в крими-

нальной среде (преступной иерархии), наивысшего положения в преступном мире с присвоением статуса «вор в законе» [4, с. 51]. «Занятие высшего положения в преступной иерархии допустимо рассматривать как длящееся преступление, объективная сторона которого начинается с инициации, «коронации» субъекта, а оканчивается прекращением осуществления им «воровских» функций...» [5, с. 15] после лишения такого статуса на «воровской сходке», либо в случае смерти виновного. Один из свидетелей, допрошенных по исследуемой категории дел, сообщил, что «...существует не только принудительная система лишения этого статуса (на так называемой «сходке» другими лидерами преступной среды), но и возможность по своему желанию, то есть добровольно отойти от исполнения обязанностей так называемого «вора в законе» (перейти в категорию так называемых «отказников» и т. д.)» (*Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 22 ноября 2021 г. № 55-1604/2021*).

Сложно безоговорочно согласиться с тем, что комментируемое преступление «...совершается исключительно с прямым конкретизированным умыслом, а именно — достичь высшего положения в преступной иерархии, чтобы оно было неформально подтверждено иными преступными группами» [6, с. 59]. Субъект преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, уже достиг «высшего положения в преступной иерархии» и пребывает в нем. Например, Саратовский областной суд «...пришел к обоснованному выводу, что Асатряню совершено длящееся преступление, а именно занятие высшего положения в преступной иерархии («вор в законе»), под которым уголовный закон понимает преступное деяние, характеризующееся непрерывным продолжающимся осуществлением состава, в частности первоначальным актом действия или бездействия и затем длящемся во времени» (*Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2021 г. по делу № 55-614/2021*). По мнению К.В. Ображиева, «...конструкция длящегося преступного состояния, заложенная в ст. 210¹ УК РФ, позволяет многократно привлекать обладателя соответствующего статуса к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ, причем не только после отбытия назначенного наказания, но и в процессе его исполнения (по правилам совокупности приговоров), ведь после осуждения по ст. 210¹ УК РФ лицо не прекращает занимать высшее положение в преступной иерархии» [7, с. 446].

«Преступный результат деяния, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, — пишет С.В. Кондратюк, —

определен как негативное воздействие на общественное сознание. Соответственно, действия соучастников, сознательно и целенаправленно распространяющих информацию о результатах воровской сходки, на которой осуществлялось присвоение лицу высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе), также следует квалифицировать как соисполнительство в преступлении, предусмотренном ст. 210 УК РФ» [8, с. 28]. Опасность, исходящая от «вора в законе», не является только информационной, его криминальный авторитет создает постоянную угрозу причинения вреда правоохраняемым общественным отношениям. Интересна идея С.В. Кондратюка о необходимом соучастии в занятии высшего положения в преступной иерархии. Но вряд ли в данном случае следует говорить о соисполнительстве. Допустимой выглядит гипотеза о пособничестве, создании условий для последующего длящегося посягательства со стороны лиц, непосредственно участвующих в присвоении виновному высшего преступного статуса.

Заметим, что преступление, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ, в отличие от других длящихся посягательств, не может быть фактически прекращено сотрудниками правоохранительных органов вследствие привлечения виновного к уголовной ответственности. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, и в местах лишения свободы продолжают пребывать в таком статусе. «Из показаний свидетеля... начальника отдела по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности УУР УМВД России по Белгородской области следует, что Абасов... в преступном мире имеет статус так называемого «вора в законе», который приобрел не позднее 1991 г. в Грузинской ССР при непосредственном участии «вора в законе» ФИО49... и поддержке ФИО50... Абасов был задержан в 2020 г. сотрудниками погранслужбы при попытке пересечения границы РФ, при этом сообщил, что имеет статус «вора в законе»...

О занятии А.С. высшего положения в преступной иерархии, в том числе после 12 апреля 2019 г., свидетельствует также наличие записки, изъятой... сотрудниками ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Белгородской области, в которой находящемуся в следственном изоляторе лидеру уголовно-преступной среды Белгородской области ФИО56 сообщается о нахождении в изоляторе «вора в законе» А.С., то есть лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, воле, указаниям и распоряжениям которого, в соответствии с обычаями и правилами криминальной субкультуры

туры, все лица уголовно-криминальной направленности, имеющие более низкие криминальные статусы, обязаны подчиняться; нахождение Абасова на профилактических учетах в ФСИН России как лидера уголовно-преступной среды — «вора в законе», активного участника группировок отрицательной направленности, а также как лица, оказывающего негативное влияние на других подозреваемых и осужденных; нахождение А.С., имеющего криминальный статус «вор в законе», на оперативном учете в подразделениях МВД России и Интерпола...» (*Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 января 2022 г. № 55-9/2022*).

В приведенном примере обосновывается именно занятие Абасовым высшего положения в преступной иерархии. Хотя сам Абасов в показаниях обращал внимание на относительность статусов лидеров преступной среды и заявлял, что не знает о том, что его положение является высшим среди других «лидеров криминальной направленности». Вместе с тем судом приведены доказательства, что и, находясь под стражей, Абасов продолжал занимать высшее положение в преступной иерархии и так воспринимался окружающими.

С точки зрения И.В. Пинкина и И.А. Тараконова, при «определении субъекта» преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, необходимо устанавливать: мнение субъекта относительно своего статуса; мнение лиц, входящих в преступную организацию, относительно положения в ней данного лица; обладание им «полномочий» распорядительного характера в отношении членов данной преступной группы или иных лиц, придерживающихся «воровских понятий»; мнение иных лиц, обладающих высшим положением в преступной иерархии, относительно положения данного субъекта [9, с. 506]. В целом верные приведенные критерии подчеркивают сложность проблемы определения пределов содержания признаков преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. Но обвиняемый и осведомленные о его статусе представители криминалитета вряд ли будут готовы подтвердить следствию занимаемое высокое положение в преступной иерархии, утвердительные показания могут дать только оперативные сотрудники. Об этом свидетельствует и изученная судебная практика.

«Получается, что для понимания преступности деяния все равно требуется определение объема полномочий вора в законе по координации и управлению деятельностью воровского сообщества. В УК РФ такого указания не содержится, и при комплексном рассмотрении ст. 210 и 210¹

обязательства на доказывание активной роли лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в деятельности преступного сообщества, не усматривается» [1, с. 94]. Учитывая, что доктринально состав преступления — это система признаков, где субъективные признаки соответствуют объективным и наоборот, о криминальном статусе субъекта следовало бы судить по его делам. Но при этом важно, обвиняя лицо в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, не подменить аргументацию наличия соответствующего состава фактическим указанием на осуществляемое субъектом руководство преступной организацией (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

Изложенное свидетельствует о формирующейся практике разграничения организации и руководства преступным сообществом лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ) и, собственно, занятия такого положения (ст. 210¹ УК РФ). Суды не связывают наличие состава занятия высшего положения в преступной иерархии с необходимостью установления руководства субъекта преступными сообществом, распределением сфер влияния и преступных доходов. Не требуется доказывания факта существования самой такой «иерархии» и подтверждения того, что подсудимый занимает в ней самое высокое положение. Подобный подход позволяет вменять лицам, находящимся в статусе «вора в законе», ст. 210¹ УК РФ без необходимости доказывания наличия в их действиях признаков ст. 210 УК РФ. Вместе с тем, если будет установлено, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, совершило посягательство, предусмотренное ч. 4 ст. 210 УК РФ, его деяния должны быть квалифицированы по совокупности преступлений.

Ранее подобный подход к исследуемой проблеме квалификации высказывали В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков, но делали оговорку, что только ст. 210¹ УК РФ вменяется обладающему соответствующим статусом лицу, которое «...имеет возможность совершать действия, предусмотренные в ч. 1 и ч. 11 ст. 210 УК РФ, но не совершает их...» [10, с. 18]. Действительно, сама по себе возможность руководства или участия в руководстве преступным сообществом свидетельствуют о криминальном авторитете субъекта и положении в преступной иерархии, но полагаем, данный признак применительно к ст. 210¹ УК РФ является избыточным. Судебная практика свидетельствует о многовекторности угроз, исходящих от «вора в законе». К таковым относятся,

например, пропаганда криминальной идеологии, воспроизводство «криминальной элиты», дискредитация государственной власти, коррумпирование сотрудников правоохранительных органов и других чиновников, дестабилизация обстановки в местах содержания под стражей и лишения свободы и т. д.

Важным является замечание В.Н. Бурлакова и В.Ф. Щепелькова относительно «нарушения принципа справедливости» при двойном вменении виновному ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210¹ УК РФ [10, с. 18]. «Фактически состав преступления ч. 4 ст. 210, – пишет К.А. Зарубина, – поглощает состав ст. 210¹ УК РФ...» [11, с. 46]. «Как указывал Конституционный Суд РФ... уголовным законом должна быть исключена возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть...» (*Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2021 г. № 2127-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волокитина Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской*

Федерации»). Представление о соотношении норм, предусматривающих ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 11 ст. 210 УК РФ лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ), и за само занятие такого положения (ст. 210¹ УК РФ), как целого и части было бы неточным. Посягательство, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ, темпорально выходит за границы состава руководства преступным сообществом лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Чего, например, не происходит при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшему от разбоя. В последнем случае преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ, остается в пределах объективной стороны состава, описанного в п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Высшее же положение в преступной иерархии субъект может занимать и в то время, когда он не руководит преступным сообществом. Как было показано выше, само по себе обладание криминальным статусом и использование своего авторитета при осуществлении руководства преступным сообществом – это разные посягательства. Первое из них (ст. 210¹ УК РФ) периодически «создает фон» выполнения объективной стороны второго (ч. 4 ст. 210 УК РФ), но, являясь по характеру длящимся и осуществляемым непрерывно, не теряет самостоятельного уголовно-правового значения.

Литература

1. *Бриллиантов А.В., Щербakov А.Д.* Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.
2. *Стукalова Т.В.* Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1–4 (103). С. 93–97.
3. *Кармановский М.С., Косьяненко Е.В.* Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210¹ УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 147–152.
4. *Кондратюк С.В.* Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8. С. 49–53.
5. *Борков В.Н.* Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11–16.
6. *Кашин М.С., Пантелеев Д.В., Пантелеев В.А.* Некоторые вопросы применения статьи 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1 (62). С. 57–61.
7. *Образиев К.В.* Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 442–455.
8. *Кондратюк С.В.* Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24–30.
9. *Пикин И.В., Тараканов И.А.* Занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности уголовно-правовой квалификации // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 500–509.

10. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // Криминалист. 2020. № 2. С. 14–19.
11. Зарубина К.А. Трудности применения ст. 2101 УК РФ на практике // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2. С. 43–50.

References

1. Brilliantov A.V., Shcherbakov A.D. Teoriya opasnogo sostoyaniya lichnosti: shag vpered ili dva nazad? [The theory of a dangerous state of personality: a step forward or two steps back?]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2020, no. 10, pp. 90–99. (In Russian, abstract in English)
2. Stukalova T.V. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii: problemy kvalifikatsii i dokazyvaniya [Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: problems of qualification and proof]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Scientific Research Journal], 2021, no. 1–4 (103), pp. 93–97. (In Russian, abstract in English)
3. Karmanovskii M.S., Kos'yanenko E.V. Otvetstvennost' za deyaniya, predusmotrennye stat'yami 210 i 2101 UK RF [Responsibility for acts stipulated by articles 210 and 2101 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2, pp. 147–152. (In Russian, abstract in English)
4. Kondratyuk S.V. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii: konkretizatsiya konstruktivnykh priznakov [Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: concretization of constructive features]. *Zakonnost'* [Legitimacy], 2021, no. 8, pp. 49–53. (In Russian, abstract in English)
5. Borkov V.N. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii: nachalo, sodержanie i konets prestupleniya [Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: the beginning, content and end of the crime]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2019, no. 4, pp. 11–16. (In Russian, abstract in English)
6. Kashin M.S., Panteleev D.V., Panteleev V.A. Nekotorye voprosy primeneniya stat'i 2101 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: material'nye i protsessual'nye aspekty [Some questions of the application of Article 2101 of the Criminal Code of the Russian Federation: material and procedural aspects]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2022, no. 1 (62), pp. 57–61. (In Russian, abstract in English)
7. Obrazhiev K.V. Yuridicheskaya priroda i priznaki dlyashchegosya prestupleniya [Legal nature and signs of a continuing crime]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian criminological journal], 2021, v. 15, no. 4, pp. 442–455. (In Russian, abstract in English)
8. Kondratyuk S.V. Kvalifikatsiya souchastiya v zanyatii vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii [Qualification of complicity in occupying the highest position in the criminal hierarchy]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences], 2021, no. 1 (44), pp. 24–30. (In Russian, abstract in English)
9. Pikin I.V., Tarakanov I.A. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii: osobennosti ugolovno-pravovoi kvalifikatsii [Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: features of criminal law qualification]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Actual problems of state and law], 2021, v. 5, no. 19, pp. 500–509. (In Russian, abstract in English)
10. Burlakov V.N., Shchepel'kov V.F. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii kak osnovanie ugolovnoi otvetstvennosti [Occupation of the highest position in the criminal hierarchy as the basis of criminal liability]. *Kriminalist* [Criminalist], 2020, no. 2, pp. 14–19. (In Russian, abstract in English)
11. Zarubina K.A. Trudnosti primeneniya st. 2101 UK RF na praktike [Difficulties in applying Art. 2101 of the Criminal Code of the Russian Federation in practice]. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Orlov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], 2021, no. 2, pp. 43–50. (In Russian, abstract in English)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСПОРТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА И ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Приходько Наталья Юрьевна

Цель: проанализировать некоторые аспекты правового регулирования противодействия транспортным преступлениям на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, определить механизм правового регулирования в рассматриваемых преступлениях, подтвердить необходимость совершенствования и консолидации законодательства в этой области.

Методология: использовались общенаучные методы — анализ и синтез, диалектический метод; также метод правового сравнения.

Выводы. Содержательные особенности законодательства, регулирующего деятельность транспорта, транспортной инфраструктуры и объектов транспорта, требуют весьма насыщенного правового поля, возможности реализации разнообразных правовых, технических, организационных средств и методов, направленных на изучение, совершенствование и консолидацию законодательной основы в механизме правового регулирования по противодействию транспортным преступлениям. Раскрытие и своевременное устранение этих проблем правового регулирования поможет комплексу транспортной безопасности противостоять угрозам совершения преступных актов. Важна и своевременная инициатива специалистов в сфере обеспечения безопасности на объектах транспортного комплекса, вызванная объективной необходимостью совершенствования форм и методов деятельности, обеспечивающей безопасность на транспорте.

Научная и практическая значимость. В настоящее время отсутствует концептуальный правовой и законодательный подход к единому пониманию обеспечения транспортной безопасности, механизма правового регулирования по противодействию транспортным преступлениям. Недостаточно систематизирована нормативная правовая база по транспортной безопасности, отсутствует единый подход к понятиям и общий принцип применения. Обеспечение безопасности транспорта, объектов и инфраструктуры выражается в сложном процессе, который предполагает осуществление шагов по созданию и непрерывному совершенствованию мер функционального характера, которые необходимо закреплять на законодательном уровне для целей противодействия транспортным преступлениям.

Ключевые слова: транспортная безопасность, механизм правового регулирования, противодействие, транспортные преступления, объекты транспорта, регламент, объекты, транспортная инфраструктура, транспорт, законодательство, антитеррористическая защищенность.

В современных условиях невозможно переоценить социальную и политическую значимость транспортного комплекса Российской Федерации. Обеспечение безопасности граждан, сохранности перевозимых грузов, антитеррористическая защищенность пассажиров и транспортных средств, своевременное противодействие преступлениям на транспорте являются задачами стратегического

характера, требующими комплексного, межведомственного подхода к их решению.

Противодействие преступлениям на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры — сложный процесс, который подразумевает осуществление комплекса мер, основанных на национальном и международном законодательстве. Противодействие невозможно представить

без процесса правового регулирования, включающего несколько стадий, каждая из которых находит свое отражение в механизме действия права. Для эффективного противодействия преступным посягательствам на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры необходимо, прежде всего, очертить круг уголовно-правовых средств, охватывающих абсолютно все общественные отношения в сфере транспортной безопасности, в соответствии с требованиями времени и с учетом динамично развивающегося законодательства в этой области.

К первой стадии механизма правового регулирования противодействия транспортным преступлениям можно отнести формулирование правил поведения, соответствующих общественным потребностям на основе интересов конкретной группы лиц. Здесь необходимо учитывать способ совершения преступления, то есть преступный порядок действий для достижения поставленной цели, прогнозировать определенную взаимосвязь и взаимодействие человека и общества, то есть неких элементов системы, которые приводят к нарушению особого свойства транспорта — его безопасности.

Нельзя не упомянуть о статусе международных договоров в системе федерального законодательства, роль которого в системе правового регулирования определена не только в Конституции РФ, но и в ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» (*СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757*), ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым международные договоры находятся на уровне федеральных законодательных актов, обладая приоритетом в случае конфликта норм российского и международного права [1, с. 51–69]. Нормы международных договоров РФ являются обязательными для применения на территории страны [2, с. 76–82; 3, с. 3–6].

Ко второй стадии можно отнести определение специальных условий, при наступлении которых будет применена детализация признаков юридического факта, то есть соотношение (юридическая связь) между поведением лица и нормой права, возможностью возникновения, изменения и прекращения правоотношений.

Одним из основных регуляторов и стимуляторов правопослушного поведения является Уголовный кодекс РФ. Транспортным преступлениям,

или преступным деяниям, совершаемым на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, посвящена глава 27 УК РФ. В настоящей работе будем опираться на авторскую классификацию, предложенную в монографическом исследовании А.И. Чучаева и А.Ю. Пожарского, которые, исходя из особенностей угроз безопасности функционирования транспорта, нормы классифицировали следующим образом:

1) нормы, обеспечивающие безопасность движения или эксплуатации транспорта или транспортного средства, — ст. 263 (за исключением отказа работника транспорта от своих трудовых обязанностей), 264, 268, 269 (в части эксплуатации магистральных трубопроводов);

2) нормы, обеспечивающие выполнение работы по безопасности транспорта вообще, в том числе надлежащим оператором (управляющим субъектом), — ст. 263 (в части отказа работником транспорта от исполнения своих трудовых обязанностей) и ст. 264¹ УК РФ;

3) нормы, обеспечивающие условия безопасного функционирования транспорта, — ст. 263¹, 266, 267, 267¹ и 269 (в части нарушения правил безопасности строительства и ремонта транспортных средств) и ст. 271¹ УК РФ [4, с. 79];

4) иные нормы, предусмотренные УК РФ в сфере охраны транспортной безопасности, — ст. 166, 211, 227, 218, 252, 281 УК РФ [5, с. 246–305; 6, с. 30].

Все нормы главы бланкетные, поэтому для установления содержания объективной стороны преступления необходимо обращение к правилам, регулирующим деятельность соответствующих видов транспорта.

Общими нормативными правовыми актами в регулировании противодействия транспортным преступлениям и правонарушениям на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры будут Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» (*СЗ РФ. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8613*), Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2017 г. № 1756-р «Об утверждении Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года») (*СЗ РФ. 2017. № 34. Ст. 5323*), «Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года» (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012). В актах указаны

концептуальные основы безопасности транспортной системы, определяется степень эффективности работы аварийно-спасательных служб, подразделений гражданской обороны, специальных служб и правоохранительных органов, в результате чего создаются условия повышения общенациональной безопасности и снижения рисков, связанных с террористическими актами [7, с. 8].

Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (ред. от 14.03.2022) (СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837) призван регулировать именно и только вопросы предупреждения актов незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса, в том числе актов терроризма во всех формах. Данный закон построен по рамочной схеме именно для того, чтобы реализовать общие элементы оценки и построения современной системы антитеррористической защиты транспорта, соответствующие в том числе международным нормам ИМО (Международной морской организации) и ИКАО (Международной гражданской авиации), для любого вида и объекта транспортного комплекса, и включают в себя определение угроз, оценку уязвимости от них, категорирование по степени опасности, подготовку и реализацию планов обеспечения транспортной (антитеррористической) безопасности.

Закон учитывает особенности построения защиты в зависимости от вида и даже подвида транспорта (авиация, водный, железнодорожный, городской пассажирский, в том числе метрополитен) и содержит требования по обеспечению транспортной безопасности, которые обязаны учитываться во взаимосвязи с оценкой уязвимости и категорией объекта при подготовке и реализации плана обеспечения транспортной безопасности каждого объекта транспортного комплекса. В этом смысле закон как универсален, так и конкретен для применения к любому транспортному объекту и средству.

Третья стадия устанавливает характер конкретных прав и обязанностей, как правило взаимных, между субъектами правоотношений. Здесь устанавливается точное соответствие нормы и деяния, уголовно-правовая квалификация при учете нескольких подсистем (интеграции объекта), связывающих человека, транспортную систему, работу и движение транспорта, транспортную инфраструктуру, среду общения и перемещения, погрешности и просчеты человека при работе с транспортом.

Нарушение правил безопасности на транспорте при эксплуатации и использовании транс-

порта может выражаться не только в прямом невыполнении или несоблюдении установленных законом правил, но и уклонение от исполнения законодательно установленных запретов, например, согласно ч. 1 ст. 52 ВК (Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 14.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.06.2022)) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383) не допускаются забастовки в период обслуживания и управления судном. Данное правило закреплено и в законах, регулирующих деятельность железнодорожного транспорта (Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 169; Федеральный закон от 25 августа 1995 г. № 153-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «О федеральном железнодорожном транспорте» // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3505), а также в ст. 20.26 КоАП (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях) от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1) и ст. 410 ТК (Трудовой кодекс Российской Федерации) от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.07.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3). В свою очередь, неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности может выражаться либо в несовершении действий, предписанных в нормативных правовых актах, регулирующих отношения в области обеспечения транспортной безопасности, либо в совершении действий, запрещенных указанными актами [8, с. 34–38]. Речь в данных случаях идет о признаках, усиливающих ответственность лица, нарушившего требования транспортной безопасности. Такое явление давно получило наименование сопричинения вреда по неосторожности [9, с. 56–62].

Четвертая стадия — это реализация действия нормы права в отношении субъектов права, их субъективных прав и юридических обязанностей. Например, реализация требований антитеррористической защищенности на объектах, на которые распространяются требования 16-ФЗ «О транспортной безопасности», а также требования 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 26.05.2021) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146) и 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (ред. от 28.06.2022) // СЗ РФ. 2011. № 30 (1). Ст. 4604). Реализация требований, указанных в законах,

влечет за собой значительное увеличение стоимости капитальных вложений, но не позволяет увеличить эффективность обеспечения безопасности объекта. Кроме того, в постановлениях правительства по видам транспорта введено понятие «особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны», но нормативными документами данное понятие не определено, что не позволяет применять требования данного пункта в отношении ОТИ.

На примере требований по антитеррористической защищенности объектов водоснабжения и водоотведения, утвержденных ПП РФ № 1467 (Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 1467 (ред. от 24.04.2020) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов водоснабжения и водоотведения, формы паспорта безопасности объекта водоснабжения и водоотведения и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 2 (часть I). Ст. 335), в области применения указано, что объекты водоснабжения и водоотведения, которые находятся на праве собственности или на ином законном основании у организаций промышленности, топливно-энергетического комплекса, входят в состав их основного технологического оборудования и используются ими для оказания услуг водоснабжения и водоотведения только для производственных и иных нужд этих организаций и в отношении которых выполняются мероприятия по антитеррористической защищенности, требования указанного ПП РФ не применяются, что позволяет предусмотреть эффективные и достаточные меры по обеспечению безопасности объекта.

Правовая регламентация в отношении реализации требований по обеспечению транспортной безопасности ОТИ, не подлежащих категорированию, например, посадочных площадок, транспортно-пересадочных узлов, раскрывает сложные вопросы обеспечения ТБ на указанных объектах, однако отсутствуют ответы на вопросы: как осуществлять взаимодействие при защите объектов от актов незаконного вмешательства и как учитывать требования безопасности на различных видах транспорта.

Безопасность зданий и сооружений, в том числе на этапе проектирования указанных объектов, а затем строительства, монтажа и иных работ, обеспечивается посредством соблюдения требований федерального законодательства, закрепляющего регламент безопасности, Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»

(СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5), требований стандартов и сводов правил, включенных в перечни национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), документов в области стандартизации, в результате применения которых на обязательной и добровольной основе обеспечивается соблюдение требований безопасности зданий и сооружений, транспортно-пересадочных узлов.

В сфере реализации пятой стадии, которая выявляет негативные явления, неурегулированные нормами, однако вызванные противоправными или преступными действиями, предлагаем рассмотреть вопрос о доработке и уточнении требований в отношении данных объектов с целью обеспечения эффективных мер по обеспечению транспортной безопасности данных объектов, сокращению сроков строительства, повышению эффективности капитальных вложений и, возможно, создания единой зоны транспортной безопасности ТПУ.

В свою очередь, недостаточно урегулированы нормативные требования в области обеспечения транспортной безопасности для этапа проектирования и строительства. В настоящее время в указанных перечнях отсутствуют отдельные документы, содержащие требования по обеспечению транспортной безопасности. В ч. 13 ст. 30 закона указано, что с целью защиты от несанкционированного вторжения на объектах транспортной инфраструктуры должны принять меры по уменьшению возможности криминальных проявлений, или уменьшению их последствий. В систему безопасности в рамках российского законодательства входят установленные системы видеонаблюдения, охранные сигнализации и технические средства обеспечения транспортной безопасности, иные системы, направленные на обеспечение защиты от угроз террористического характера и несанкционированного вторжения.

Необходимо обратить внимание и на Постановление Правительства (Постановление Правительства РФ от 28 мая 2021 г. № 815 «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 июля 2020 г. № 985» // СЗ РФ. 2021. № 23. Ст. 4060), устанавливающее перечень стандартов и правил, обязательных для применения в целях безопасности зданий и со-

оружий и регулирующее порядок проведения экспертизы разработанных документов. Согласно данному Постановлению, срок действия которого ограничен 2027 г., принятая застройщиком, техническим заказчиком проектная документация или иные инженерные исследования проверяются на основании указанного Постановления или Постановления, действующего ранее (в настоящий момент утратившего силу), при определенных условиях застройщик или заказчик имеет выбор технического регламента (*Главгосэкспертиза России* // [Электронный ресурс]: URL: <https://gge.ru/?ysclid=165ebokrtx225832031> (дата обращения: 29.07.2022)). Кроме того, в соответствии с активным внедрением технологий информационного моделирования в строительстве разработка требований должна учитывать особенности реализации данных требований, в том числе на этапе эксплуатации объекта.

Таким образом, считаем целесообразным при разработке национальных стандартов и сводов правил, а также при актуализации указанных

нормативных документов в отношении объектов транспортной инфраструктуры, например, таких, как аэродромы, метрополитены, тоннели железнодорожные и автодорожные, указывать требования в сфере транспортной безопасности, которые позволят обеспечить безопасность указанных ОТИ для пользователей этими зданиями и сооружениями.

К раскрытию проблем правового и законодательного регулирования транспортной безопасности необходимо подходить максимально широко, особенности транспортного комплекса российского государства требуют консолидированного подхода. Как видится, правовое регулирование транспортной безопасности выходит за рамки национальных границ и нуждается в скоординированной (согласованной) транспортной политике, направленной на создание единого транспортного пространства, и консолидации законодательной основы в механизме правового регулирования по противодействию транспортным преступлениям.

Литература

1. *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // *European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 51–69.
2. *Чуркина Л.М.* Применение национальными судами международных договоров Российской Федерации // *Сибирское юридическое обозрение*. 2021. № 1. С. 76–82.
3. *Зайкова С.Н.* Административно-правовое обеспечение транспортной безопасности: международно-правовые основания // *Транспортное право*. 2021. № 4. С. 3–6.
4. *Чучаев А.И., Пожарский А.Ю.* Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: монография. М.: Проспект, 2018. — 256 с.
5. *Коробеев А.И.* Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. — 486 с.
6. *Жулев В.И.* Транспортные преступления. Комментарий законодательства. М.: Спарк, 2001. — 189 с.
7. *Приходько Н.Ю., Черненко Н.В.* Профилактика преступлений и иных правонарушений на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры: учебное пособие. М.: АУ МВД России, 2022. — 74 с.
8. *Архипцев И.Н., Бурлака С.А.* Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны транспортной безопасности Российской Федерации // *Российский следователь*. 2017. № 2. С. 34–38.
9. *Пикуров Н.И.* Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности // *Уголовное право*. 2014. № 3. С. 56–62.

References

1. *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. *European Journal of International Law*, 1999, vol. 10, iss. 1, pp. 51–69.
2. *Churkina L.M.* Primenenie natsional'nykh sudami mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii [Application by national courts of international treaties of the Russian Federation]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie [Siberian Legal Review]*, 2021, no. 1, pp. 76–82. (In Russian, abstract in English)
3. *Zaikova S.N.* Administrativno-pravovoe obespechenie transportnoi bezopasnosti: mezhdunarodno-pravovye osnovaniya [Administrative and legal support of transport security: international legal grounds]. *Transportnoe pravo [Transport law]*, 2021, no. 4, pp. 3–6. (In Russian, abstract in English)

4. *Chuchaev A.I., Pozharskii A.Yu.* Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, kharakteristika: monografiya [Transport crimes: concept, types, characteristics: monograph]. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 256 p. (In Russian)
5. *Korobeev A.I.* Transportnye prestupleniya i transportnaya prestupnost': monografiya [Transport crimes and transport crime: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 486 p. (In Russian)
6. *Zhulev V.I.* Transportnye prestupleniya. Kommentarii zakonodatel'stva [Transport crimes. Legislation Comments]. Moscow: Spark Publ., 2001. 189 p. (In Russian)
7. *Prikhod'ko N.Yu., Chernenko N.V.* Profilaktika prestuplenii i inykh pravonarushenii na ob"ektakh transporta i transportnoi infrastruktury: uchebnoe posobie [Prevention of crimes and other offenses at the objects of transport and transport infrastructure: textbook]. Moscow: AU MVD Rossii Publ., 2022. 74 p. (In Russian)
8. *Arkhiptsev I.N., Burlaka S.A.* Nekotorye aspekty ugovovno-pravovoi okhrany transportnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Some aspects of the criminal law protection of the transport security of the Russian Federation]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2017, no. 2, pp. 34–38. (In Russian, abstract in English)
9. *Pikurov N.I.* Novoe v ugovovno-pravovoi okhrane transportnoi bezopasnosti [New in the criminal law protection of transport security]. *Ugovovnoe parvo [Criminal law]*, 2014, no. 3, pp. 56–62. (In Russian, abstract in English)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Пшеничнов Илья Михайлович

***Цель:** обратить внимание научного сообщества на отдельные проблемы уголовно-правового обеспечения мира и безопасности человечества — одного из основных объектов преступлений террористической и экстремистской направленности в современных условиях. В частности, затрагиваются аспекты существенной активизации указанного криминального сегмента в 2022 г., что в значительной степени актуализирует необходимость пересмотра действующего состояния взаимодействия правоохранительных органов, в том числе и на международном уровне, для отражения соответствующих преступных вызовов, тогда как одним из основных барьеров в обозначенном ключе выступает отсутствие унифицированных подходов к установлению уголовной ответственности, а также общие недостатки отдельных правовых норм и законодательных подходов в данной области.*

***Методология** проведенного научного исследования главным образом сосредоточена вокруг диалектического метода познания социальной и правовой действительности, позволившего сформировать и сформулировать конкретные шаги, способные усилить меры уголовно-правового противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности против мира и безопасности человечества. Вместе с тем решению поставленных задач также способствовали: анализ, синтез, индукция, дедукция, описание и другие методы.*

***Выводы.** Обозначены отдельные слабые стороны и упущения в уголовных законах отдельных государств постсоветского пространства, затрудняющие правоохранительную деятельность в сфере борьбы с соответствующими преступными посягательствами.*

***Научная и практическая значимость статьи** заключается в том, что изложенные в ней умозаключения содержат в себе предложения по прогрессивной модернизации соответствующих законодательных предписаний в целях выработки механизма их единообразного применения.*

***Ключевые слова:** мир и безопасность человечества, преступления, терроризм, экстремизм, посягательство, противодействие, уголовный закон, правоприменение, модернизация, общественная безопасность, унификация.*

Мир и безопасность человечества являются фундаментальной составляющей любого типа социального устройства, что обуславливает и особые механизмы их защиты. В связи с чем в уголовных законодательствах многих стран вопросам нормативно-правового обеспечения данных объектов охраны выделены отдельные главы или даже

разделы, что свидетельствует о признании безусловной значимости указанных категорий, подрыв которых ставит под угрозу как стабильность функционирования институтов гражданского общества, так и территориальную целостность самой страны, в том числе и саму возможность существования государства как такового. Таким

образом, речь ведется непосредственно о национальной безопасности.

В числе ключевых деструктивных элементов, существующих в этом контексте, доминирующее положение закономерно принадлежит преступлениям экстремистской (ст. 354¹, 355, 357 УК РФ) и террористической (ст. 355, 360, 361 УК РФ) направленности (*указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/> (дата обращения: 17.03.2023)*). В то же время этот список не представляется возможным признать исчерпывающим, поскольку в его структуру входит еще целый массив иных деяний, реализуемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Более того, отдельные посягательства фактически взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом, так, например, наемничество устойчиво закрепилось на мировой арене в качестве элемента, обеспечивающего не только дестабилизацию политической и экономической систем, суверенитет, неприкосновенность и государственную безопасность, но и эскалацию напряженности международных отношений, а также ведение агрессивной войны [1, с. 368–376]. Таким образом, даже, несмотря на количественные показатели обозначенной разновидности преступности (2019 г. — 108, 2020 г. — 92, 2021 г. — 128, 2022 г. — 1231), ее качественная характеристика предопределяет необходимость реализации уголовно-правового противодействия, для определения состояния и целесообразности модернизации которого одним из наиболее перспективных ориентиров выступает зарубежный опыт. Особая актуальность подобного как минимум выражается в десятикратном росте приведенной выше криминальной активности, продемонстрированном в 2022 г. Качественная характеристика исследуемых феноменов не позволяет оставить без внимания тот факт, что терроризм и экстремизм демонстрируют отчетливый международный характер, что также указывает и на целесообразность унификации соответствующих норм [2, с. 12–13], в том числе на интернациональном уровне. В данном контексте безусловный интерес представляет законодательство ближнего зарубежья, демонстрирующее родственные пути развития и определенное единство сформировавшихся в обществе правосознания и правопорядка.

При рассмотрении уголовных законодательств большинства стран постсоветского пространства можно обнаружить, что главы или же разделы, связанные с обеспечением мира и безопасности человечества, появились позже остальных глав тех же уголовных кодексов, то есть охрану подобного рода общественных отношений можно считать относительно молодым явлением для законодательств стран постсоветского пространства. Рассмотрение существующей здесь нормативно-правовой базы позволяет констатировать тот факт, что законодатели при построении структуры уголовных кодексов уделяют совершенно различное внимание охране обозначенных общественных отношений. Так, например, в Азербайджанской Республике особенная часть начинается с раздела VII «Преступления против мира и безопасности человечности», который, в свою очередь, разделен на две самостоятельные главы, первая из которых имеет формулировку, аналогичную названию раздела, а вторая связана с военными преступлениями. Аналогичный раздел УК Украины также включает в себя международный правопорядок как объект уголовно-правовой охраны и занимает финальное звено цепочки преступных деяний (*Уголовный кодекс Украины: утвержден Законом Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III // [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 25.02.2023)*).

Имеющиеся различия в уголовных законодательствах стран постсоветского пространства, о которых шла речь, далеко не единственны, имеется большое количество расхождений в подходах к обеспечению мира и безопасности человечества в законодательствах указанных государств, начиная от местонахождения в самой структуре законодательного акта и так вплоть до самой трактовки и наличия тех или иных общественно опасных деяний в разделах, посвященных обеспечению подобных благ. Если говорить о том, что международный мир и безопасность человечества являются всеобщим достоянием, и посягательство на них нельзя расценивать как покушение на какое-либо отдельно взятое государство, именно отсутствие единых подходов, средств и методов по обеспечению безопасности данных общественных отношений является слабым звеном в механизме охраны национальной и международной безопасности всех государств. Насущные различия и противоречия в уголовных законодательствах не позволяют сформировать единое отношение к указанным преступным деяниям, отсутствие тех или иных составов преступлений, единых санкций

за схожие преступления и иные подобного рода противоречия детерминируют благоприятную почву для всех видов преступных и смежных с ними деяний, еще не получивших самостоятельной криминализации.

Перед тем как непосредственно переходить к рассмотрению вышеуказанных норм, нельзя не упомянуть об их бланкетности. Так, в числе правовых основ установления ответственности за преступления против мира и безопасности человечества следует отметить Устав Международного военного трибунала, в котором, помимо определения оснований уголовной ответственности, также устанавливались три основных вида международных преступлений: против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных на осуществление любого из вышеуказанных действий); военные преступления (нарушение законов или обычаев войны, в том числе убийства, истязание или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированных территорий, убийство или истязание военнопленных или лиц, находящихся на море, убийство заложников, ограбление общественной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов и деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления); преступления против человечества (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости в отношении гражданского населения до или во время войны или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены) [3, с. 78].

Итак, УК Азербайджанской Республики так же, как и УК РФ, состоит из общей и особенной частей, что чисто визуально говорит об относительно схожей структуре построения данных документов. Однако в отличие от УК РФ, особенную часть УК АР открывает раздел VII «Преступления против мира и безопасности человечности», который, в свою очередь, содержит две самостоятельных главы. Подобное построение свидетельствует о приоритетном направлении в сфере охраны общественных отношений, охраняемых уголовным законом, которыми являются мир и безопасность человечности. Несмотря на несколько различные термины «человечество»

и «человечность», Азербайджанский законодатель четко определил для себя, что защита указанных благ является первостепенной задачей в системе охраны всех общественных отношений, что полностью подтверждается ст. 2 УК АР, которая гласит: «Задачами Уголовного кодекса Азербайджанской Республики являются: обеспечение мира и безопасности человечества...» (*Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 25.02.2023)*).

В то же время нельзя не обратить внимания, что перевод указанного выше раздела уголовного кодекса, содержащийся в том числе на официальном сайте Государственной миграционной службы АР, имеет некоторые расхождения с традиционным для отечественного законодательства подходом. Речь ведется о расхождении используемых в наименовании терминов «человечество» и «человечность», имеющих явные различия в определении данных однокоренных понятий. Говоря о человечестве, мы подразумеваем «совокупность всех людей, человеческое сообщество в целом» [4, с. 817]. Понятие «человечность» неотделимо от человеческого сообщества, но тем не менее оно закладывает в себя совершенно иной смысл, человечность представляет собой «моральное качество, выражающее принцип гуманизма применительно к повседневным взаимоотношениям людей; включает ряд более частных качеств — благожелательность, уважение к людям, сочувствие и доверие к ним, великодушие, самопожертвование ради интересов других, а также предполагает скромность, честность, искренность» [5, с. 235]. Отталкиваясь от указанных определений, можно судить, что они неотделимо связаны друг с другом, но смысл, заложенный в них, безусловно, различный. При данных обстоятельствах приходится сделать вывод, что речь идет о защите разных общественных отношений, в первом случае мы охраняем человеческое сообщество как таковое, а во втором — его морально-нравственную составляющую, благодаря которой мы и можем считать себя людьми. Вместе с тем следует учитывать, что в данном случае, вероятно, имеет место ошибка перевода, тем не менее, поскольку обозначенная формулировка приведена на официальном сайте Государственной миграционной службы АР, представляется некорректным ее использование в ином виде.

Раздел VII УК АР, о котором идет речь, состоит из двух глав: «преступления против мира и безопасности человечности» и «военные преступления». Подобного рода деление говорит о том, что за-

конодатель видит четкое разграничение родового и видового объектов преступных посягательств в статьях УК. Тем самым он определяет момент перехода видового объекта преступления как военного, когда имеется наличие вооруженного конфликта. Данное решение можно оправдать тем, что невозможно посягнуть на мир, который сам по себе отсутствует, при состоянии войны. Поэтому наличие данной главы в указанном разделе в большей степени обуславливается посягательством на человечность при наличии вооруженного конфликта.

Всего вышеуказанный раздел УК АР содержит двадцать один состав преступления, что значительно больше, в сравнении с УК РФ. Главной причиной данного различия как раз таки и является родовый объект преступного посягательства, а именно «человечность». Примечание к ст. 105 УК АР непосредственно определяет, что «преступлениями против безопасности человечности признаются умышленные деяния, предусмотренные ст. 105–113 настоящей главы, являющиеся составной частью широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население как в мирное, так и военное время» (*Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 25.02.2023)*). Чем и объясняется наличие большего количества составов преступлений в указанном разделе УК АР. Однако говорить о неоправданном загромождении различными статьями не предоставляется возможным в связи с действительным соответствием диспозиций статей с установленным родовым объектом преступления. Тем не менее, если обратиться непосредственно к данным статьям, то можно обнаружить, что большинство из них имеют свое отражение и в УК РФ, но только лишь в других разделах и главах кодекса.

Наличие большего количества составов преступлений в указанном разделе УК АР в сравнении с УК РФ определяется не только различием родового объекта преступного посягательства в однородных разделах кодексов. Здесь речь также идет и о недостаточной конкретизации российским законодателем своих статей, что приводит либо к неоправданному включению различных составов преступлений в одну статью УК, либо к полному отсутствию наказаний за деяния, которые уже имеют место быть, но до настоящего времени не криминализованы. Так, например, ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» содержит в себе пять

самостоятельных преступных деяний: жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением; депортация гражданского населения; разграбление национального имущества на оккупированной территории; применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации; применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (*Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954*) — регулируемых одними и теми же санкциями, за исключением последнего. Все перечисленные действия нашли свое отражение и в УК АР, но закреплены они в отдельных статьях и раскрыты значительно шире, с гораздо большим количеством квалифицирующих признаков. Статья 115 УК АР «Нарушение законов и обычаев войны» говорит о «принуждении военнопленных и других охраняемых международным гуманитарным правом лиц служить в вооруженных силах стороны, взявшей их в плен, а также принуждение граждан неприятельского государства участвовать в военных операциях, направленных против своей страны». Вторая часть данной статьи посвящена жестокому обращению с вышеуказанными лицами, в том числе пыткам, медицинским, биологическим и иным исследованиям, изъятию органов, использованию в качестве заложников либо заслона для защиты своих войск, а также принудительным работам и перемещению гражданского населения из законных мест поселений. Третья часть содержит в себе все вышеперечисленные деяния, которые, в свою очередь, повлекли причинение смерти или тяжкого вреда здоровью человека, а четвертая часть включает в себя умышленное убийство указанных лиц. Наличие подобного широкого круга разграничений сводит к минимуму спорные или тупиковые ситуации, позволяет наиболее верно квалифицировать то или иное преступное деяние, тем самым значительно упрощает деятельность правоприменителя.

В то же время присутствие большого количества статей в указанном разделе порождает возникновение элементарных противоречий, таких как нарушение принципа системности при построении структуры глав, образующих данный раздел. Так, главу 16 УК АР открывает ст. 100 «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны», первая часть которой, в соответствии со ст. 15 УК АР, относится к категории тяжких преступлений, а вторая часть — особо тяжких преступлений. После чего следует ст. 101 УК АР «Публичные призывы к раз-

вязыванию агрессивной войны», которая, в свою очередь, относится к категории менее тяжких преступлений, а за ней располагается снова тяжкое преступное деяние — ст. 102 УК АР «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой».

Также обращает на себя внимание дефиниция ст. 100 УК АР, которая дает либо размытое представление, либо полное его отсутствие об ответственности за агрессию. Столь объемный термин, включающий в себя не исчерпывающий перечень, согласно XXIX резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., состоящий из семи преступных деяний [6, с. 199–202], не нашел никакого отражения в рамках УК АР ни в своей трактовке, ни в определении разновидностей классификации ответственности за их совершение. Все семь преступлений, указанных в ст. 3 данной резолюции, находят свое опосредованное отражение в «лаконичной» строчке ч. 2 ст. 100 УК АР «Ведение агрессивной войны», не раскрывающей никаких понятий и дающей единую санкцию за их совершение. Деяния, которые могут попадать под данную трактовку, весьма различны как по своему характеру, так и по степени общественной опасности, в связи с чем требуется раскрытие более широкого круга объективных сторон в дефиниции данной статьи с наличием квалифицированных составов и соответствующих санкций. Подобные размытые дефиниции лишь усложняют правоприменительную деятельность и тем самым сводят к минимуму саму практику применения данных статей.

Остановимся непосредственно на ст. 116 УК АР «Нарушение норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов». Уже исходя из названия становится понятно, что статья требует от нас обращения к дополнительным бланкетным нормам с целью наиболее верного понимания диспозиции данной статьи. В разделе УК, посвященном защите наиболее ценных общечеловеческих благ, таких как мир и безопасность человечности, использование бланкетных норм выглядит вполне оправданным, так как квалификация подобных деяний является, бесспорно, наиболее трудоемким и проблематичным занятием, в сравнении с преступлениями, указанными в иных главах и разделах УК. Тем не менее в то время, как российский законодатель в своей ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» ограничивается лишь выделением одного из многих деяний — «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации» — и не дает ника-

ких дополнительных толкований или объяснений, а просто требует обратиться к международным договорам РФ, законодатель АР в своей ст. 116 УК дает более восемнадцати трактовок того, что он понимает под нарушением норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, помимо всего этого, к статье имеется примечание, в котором указано, что следует понимать под использованными терминами. Указанное нельзя не отметить как бесспорно положительный аспект, сформированный при обстоятельном и целенаправленном построении данной статьи.

В разделах и главах УК, вне зависимости от принадлежности к тому или иному государству, охраняющих мир и безопасность человечества, то есть первостепенные всеобщие блага, недопустимо загромождение большим количеством составов внутри одной статьи, особенно при отсутствии квалифицирующих признаков с соответствующими санкциями. Подобное фактически олицетворяет собой переключивание недоделанной работы на правоприменителя. Статьи, о которых идет речь, не могут похвастаться богатой практикой их применения, более того, их использование крайне скудно, в связи с чем мы не можем говорить о наличии специалистов, обладающих существенным опытом в данной сфере, которые могли бы без затруднений квалифицировать вышеуказанные преступные деяния в соответствии со статьями УК. В итоге представляется возможным констатировать весьма непростые условия: статьи, загроможденные бланкетными нормами, сложные к восприятию термины, единые санкции за необычайно широкий круг деяний, отсутствие квалифицированных составов. Таким образом, при первом взгляде на подобные статьи может сложиться впечатление, что настолько важные общественные отношения охраняют лаконичные и простые в применении нормы УК, что будет в корне неверным. Безусловно, при построении статей следует стремиться к этому, однако все подобное возможно только лишь в допустимых рамках, не усложняющих тем самым всю последующую деятельность.

Если вернуться к ст. 116 УК АР, когда речь шла о положительных аспектах, связанных с указанием широкого спектра объективных сторон в диспозиции статьи, то при переходе к следующей стадии, а именно к санкциям, обнаруживается существенный недостаток. За круг из более чем восемнадцати деяний имеется лишь один вид наказания — «лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы». Таким образом, все указанные деяния обла-

дают единой степенью общественной опасности, это с учетом того, что ни одно из них не является квалифицирующим. Решение поместить значительное количество общественно опасных деяний в одну статью оправдывается широким кругом норм международного гуманитарного права, однако большой спектр разносторонних преступных действий требует и наличия не меньшего числа деяний как по своему объему, так и по характеру ответственности за их совершение. В том числе усматривается и необходимость введения квалифицированных составов с соответствующими общепризнанными санкциями, не требующими от правоприменителя дополнительных самостоятельных решений и позволяющими избавиться от размытых представлений об общественной опасности указанных посягательств.

Следует заключить, что построение двух глав, образующих данные уголовно-правовые нормы, выполнено в относительном соответствии со ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, который разграничил вышеуказанные преступления на три группы преступных деяний: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Данный Устав является одним из основополагающих источников ответственности за преступные деяния данной категории.

В связи с чем вполне логично и обоснованно считать, что законодательство стран — участников указанного Трибунала, и в особенности уголовное законодательство четверки государств-инициаторов (СССР, США, Великобритании и Франции), должно соответствовать положениям вынесенным данным «Судом народов».

В то же время высказывания о полном несоответствии уголовного законодательства того или иного государства вышеуказанному источнику норм права будут ложными, поскольку имеющиеся положения в той или иной степени нашли свое отражение во внутренних законодательствах, но тем не менее приходится констатировать тот факт, что УК АР в большей степени имплементировал преступления против мира и безопасности человечества, чем УК РФ.

Дискутировать по данному вопросу довольно не просто, так же, как и сделать выводы по нему о положительных и отрицательных моментах, однако негативная сторона результата, который мы имеем в настоящее время, просматривается вполне четко, а именно: отсутствие единых подходов и способов противодействия рассматриваемым преступным деяниям лишь усложняет правоприменительную деятельность и создает спорные ситуации при международном сотрудничестве по данному вопросу.

Литература

1. Бочарников И.В. Американская стратегия «хаоса» в Сирии и ее роль в эскалации экстремизма и терроризма в Ближневосточном регионе // *Международные отношения*. 2015. № 4. С. 368–376.
2. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Н. Новгород, 2015. — 490 с.
3. Действующее международное право: международная борьба с преступностью. Международно-правовое регулирование экономического и научно-технического сотрудничества. Международное морское, воздушное и космическое право. Международно-правовой режим Антарктиды и др.: в 3 т. Т. 3 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1997. — 832 с.
4. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп.. М.: А Темп, 2013. — 874 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1998. — 694 с.
6. Действующее международное право: международное гуманитарное право. Обеспечение международной безопасности: всемирная безопасность, региональная безопасность, разоружение. Вооруженные конфликты и международное право: в 3 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1997. — 832 с.

References

1. *Bocharnikov I.V.* Amerikanskaya strategiya «khaosa» v Sirii i ee rol' v eskalatsii ekstremizma i terrorizma v Blizhnevostochnom regione [American strategy of “chaos” in Syria and its role in the escalation of extremism

and terrorism in the Middle East region]. *Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]*, 2015, no. 4, pp. 368–376. (In Russian, abstract in English)

2. *Petryanin A.V.* Kontseptual'nye osnovy protivodeistviya prestupleniyam ekstremistskoi napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie [Conceptual foundations for countering extremist crimes: theoretical and applied research]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Nizhny Novgorod, 2015. 490 p. (In Russian)

3. *Deistvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: Mezhdunarodnaya bor'ba s prestupnost'yu. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ekonomicheskogo i nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva. Mezhdunarodnoe morskoe, vozdushnoe i kosmicheskoe pravo. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim Antarktity i dr. V 3-kh tomakh. T. 3* [Current international law: International fight against crime. International legal regulation of economic and scientific and technical cooperation. International maritime, air and space law. International legal regime of Antarctica, etc. In 3 volumes. Vol. 3]. Comp. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. Moscow: Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava Publ., 1997. 832 p. (In Russian)

4. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4-e izdanie, dopolnennoe* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th edition, enlarged]. Moscow: A Temp Publ., 2013. 874 p. (In Russian)

5. *Russkii semanticheskii slovar'*. *Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Ed. N.Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. 694 p. (In Russian)

6. *Deistvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Obespechenie mezhdunarodnoe bezopasnosti: vseмирnaya bezopasnost', regional'naya bezopasnost', razoruzhenie. Vooruzhennye konflikty i mezhdunarodnoe pravo. V 3-kh tomakh. T. 2* [Current international law: International humanitarian law. Ensuring international security: world security, regional security, disarmament. Armed conflicts and international law. In 3 volumes. Vol. 2]. Comp. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. Moscow: Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava Publ., 1997. 832 p. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЯ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Углицких Дмитрий Васильевич

Цель: определение и раскрытие мер по профилактике и предупреждению преступности в топливно-энергетическом комплексе с учетом взаимодействия мер уголовно-правового и криминологического характера.

Методология: совокупность общенаучных и частнонаучных методов, специально-юридические методы познания, способствующие проведению анализа нормативного правового регулирования в сфере энергетической безопасности.

Выводы. Предложения, направленные на улучшение мер по борьбе с преступностью в области энергетической безопасности, в том числе по увеличению результативности осуществления механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с противодействием преступным посягательствам в топливно-энергетическом комплексе.

Научная и практическая значимость. Новизна темы исследования заключается в постановке проблемы, определяемой с выявлением причин и условий преступлений в сфере энергетической безопасности в современных условиях социального развития российского общества. Определены основные линии политики в сфере борьбы с преступностью в топливно-энергетическом комплексе. Раскрыты правовая сущность преступности в топливно-энергетическом комплексе, криминологические меры противодействия преступлениям в сфере энергетики, тенденции нормативно-правового регулирования составов преступлений топливно-энергетического характера.

Ключевые слова: обеспечение энергетической безопасности, уголовная политика, юридические меры борьбы с преступлениями в сфере топливно-энергетического комплекса, противодействие преступности, уголовно-правовые и криминологические меры противодействия.

В свете современной складывающейся геополитической ситуации в мире проблема обеспечения энергетической безопасности приобрела особую актуальность ввиду непростых взаимоотношений Российской Федерации со странами Запада, многие из которых в РФ признаны «недружественными».

Особого внимания в условиях проведения специальной военной операции заслуживают проблемы уголовно-правового обеспечения энергетической безопасности.

Топливо-энергетический комплекс (далее — ТЭК) является базисным для энергетической безопасности Российской Федерации: он включает

в себя добычу, транспортировку, переработку различных энергоресурсов (нефть, газ, уголь, торф), а также формирует основу доходов российской бюджетной системы, где доля доходов составляет ¼ объема российского внутреннего валового продукта (ВВП) [1, с. 101].

Также следует отметить, что сфера добычи, переработки, транспортировки и сбыта нефтепродуктов остается уязвимой для самых разнообразных преступных посягательств.

Энергетическая безопасность Российской Федерации является одним из направлений национальной безопасности и фактором защищенности сферы нефтегазового и топливно-энергетическо-

го комплекса. Безопасность энергетики страны непосредственно связана с экономической безопасностью государства. Направления развития и создания защищенности в различных сферах государственной деятельности установлены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Экономическая безопасность страны влияет на качество жизни как отдельных граждан, так и всего общества в целом, а также на уровень жизни. Состояние защищенности в экономике в последние несколько лет связано с развитием ТЭК и государственной политики в области охраны и защиты объектов ТЭК от преступных посягательств [2]. Оборот объектов ТЭК, обеспечение соблюдения прав и обязанностей покупателей, потребителей объектов, в том числе государства и коммерческих организаций, а также создание необходимого комплекса мер юридической ответственности за нарушения правил оборота и использования объектов ТЭК воздействуют на состояние экономики в Российской Федерации [3].

С развитием общества потребления область использования объектов ТЭК на сегодняшний день является одной из криминализованных отраслей жизни общества и государства. Данная отрасль, несмотря на высокие объемы поступающих в государственный бюджет денежных средств, имеет ряд существенных недостатков и проблем, которые усугубляют состояние защищенности энергетического комплекса страны. К таким негативным вопросам можно отнести:

— во-первых, отсутствие равномерного распределения ресурсов и объектов ТЭК. В связи с этим возможность их использования имеется не в каждом регионе государства, также вопросами оборота объектов ТЭК занимаются и хозяйствующие субъекты, коммерческие организации и фирмы, со стороны государства осуществляется недостаточный уровень защиты интересов национальных и отечественных компаний на мировых рынках ТЭК;

— во-вторых, зависимость отечественного рынка ТЭК от мирового, несмотря на тенденции к саморазвитию энергетического комплекса и смены ориентиров оборота ТЭК на мировом рынке в сторону стран востока и юга. Также можно констатировать отсутствие надлежащего качества и состояния оборудования, используемого при обороте ТЭК, и высокий уровень износа, в связи с чем национальное оборудование не отвечает мировому уровню энергетического комплекса;

— в-третьих, пробелы в регулировании экономики, в результате которых возникает скрытая

и криминальная экономика, характеризующаяся нелегальными сотрудниками, созданием дополнительного количества объектов ТЭК, а также серыми заработными платами, нелегальной добычей, потреблением энергоресурсов, коррупционными связями между государственными и муниципальными служащими, а также представителями фирм и коммерческих организаций.

Также следует отметить иные проблемы, в число которых входят отсутствие необходимой регламентации особенностей ответственности государства как субъекта, осуществляющего права владения, пользования, распоряжения энергоресурсами, лицензирование деятельности по обороту объектов ТЭК; особенности использования энергоресурсов, находящихся на пограничных участках; размеры штрафов, подлежащих выплате при нарушении оборота объектов ТЭК, предусмотренных кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации; вопросы, связанные с предупреждением правонарушений и преступлений в области охраны недропользования, и правила оборота объектов ТЭК.

Деяния, создающие угрозу безопасности энергетического комплекса Российской Федерации необходимо отграничивать от фактов правонарушений и преступных деяний, направленных на нарушение объемов поставок объектов топливно-энергетического комплекса, вмешательство в деятельность предприятий и хозяйствующих субъектов данного комплекса, а также случаев проявления коррумпированности сотрудников указанных предприятий, является одной из первоочередных задач государства в области уголовной политики, реализации экономической и национальной безопасности страны.

Хотелось бы отметить, что исследование преступности в целом и преступления в частности необходимо для разработки мер в сфере профилактики и предупреждения преступности. По этой причине изучение всех элементов криминологической составляющей преступлений в сфере ТЭК будет способствовать разработке эффективного комплекса профилактических мер.

В связи с этим обратимся к анализу преступности, совершаемой в топливно-энергетическом комплексе. Данные статистической отчетности федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр» МВД России (далее — ГИАЦ МВД России) являются наиболее распространенным источником информации, с помощью которого можно судить о состоянии преступности. Для более репрезен-

тативного криминологического исследования возьмем трехлетний промежуток времени (с 2020 по 2022 г.), отвечающий с точки зрения криминологического исследования требованию репрезентативности.

Анализ данных за трехлетний период показывает, что количество преступлений, предметом которых является сфера добычи, переработки, транспортировки и сбыта нефтепродуктов, имеют тенденцию к росту (2020 г. — 3252 преступления; 2021 г. — 4926; 2022 г. — 5812). Растет и количество преступлений, следствие по которым обязательно (2020 г. — 3421, 2021 г. — 4578, 2022 г. — 5234). Значительную часть этих преступлений составляют преступления против собственности (2020 г. — 91,2%, 2021 г. — 92,5%, 2022 г. — 93,1%). Постоянно увеличивается рост краж, которые в среднем за последние три года составили 32,5% (2020 г. — 29,2%, 2021 г. — 30,5%, 2022 г. — 34,3%); мошенничество остается примерно на одном и том же уровне (в среднем 20,9%: 2020 г. — 21,2%, 2021 г. — 19,3%, 2022 г. — 22,2%), а присвоение или растрата имеет тенденцию к снижению (в среднем 59%: 2020 г. — 71,9%, 2021 г. — 58,1%, 2022 г. — 47%).

Таким образом, среди преступлений против собственности присвоение или растрата за рассматриваемый период в среднем составило 62%, кражи — 32,5%, мошенничество — 34,2%. Предметом преступного посягательства в большинстве случаев являлись продукты нефтепереработки.

В деле обеспечения экономической и энергетической безопасности остро стоит вопрос реализации мер уголовной политики государства в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми в энергетическом комплексе, направленных непосредственно на объекты ТЭК, а также на предупреждение возможных новых противоправных схем, ответственность за совершение которых должна быть предусмотрена государством заранее.

Уголовная политика в области использования энергоресурсов и обеспечения энергетической безопасности государства состоит в совокупности мер, установленных с учетом направлений национальной безопасности и национальных интересов государства, направленных на ее обеспечение посредством создания и использования уголовно-правовых средств, нацеленных на защиту личности, общества и государства от противоправных деяний в отношении объектов ТЭК и энергетического комплекса государства [4].

Уголовная политика Российской Федерации в области охраны топливно-энергетического комплекса состоит в существующих нормах уголов-

ного законодательства, регулирующих вопросы оборота объектов ТЭК. В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд уголовно-правовых норм, расположенных в различных главах и устанавливающих специфику противоправных деяний в отношении энергоресурсов и наказания за их совершение.

К таковым относятся:

1) ст. 215² УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения»;

2) п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража, совершенная из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода»;

3) ст. 215³ УК РФ «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность»;

4) ст. 217¹ УК РФ «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса»;

5) ст. 226¹ УК РФ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (к стратегически важным ресурсам относятся каменный уголь, нефть и нефтепродукты, природный, нефтяной и углеводородный газ)» и ряд других, где напрямую в качестве объекта посягательства не указываются объекты ТЭК, такие как присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ).

В связи с этим необходимо отметить, что на сегодняшний день значение уголовно-правовых мер в области защиты энергоресурсов значительно возросло. Средства и методы, используемые государством в области уголовной политики, позволяют создать особый механизм, направленный на предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых в отношении объектов топливно-энергетического комплекса, а также в случае их совершения привлечь к уголовной ответственности.

Уголовная политика как один из механизмов в области защиты энергоресурсов позволяет обеспечить надлежащий уровень энергетической безопасности государства. Однако меры, устанавливаемые уголовным законодательством, должны быть также направлены на недопущение совершения такого рода преступлений, а не являться обычным средством обеспечения безопасности. Существующая уголовная политика государства позволяет непрерывно контролировать степень защищенности объектов ТЭК, а также выступает средством реагирования на внешние угрозы энергетической безопасности государства, что дает возможность эффективно противодействовать преступлениям, совершаемым в нефтегазовом секторе.

Преступления в нефтегазовом комплексе представляют собой особую категорию преступлений. Как правило, объективная сторона таких преступлений выражена в активных действиях лиц, имеющих доступ к ТЭК, направленных на незаконное изъятие объектов топливно-энергетического комплекса и обращение их в свою пользу с целью материального обогащения. Среди видов преступлений, направленных на объекты ТЭК, выделяют хищения путем присвоения, растраты и мошенничества, хищения путем изготовления поддельных официальных документов, уклонения от уплаты налогов путем ведения налогового учета с нарушением требований налогового законодательства, поставка объектов ТЭК на подставные, фиктивные фирмы и организации, хищения товара на различных этапах его транспортировки.

В качестве предмета преступлений в отношении энергоресурсов выделяют нефтепродукты, горюче-смазочные материалы, а также добытые нефть и газ. Причем наиболее часто встречающимся предметом преступления выступают нефтепродукты.

Преступления, посягающие на объекты ТЭК, различаются по способу их совершения в зависимости от стадии оборота энергоресурсов. Так, объекты ТЭК могут похищаться в процессе добычи, транспортировки добытых ресурсов, переработки, транспортировки нефтепродуктов, а также в момент распределения нефтепродуктов. В зависимости от стадии оборота объектов ТЭК нами будут рассмотрены специфические способы совершения преступления.

Одним из преобладающих видов преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса являются различные виды хищений, незаконное предпринимательство, а также некоторые иные, где в качестве объекта посягатель-

ства выступают объекты ТЭК. Для более подробного рассмотрения специфики преступной деятельности на каждой стадии оборота объектов ТЭК необходимо сформировать классификацию по этапам хозяйственной деятельности при добыче энергоресурсов, транспортировке добытых ресурсов, переработке, транспортировке нефтепродуктов и реализации (распределении) энергоресурсов. Также внутри указанных групп имеются и более частные случаи, и классификации преступных деяний, на которых мы также остановимся [5].

Рассмотрим специфику видов преступлений, совершаемых на каждом этапе. К таким преступлениям, как правило, относится незаконное предпринимательство, хищения объектов ТЭК в различных формах, а также ряд других, совершаемых в процессе добычи, транспортировки добытой нефти, газа, переработки, транспортировки нефтепродуктов и распределения нефти и газа.

Пунктом 12 ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 29 декабря 2022 г.) эксплуатация взрывопожароопасных производственных объектов, на которых имеются окисляющие, горючие, взрывчатые вещества, определенные приложением 1 к Федеральному закону № 116-ФЗ от 21 июля 1999 г. «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», подлежит лицензированию.

В соответствии с этим постановлением Правительства РФ утверждено «Положение о лицензировании эксплуатации взрывопожароопасных производственных объектов». Лицензирование осуществляется Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Незаконное предпринимательство, ответственность за совершение которого установлена ст. 171 УК РФ, выражается, как правило, в нарушении требований и порядка лицензирования деятельности по пользованию недрами и энергоресурсами, а также в тех случаях, когда нефтепродукты хранятся предпринимателями без лицензии на эксплуатацию указанных объектов ТЭК. Порядок использования недр или предоставление их в пользование оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии. В случае ее отсутствия и продолжения указанной деятельности лицо, ее осуществляющее, подлежит уголовной ответственности.

Другим видом преступлений, посягающих на объекты ТЭК, являются хищения, совершенные различными способами. Среди них выделяют кражи из нефтепроводов, присвоения и растра-

ты, мошеннические действия. Рассматривая типичные места, в которых совершаются хищения нефтепродуктов, выделим места их добычи, переработки, такие как нефтепромышленные заводы, а также места прокладки трубопроводов. Такие преступления могут совершаться как лицами, являющимися сотрудниками указанных предприятий, а также иными лицами, не имеющими отношения к предприятиям нефтегазового комплекса. В зависимости от этого совершенное деяние может иметь различную квалификацию по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Субъектами могут выступать сотрудники предприятий нефтепромышленного комплекса, материально-ответственные лица, должностные лица органов местного самоуправления, также хищения могут совершаться как сотрудниками нефтеперерабатывающих заводов, так и получателями нефтепродуктов и посторонними лицами.

Большой объем преступлений в отношении нефтепродуктов, совершается в процессе транспортировки объектов топливно-энергетического комплекса. Транспортировка нефтепродуктов связана с прохождением их по нефте- и трубопроводам. В таких случаях используются незаконные врезки с целью хищения объектов ТЭК.

Несанкционированная врезка осуществляется путем создания необходимого отверстия, с помощью которого происходит хищение объектов ТЭК, в частности нефтепродуктов. Несанкционированная врезка для придания правомерности такой деятельности маскируется различными способами: место врезки закрывается корпусом стиральной машины, закладывается мешками с грунтом или самим грунтом, к месту врезки подключается отвод, выходящий к заброшенным строениям, заболоченным местностям, а также используются шлейфы.

На этапе нефтепереработки совершаются преступления при хранении, реализации, при вторичной обработке сотрудниками как нефтеперерабатывающих заводов, так и коммерческих организаций и частных предприятий.

Преступления, совершаемые в нефтегазовом комплексе на стадии реализации (распределения) объектов ТЭК, связаны с их хранением, поставкой, продажей в рамках розницы или опта. Среди данных преступлений выделяют преступные деяния как поставщиков, так и потребителей. Поставщиками совершаются различные виды хищений, среди которых кражи, присвоения и растраты, а также некоторые экономические преступления, такие как незаконное предпринимательство.

К преступлениям, совершаемым потребителями, покупателями энергоресурсов в большинстве случаев относится мошенничество, в тех случаях, когда нефтепродукты или иные объекты ТЭК приобретаются, а денежные средства за их покупку не перечисляются поставщикам. Такие действия совершаются через подставные фирмы, так называемые фирмы-однодневки.

Таким образом, преступления, совершаемые в отношении объектов ТЭК, представлены различными видами хищений как поставщиками, так и потребителями, а также осуществлением добычи нефтепродуктов без получения соответствующей лицензии.

Однако все меры уголовной политики государства отражают, скорее, постреагирование федерального законодателя на появление новых общественно опасных деяний, но прогрессивный характер уголовного законодательства и предупредительная функция при этом размываются.

Своевременные меры по совершенствованию энергетического законодательства, уголовной политики в области энергетики, быстрого реагирования на провокации преступной среды путем криминализации новых общественно опасных деяний, повышение эффективности деятельности правоприменителей на всех направлениях реализации рассматриваемой уголовной политики, несомненно, будут способствовать повышению уровня обеспечения энергетической безопасности и в целом национальной безопасности России.

Литература

1. *Нудель С.Л., Горенская Е.В.* Уголовная политика в области обеспечения энергетической безопасности // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 101–114.
2. *Авдеев В.А.* Стратегические направления уголовно-правового обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации // Криминалист. 2020. № 2 (31). С. 3–9.
3. *Авдеев В.А.* Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 18–23.
4. *Сергеев Н.Н.* Формирование системы энергетической безопасности Российской Федерации // Вестник АГТУ. 2016. № 1. С. 14–19.

5. Спицына Т.А. Безопасность объектов топливно-энергетического комплекса в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 150–156.

References

1. Nudel' S.L., Gorenskaya E.V. Ugolovnaya politika v oblasti obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti [Criminal policy in the field of ensuring energy security]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2022, no. 9, pp. 101–114. (In Russian, abstract in English)
2. Avdeev V.A. Strategicheskie napravleniya ugovovno-pravovogo obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii [Strategic directions of criminal law ensuring public security in the Russian Federation]. *Kriminalist' [Criminologist]*, 2020, no. 2 (31), pp. 3–9. (In Russian, abstract in English)
3. Avdeev V.A. Prestupnost' terroristicheskogo kharaktera i ekstremistskoi napravlenosti v RF: sostoyanie i tendentsii pravovogo regulirovaniya [Crime of a terrorist nature and extremist orientation in the Russian Federation: the state and trends of legal regulation]. *Rossiiskii sud'ya [Russian judge]*, 2018, no. 8, pp. 18–23. (In Russian, abstract in English)
4. Sergeev N.N. Formirovanie sistemy energeticheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Formation of the energy security system of the Russian Federation]. *Vestnik AGTU [Bulletin of ASTU]*, 2016, no. 1, pp. 14–19. (In Russian, abstract in English)
5. Spitsyna T.A. Bezopasnost' ob"ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Safety of fuel and energy facilities in the national security system of the Russian Federation]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy]*, 2017, no. 6 (119), pp. 150–156. (In Russian, abstract in English)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Дегтерев Андрей Александрович

Цель: рассмотреть институционально-организационный механизм противодействия киберпреступности на современном этапе развития общества.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедуция, сравнительно-правовой метод, системный метод.

Выводы. В статье приведен сравнительно-правовой анализ законодательств Китая, ОАЭ и России. Выявлены проблемы технического и организационно-правового сопровождения профилактической деятельности.

Научная и практическая значимость. Автор предлагает разработать в рамках профилактической деятельности стратегию противодействия киберпреступлениям, что позволит определить существующие болевые точки как в обществе и государстве, так и в международной системе противодействия этим преступлениям.

Ключевые слова: киберпреступность, кибербезопасность, интернет-услуги, компьютерная информация, национальная безопасность, информационная безопасность, фишер, незаконное вторжение, телекоммуникационные сети.

Жизнь любого общества характеризуется сложностью внутреннего устройства, достаточным многообразием форм проявления и гибкостью динамики развития его отдельных институтов. В процессе развития общества с параллельным формированием специфического функционального аппарата образуются и различные новые институты, которые в теории государства и права не изучены, но при этом обладают принципиально важным значением.

Киберпреступность и кибербезопасность представляют собой существенную проблему в современном мире. Возникшая проблема связана с текущим развитием информационных технологий и оказанием интернет-услуг. Защита пользователей Интернета, усиление безопасности Интернета являются частью правительственной политики во многих странах мира. Несмотря на наличие Стратегии национальной безопасности в нашей стране, которая затрагивает вопросы киберпреступности, до настоящего времени в российском законодательстве отсутствует определение понятия «киберпреступление».

В отличие от России, в Уголовном кодексе Китая преступления в сфере защиты компьютерной информации включены в § 7 «Преступления против интеллектуальной собственности» гл. 3 УК Китая «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка» [6, с. 18]. Юридические лица по УК Китая несут ответственность за совершение ряда экономических преступлений. При этом в качестве наказания применяют штраф. По сравнению с другими видами наказаний, его размер значителен. В отличие от УК РФ, китайский законодатель предусмотрел привлечение к уголовной ответственности наряду с физическими лицами также и юридических лиц. Прежде всего, такое нововведение позволило китайским правоохранителям повысить эффективность борьбы с данной категорией преступлений.

В § 7 УК Китая охватывает статьи, которые направлены на защиту компьютерной информации. К ним относятся:

а) ст. 285 (в нарушение государственных установлений вторжение в компьютерные информа-

ционные системы государственного значения, оборонного строительства, новейших научно-технических разработок и сфер; в нарушение государственных установлений вторжение в компьютерные информационные системы, либо иными техническими средствами получение передаточных, оперативных и хранящихся в базе данных таких компьютерных информационных систем сведения либо незаконный контроль над такими компьютерными информационными системами; предоставление специальных для вторжения в компьютерные информационные системы или для незаконного контроля над ними программ, орудий либо предоставление другими лицами программ, орудий для заведомо незаконного вторжения в компьютерные информационные системы). В указанной статье оговорено, что если деяние совершается организацией, то есть юридическим лицом, то в отношении организации применяется наказание в виде штрафа. При этом руководители этой организации и другие, непосредственно ответственные лица наказываются лишением свободы на срок до трех лет или арестом;

б) ст. 286 (в нарушение государственных установлений совершение с компьютерными информационными системами таких действий, как уничтожение функций систем, модификация, дополнение, создание помех, приведшее к невозможности нормального функционирования компьютерной информационной системы; в нарушение государственных установлений совершение с передаточными, оперативными и хранящимися в базе данными компьютерных информационных систем таких действий, как удаление, исправление, дополнение, повлекшее серьезные последствия; умышленное создание и распространение компьютерных вирусов и иных программ деструктивного характера, оказывающих влияние на нормальное функционирование компьютерных систем, повлекшее серьезные последствия). Статья предусматривает наказание организаций за совершение тех же деяний в виде штрафа, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом, а в случае, если то же деяние повлекло особо тяжкие последствия, — лишением свободы на срок от 5 и более лет;

в) ст. 287 (финансовое мошенничество, кража, коррупция, использование не по назначению общественных средств, похищение государственной тайны или другие преступления, совершенные

при помощи компьютера). Указанные преступления квалифицируются и наказываются согласно соответствующим статьям УК Китая;

г) ст. 287-1 содержит перечень преступных деяний, которые совершаются с использованием информационной сети при отягчающих обстоятельствах. Законодатель за их совершение предусмотрел наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет или арест и дополнительно или в качестве самостоятельного наказания — штраф. К таким преступлениям относятся:

1) создание сайтов или связанных групп, предназначенных для мошенничества, обучения способам преступления, изготовления или сбыта запрещенных или находящихся под контролем предметов;

2) распространение информации об изготовлении, сбыте наркотиков, оружия, порнографических предметов и иных запрещенных или находящихся под контролем предметов или иной преступной информации;

3) опубликование информации для совершения мошенничества или иной преступной деятельности [6, с. 18].

За совершение указанных преступлений предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц и их руководителей. Кроме того, привлекаются и ответственные лица, имеющие отношение к совершенному преступлению. За перечисленные выше преступления по УК Китая предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет или ареста. Также назначается дополнительно или в качестве самостоятельного наказания штраф. По УК Китая, если при наличии совершенного преступления содержится состав другого совершенного преступления, то назначение наказания происходит за более тяжкое из совершенных преступлений.

Определенный опыт борьбы с киберпреступностью имеют и Объединенные Арабские Эмираты. ОАЭ сделали кибербезопасность одним из главных приоритетов национальной безопасности. Поводом для этого послужило то, что эмираты являются наиболее интернет-активными в мире. По данным UN Broadband Commission report от 2014 г., около 85% людей, проживающих в ОАЭ, пользуются Интернетом. ОАЭ на Ближнем Востоке занимают 3-е место по использованию Интернета, а в мировом масштабе — 17-е место. Поэтому не случайно интернет-пространство ОАЭ постоянно подвержено нападению хакеров и фишеров. Хакеры взламывают онлайн-систему безопасности ОАЭ с целью украсть или скопировать инфор-

мацию. Фишеры — люди, которые в режиме онлайн выдают себя за представителей банков или других организаций, чтобы получить персональную информацию. В этом заключается их принципиальное отличие.

Постоянная угроза от киберпреступности привела Эмираты к созданию специальной организации, усилия которой направлены на кибербезопасность и на борьбу с киберпреступлениями. В ОАЭ эта организация называется «Национальное агентство электронной безопасности» или NESAs, The National Electronic Security Authority (далее — NESAs). NESAs является первой организацией в ОАЭ, которая систематизирует и предпринимает меры для защиты своих национальных интересов в сети Интернет.

Основными задачами NESAs являются: 1) защита коммуникационных сетей ОАЭ; 2) развитие и внедрение инструментов мониторинга бесперебойной работы сети; 3) предложение и реализация национальной политики укрепления безопасности; 4) разработка государственных планов по чрезвычайным ситуациям; 5) составление отчетов с анализом рисков. Кроме основных задач, на агентство возлагается задача объединения всех усилий по защите государственных и частных организаций от киберпреступлений и шпионажа с использованием Интернета.

В ОАЭ NESAs обеспечивает не только государственную и экономическую безопасность, но и защищает от преступных посягательств электронную информацию об истории болезней пациентов в больницах, документы с информацией о чиновниках в госучреждениях и простых граждан, интеллектуальную собственность и информацию об уязвимых местах в системе национальной безопасности.

По решению ОАЭ, находятся под запретом отдельные VoIP-сервисы, такие как WhatsApp, Viber, Facebook Messenger и SnapChat.

В 2017 г. в отчете Norton Cyber Security Insights Report потери от киберпреступлений в ОАЭ составили 3,86 млрд дирхамов, в общей сложности пострадали 3,72 млн человек. Киберпреступления затронули интересы 52 % взрослого населения ОАЭ в сети Интернет. Основная масса потерпевших — рядовые пользователи Интернета. В августе 2018 г. президентом ОАЭ внесены поправки в принятый в 2012 г. закон по борьбе с киберпреступлениями. Внесенные поправки ужесточили наказание за пропаганду террористических и незаконных организаций в Интернете. В соответствии с указом ст. 26, 28 и 42 Закона № 5 от 2012 г. «О борьбе с пре-

ступлениями в электронной сфере» изложены в новой редакции. Статья 26 увеличивает срок тюремного заключения с 10 до 25 лет, при этом назначаемый штраф составляет от 2 до 4 млн дирхамов. Подобные наказания применяются в отношении любого лица, которое создает сайт, руководит им или организует его работу, публикует информацию в компьютерной сети или использует информационные технологии в целях разжигания ненависти, период тюремного заключения не должен превышать 5 лет, а назначаемый штраф должен составлять не менее 500 тысяч и не более 1 млн дирхамов.

Аналогичное наказание предусмотрено для тех, кто скачивает информацию с подобных интернет-сайтов и тем самым способствует ее дальнейшему распространению. Привлекают и наказывают и тех, кто неоднократно посещает указанные интернет-сайты. За совершение таких преступлений тюремное заключение может быть заменено на пребывание в специальных исправительных учреждениях или применяется запрет на пользование средствами информационных технологий на аналогичный срок. Для тех же нарушителей, которые впервые совершили подобное преступление, суд может заменить наказание и назначить испытательный срок.

В отношении иностранного гражданина, совершившего преступление на территории ОАЭ и признанного виновным в совершении любого из преступлений, указанных в Законе № 5, после вступления приговора в действие суд имеет право принять решение о депортации, применив ст. 42, содержащую ссылку на второй параграф ст. 121 УК ОАЭ.

Анализируя законодательство ОАЭ, можно сделать вывод о том, что руководство Эмиратов прикладывает все усилия, чтобы ограничить свои территории от киберпреступлений, тем самым нейтрализовать угрозу со стороны киберпространства. Такой подход негативно отражается на свободе Интернета в ОАЭ. По сути, закон о кибербезопасности в ОАЭ представляет собой угрозу для простых пользователей Интернета. Поскольку прослеживается тонкая грань между простым его использованием и преступлением против кибербезопасности, которую легко преступить, даже не имея намерения. Поэтому стереотип об открытой и довольно либеральной стране, несмотря на мусульманские законы, постепенно начинает разрушаться (*О мерах по обеспечению кибербезопасности в ОАЭ // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.iimes.ru/?p=47341> (дата обращения: 12.03.2023)*).

В УК РФ преступлениям в сфере компьютерной информации посвящена глава 28. К ним относятся:

а) ст. 272. Неправомерный доступ к компьютерной информации;

б) ст. 273. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;

в) ст. 274. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей;

г) ст. 274¹. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации;

д) ст. 274². Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования.

Сеть Интернет и другие компьютерные технологии давно и прочно вошли в нашу повседневную жизнь. На их основе создан новый вид социума, такой как виртуальное общество. Отражая офлайн-реальность, глобальная сеть получила от нее в наследство как позитивные, так и негативные явления. К числу последних в первую очередь можно отнести киберпреступность, которая в кратчайшие сроки взяла на вооружение новейшие информационные технологии. В результате возникли неизвестные до этого хакерство, кибертерроризм, киберэкстремизм, кибервойны, киберфейки, компьютерное мошенничество и другие виды киберпреступности.

В последние годы благодаря усилиям правоохранительных органов раскрыто немало таких преступлений, а виновные понесли наказание. Как следствие, на просторах всемирной паутины заметно уменьшился объем противоправного контента. Но значительная часть существовавших и существующих на виртуальной поверхности Интернета девиаций не исчезла, а спустилась в не индексируемые обычными поисковыми машинами недра всемирной компьютерной сети, образовав так называемый «глубинный Интернет» или «латентный Интернет».

Латентный Интернет — это ресурсы, которые не обнаруживаются поисковыми машинами, а также порталы, сайты и т.д., доступ к которым предполагает либо платный характер, либо наличие специального разрешения на использование ресурсов. По имеющимся данным, в латентном Интернете находится порядка 90 % всего ценно-

го научно-технического, технологического, финансово-экономического и государственного открытого контента. Объемы латентного Интернета постоянно увеличиваются.

Существенную часть такого типа Интернета наполняет TOR-сеть. TOR (от англ. The Onion Router) — открытое, свободное программное обеспечение второго поколения, предназначенное для реализации луковой маршрутизации. Луковая маршрутизация представляет собой систему прокси-серверов. Именно с помощью прокси-серверов осуществляется установка анонимного сетевого соединения, которую на сегодняшний день нельзя прослушать, так как на ней устанавливается специальная защита от постороннего вмешательства. TOR-сеть воспринимается как анонимная сеть абстрактных лабиринтов. Она осуществляет передачу информации в нераспознаваемом зашифрованном виде. Такого рода компьютерная информация практически не доступна правоохранительным органам. Поэтому большая часть совершающихся киберпреступлений имеет латентный характер.

Используя TOR-сети, пользователи Интернета могут самостоятельно, анонимно и бесконтрольно посещать многие сайты, вести блоги, отправлять почтовые сообщения, работать с другими приложениями, использующими протокол TCP. За счет использования распределительной сети серверов появляется возможность сохранить анонимность трафика. Применение технологии TOR-сети гарантирует защиту от инструментов анализа трафика. Они, как правило, угрожают деанонимизации Интернета и компрометируют конфиденциальность деловых контактов, коммерческую тайну и тайну связи в целом [7].

Криминологические характеристики киберпреступности не только глубинного Интернета, но и его видимой части, с учетом высокой степени относительности результатов проводимых оценок, выявить чрезвычайно сложно, а порой и невозможно. В первую очередь это объясняется значительной латентностью, относительной приспособленностью имеющихся традиционных криминологических методик исследования киберпреступности. По мнению автора, в пределах TOR-сети могут образоваться различные преступные сегменты, такие как:

- 1) киберпреступность, связанная с незаконным контентом сексуального характера;
- 2) киберпреступность, связанная с оборотом наркотических веществ и их аналогов;
- 3) киберпреступность, связанная с оборотом компьютерной информации (многочисленные

действия, касающиеся неправомерного доступа к информации);

4) киберпреступность в сфере экономики;

5) киберпреступность экстремистской направленности;

6) киберпреступность, связанная с оборотом поддельных документов;

7) киберпреступность, связанная с оборотом оружия;

8) насильственная киберпреступность;

9) киберпреступность, связанная с нарушением прав интеллектуальной собственности;

10) киберпреступность, посягающая на нарушение условий легитимности государственной власти [2];

11) киберпреступность, направленная на незаконную реализацию поддельных лекарств, под-

делку сайтов медицинских и правительственных учреждений;

12) киберпреступность, направленная на незаконное распространение редких видов флоры и фауны и др.

Указанные разновидности преступлений являются относительно новыми и самостоятельными направлениями киберпреступности, имеющими обособленные криминологические характеристики. Принимая во внимание прогнозы киберпреступности во всем мире, в уголовном законодательстве России должен быть учтен опыт борьбы зарубежных стран и приняты законодательные меры по серьезной модификации функций правоохранительных органов, направленных на борьбу с киберпреступностью.

Литература

1. Баранова Е.К., Бабаши А.В. Информационная безопасность и защита информации: учеб. пособие. М.: РИОР, Инфра-М, 2016. — 322 с.
2. Дегтерев А.А. Нарушение условий легитимности государственной власти: уголовно-правовая характеристика. Астрахань: Астраханский университет, 2018. — 129 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. д-ра юрид. наук, профессора С.В. Дьякова, д-ра юрид. наук, профессора Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2016. — 1040 с.
4. Лакомов А.С. Киберпреступность: современные тенденции // Академическая мысль. 2019. № 2 (7). С. 53–56.
5. Назаренко Г.В. Субъект преступления: pro et contra // Российский следователь. 2020. № 5. С. 47–50.
6. Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева, пер. с кит. проф. Хуан Даосю. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2017. — 256 с.
7. Узденов Р.М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С. 649–655.
8. Бельский А.И., Якимова В.И. Кибертерроризм как один из наиболее опасных видов международного терроризма // Российский следователь. 2020. № 5. С. 66–70.

References

1. Baranova E.K., Babash A.V. Informatsionnaya bezopasnost' i zashchita informatsii: Ucheb. posobie [Information security and protection of information: Textbook]. Moscow: RIOR Publ., Infra-M Publ., 2016. 322 p. (In Russian)
2. Degterev A.A. Narushenie uslovii legitimnosti gosudarstvennoi vlasti: ugolovno-pravovaya kharakteristika [Violation of the conditions of legitimacy of state power: criminal-legal characteristics]. Astrakhan': Astrakhanskii universitet Publ, 2018. 129 p. (In Russian)
3. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii postateinyi) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical article-by-article)]. Eds. S.V. D'yakov, N.G. Kadnikov. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2016. 1040 p. (In Russian)
4. Lakomov A.S. Kiberprestupnost': sovremennye tendentsii [Cybercrime: current trends]. *Akademicheskaya mysl' [Academic Thought]*, 2019, no. 2 (7), pp. 53–56. (In Russian, abstract in English)
5. Nazarenko G.V. Sub"ekt prestupleniya: pro et contra [The subject of the crime: pro et contra]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2020, no. 5, pp. 47–50. (In Russian, abstract in English)

6. Ugolovnyi kodeks Kitaya [The Criminal Code of China]. Eds. prof. A.I. Korobeev, prof. A.I. Chuchaev, translation from Chinese prof. Huang Daoxu. Moscow: Yuridicheskaya firma «Kontrakt» Publ., 2017. 256 p. (In Russian)

7. *Uzdenov R.M.* Novye granitsy kiberprestupnosti [New frontiers of cybercrime]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2016, no. 4, pp. 649–655. (In Russian, abstract in English)

8. *Bel'skii A.I., Yakimova V.I.* Kiberterrorizm kak odin iz naibolee opasnykh vidov mezhdunarodnogo terrorizma [Cyberterrorism as one of the most dangerous types of international terrorism]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2020, no. 5, pp. 66–70. (In Russian, abstract in English)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЛУЖЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Бражин Юрий Юрьевич

***Цель:** анализ статистических данных ГИАЦ МВД России, демонстрирующих современное состояние, динамику и структуру служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Посредством исследования показателей преступности авторы выдвигают краткосрочный прогноз преступности в рассматриваемой области.*

***Методология:** диалектический метод, индукция, статистический анализ, контент-анализ, экстраполяция, экспертная оценка.*

***Выводы.** Выдвигается гипотеза, объясняющая тенденцию роста служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».*

***Научная и практическая значимость.** Учитывая отсутствие комплексных исследований, посвященных изучению состояния, динамики и структуры служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», полученные результаты могут стать полезными методическими рекомендациями для формирования предложений по совершенствованию механизма противодействия преступлениям в исследуемой области.*

***Ключевые слова:** национальный проект «Здравоохранение», служебно-экономическая преступность, показатели, прогноз преступности, состояние, структура, динамика.*

В современной политике государства национальные проекты имеют крайне важное значение для дальнейшего развития нашей страны. А на фоне существующих в настоящее время внутренних и внешних угроз рассматриваемый институт является особым объектом криминологического исследования, имеющим свои специфические черты.

Изучение особенностей противодействия служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» представляется невозможным без рассмотрения криминологической характеристики данного вида преступности.

Теоретическую основу криминологического исследования составляют труды известных ученых: Г.А. Аванесова [1], Ю.М. Антоняна [2], В.Н. Кудрявцева [3], К.Е. Игошева [4], И.И. Кар-

пеца [5], Н.Ф. Кузнецовой [6], В.Д. Ларичева [7, с. 44–48], А.А. Конева [8], С.М. Иншакова [9], В.С. Устинова [10; 15, с. 81–88], Г.Н. Горшенкова [11, с. 5–9], Б.Я. Гаврилова [12] и др.

В то же время, прежде чем привести результаты исследования, важно заметить, что криминологическая оценка возможна только по имеющимся статистическим показателям, складывающимся исходя из сведений о зарегистрированных преступлениях, которые, по нашему мнению, недостаточно точно отражают современное состояние криминальной обстановки. Более того, основная доля реальной преступности является латентной, а цифры о количестве совершенных деяний можно назвать не совсем объективными.

Однако, придерживаясь традиционной модели криминологического исследования, изучение со-

стояния преступности необходимо начать с рассмотрения показателей служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» за прошедший период его исполнения. Так, за период с 2019 по 2022 гг. было совершено 363 преступления.

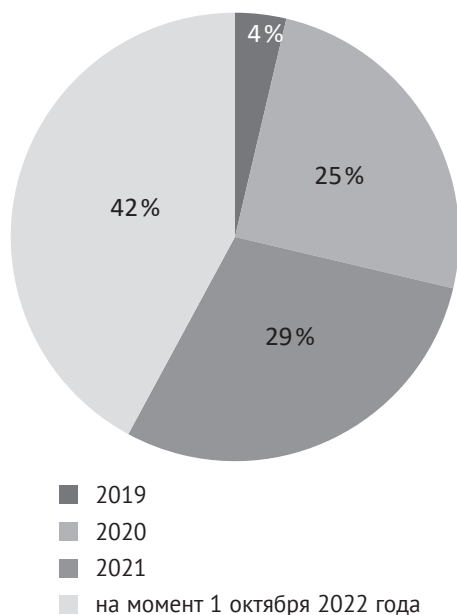

Диаграмма 1. Состояние служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» за прошедший период

Представленные показатели указывают на рост служебно-экономической преступности в рассматриваемой области. При этом за 2022 г.

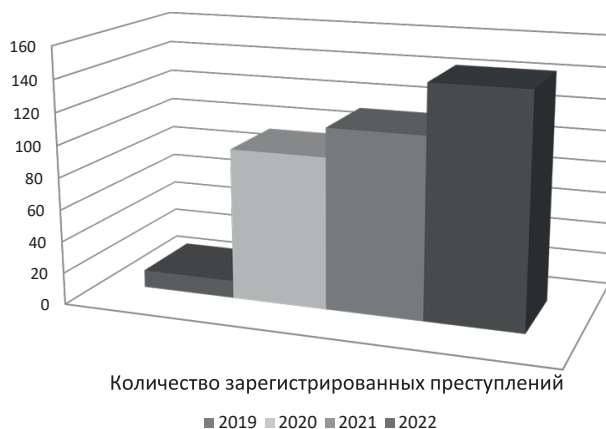

Диаграмма 2. Динамика служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

зарегистрировано преступлений больше, чем за 2019 и 2020 гг. в сумме. Это может обуславливаться следующими обстоятельствами: во-первых, проверки контроля расходования бюджетных средств начали активно проводиться лишь в конце первого года реализации проекта, что и объясняет относительно небольшой показатель преступности; во-вторых, распространение коронавирусной инфекции непосредственным образом повлияло на характер и количество проводимых проверочных мероприятий.

Кроме того, представляется возможным провести исследование служебно-экономической преступности по федеральным округам Российской Федерации за 2021 г.

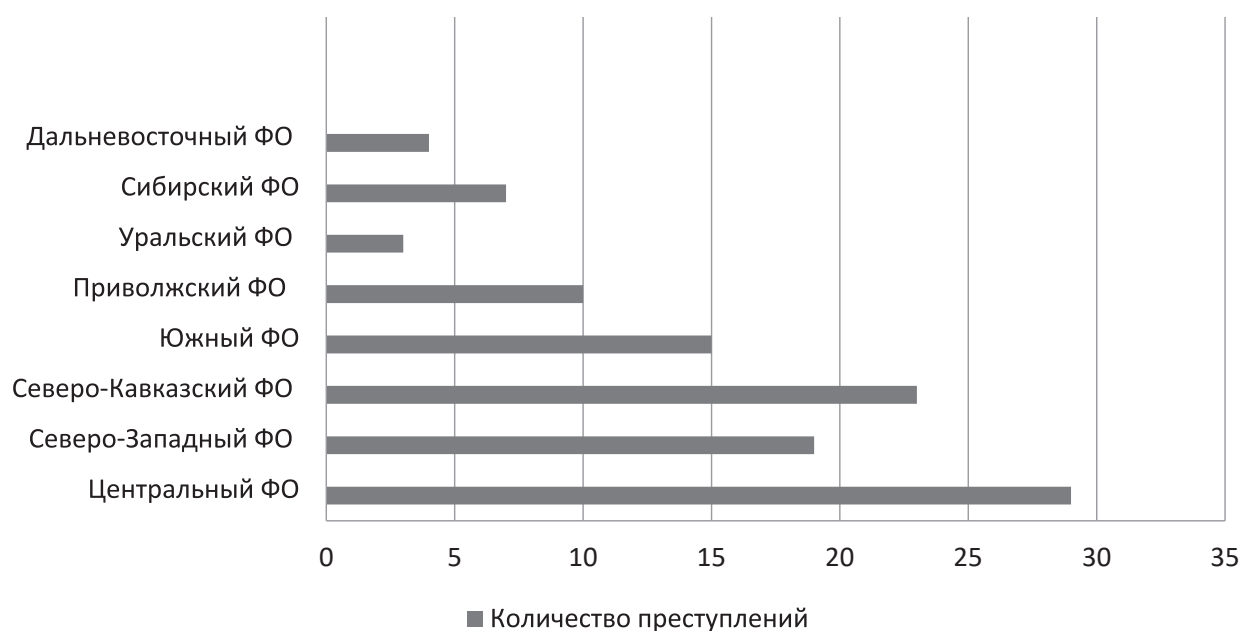

Диаграмма 3. География служебно-экономической преступности по федеральным округам Российской Федерации за 2021 г.

Диаграмма 4. Коэффициент служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

Как видно из показателей, наибольшее количество преступлений зарегистрировано в Центральном федеральном округе РФ, наименьшее — в Уральском федеральном округе РФ. Также следует рассчитать коэффициент преступности (показатели выборки: название федерального округа РФ; городское и сельское население; всего лиц в трудоспособном возрасте; 2021 г.).

Так, согласно коэффициенту служебно-экономической преступности в сфере реализации нацио-

нального проекта «Здравоохранение» наиболее высокий показатель наблюдается в Северо-Кавказском ФО, наименьший — в Уральском ФО. Объяснить представленные показатели можно монополизацией сектора оказания медицинских услуг, поставок лекарственных препаратов и оборудования, а также сменой руководящего звена ведомств здравоохранения в регионах Северо-Кавказского ФО.

В продолжение исследования необходимо обратить внимание на размер причиненного ущерба.

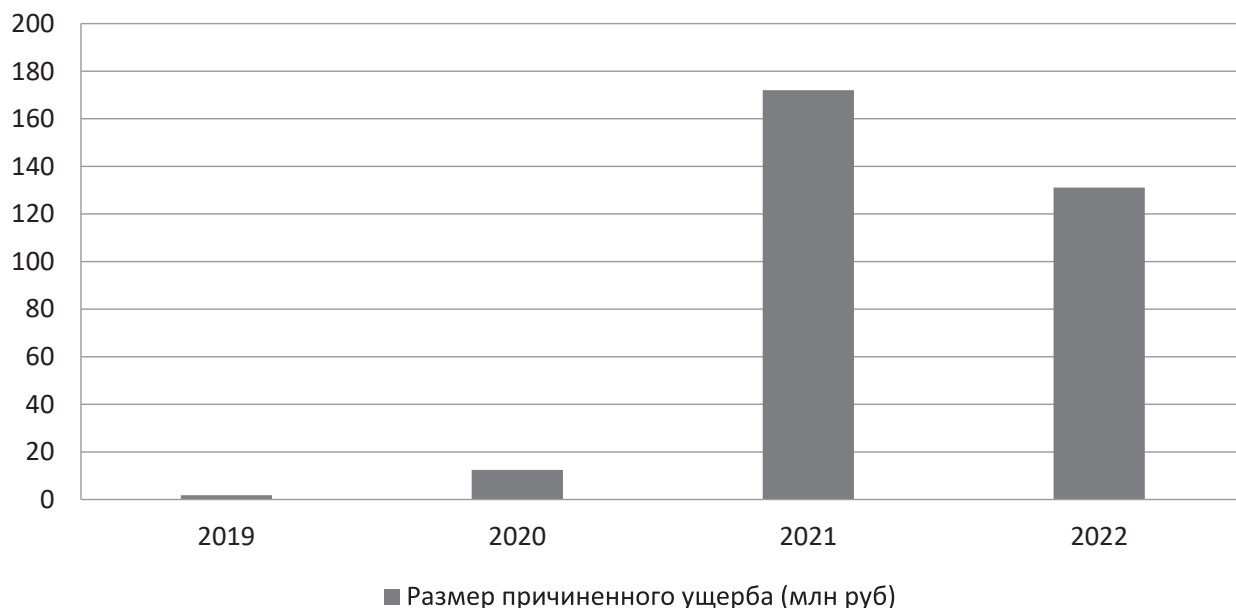

Диаграмма 5. Размер причиненного ущерба (млн руб.) от служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

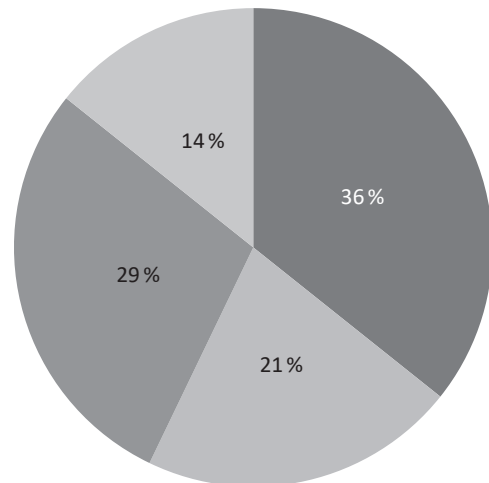
Считаем, что его размер на основании данных ГИАЦ МВД России не показывает реальные объемы причиненного ущерба, поскольку, к примеру, в ходе совместных действий МВД, ФСБ и Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения выявлена преступная группа, которая занималась хищением и перепродажей дорогостоящих препаратов, общая сумма ущерба составила 200 млн рублей (*Следователи изъяли похищенные из государственных больниц препараты на 200 млн рублей* // [Электронный ресурс]: URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Sledovateli-izyali-pohishennyye-iz-gosudarstvennyh-bolnic-preparaty-na-200-mln-rublei.html> (дата обращения: 27.10.2022)), что уже значительно превышает размер годового ущерба за 2021 г.

Более того, основными направлениями реализации национального проекта «Здравоохранение» являются борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями и онкозаболеваниями, где лечение, лекарство, оборудование обходится государству в большие суммы денежных средств, в этой связи прогнозируется рост уголовных дел с крупным и особо крупным размерами материального ущерба.

Далее следует перейти к рассмотрению структуры служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранения».

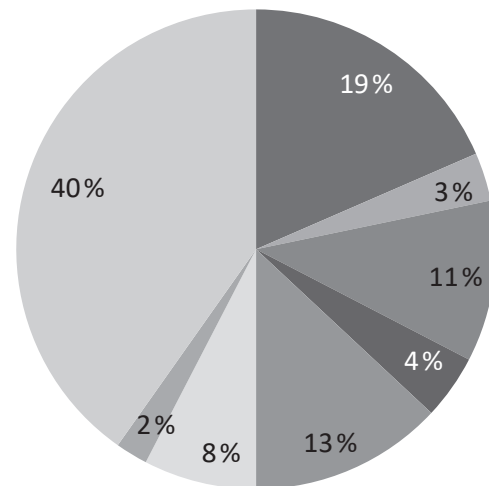
За первый год реализации национального проекта «Здравоохранение» структура служебно-экономической преступности в данной сфере включает в себя: мошенничество, присвоение или растрату, служебный подлог и злоупотребление должностными полномочиями. В то же время все преступления совершались либо должностными лицами, либо лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации при обязательном наличии корыстного мотива. Представляется интересным факт отсутствия в официальной статистике ГИАЦ МВД России преступлений с признаками взяточничества, хотя руководитель ГУЭБиПК МВД России указывал на выявление 26 коррупционных преступлений (*Чиновники должны нести персональную ответственность за расходование бюджетных средств на нацпроекты* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4290343> (дата обращения: 28.10.2022)).

В этой связи видится возможным предположить, что служебно-экономическая преступность в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» является латентной.

- мошенничество ст. 159 УК РФ
- присвоение или растрата ст. 160 УК РФ
- служебный подлог ст. 292 УК РФ
- злоупотребление должностными полномочиями ст. 285 УК РФ

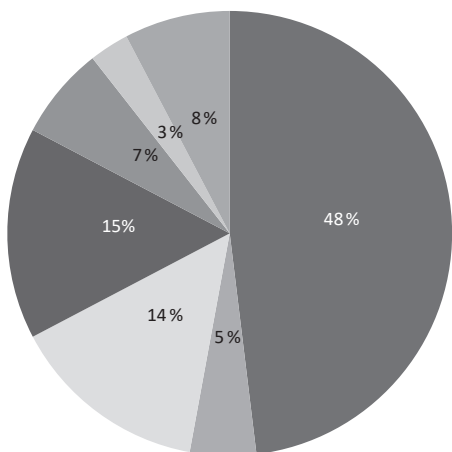
Диаграмма 6. Структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» за 2019 г.

- мошенничество ст. 159 УК РФ
- присвоение или растрата ст. 160 УК РФ
- злоупотребление должностными полномочиями ст. 285 УК РФ
- превышение должностных полномочий ст. 286 УК
- получение взятки ст. 290 УК РФ
- дача взятки ст. 291 УК РФ
- посредничество во взяточничестве ст. 291.1 УК РФ
- служебный подлог ст. 292 УК РФ

Диаграмма 7. Структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» за 2020 г.

За второй год структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» дополняется новыми видами: превышение должностных полномочий, дача взятки, посредничество во взяточничестве. При этом основная масса преступлений представлена мошенничеством, служебным подлогом и получением взятки. Особое внимание необходимо обратить на взяточничество, которое отсутствовало в данных ГИАЦ МВД России за предыдущий отчетный период. На основании анализа приговоров судебной практики определена особенность посредничества во взяточничестве, при котором лицом, совершающим данное преступление, является должностное лицо, находящееся в служебной зависимости от взяткополучателя (Приговор № 1-193/2020 от 29 мая 2020 г. по делу № 1-193/2020). Случаев, при которых посредник самостоятельно обращался в правоохранительные органы с заявлением о факте коррупционного поведения, выявлено не было.

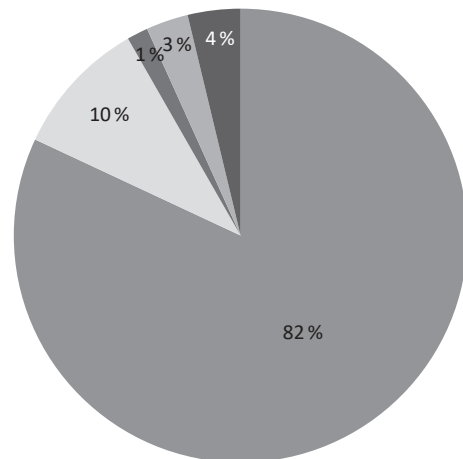

- мошенничество ст. 159 УК РФ
- присвоение или растрата ст. 160 УК РФ
- служебный подлог ст. 292 УК РФ
- получение взятки ст. 290 УК РФ
- дача взятки ст. 291 УК РФ
- нецелевое расходование бюджетных средств ст. 285.1 УК РФ
- злоупотребление должностными полномочиями ст. 285 УК РФ

Диаграмма 8. Структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» за 2021 г.

На третий год структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» дополняется единичными фактами нецелевого расходования бюджетных средств при подавляющем

большинстве мошенничества, получения взятки и служебного подлога. Это можно объяснить следующим: 1) изменился порядок казначейского сопровождения; 2) проверочные мероприятия в рамках контроля за расходованием денежных средств начали активно проводиться лишь после выделения бюджетных ассигнований, что, в свою очередь, отразилось и на статистических показателях.

- мошенничество ст. 159 УК РФ
- злоупотребление должностными полномочиями ст. 285 УК РФ
- коммерческий подкуп ст. 204 УК РФ
- получение взятки ст. 290 УК РФ
- служебный подлог ст. 292 УК РФ

Диаграмма 9. Структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» на момент 1 октября 2022 г.

За 2022 г. структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» характеризуется появлением коммерческого подкупа, однако основная масса преступлений представлена мошенничеством, злоупотреблением должностными полномочиями и служебным подлогом. В то же время особый интерес вызывает коммерческий подкуп, поскольку в статистических данных на более ранних этапах такого криминального деяния представлено не было, что указывает на эволюционирование преступности в исследуемой области.

Оценка ситуации, складывающейся в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», позволяет согласиться с мнением А.А. Глуховой, что следует больше внимания уделить регулированию общественных отношений в сфере экономической безопасности государства, расстановке приоритетов [13, с. 316].

Полагаем, что в рамках рассматриваемой сферы необходимо придерживаться рискоориентированного подхода и вовремя принимать необходимые меры для защиты государства от потенциальных угроз.

Рассматривая структуру служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», необходимо отметить, что наиболее распространенными криминальными деяниями выступают: мошенничество, служебный подлог и получение взятки.

Исследуя динамику отдельных видов преступлений, совершаемых в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», наблюдаем рост совершения мошенничества, что обуславливается региональным освоением бюджетных средств и отсутствием своевременного контроля со стороны контролирурующих субъектов. К примеру, за 2019 г. органами внутренних дел проведено 268 мероприятий, направленных на защиту бюджетных средств, а в 2020 г. и в 2021 г. реализовано свыше 1000 проверок за каждый период, в 2022 г. наблюдается снижение до 968.

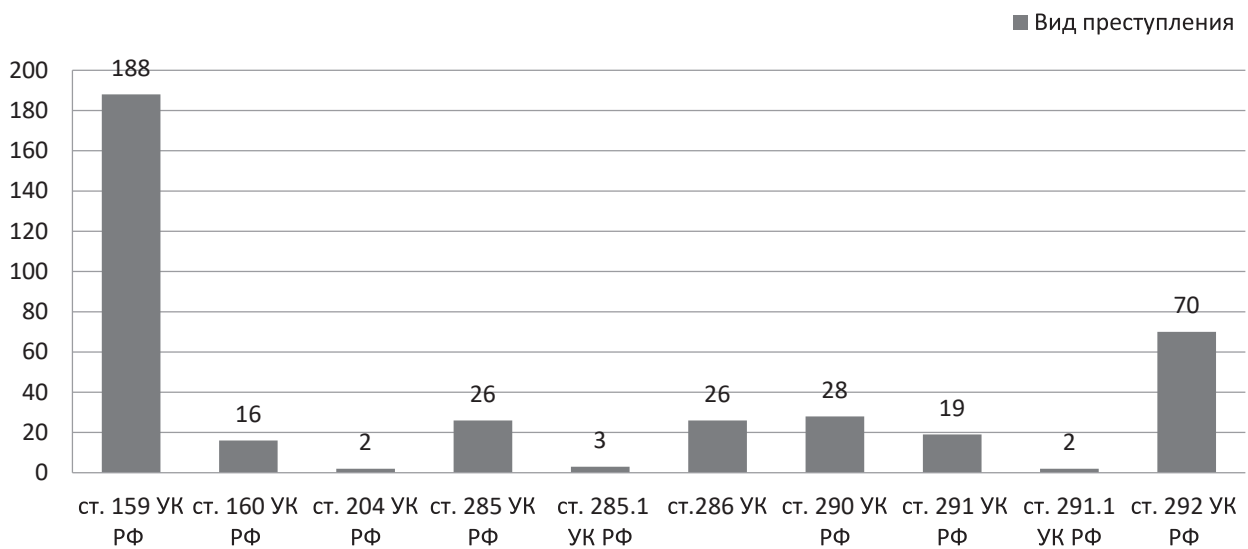

Диаграмма 10. Структура служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» за период 2019–2022 гг.

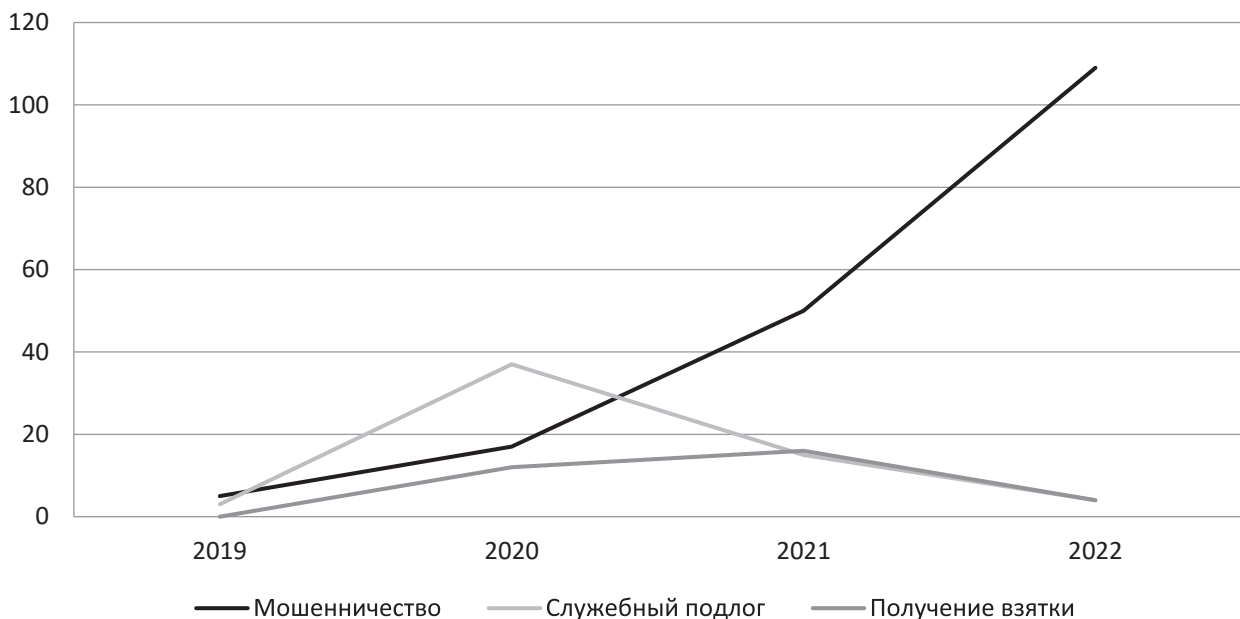

Диаграмма 11. Динамика отдельных видов преступлений, совершаемых в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

Учитывая вышеизложенное, возникает необходимость изучения вопроса, связанного с прогнозированием служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». В этой связи отметим, что дефиниции «прогнозирование преступности» и «криминологическое прогнозирование» не являются тождественными, ибо последнее включает в себя прогнозирование не только преступности, но и иных антиобщественных явлений, а также тенденций и закономерностей развития правоохранительных органов, карательной практики, системы органов, участвующих в предупреждении преступности и др. (*Криминологическое прогнозирование и планирование предупреждения преступности // [Электронный ресурс]: URL: [https://stavf.krd.u.mvd.pf/upload/site122/document_file/Lekciya_9\(4\).pdf](https://stavf.krd.u.mvd.pf/upload/site122/document_file/Lekciya_9(4).pdf) (дата обращения: 17.02.2023)*).

Следовательно, прогнозирование преступности может проводиться тремя специальными методами: экстраполяция, моделирование и экспертная оценка. В то же время в доктрине некоторые авторы дополнительно выделяют метод системного анализа, предусматривающего обязательный учет взаимосвязи преступности и ее причин с другими социальными, экономическими, политическими, демографическими и другими факторами [14]. Однако использование методов моделирования и системного анализа применительно к теме нашего исследования представляется излишним, поскольку полученные результаты могут быть непрезентативными по причине отсутствия необходимой эмпирической информации и ограничения на объем статьи. В этой связи считаем целесообразным остановиться на экстраполяции и экспертной оценке.

Использование метода экстраполяции продемонстрировано в рамках исследования состояния, динамики и структуры служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», результаты которого указывают на рост и формируют предположение о положительной линии тренда. Учитывая, что проектная деятельность является «молодым» направлением государственной политики, то временной период, взятый для исследования, представляется крайне малым, что дает возможность построения лишь краткосрочного прогноза.

Метод экспертной оценки при прогнозировании преступности используется при разработке среднесрочного и долгосрочного периодов, однако срок исполнения национального проекта «Здравоохранение» запланирован на 2024 г., в этой связи представляется возможным построить лишь среднесрочный прогноз. Видится необходимым привести тезисы выступления Генерального прокурора РФ, который в ходе координационного совещания указал на устойчивую тенденцию роста преступности при реализации национальных проектов (*Под председательством Генпрокурора России Игоря Краснова состоялось координационное совещание по вопросам выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с хищением средств при исполнении нацпроектов // [Электронный ресурс]: URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=66960784> (дата обращения: 17.02.2023)*).

О росте преступности свидетельствуют и данные опроса респондентов из числа сотрудников органов внутренних дел, занимающихся выявлением, раскрытием, расследованием преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Согласно полученным результатам, 53,4% высказали мнение о поступательном росте числа преступлений в рассматриваемой области; 35,7% указали на неизменность показателей в сравнении с данными статистической отчетности предыдущего года; 10,9% допускают возможность снижения.

Резюмируя вышесказанное, полагаем, что вопрос оценки состояния, динамики и структуры служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» на основании официальных статистических данных является важным для исследователя, но в то же время не всегда сведения о состоянии преступности отражают действительное положение, это касается и служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» в частности. В этой связи необходимо отметить, что латентность имеет место быть и в рассматриваемой нами теме исследования. В то же время статистические показатели демонстрируют рост при превалировании следующих видов преступлений: каждое третье — мошенничество, каждое девятое — служебный подлог и каждое двадцатое — получение взятки.

Литература

1. *Аванесов Г.А.* Криминология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. — 500 с.
2. *Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н.* Личность корыстного преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. — 160 с.
3. *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М.: Наука, 1976. — 286 с.

4. *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький: Горьк. высш. школа МВД СССР, 1974. — 168 с.
5. *Карпец И.И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Юридическая литература, 1976. — 224 с.
6. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 232 с.
7. *Ларичев В.Д.* Практика привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за должностные преступления // *Безопасность бизнеса*. 2020. № 2. С. 44–48.
8. *Конеv А.А.* Актуальные проблемы борьбы с преступностью: избранные труды. Нижний Новгород: Волго-Вятская акад. гос. службы, 2008. — 354 с.
9. *Инишаков С.М.* Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография. М.: Юнити-Дана, 2011. — 839 с.
10. *Устинов В.С.* Система предупредительного воздействия на преступность (криминологические и уголовно-правовые проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 1986. — 32 с.
11. *Горшенков Г.Н.* Общетеоретическая основа борьбы с преступностью // *Вестник Нижегородской правовой академии*. 2016. № 9 (9). С. 5–8.
12. *Гаvрилов Б.Я.* Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: монография. М.: Проспект, 2007. — 118 с.
13. *Глухова А.А.* К вопросу об экономической преступности в Российской Федерации // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2014. № 1 (25). С. 316–317.
14. *Демидов В.Н., Сафиуллин Н.Х.* Криминологическое прогнозирование: современное состояние и перспективы. Казань: КЮИ МВД России, 2000. — 90 с.
15. *Устинов В.С.* Стратегия предупредительного воздействия на преступность в XXI веке // *Научные труды РАЮН: в 3 т. Вып. 3. Т. 3. М., 2003. С. 81–88.*

References

1. *Avanesov G.A.* Kriminologiya. 2-e izd., pererab. i dop. [Criminology. 2nd ed., revised. and add.]. Moscow: Akad. MVD SSSR Publ., 1984. 500 p. (In Russian)
2. *Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N.* Lichnost' korystnogo prestupnika [The personality of a mercenary criminal]. Tomsk: Tom. un-ta Publ., 1989. 160 p. (In Russian)
3. *Kudryavtsev V.N.* Prichiny pravonarushenii [Reasons for offences]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 286 p. (In Russian)
4. *Igoshev K.E.* Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya [Typology of the offender's personality and the motivation of criminal behavior]. Gor'kii: Gor'k. vyssh. shkola MVD SSSR Publ., 1974. 168 p. (In Russian)
5. *Karpets I.I.* Sovremennye problemy ugovnogo prava i kriminologii [Modern problems of criminal law and criminology]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1976. 224 p. (In Russian)
6. *Kuznetsova N.F.* Prestuplenie i prestupnost' [Crime and delinquency]. Moscow: Mosk. un-ta Publ., 1969. 232 p. (In Russian)
7. *Larichev V.D.* Praktika privlecheniya meditsinskikh rabotnikov k ugovnoi otvetstvennosti za dolzhnostnye prestupleniya [The practice of bringing medical workers to criminal liability for malfeasance]. *Bezopasnost' biznesa [Business Security]*, 2020, no. 2, pp. 44–48. (In Russian, abstract in English)
8. *Konev A.A.* Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: izbrannye trudy [Actual problems of the fight against crime: selected works]. Nizhnii Novgorod: Volgo-Vyatskaya akad. gos. sluzhby Publ., 2008. 354 p. (In Russian)
9. *Inshakov S.M.* Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoi prestupnosti: monografiya [Theoretical foundations for the study and analysis of latent crime: monograph]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2011. 839 p. (In Russian)
10. *Ustinov V.S.* Sistema predupreditel'nogo vozdeistviya na prestupnost' (kriminologicheskie i ugovno-pravovye problemy) [The system of preventive influence on crime: (criminological and criminal law problems)]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 1986. 32 p. (In Russian)
11. *Gorshenkov G.N.* Obshcheteoreticheskaya osnova bor'by s prestupnost'yu [General theoretical basis for the fight against crime]. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii [Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy]*, 2016, no. 9 (9), pp. 5–8. (In Russian, abstract in English)

12. *Gavrilov B.Ya.* Latentnaya prestupnost': ponyatie, struktura, faktory latentnosti i mery po obespecheniyu dostovernosti ugovolnoi statistiki: monografiya [Latent crime: concept, structure, factors of latency and measures to ensure the reliability of criminal statistics: monograph]. Moscow: Prospekt Publ., 2007. 118 p. (In Russian)
13. *Glukhova A.A.* K voprosu ob ekonomicheskoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii [On the issue of economic crime in the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 1 (25), pp. 316–317. (In Russian)
14. *Demidov V.N., Safullin N.Kh.* Kriminologicheskoe prognozirovanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Criminological forecasting: current state and prospects]. Kazan', KYuI MVD Rossii Publ., 2000. 90 p. (In Russian)
15. *Ustinov V.S.* Strategiya predupreditel'nogo vozdeistviya na prestupnost' v XXI veke [Strategy of preventive impact on crime in the XXI century]. In *Nauchnye trudy RAYuN: v 3-kh t. Vyp. 3. T. 3* [Scientific works of the Russian Academy of Sciences: in 3 volumes. Issue 3. V. 3]. Moscow, 2003, pp. 81–88. (In Russian)

КОНФЕРЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ»

НАУЧНЫЙ ВКЛАД КАЛИНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Волчецкая Татьяна Станиславовна

По итогам многолетней деятельности калининградского отделения Союза криминалистов и криминологов в декабре 2022 г. в Институте управления и территориального развития Балтийского федерального университета имени И. Канта была проведена международная научно-практическая конференция «Проблемы реализации уголовной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму». Научными партнерами по организации данной конференции были приехавшие в Калининград ученые из Московского государственного областного университета. В конференции приняли участие зарубежные научные партнеры из Белорусского государственного университета (Республика Беларусь), Карагандинского университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан).

Проведенная конференция явилась важным фактором для выработки комплексных мер по профилактике терроризма, а также для дальнейшего расширения научных связей и укрепления сотрудничества Калининградского отделения Союза криминалистов и криминологов в рамках заключенных между университетами договоров.

Ключевые слова: *противодействие экстремизму, расследование преступлений, следственная практика, криминалистическая характеристика, психологические особенности преступника, насилие, молодежная среда, выдвижение версий, профилактика экстремизма, калининградское отделение Союза криминалистов и криминологов.*

Калининградским отделением Союза криминалистов и криминологов на протяжении шести лет разрабатывается научная проблематика, посвященная одной из важных проблем в сфере безопасности нашей страны — противодействию идеологии экстремизма и терроризма. Такое противодействие невозможно без совместных усилий

правоохранительных органов, общественных организаций и, конечно же, научного сообщества.

В рамках государственного заказа Министерства образования и науки Республики Казахстан на реализацию научного проекта на тему «Ситуационный подход в повышении эффективности противодействия правонарушениям и преступле

ниям террористической и экстремистской направленности» учеными калининградского отделения Союза совместно с профессорами из Карагандинского университета Казпотребсоюза была издана монография.

Прикладные аспекты результатов научной деятельности калининградских криминалистов были успешно применены при реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Организационно-методическое обеспечение деятельности учебно-методических центров по профилактике терроризма». С использованием результатов научных исследований были организованы и проведены курсы повышения квалификации для государственных и гражданских служащих, сотрудников органов местного самоуправления и представителей образовательных организаций Калининградской области. В общей сложности обучение прошли 449 человек. Обучение проходило в очном формате по трем программам: «Выявление деструктивных субкультур (криминальная субкультура «АУЕ», футбольные хулиганы, скулшутинг, группы смерти) в образовательных учреждениях, местах притяжения и профилактики негативных проявлений в подростковой среде»; «Межнациональные и межконфессиональные отношения в современной России»; «Сеть Интернет в противодействии террористическим угрозам».

По итогам многолетней деятельности калининградского отделения Союза криминалистов и криминологов в декабре 2022 г. в Институте управления и территориального развития Балтийского федерального университета имени И. Канта была проведена **Международная научно-практическая конференция «Проблемы реализации уголовной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму»**. Научными партнерами по организации данной конференции были приехавшие в Калининград ученые из Москов-

ского государственного областного университета: декан юридического Э.Х. Надысева, зам. декана по научной работе Т.С. Анисимов, профессора А.М. Кустов, В.Н. Исаенко и В.М. Прошин, доцент Е.С. Шевченко.

Открыл конференцию вице-президент Союза криминалистов и криминологов профессор Зайцев Олег Александрович, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В своем докладе он освятил проблемы уголовной политики России в сфере противодействия экстремизму и терроризму в условиях эволюции общества.

Тенденции противодействия терроризму и экстремизму на современном этапе отметила в своем докладе руководитель калининградского отделения Союза криминалистов и криминологов профессор Волчещкая Татьяна Станиславовна, директор НОЦ ситуалогии и экономико-правовой регионалистики БФУ им. И. Канта.

Присутствующие студенты и магистранты с особым вниманием слушали доклад профессора Исаенко Вячеслава Николаевича, профессора Университета прокуратуры РФ, в котором им были затронуты основные проблемы организации расследования преступлений террористической направленности.

В конференции приняли участие зарубежные научные партнеры из Белорусского государственного университета (Республика Беларусь), Карагандинского университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан). Так, с большим интересом был заслушан доклад Нургалиева Бахыта Молдагьяевича, почетного академика НАН РК, доктора юридических наук, профессора Карагандинского университета Казпотребсоюза, Академии «Bolashaq», «Радикализация Казахстана: проблемы и пути решения». Особенности применения мер пресечения при расследовании террористических

преступлений были затронуты в блестящем докладе Ханова Талгата Ахматзиевича, доктора юридических наук, профессора, директора НИИ ЭПИ Карагандинского университета Казпотребсоюза.

Результаты совместного международного научного исследования представили профессор Шабанов Владимир Борисович, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, и Крамаренко Владимир Петрович, кандидат юридических наук, доцент БФУ имени И. Канта.

С интересными докладами, вызвавшими научные дискуссии, выступили профессор А.В. Куликов и доцент О.А. Шелег, профессор А.Н. Григорьев и кандидат юридических наук Е.А. Кот, а также доценты И.Ю. Панькина, Е.В. Осипова, О.А. Макарова, кандидат юридических наук М.А. Болвачев.

О работе Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения международных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма БФУ им. И.Канта доложил его начальник, кандидат юридических наук М.В. Авакьян.

Данный форум не случайно прошел на площадке Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Калининградское отделение Союза криминалистов и криминологов, костяк которого составляют представители научной школы криминалистической ситуалогии, уже много лет проводят исследования по вопросам противодействия экстремизму и терроризму. Особенно следует отметить в активное участие в этом мероприятии бакалавров, магистров, а также аспирантов, для докладов которых была создана отдельная секция «Молодежная трибуна». Погружение молодых ученых в такие важные и актуальные проблемы, их обсуждение, разработка студентами различных путей профилактики идеологии экстремизма в молодежной среде, наверное, — одна из главных задач сегодняшнего дня.

Проведенная конференция явилась важным фактором для выработки комплексных мер по профилактике терроризма, а также для дальнейшего расширения научных связей и укрепления сотрудничества Калининградского отделения Союза криминалистов и криминологов в рамках заключенных между университетами договоров. Основные доклады, сделанные на конференции, представлены в этом номере журнала.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Анисифоров Тим Сергеевич

Цель: сформулировать выводы и предложения, направленные на развитие превентивных мер финансово-правового характера как механизма противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Превенция в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения имеет принципиально важное значение, поскольку от характера и объема применяемых мер будет зависеть судьба лица, включенного в перечень организаций и физических лиц, причастных к террористической или экстремистской деятельности.

Законодательно определено только два направления, по которым могут быть приняты меры превентивного характера в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а именно представление Росфинмониторингом антикоррупционной информации и оповещение компетентных органов иностранных государств о запрете отдельным категориям лиц совершать финансовые операции за пределами территории Российской Федерации. Однако превенция в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения не должна ограничиваться исключительно аппаратом государственной службы.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы как в практической деятельности субъектов, осуществляющих контроль в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, так и в дальнейших теоретических разработках в рамках общей концепции финансового контроля.

Ключевые слова: Financial Action Task Force; ФАТФ; ПОД/ФТ; легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем; финансирование терроризма; финансирование распространения оружия массового уничтожения; Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

Глобализация экономики неизбежно сопряжена с проблемой отмывания преступных доходов и появления «грязных денег» в международной финансовой системе.

В современных реалиях государство не способно проводить внутреннюю и внешнюю политику, обеспечивать социально-экономические про-

граммы, не располагая для этого достаточными финансовыми ресурсами, что делает финансовый контроль одной из приоритетных задач государства [1].

Масштаб распространения теневых доходов преступного мира и потенциальный урон от последствий их легализации могли достигнуть ка-

тастрофического значения, в связи с чем на Парижском съезде «Большой семерки» (G7) в июле 1989 г. было принято решение о создании Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег — Financial Action Task Force, сокращенно ФАТФ.

ФАТФ получила статус межправительственной организации и приступила к разработке единых стандартов для всех национальных систем противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ).

Российская Федерация солидаризировалась с мировым сообществом в решении проблемы отмывания криминальных денег в 2001 г. путем создания специального подразделения финансовой разведки — Комитета по финансовому мониторингу (КФМ).

Примечательно, что 1 февраля 2002 г. КФМ России в рамках внутреннего контроля (код операции 6001) получил информацию от Калининградской кредитной организации о совершении подозрительной операции — переводе денежных средств в размере 613 тыс. рублей в Объединенные Арабские Эмираты.

Преобразование Комитета по финансовому мониторингу в Федеральную службу по финансовому мониторингу состоялось в 2004 г. на основании Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов власти».

Росфинмониторинг является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции:

- по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения;
- по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в этой сфере;
- по координации соответствующей деятельности других федеральных органов исполнительной власти, других государственных органов и организаций;
- а также функции национального центра по оценке угроз национальной безопасности, возникающих в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом, и по выработке мер противодействия этим угрозам.

Руководство деятельностью Росфинмониторинга осуществляет Президент Российской Федерации, а правовую основу его деятельности составляет Федеральный закон от 7 августа 2001 г.

№ 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418) (далее также — Закон) и Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3314).

Финансовая служба по финансовому мониторингу наделена широкими полномочиями для декриминализации финансового сектора и пресечения финансовых правонарушений.

В частности, к мерам, направленным против легализации преступных доходов, спонсирования террористических организаций и популяризации оружия массового поражения, относятся внутренний контроль, обязательный контроль, запрет на информирование клиентов и иных лиц о принятых мерах и принятие иных мер, предусмотренных отраслевым законодательством, например, аннулирование лицензии инвестиционного фонда, отзыв лицензии у кредитной организации и др.

Несмотря на то, что все указанные меры направлены на предотвращение возможности придания правового вида праву собственности на денежные средства или иное имущество, полученные в результате совершения преступления, превентивными их назвать сложно.

Под превентивными мерами понимают предупредительные, предохранительные мероприятия, направленные на недопущение каких-либо негативных последствий ранее, чем они могут наступить.

Вместе с тем вышеуказанные меры направлены на реализацию конкретных действий фактического характера, таких как блокировка денежных средств на счете клиента, идентификация и аутентификация лица при совершении финансовых операций и другие.

Важно понимать, что превенция в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения имеет принципиально важное значение, поскольку от характера и объема применяемых мер будет зависеть судьба лица, включенного в перечень организаций и физических лиц, причастных к террористической или экстремистской деятельности.

Даже законодатель указывает на то, что ошибочно включенные в указанный перечень субъекты должны обратиться с письменным мотивированным заявлением об их исключении в Росфинмониторинг, который может им отказать.

Сами кредитные организации и Банк России не несут ответственности за ущерб, причиненный в результате наложения ареста или обращения взыскания на денежные средства и иные ценности их клиентов [2].

Для соблюдения принципа гуманизма (*Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля*) Законом предусмотрено ежемесячное гуманитарное пособие в целях обеспечения жизнедеятельности физического лица и членов его семьи, денежные средства которых были заморожены, которое может быть назначено по решению межведомственного координационного органа в размере, не превышающем 10 000 рублей.

Однако не следует забывать об общих принципах законности, в связи с чем имущественный вред, возникший из обязательств гражданско-правового или трудового характера по причине блокировки денежных средств, должен быть возмещен в судебном порядке лицом, в отношении которого имеются сведения о причастности к преступлениям террористической или экстремистской направленности.

Законодательно определено только два направления, по которым могут быть приняты меры превентивного характера в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а именно предоставление Росфинмониторингом антикор-

рупционной информации (ст. 8.1 Закона) и оповещение компетентных органов иностранных государств о запрете отдельным категориям лиц совершать финансовые операции за пределами территории Российской Федерации (ст. 10.1 Закона).

Цели законодательства всегда глубже, чем простое устранение юридических дефектов, ведь само по себе развитие нормативного правового регулирования в конечном счете направлено на достижение тех существенных целей, которые ставит законодатель, принимая федеральный закон, то есть на достижение безопасности [3], в том числе в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

В дальнейшем следует говорить о том, что превенция в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения не должна ограничиваться исключительно аппаратом государственной службы.

Данная статья является результатом обобщения выводов, представленных автором в качестве доклада на Международной научно-практической конференции «Проблемы реализации уголовной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму», состоявшейся 3 декабря 2022 г. в БФУ им. И. Канта (г. Калининград).

Литература

1. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / под ред. Е.Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2021. — 256 с.
2. *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г.* Частное банковское право: учебник. М.: Проспект, 2020. — 776 с.
3. *Тихомиров Ю.А., Емельянцева В.П., Аюрова А.А.* и др. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. М.: Инфра-М, 2015. — 331 с.

References

1. Aktual'nye problemy finansovogo prava v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: monografiya [Actual problems of financial law in the context of digitalization of the economy: monograph]. Ed. E.Yu. Gracheva. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 256 p. (In Russian)
2. *Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G.* Chastnoe bankovskoe pravo (uchebnik) [Private banking law (textbook)]. Moscow: Prospekt Publ., 2020. 776 p. (In Russian)
3. *Tikhomirov Yu.A., Emel'yantsev V.P., Ayurova A.A. etc.* Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika: monografiya [Efficiency of legislation: issues of theory and practice: monograph]. Ed. Yu.A. Tikhomirov, V.P. Emel'yantsev. Moscow: INFRA-M Publ., 2015. 331 p. (In Russian)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Волчецкая Татьяна Станиславовна,
Козырева Ирина Евгеньевна

Цель: на основе анализа материалов уголовных дел исследовать криминалистическую характеристику преступлений экстремистской направленности, в системе которой — выявить криминалистические и психологические особенности лиц, совершающих эти преступления; разработать научно-практические рекомендации для следователей по выявлению и использованию этой информации.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, системно-структурный подход, ситуационное моделирование, статистические и конкретно-социологические методы — анкетирование, интервьюирование, анализ и обобщение материалов следственной и судебной практики.

Выводы. В системе криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности большое теоретическое и прикладное значение имеет типовая информация о личности преступника. Именно она позволяет ученым разрабатывать научно обоснованные рекомендации по расследованию и профилактике этих преступлений, а следователям — выдвигать конкретные версии, а также разрабатывать приемы тактического взаимодействия.

Анализ материалов следственной и судебной практики позволил установить, что подавляющее большинство преступлений экстремистской направленности совершается лицами мужского пола. Женщины совершают эти преступления намного реже, чаще по мотивам мести либо по причине психологической или материальной зависимости от человека, входящего в экстремистское сообщество. Молодежь представляет собой основную группу риска, подверженную влиянию последователей экстремистских взглядов и идей. Как правило, подозреваемыми в совершении преступлений экстремистской направленности становятся лица, имеющие среднее или средне-специальное образование; ряд из них на момент совершения преступлений являлись учащимися школ. Для определенной части молодежи характерно отсутствие восприятия своей деятельности в качестве экстремистской, понимание ее как обоснованной критики господствующего мироустройства, гарантированной свободой слова. Высшее образование имели руководители экстремистских формирований, которым свойствен высокий интеллектуальный уровень, определенная финансовая состоятельность и превосходство в возрасте по отношению к большей части членов экстремистского сообщества, необходимое для авторитета.

Информацию о свойствах предполагаемого преступника следует получать путем анализа электронной почты подозреваемого лица, изучения истории его поисковых запросов в сети Интернет, поиска размещенных на соответствующих профильных сайтах резюме, объявлений, а также путем анализа баз данных. Наиболее высокоинформативным источником об экстремистской деятельности лица в киберпространстве является его персональная страница в различных социальных сетях.

Также информацию о личности преступника в расследовании преступлений экстремистской направленности можно получить в результате назначения и проведения судебно-лингвистической экспертизы, которая, в зависимости от особенностей криминальной ситуации, нередко назначается в комплексе с психологическими, политологическими или религиоведческими исследованиями.

Научная и практическая значимость. *Результаты проведенного исследования могут быть положены в основу дальнейшего изучения проблем противодействия преступлениям экстремистской направленности, а также могут послужить основой для последующей разработки криминалистической характеристики отдельных видов таких преступлений. В прикладном аспекте полученные результаты могут быть использованы в следственной практике для выдвижения версий о лицах, совершающих преступления экстремистской направленности, выбору тактических приемов установления с ними психологического контакта, проведения отдельных следственных действий с их участием.*

Ключевые слова: *противодействие экстремизму, расследование преступлений, следственная практика, криминалистическая характеристика, психологические особенности преступника, насилие, молодежная среда, выдвижение версий, профилактика экстремизма.*

В методике расследования преступлений экстремистской направленности особое значение имеет их криминалистическая характеристика, которая строится учеными на основе анализа большого массива уголовных дел. Ее практическое значение состоит в том, что она оказывает неоценимую помощь в выдвижении следственных версий. Особенно это важно при дефиците информации у следователя на первоначальном этапе расследования преступления. Анализ материалов уголовных дел, исследования других авторов позволили нам сделать вывод о том, что структура криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности включает в себя следующие элементы: информацию о мотивах совершения преступлений, направленности и содержании требований, протестов; информацию о способах и характеристике совершения преступления; психологические и криминалистически значимые свойства личности преступника-экстремиста.

Корреляционные связи между элементами криминалистической характеристики преступлений позволяют на основе имеющейся информации об известных элементах выдвинуть гипотезу о неизвестных. Разумеется, данные связи базируются на статистических данных и в каждом отдельном случае могут отличаться. Вместе с тем они могут иметь решающее значение при построении следственных версий, определении направления расследования и решения тактических задач.

Например, по способу совершения преступления можно установить особенности личности преступника-экстремиста, что, в свою очередь, определяет круг возможных лиц, совершивших соответствующее общественно опасное деяние. Так, в свое время мы отмечали, что наличие у лица, совершившего преступление, определенных профессиональных знаний, навыков и опыта накладывает отпечаток на выбор им способов совершения и сокрытия преступления [1, с. 135].

Так, например, сотрудниками правоохранительных органов, занимающимися противодействием

экстремизму, был выявлен текстовый пост в социальной сети «ВКонтакте», содержащий в себе публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ. При этом никнейм пользователя не отображал данные о его ФИО, на персональной странице был указан лишь город проживания. IP-адрес устройства был зашифрован. Анализ контента данного поста позволил сделать вывод том, что его автор является студентом.

Обобщение материалов уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности позволили нам установить следующие закономерности, характеризующие личность преступника-экстремиста. Так, подавляющее большинство преступлений экстремистской направленности совершается лицами мужского пола (92%). Женщины совершают такого рода преступления значительно реже, как правило, по мотивам мести, вызванной утратой близкого, из-за зависимости (психологической или материальной) от человека, входящего в экстремистское сообщество.

Как показывают результаты анонимного опроса сотрудников Центра по противодействию экстремизму, молодежь представляет собой основную группу риска, наиболее подверженную влиянию последователей экстремистских взглядов и идей. Наши показатели полностью соотносятся и с данными, полученными другими исследователями. Так, лица до 18 лет составляют 21,8% от числа субъектов совершенных преступлений, от 18 до 25 лет — 37,3%, от 25 до 30 лет — 27,2%, от 30 до 50 лет — 11,5%, старше 50 лет — 2,2% [2, с. 16]. Таким образом, более половины преступлений экстремистской направленности совершается молодежью. Полагаем, что это является следствием того, что данная возрастная группа наиболее подвержена восприятию взглядов и идей экстремистских последователей. Склонность молодежи противопоставлять себя всему миру, «сопротивляться системе» успешно используется экстремистскими идеологами. Помимо этого, кризис социально-

экономической сферы нашей страны, отсутствие уверенности в завтрашнем дне пугают молодых людей, которые видят решение данных проблем в радикальных, насильственных мерах.

Как правило, подозреваемыми в совершении преступлений экстремистской направленности становятся лица, имеющие среднее (в 17 % случаев) или средне-специальное образование (в 33 % случаев); 11 % на момент совершения преступлений рассматриваемой категории являлись учащимися среднего общеобразовательного учреждения; 39 % имели неполное высшее или оконченное высшее образование. Высшее образование имели руководители экстремистских формирований (идейные вдохновители, вербовщики), которым свойственен высокий интеллектуальный уровень, определенная финансовая состоятельность и превосходство возраста по отношению к большей части членов экстремистского сообщества, необходимое для авторитета. С нашей точки зрения, возраст и уровень образования лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, напрямую связан со способами вовлечения в рассматриваемую противоправную деятельность и позволяет определить основные механизмы такого вовлечения (вовлечение молодежи происходит преимущественно через сеть Интернет).

Анализ демографических характеристик преступников-экстремистов, проведенный В.О. Давыдовым, показал, что большинство преступлений было совершено лицами славянской национальности (87,8 %). В свою очередь, в преступлениях ненасильственного характера принимали участие татары (10,7 %), башкиры (14,3 %), чеченцы (17,8 %), дагестанцы и ингуши (по 3,6 %) [3, с. 26]. Вместе с тем статистические данные, касающиеся национальности лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, находятся в прямой зависимости от региона анализируемой судебной практики, подвержены в связи с этим значительной изменчивости и не могут расцениваться как универсальные. Например, другой исследователь, Д.Н. Еремин, анализируя экстремистские преступления, совершаемые в Северо-Кавказском регионе, отметил, что число экстремистов славянской национальности там, наоборот, крайне незначительно [4, с. 56].

Отметим, что в рассматриваемой категории дел личность преступника и личность потерпевшего тесно взаимосвязаны, так как решающим фактором в выборе потерпевшего является его принадлежность к отличной от виновного расе, национальности, религии и др. Данная корреляция позволяет установить мотив совершения

общественно опасного деяния; составить с помощью метода криминалистического моделирования психологический портрет преступника; определить, членом какого преступного формирования он может являться, круг его знакомых. Следовательно, информация о потерпевшем может быть крайне важна.

Нравственно-психологические свойства предполагаемого преступника представляют собой совокупность негативных типологических качеств индивида, обуславливающих его возможное преступное поведение. Анализ заключений экспертов, а также результаты исследований других авторов [5] позволили нам выделить типовые нравственно-психологические качества личности экстремиста. В числе можно назвать такие, как: агрессивность, жестокость, мстительность, дерзость, повышенная импульсивность, отказ от общепринятых ценностей и норм, нетерпимость к инакомыслию, замкнутость, склонность к насилию, конфликтность и другие. Большую роль в формировании указанных качеств играет присущая предполагаемому экстремисту идеология, влияющая на его восприятие и отношение к окружающей действительности.

В результате исследования личностных характеристик осужденных за преступления террористического и экстремистского характера, проведенного П.Н. Казберовым, Б.А. Спасениковым, В.В. Тюньковым, в ходе которого ими было проанализировано 700 таких осужденных, выяснилось, что преступникам оказались свойственны социальная отчужденность, переоценка собственных возможностей, лживость, слабые моральные установки, тревожность, подверженность невротическим срывам, эгоизм [6]. Осужденным за преступления экстремистского характера свойственны раскованность поведения, склонность к риску, доминированию, гиперактивность, безответственность, аморальность, поверхностность в социальных отношениях, высокое чувство собственного достоинства. Эти лица легко впадают в гнев при попытке противодействия им.

Вместе с тем необходимо учитывать то, что каждой личности присущи дополнительные персонализированные качества, ценности, модели поведения и особенности восприятия окружающего мира, что делает бесперспективными любые попытки по систематизации нравственно-психологических свойств лиц и создание на их основе неких шаблонных психологических портретов экстремистов.

Тщательное изучение личности имеет высокое значение на всех стадиях уголовного судопроиз-

водства. Так, информированность следователя о типовых сведениях о личности экстремиста во взаимосвязи с осведомленностью о других элементах криминалистической характеристики рассматриваемых преступных деяний помогает выдвигать обоснованные следственные версии и грамотно определять направление расследования.

На судебной стадии информация о личности также крайне важна и используется при решении вопроса о виде и размере наказания, об избрании меры пресечения, изменении приговора, рассмотрении ходатайств о снятии судимости. Помимо этого, знание особенностей личности экстремиста способствует выработке эффективной государственной политики в области противодействия рассматриваемому общественно опасному явлению.

Что касается разработки научно-методических рекомендаций по расследованию преступлений экстремистской направленности, то их эффективность напрямую зависит от их адресности, то есть учета типовых следственных ситуаций, складывающихся на том или ином этапе расследования. К примеру, с учетом того, что сегодня экстремистская деятельность, как и вся наша жизнь, постепенно переместилась в виртуальное пространство, информацию о свойствах предполагаемого преступника нужно получать аналогичным способом. Это следует делать путем анализа электронной почты подозреваемого лица, изучения истории его поисковых запросов в сети Интернет, поиска размещенных на соответствующих профильных сайтах резюме, объявлений, а также в результате использования виртуальных баз данных (например, банк данных исполнительных производств ФССП, база данных МВД России «Розыск»).

Довольно высокоинформативным источником об экстремистской деятельности лица в киберпространстве является его персональная страница в различных социальных сетях («ВКонтакте», Instagram, Facebook и другие). По данным ВЦИОМа, большинство россиян (62 %) имеют аккаунты в социальных сетях, около половины (45 %) граждан старше 18 лет пользуются ими почти каждый день. При этом ежедневно соцсетями пользуются 89 % подростков в возрасте от 14 до 17 лет. Более полную информацию о личности преступника в расследовании преступлений экстремистской направленности можно получить в результате назначения и проведения судебно-лингвистической экспертизы, которая, в зависимости от особенностей криминальной ситуации,

нередко назначается в комплексе с психологическими, политологическими или религиоведческими исследованиями [7, с. 98].

Анализ подобных экспертных заключений показал, что данные исследования способны установить такие характеристики изучаемого, как симпатию к определенной молодежной субкультуре, имеющееся у него мировоззрение, крайние взгляды и идеи, личностные установки, мотивация, целевая аудитория их направленности.

Анализ практики назначения и проведения судебных экспертиз позволил нам выявить ряд проблем, среди которых можно назвать следующие: немотивированное назначение комплексных психолого-лингвистических экспертиз без наличия такой необходимости; нехватка квалифицированных специалистов для производства соответствующих исследований и связанные с этим организационные трудности по оплате экспертных исследований частных организаций; отсутствие единой сертифицированной методики проведения данных исследований, вызывающее сложность в их оценке.

Типовая криминалистическая информация о личности преступника, совершающего преступления экстремистской направленности, имеет определенное значение для тактики подготовки и проведения следственных действий. Неизменным следственным действием на этапе расследования абсолютно любого преступления экстремистского характера является допрос. Данное следственное действие является чрезвычайно важным в контексте рассматриваемых преступлений, в частности преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, которое, как указал Верховный суд РФ, может совершаться только с прямым умыслом.

Демонстрируя информированность об обстоятельствах жизни преступника: его социальных связях, идеологической и иной деятельности, убеждениях и взглядах — следователь способен с самого начала допроса создать у подозреваемого представление о полной осведомленности о нем и совершенном им деянии. Это, безусловно, дестабилизирует уверенность в себе, порождает мысли о неизбежном успехе расследования и, как следствие, необходимости дачи правдивых показаний, так как иная позиция в сложившейся ситуации неразумна.

При взаимодействии с допрашиваемым следователю целесообразно использовать аргументацию, соответствующую образовательному и культурному уровню допрашиваемого. Помимо этого, профессия всегда обуславливает наличие

определенных личностных качеств. Также следует учитывать и психологические особенности допрашиваемых, например то, что лица с низким уровнем образования более восприимчивы к эмоциональной аргументации, а люди высокообразованные или с аналитическим складом ума — к рациональной.

Взаимодействие с подозреваемым необходимо выстраивать в зависимости от его психологических особенностей, в частности темперамента. Так, допрашивая холерика, рекомендуется использовать его склонность к бурным реакциям и быстрым эмоциональным переходам к полярным состояниям. Сангвиникам свойственна быстрота переключения внимания и гибкость ума, что предполагает необходимость в довольно высоком темпе допроса. Для флегматиков, наоборот, характерна инертность, им необходимо время для активизации внимания, поэтому допрос с таким лицом надо начинать с отвлеченных тем при отсутствии посторонних лиц. Меланхоликам свойственна стеснительность, замкнутость, неуверенность в себе, впечатлительность, в связи с чем следователь должен быть крайне аккуратен в подборе выражений, в противном случае подозреваемый легко может замкнуться в себе [8, с. 195].

Следует учитывать также и поведенческие особенности подозреваемого, обусловленные его национально-психологическими свойствами [9, с. 230]. Так, например, лицам кавказской национальности свойственны уважение к старшим лицам мужского пола, поэтому их допрос целесообразно проводить лицам мужского пола.

В процессе допроса следователю следует также учитывать идеологические взгляды предполагаемого экстремиста. Пренебрежение, неуважение к ним способно привести к непримиримым мировоззренческим противоречиям допрашиваемого и следователя, что в значительной степени затруднит установление подлинных мотивов совершенного деяния и получение позитивных результатов допроса.

Следует отметить, что значительную часть информации о личности предполагаемого экстремиста следователь получает непосредственно в ходе допроса. В целях корректной интерпретации таких сведений следователю целесообразно использовать методики экспресс-оценки личности и оперативно корректировать тактику допроса с учетом получаемых результатов [10, с. 10].

Как правило, предварительное расследование рассматриваемых экстремистских преступлений сопряжено с производством обыска подозреваемого

в целях отыскания материалов экстремистского толка, электронных устройств, иных орудий, средств совершения преступления и других объектов, имеющих значение для расследования дела (например, баллончиков краски, следов от их использования на одежде). При проведении обыска нужно учитывать образование, культурный уровень, знания, интеллектуальные способности обыскиваемого, что имеет большое значение при выборе места и способа укрытия.

С учетом информации о личности следователь привлекает необходимых для осуществления обыска лиц. Как мы уже указывали ранее, экстремистам свойственна агрессивность, вспыльчивость, несдержанность, возможно наличие навыков боевых искусств, владения оружием. В связи с этим в число участников обыска рекомендуется включить лиц, которые обеспечат безопасность следственного действия. Данные рекомендации распространяются и на подготовку к задержанию лица в связи с подозрением в совершении преступления [11, с. 130].

Кроме того, если подозреваемый обладает высокими навыками работы с компьютером, то целесообразно привлечь специалиста в данной области в целях содействия в поиске и изъятии соответствующей информации.

Также считаем, что на основе всей совокупности данных о личности подозреваемого, в том числе привычек, интересов, профессии, образования, психических особенностей, следователь может спроецировать его мыслительные процессы при решении вопроса о месте и способе сокрытия соответствующих объектов в конкретной обстановке.

Полагаем, что данные о личности подозреваемого позволяют оптимизировать процесс поиска и повысить его эффективность: сократить его время, определить возможное местонахождение интересующих объектов, исключить некоторые из возможных ошибок.

Таким образом, криминалистическая и психологическая информация о личности подозреваемого обладает крайне высокой значимостью в рамках предварительного расследований преступлений экстремистского характера. Кроме того, информация о личности существенно влияет на состав участников следственных действий, время, место их проведения, обуславливает выбор наиболее эффективных тактических приемов. Умение следователя использовать данные о личности подозреваемого существенно повышает результативность проведения следственных действий.

Литература

1. Волчецкая Т.С. Возможности ситуационного подхода в противодействии и профилактике преступлений экстремистского характера // Ксенофобия и экстремизм: глобальные вызовы и региональные тренды: сборник докладов Международной научной онлайн-конференции. М., 2022. С. 140–146.
2. Аристархова Т.А. Криминалистическая характеристика и совершенствование методики расследования преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.12. Тула, 2015. — 281 с.
3. Давыдов В.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.12. Тула, 2013. — 264 с.
4. Еремин Д.Н. Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.12. Калининград, 2015. — 231 с.
5. Бычков В.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2013. — 254 с.
6. Казберов П.Н., Спасенников Б.А., Тюньков В.В. Особенности личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 6. С. 921–931.
7. Волчецкая Т.С. Проблемы судебной экспертологии: учебно-методическое пособие. Калининград, 2023.
8. Хасанова А.Р., Зульфалиева В.Г., Козырева И.Е. Выявление темперамента личности посредством графологического анализа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4 (55). С. 194–196.
9. Volchetskaya T.S., Avakyan M.V. Comparative legal analysis of basic forms and directions in management of prevention and counteraction to extremism among young people in Russia and Germany // Current issues of International Law and Comparative Law. Kaliningrad, 2022. С. 225–241.
10. Волчецкая Т.С. Комплексный подход к проблеме установления психологического контакта в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (58). С. 9–12.
11. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-разыскной и следственной деятельности: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. — 207 с.

References

1. Volchetskaya T.S. Vozmozhnosti situatsionnogo podkhoda v protivodeistvii i profilaktike prestuplenii ekstremistskogo kharaktera [Possibilities of a situational approach in countering and preventing extremist crimes]. In *Ksenofobiya i ekstremizm: global'nye vyzovy i regional'nye trendy. Sbornik dokladov Mezhduнародnoi nauchnoi onlain-konferentsii [Xenophobia and extremism: global challenges and regional trends. Collection of reports of the International scientific online conference]*. Moscow, 2022, pp. 140–146.
2. Aristarkhova T.A. Kriminalisticheskaya kharakteristika i sovershenstvovanie metodiki rassledovaniya prestuplenii protiv prav i zakonnykh interesov cheloveka i grazhdanina, sovershaemykh po ekstremistskim motivam [Forensic characteristics and improvement of the methodology for investigating crimes against the rights and legitimate interests of a person and a citizen, committed for extremist motives]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.12. Tula, 2015. 281 p.
3. Davydov V.O. Informatsionnoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti, sovershennykh s ispol'zovaniem komp'yuternykh setei [Information support for the disclosure and investigation of extremist crimes committed using computer networks]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.12. Tula, 2013. 264 p.
4. Eremin D.N. Metodika rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s politicheskim ekstremizmom: na materialakh Severo-Kavkazskogo regiona [Methods of investigating crimes related to political extremism: on the materials of the North Caucasus region]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.12. Kaliningrad, 2015. 231 p.
5. Bychkov V.V. Protivodeistvie prestupleniyam ekstremistskoi napravlenosti: kurs lektsii [Counteraction to extremist crimes: a course of lectures]. Moscow: YurLitinform Publ., 2013. 254 p.

6. Kazberov P.N., Spasennikov B.A., Tyun'kov V.V. Osobennosti lichnosti osuzhdennykh za prestupleniya terroristicheskogo i ekstremistskogo kharaktera [Features of the personality of those convicted for crimes of a terrorist and extremist nature]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian criminological journal]*, 2019, no. 6, pp. 921–931.

7. Volchetskaya T.S. Problemy sudebnoi ekspertologii. Uchebno-metodicheskoe posobie [Problems of forensic expertise. Teaching aid]. Kaliningrad, 2023.

8. Khasanova A.R., Zul'falieva V.G., Kozyreva I.E. Vyyavlenie temperamenta lichnosti posredstvom grafologicheskogo analiza [Identification of personality temperament through graphological analysis]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of the Humanities and Natural Sciences]*, 2021, no. 4-4 (55), pp. 194–196.

9. Volchetskaya T.S., Avakyan M.V. Comparative legal analysis of basic forms and directions in management of prevention and counteraction to extremism among young people in Russia and Germany. In *Current issues of International Law and Comparative Law*. Kaliningrad, 2022, pp. 225–241. (In English)

10. Volchetskaya T.S. Kompleksnyi podkhod k probleme ustanovleniya psikhologicheskogo kontakta v operativno-rozysknoi deyateli'nosti [An integrated approach to the problem of establishing psychological contact in the operational-search activity]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 4 (58), pp. 9–12.

11. Chufarovskii Yu.V. Psikhologiya operativno-rozysknoi i sledstvennoi deyateli'nosti: uchebnoe posobie [Psychology of operational-search and investigative activities: a textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2015. 207 p.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Григорьев Анатолий Николаевич,
Кот Екатерина Александровна

***Цель:** экстремизм как социальное явление современной жизни представляет реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, хотя отношение к проявлениям экстремизма в современном российском обществе по-прежнему остается неоднозначным. Экстремизм фактически является одним из наиболее острых и крайних проявлений существующих общественных противоречий. В этой связи в основных программных документах государства в сфере безопасности деятельность экстремистских организаций отнесена к одному из основных источников угроз. И это представляется вполне обоснованным. Глобализация и установление однополярного мира в геополитике происходит именно с помощью экстремизма и угрожает в том числе и безопасности Российского государства. Вместе с тем противодействие преступлениям экстремистской направленности — задача весьма сложная, требующая комплексного, системного подхода. В значительной степени это обстоятельство обусловлено тем, что как содержание самого явления, так и противодействие ему самым непосредственным образом затрагивает, помимо правовых, целый ряд социально-экономических, политических и других проблем. В этой связи повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям экстремистской направленности требует не только осмысления самого понятия экстремизма как сложной социально-политической, культурной реальности современного общества, но и выявления ключевых оснований, тенденций его развития.*

***Методология:** диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** С содержательной точки зрения экстремизм представляет собой противоправное, общественно опасное деяние, посягающее на основы конституционного строя, безопасность личности, общества и государства посредством применения насильственных методов, отрицания общепринятых норм и правил социального поведения, а также навязывания собственных идеологических установок обществу и государству. Совершенствование методических основ противодействия преступлениям экстремистской направленности должно строиться на комплексном анализе факторов, оказывающих влияние на формирование экстремизма в России, особенностях его проявления и тенденциях развития.*

***Научная и практическая значимость.** Противодействие преступлениям экстремистской направленности является непростой задачей для правоохранительных органов. Это обусловлено как сложной природой экстремизма, так и спецификой его проявления в различных аспектах жизнедеятельности современного общества. Разработка понятия данного феномена, отражающего его комплексный характер, а также выявление социокультурных оснований, тенденций развития экстремизма являются необходимыми условиями совершенствования государственной политики в сфере противодействия этому явлению. С практической точки зрения реализация отмеченного будет способствовать повышению эффективности деятельности государства и общества по пресечению и профилактике экстремизма.*

***Ключевые слова:** безопасность, идеология, национализм, противодействие экстремизму, профилактика экстремизма, радикализм, терроризм, экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистская организация.*

Генезис человечества неразрывно связан с преодолением различного рода проблем, вызовов и опасностей, нередко ставящих под сомнение само выживание социума. Не является исключением и нынешний этап развития общества.

Что это за проблемы? Ответ на этот вопрос так же, как и на вопрос о причинах появления этих проблем, крайне неоднозначен. Так, например, по мнению известного австралийского ученого-эпидемиолога Франка Феннера, человечество рискует вообще не дожить до XXII века (*К 2110 году человечество полностью исчезнет с лица Земли* // [Электронный ресурс]: URL: [https://nlo-mir.ru/predskazania/1484-k-2110-godu-chelovechestvo-polnostju.html](https://nlo-mir.ru/predskazania/1484-k-2110-godu-chelovechestvo-polnostju-ischiznet-s-lica-Zemli) (дата обращения: 09.02.2023)). Как полагает ученый, основную угрозу существованию людей представляют «...взрывной характер увеличения населения и необузданное потребление вкупе с быстрым изменением климата в связи с глобальным потеплением» (*Люди вымрут уже в нынешнем столетии и это неизбежно* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.krugozormagazine.com/show/Planet.787.html> (дата обращения: 09.02.2023)).

Безусловно, данная кризисная ситуация не является уникальной, необычной для человечества. Однако масштаб проблем безо всякого преувеличения позволяет констатировать, что человечество, по сути, стоит на изломе эпох, знаменующем кардинальные изменения как социально-экономического, так и геополитического измерения современной цивилизации. Эта стохастичность современного мироустройства несет в себе не только новые возможности, но и порождает целый ряд угроз обеспечения безопасности России [1, с. 28].

Следует отметить, что проблему обеспечения безопасности по праву можно отнести к числу вечных проблем человечества. Наша цивилизация прошла весьма долгий и нелегкий путь прогресса, который никогда не был прямой дорогой. Нередко те трудности и опасности, которые встречало человечество на своем пути, заставляли его серьезно задуматься о верности выбранного направления. В сущности, как верно заметил Н.В. Щедрин, «...история человека есть история обеспечения его безопасности» [2, с. 67].

Парадоксальность ситуации заключается в том, что прогресс сам по себе не только благо, но и источник новых опасностей для человечества. В настоящее время большинство угроз для человека разумного, которые несет в себе сегодняшний мир, носят не природный, а антропогенный характер, то есть являются порождением самого

человека. Как найти выход из этого замкнутого круга? Каким образом можно обеспечить развитие цивилизации, не нарушая того хрупкого равновесия, которое сложилось во взаимоотношениях человека с окружающим миром?

Как думается, ответ на это вопрос можно найти в принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро декларации ООН по окружающей среде и развитию (Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (*Принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992*) // [Электронный ресурс]: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 09.02.2023)) и Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой в Нью-Йорке в сентябре 2000 г. (*Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций (принята в г. Нью-Йорке 08.09.2000 Резолюцией 55/2 на 8-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 09.02.2023)). В этих декларациях красной нитью проходит мысль о том, что обеспечение безопасности является не только необходимым условием устойчивого развития человечества, но и одной из фундаментальных ценностей для международных отношений в XXI в. Таким образом, по своей сути безопасность следует рассматривать как неотъемлемую характеристику прогресса, а обеспечение безопасности — как одно из важнейших условий обеспечения устойчивого развития не только цивилизации в целом, но и отдельных государств.

В этой связи вполне закономерным является то, что в 2021 г. была разработана и утверждена Президентом России новая редакция «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (*Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»* // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351), определяющая цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Констатируя наличие целого комплекса угроз для устойчивого развития России, разработчики Стратегии к их числу относят и угрозы в сфере экстремистской деятельности, способные оказать дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку в стране.

Следует отметить, что опасность государству и обществу, которую несет в себе деятельность различного рода экстремистских и террористических организаций, нашла свое отражение и в новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (*Указ Президента РФ от*

05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074) и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475). В этой связи вполне закономерно то, что вопросы противодействия экстремистской деятельности находятся в фокусе внимания руководства страны и на протяжении последних лет неизменно входят в число приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов.

Вне всякого сомнения, за последние годы в данном направлении проделана значительная работа, однако следует признать и то, что общий фон экстремистской активности в России остается еще достаточно высоким.

Так анализ данных правовой статистики (Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 09.02.2023)) позволяет сделать вывод о том, что начиная с 2020 г. наметилась устойчивая тенденция к увеличению количества преступлений экстремистской направленности. И если в абсолютных цифрах количество преступлений подобного рода и не так велико, то в относительных показателях динамика роста весьма значительна: по состоянию на декабрь 2022 г. было совершено 1566 преступлений экстремистского характера, что на 48,2 % больше аналогичного показателя прошлого года.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о необходимости повышения эффективности предпринимаемых государством усилий в сфере противодействия экстремизму, совершенствования теоретических и методологических основ данной деятельности.

Необходимым условием решения задачи по формированию и реализации многоуровневой системы государственного и общественного противодействия экстремизму является познание сущности рассматриваемого явления с учетом особенностей его генезиса.

Вообще, слово «экстремизм» происходит от латинского *extremus* — крайний и в современной политологии рассматривается как «...склонность к крайним взглядам; использование нелегальных форм политического участия (бунт, погромы, терроризм) для достижения политических целей» [10, с. 265].

Одним из первых понятие «экстремизм» в своих трудах использовал выдающийся философ, политический мыслитель и правовед эпохи французского Просвещения Шарль Луи Монтескье (Montesquieu), вкладывая в него негативный смысл. В эпоху Великой французской революции он получил распространение в журналистике и обозначал крайние политические силы (как левые, так и правые).

Первая попытка формулирования формально-го понятия экстремизма принадлежит немецкому ученому Вильгельму Трауготту Кругу, рассматривавшему его как деятельность тех лиц, «...которые не хотят признавать середину и находят удовольствие в крайностях» [11].

С середины позапрошлого столетия термин «экстремизм» вошел в обиход политической прессы Англии, а в конце этого же столетия, как уже было сказано выше, данный термин был подхвачен и французскими журналистами.

Исследователи данного вопроса отмечают, что «...как научное понятие термин «экстремизм» одним из первых использовал в начале XX в. французский юрист М. Лерой, который основным отличием таких политических течений назвал требование от своих приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политические идеалы» [3, с. 242].

Вместе с тем следует отметить достаточно низкую распространенность данного термина в научной литературе и политической лексике вплоть до середины прошлого века. Как правило, для обозначения тех явлений, которые в настоящее время принято обозначать термином «экстремизм», использовалось такое понятие, как радикализм. В определенном смысле переломным моментом явилось опубликование целого ряда научных работ американских политологов, в которых обосновывалось представление об экстремизме как крайней форме радикализма, ведущей общество к тоталитаризму. Так, известный немецкий философ и социолог Теодор Адорно, эмигрировавший после прихода нацистов к власти в Соединенные Штаты, в своей работе «Исследование авторитарной личности» вывел так называемую шкалу F, описав совокупность черт фашистского характера: конвенциализм, авторитарное раболепие, авторитарная агрессия, анти-интрацепция, суеверность и стереотипизм, силовое мышление и культ силы, деструктивность и цинизм, проективность, сексуальность [4, с. 112]. Этот тип личности можно назвать экстремистским.

Постепенно в научной литературе термин «экстремизм» стал применяться не только к явлениям

в политической сфере общества, но и вообще ко всем радикальным идеологиям.

В Советском Союзе данный термин использовался в средствах массовой информации в основном для обозначения наиболее радикальных правых военизированных организаций и, как правило, связывался с вооруженным насилием террористического характера.

Таким образом, содержание понятия «экстремизм» за последние два столетия неоднократно претерпевало значительные изменения. Сам термин, обозначающий данное понятие, является предметом дискуссий и в настоящее время.

Авторы многочисленных формулировок экстремизма, содержащихся в теоретических источниках, при определении его содержания в подавляющем большинстве случаев руководствуются следующими двумя основными подходами: идеологическим и юридическим.

Сторонники первого подхода рассматривают экстремизм как приверженность крайним взглядам, нетерпимость к оппонентам и т. п. Последователи же юридического подхода определяют экстремизм через призму его общественной опасности и противоправности.

Признавая многоаспектный характер экстремизма как сложного социально-политического явления, полагаем возможным выделить следующие основные его признаки, значимые с точки зрения совершенствования правовой основы противодействия преступлениям экстремистской направленности:

- наличие иной идеи, не совпадающей с той, которая принята в данном государстве и обществе;
- нетерпимость к сторонникам иных взглядов;
- идеологическое обоснование возможности применения насилия ко всем лицам, которые не разделяют экстремистских убеждений;
- достижение целей, которые ставят перед собой приверженцы экстремистских идей, путем нарушения правовых норм;
- публичность и массовость распространения экстремистских взглядов;
- преобладание эмоциональных способов выражения экстремистских идей;
- демонстративное игнорирование принятых в обществе нравственных норм и правил.

Произошедшая в последние годы активизация деятельности различного рода экстремистских групп и сообществ, осознание той опасности, которую несет экстремизм для современного общества, обусловили необходимость создания правовой основы противодействия данному явлению.

Эти основы были заложены в 2002 г. принятием федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (*Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031*). При этом законодатель отказался от формулирования формальных дефиниций понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность», определяя содержание данных понятий через совокупность действий, их составляющих. Во многом это можно объяснить направленностью данного правового акта на практику противодействия экстремизму, попыткой сформулировать конкретный перечень противоправных действий в данной сфере.

Несколько иной подход к определению понятия экстремизма нашел свое отражение в Модельном законе о противодействии экстремизму, принятом в мае 2009 г. Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ (*Модельный закон СНГ от 3 декабря 2009 г. № 33-18 «О противодействии терроризму» // Антитеррористический центр государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/249> (дата обращения: 25.12.2020)*) и рассматривающем экстремизм как «...посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения» (ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму). При этом следует отметить, что с точки зрения авторов данного правового акта понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» не являются синонимами.

Несмотря на законодательное закрепление понятия экстремизма, дискуссию по поводу содержания данной дефиниции вряд ли можно считать завершённой. Как уже отмечалось ранее, спектр мнений по данному вопросу достаточно широк. На основе их анализа полагаем возможным понимать под экстремизмом противоправное, общественно опасное деяние, посягающее на основы конституционного строя, безопасность личности, общества и государства посредством применения насильственных методов, отрицания общепринятых норм и правил социального поведения, а также навязывания собственных идеологических установок обществу и государству.

Говоря о влиянии проблематики экстремизма на жизнедеятельность современного российского общества, следует констатировать, что на государ-

ственном уровне опасность различного рода экстремистских проявлений, равно как и необходимость противодействия им осознаются достаточно отчетливо, что нашло свое отражение в новой редакции такого программного документа как «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (*Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475*).

Несмотря на то, что за последние десятилетия проблема экстремизма для современного российского общества приобрела особую актуальность, вопросы, связанные с существованием внутрироссийского экстремизма, долгое время практически не исследовались отечественными учеными, проблематике экстремизма в исследовательской работе ученых и специалистов всегда уделялось значительно меньше внимания, чем терроризму.

Как представляется, определенную степень противоречия в сфере терроризма и экстремизма по отношению к положению в области борьбы с указанными явлениями можно сформулировать следующим образом. С одной стороны, реально существующие террористические и экстремистские организации, характерными особенностями которых являются агрессивность, сплоченность, дисциплина, четкое распределение ролей, наличие мощных финансово-экономических возможностей, по-прежнему объективно представляют собой устойчивые организованные преступные группы. С другой стороны, противодействие терроризму и экстремизму во многом носит формальный характер, основывается на устаревших формах и методах и не обеспечивает в должной степени эффективности предпринимаемых усилий в данной сфере. Вместе с тем результаты оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации, выполняющих задачи по линии противодействия экстремизму и терроризму, свидетельствуют об активном использовании экстремистами, террористами, участниками незаконных вооруженных формирований самых современных систем и средств коммуникации, в том числе и для активного продвижения в общественное сознание своей идеологической риторики, прежде всего, религиозно-экстремистской направленности.

Негативное влияние на ситуацию в данной сфере оказывает и сложная социально-экономическая обстановка в стране, обусловленная как недостаточно эффективной экономической политикой, так и последствиями экономической войны, развязанной против России странами

коллективного Запада и примкнувшими к ним государствами.

Так, по данным официальной статистики по состоянию на ноябрь 2022 г. численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше по Российской Федерации составила 75,127 млн человек, или 62,5 % от общей численности населения страны (*Численность и состав рабочей силы в возрасте 15 лет и старше по Российской Федерации (по данным выборочных обследований рабочей силы) // [Электронный ресурс]: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud_1_15-s.xlsx (дата обращения: 09.02.2023)*). Негативный социально-экономический фон ведет к усилению ксенофобии и дальнейшему росту преступлений на данной почве как со стороны русских националистов, так и выходцев из северокавказского и среднеазиатского регионов, увеличению количества так называемых автономных групп. Вместе с тем велика вероятность роста так называемого титульного национализма в субъектах Российской Федерации, образованных по национально-территориальному признаку [5, с. 17].

Как представляется, можно выделить три группы основных, наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на формирование экстремизма в России:

1. *Социально-экономические*: продолжающееся социальное расслоение в обществе, обуславливающее маргинализацию части населения, которое в силу сложившихся трудных жизненных обстоятельств утрачивает чувство терпимости и склонно винить в этом «врага» в лице государства, чиновника и т. д. К данной группе факторов следует отнести также: низкий уровень социальной мобильности; достаточно высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, которая легче всего попадает под влияние радикальных политических течений.

2. *Идеологические*: отсутствие четко выраженной государственной идеологии. Не вдаваясь в дискуссию по существу данного вопроса, отметим, что в отсутствие такой общенациональной идеи идеологическое пространство заполняется различного рода радикальными и экстремистскими идеями, в том числе и религиозного характера. Последнее представляет особую опасность, поскольку происходит на фоне переживаемого народами России своеобразного духовного и религиозного ренессанса [6, с. 22].

К данной группе факторов следует отнести и недостаточно эффективный контроль со стороны государственных органов за деятельностью отечественных и иностранных субъектов в ин-

формационной сфере, связанной с пропагандой своих идей, в том числе и экстремистского толка. Особую тревогу вызывает использование в этих целях возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

3. *Миграционные.* Последние 10–15 лет в России отмечается тенденция прибытия мигрантов в Россию на постоянное место жительства и их последующей натурализации. Безусловно, на фоне существующих демографических проблем это явление способно оказать положительное влияние на дальнейшее успешное экономическое развитие страны.

Вместе с тем сама по себе миграция, связанная с переездом человека на новое место жительства, — это стрессовая ситуация, требующая успешной адаптации к новым условиям жизни. Это сложный и зачастую весьма болезненный процесс, поскольку речь идет не просто о смене мигрантом места жительства, но и об утрате в определенной степени связи со своими родными, своей культурой. На этой почве у мигрантов нередко формируется чувство своей инаковости, чуждости, притом что местные жители зачастую не только не проявляют сочувствия к мигрантам, но и демонстрируют неприязнь, враждебность по отношению к ним. Это приводит к обособлению мигрантов, их радикализации, формированию этнических преступных групп, их вовлечению в деятельность различного рода террористических и экстремистских группировок.

Анализ научной литературы, правоприменительной практики в рассматриваемой сфере также позволяет выделить ряд причин, способствующих популяризации экстремистских идей в обществе:

1) активное использование СМИ, в том числе и ресурсов сети Интернет, для распространения экстремистских материалов;

2) недостаточная эффективность деятельности органов правопорядка по противодействию экстремистской преступности в Российской Федерации;

3) отсутствие действенной системы мер профилактики экстремизма.

Говоря о ситуации в данной сфере на современном этапе развития российского общества, следует выделить ряд ключевых особенностей, характеризующих уровень проявления экстремизма в России, и тенденции его развития:

1. Состояние экстремизма и терроризма на территории Российской Федерации характеризуется устойчивым ростом преступлений рассматриваемой категории. В структуре преступности данного вида наибольший вес имеют преступления, предусмотренные ст. 208 и 282 УК РФ. Анализ дан-

ных официальной статистики (*Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 09.02.2023)*) позволяет сделать вывод, что наиболее тревожная ситуация сложилась в г. Москве, Ставропольском крае, Республике Дагестан и Республике Крым.

Безусловно, если обратиться к абсолютным показателям, то картина не выглядит тревожной. Так, например, в г. Москве в период с января по декабрь 2022 г. было зарегистрировано всего 280 преступлений экстремистской направленности. Однако необходимо иметь в виду, и в этом заключается специфика рассматриваемой категории преступлений, каждое такое противоправное деяние способно вызвать широкий общественный резонанс и оказать дестабилизирующее воздействие на социально-политическую обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

2. Четко выраженная на протяжении последних десятилетий тенденция глобализации криминальной деятельности не обошла стороной и данную сферу. Фактически можно констатировать формирование транснациональных экстремистских и террористических организаций, таких как, например, «Международный фонд помощи и дружбы», «Богородичный Центр», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и др., имеющих в России достаточно распространенные сети и активно действующих в некоторых регионах.

3. Действующие на территории России экстремистские и террористические группировки все чаще маскируются под различного рода благотворительные фонды и организации, используя их в том числе и для сбора денежных средств для осуществления своей преступной деятельности.

4. Особую опасность для России как многонациональной и многоконфессиональной страны представляет религиозный экстремизм, который достаточно комфортно развивается в современном правовом пространстве, умело варьируя законодательными нормами в вопросах свободы вероисповедания и толерантности [7, с. 18].

5. Одним из основных способов дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации становится привлечение различных групп населения к участию в несогласованных публичных мероприятиях (включая протестные акции), которые умышленно трансформируются в массовые беспорядки. Нередко к участию в этих акциях привлекаются несовершеннолетние лица,

поскольку они не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат административной и уголовной ответственности (п. 18, 19 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года) (*Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475*).

6. На фоне проведения Россией специальной военной операции участились попытки со стороны иностранных государств и организаций активизировать деятельность отечественных экстремистских оппозиционных групп с целью обострения внутренних противоречий в стране, в том числе и разыграть национальную карту, призывая к «деколонизации России» и освобождению угнетенных национальных окраин. Безо всякого преувеличения можно констатировать, что против России ведется гибридная война, в которой экстремистские организации рассматриваются нашими противниками в качестве инструмента достижения намеченных ими целей.

Особую тревогу вызывает активизация экстремистской деятельности с использованием сети Интернет, возможности которой используются не только для распространения материалов экстремистского содержания, но и для связи, координации действий экстремистских организаций, финансирования экстремистской деятельности, а также оказания иного содействия в ее организации, подготовке и осуществлении [8, с. 44].

Трансграничное распространение информации, используемое в экстремистских целях, создает угрозу нанесения ущерба стабильности государства и международной безопасности. Кроме того, важно отметить, что экстремизм как крайне опасное преступное явление уверенно перешагнул

границы отдельных государств или регионов. Так как преступления данной направленности зачастую имеют ярко выраженный транснациональный характер, противодействие им должно осуществляться и на международном уровне. В свете сказанного можно было бы согласиться с точкой зрения Д.С. Хижняка, который указывает на необходимость принятия Стратегии борьбы с транснациональной криминальной деятельностью [9]. Однако в условиях острой геополитической конфронтации между Россией и условным Западом эта идея представляется вряд ли реализуемой, поскольку зачастую экстремистские организации рассматриваются нашими «оппонентами» в качестве полезных и эффективным инструментов дестабилизации нашей страны. Как представляется, основные усилия в данной сфере должны быть сконцентрированы на повышении эффективности межгосударственного взаимодействия в рамках СНГ и Шанхайской организации сотрудничества.

Следует особо подчеркнуть, что в условиях глобализации происходит трансформация преступной деятельности, характеризующаяся попытками криминала взять под свой контроль ключевые институты современного общества, прежде всего, в сфере финансов и экономики, а также сформулировать своего рода идеологическую основу криминальной деятельности, в том числе и путем установления связей с экстремистскими организациями. Указанные обстоятельства настоятельно требуют повышения эффективности существующей системы противодействия экстремизму, выработки новых форм и методов борьбы с данным явлением, поскольку экстремизм, особенно окрашенный в религиозные и националистические тона, не только ставит преграды на пути развития государства, но и подрывает устои межнационального мира и согласия, что особенно опасно, учитывая многонациональный характер российского государства.

Литература

1. *Векленко С.В., Григорьев А.Н., Загоскин А.В., Пилявец В.В., Старостина С.А.* Противодействие экстремизму: теоретические и практические проблемы: монография. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. — 164 с.
2. *Щедрин Н.В.* Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1999. — 180 с.
3. *Кокорев В.Г.* Соотношение понятий «терроризм» и «экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1 (047). С. 239–244.
4. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: ЛитРес, 2012. — 250 с.
5. *Мазуров В.А., Стародубцева М.А., Кочарян А.И.* Религиозно-националистический экстремизм как идеология терроризма в современном мире: понятие, причины и условия, противодействие: монография. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. — 86 с.

6. Григорьев В.В. Терроризм и религиозный экстремизм на современном этапе // Экстремизм — новые вызовы региональной безопасности: сборник материалов международной научной конференции / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул, 2022. С. 22–26.
7. Миронов С.Н., Абдулганеев Р.Р., Артюшина О.В. и др. Противодействие органов внутренних дел экстремизму и терроризму / науч. ред. Ф.К. Зиннуров. Казань: Казанский юридический ин-т МВД России, 2017. — 191 с.
8. Давыдов В.О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера: монография / науч. ред. А.Ю. Головин. М.: Юрлитинформ, 2018. — 436 с.
9. Хижняк Д.С. О проекте стратегии противодействия транснациональной криминальной деятельности в Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 17–30.
10. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.К. Фесенко, К.В. Филиппов. Р н/Д: Феникс, 2010. — 318 с.
11. Плотичкина Н.В. Экстремизм versus демократия в научных исследованиях германских политологов // Политическая экспертиза. Политэкс. 2008. № 4. С. 193–202.

References

1. Veklenko S.V., Grigor'ev A.N., Zagoskin A.V., Pilyavets V.V., Starostina S.A. Protivodeistvie ekstremizmu: teoreticheskie i prakticheskie problemy: monografiya [Countering extremism: theoretical and practical problems: monograph]. Kaliningrad: Kaliningradskii filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii Publ., 2021. 164 p. (In Russian)
2. Shchedrin N.V. Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti: monografiya [Introduction to the legal theory of security measures: monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskogo gos. un-ta Publ., 1999. 180 p. (In Russian)
3. Kokorev V.G. Sootnoshenie ponyatii «terrorizm» i «ekstremizm» [Correlation between the concepts of “terrorism” and “extremism”]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Socio-economic phenomena and processes]*, 2013, no. 1 (047), pp. 239–244. (In Russian, abstract in English)
4. Adorno T. Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [Study of the Authoritarian Personality]. Moscow: LitRes Publ., 2012. 250 p. (In Russian)
5. Mazurov V.A., Starodubtseva M.A., Kocharyan A.I. Religiozno-natsionalisticheskii ekstremizm kak ideologiya terrorizma v sovremennom mire: ponyatie, prichiny i usloviya, protivodeistvie: monografiya [Religious-nationalist extremism as an ideology of terrorism in the modern world: concept, causes and conditions, counteraction: monograph]. Barnaul: Alt. gos. un-ta Publ., 2022. 86 p. (In Russian)
6. Grigor'ev V.V. Terrorizm i religiozniy ekstremizm na sovremennom etape [Terrorism and religious extremism at the present stage]. In *Ekstremizm — novye vyzovy regional'noi bezopasnosti. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Extremism — new challenges to regional security. Collection of materials of the international scientific conference]*. Ed. D.L. Prokazin. Barnaul, 2022, pp. 22–26. (In Russian)
7. Mironov S.N., Abdulganeev R.R., Artyushina O.V. i dr. Protivodeistvie organov vnutrennikh del ekstremizmu i terrorizmu [Counteraction of internal affairs bodies to extremism and terrorism]. Scientific ed. F.K. Zinnurov. Kazan': Kazanskii yuridicheskii in-t MVD Rossii Publ., 2017. 191 p. (In Russian)
8. Davydov V.O. Metodika rassledovaniya transnatsional'noi prestupnoi deyatel'nosti ekstremistskogo kharaktera: monografiya [Methods for investigating transnational criminal activities of an extremist nature: monograph]. Scientific ed. A.Yu. Golovin. Moscow: Yurлитинформ Publ., 2018. 436 p. (In Russian)
9. Khizhnyak D.S. O proekte strategii protivodeistviya transnatsional'noi kriminal'noi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [On the draft strategy for countering transnational criminal activity in the Russian Federation]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Criminologist's library. Science Magazine]*, 2016, no. 6 (29), pp. 17–30. (In Russian, abstract in English)
10. Noveishii politologicheskii slovar' [The latest political dictionary]. Compilers D.E. Pogorelyi, V.K. Fesenko, K.V. Filippov. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 2010. 318 p. (In Russian)
11. Plotichkina N.V. Ekstremizm versus demokratiya v nauchnykh issledovaniyakh germanskikh politologov [Extremism Versus Democracy in Scientific Studies of German Political Scientists]. *Politicheskaya ekspertiza. Politeks [Political Expertise. Politex]*, 2008, no. 4, pp. 193–202. (In Russian)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Исаенко Вячеслав Николаевич

Цель: вопросы, изложенные автором в настоящей статье, являются результатом обобщения и анализа практики организации расследования ряда преступлений террористической направленности, в том числе практики личного участия в этой работе. Несмотря на то что зарегистрированные в Российской Федерации преступления, предусмотренные главой 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, далеко не всегда были сопряжены со взрывами, поджогами и другими действиями, совершенными с целями, названными в ч. 1 ст. 205 УК РФ, уровень террористической опасности продолжает оставаться высоким. Об этом свидетельствуют и соответствующие статистические сведения. Сотрудникам следственных, оперативно-разыскных органов, органов прокуратуры необходимо быть готовыми к возможному личному участию в расследовании террористических актов, в связи с чем им необходимо знать соответствующие криминалистические методики, судебно-экспертные и другие прикладные средства выполнения этой работы. Материалы следственной практики свидетельствуют, что полное установление обстоятельств подготовки и совершения террористических актов, выявление и изобличение совершивших их лиц и их пособников зависит от должной организации этой работы. Ее оптимальной формой является следственная группа с необходимым оперативно-разыскным, экспертным, технико-криминалистическим, информационным обеспечением, четким распределением функциональных обязанностей между включенными в ее состав сотрудниками. Безусловно, важное значение имеет включение в состав такой группы следователей с личным опытом участия в расследовании подобных преступлений. При расследовании террористических актов необходимым элементом его организации является обеспечение безопасности участников следственной группы, в особенности при осмотрах мест происшествий, где могут находиться взрывные устройства. При необходимости принимаются меры по обеспечению безопасности потерпевших и свидетелей. Расследование террористических актов представляет собой разновидность системного подхода к организации следственной работы с четкой направленностью и функциональной ориентированностью включенных в их состав следователей, а также других привлекаемых сотрудников.

Методология: диалектический метод, системный метод, анализ, синтез, формально-юридический метод, исторический метод.

Выводы. Специфика расследования преступлений террористической направленности, в особенности террористических актов (актов терроризма), обуславливает и определяет особенности подходов к организации и проведению их расследования.

Научная и практическая значимость. Эффективность расследования преступлений террористической направленности зависит от четкой организации этой работы на базе рекомендаций, разработанных в области научной организации труда, а также на материалах обобщения и анализа соответствующей следственной практики. Требуется также знание и активное использование следователями в этой работе научно обоснованных технических, методических, тактических рекомендаций, разработанных криминалистической наукой.

Ключевые слова: террористическая угроза, противодействие терроризму, террористический акт, следственная группа, организация расследования, системный подход, криминалистическая методика, криминалистические рекомендации, меры безопасности, практический опыт.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, терроризм охарактеризован как одна из основных для нее угроз. Констатируется неослабевающая деструктивная деятельность международных террористических организаций по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в эту деятельность молодежи. Существенно повысилась опасность совершения террористических актов на территории России диверсионно-разведывательными группами, которые могут проникнуть из Украины.

Реальной угрозой является также идеология терроризма, его пропаганда. У воспринимающих ее лиц происходит деформация сознания, искажение представления о нравственных и духовных ценностях, переходящее в глубокую убежденность вначале, затем в допустимость, потом в целесообразность и необходимость применения насилия, отрицание ценности жизни человека.

Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за последние годы свидетельствуют не только о сохраняющейся, но и о повышающейся актуальности проблемы противодействия преступлениям террористического характера. В частности, в 2018 г. зарегистрированы 1679 преступлений этой категории, в 2019 г. — 1806, в 2020 г. — 2342, в 2021 г. — 2136, в 2022 г. — 2233 (*Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: www.gov.ru (дата обращения: 27.01.2023)*).

Далеко не все из них были сопряжены с совершением террористических актов, то есть взрывов, поджогов или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели людей и наступления иных тяжких последствий в целях, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации. Значительное количество сопряжено с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, склонением, вербовкой или иным вовлечением в нее других лиц, а также иными, относящимися к террористическим деяниям, перечисленными в главе 24 УК Российской Федерации.

Тем не менее угроза совершения террористических актов на территории Российской Федерации — сегодняшняя реальность. Сотрудникам

следственных, оперативно-разыскных органов, органов прокуратуры необходимо быть готовыми к возможному личному участию в их расследовании, для чего необходимо знать соответствующие криминалистические методики, судебно-экспертные и другие прикладные возможности выполнения этой работы. Целесообразно использовать также соответствующий практический опыт, который необходимо постоянно обобщать и анализировать.

Практика свидетельствует, что полное установление обстоятельств подготовки и совершения террористических актов, выявления и изобличения совершивших их лиц зависит от должной организации этой работы. В данной статье излагается мнение относительно некоторых основных ее составляющих, сложившееся в том числе на основании результатов анализа личного участия в расследовании отдельных из этих преступлений, с упором на его первоначальный этап.

Для расследования террористических актов и других преступлений, с ними связанных, формируется следственная группа с необходимым оперативно-разыскным, экспертным, технико-криминалистическим, информационным обеспечением. Решение о ее формировании принимается, как правило, одновременно с возбуждением уголовного дела по факту террористического акта. При этом прорабатываются следующие вопросы:

- а) о количественном и персональном составе группы следователей;
- б) об уровне ее руководителя, наличии у него опыта расследования террористических актов;
- в) о соответствующей профессиональной подготовке включаемых в состав группы следователей;
- г) об организации оперативно-разыскного сопровождения расследования;
- д) об укомплектовании и налаживании работы информационно-аналитического звена;
- е) о прикомандировании к следственной группе сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и других специалистов;
- ж) об организации разработки общего и эпизодического планов расследования;
- з) о распределении участков работы между следователями;
- и) об организации процессуального контроля за ходом предварительного следствия.

В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 27 мая 2021 г. № 265 «О порядке

представления специальных донесений и иной обязательной информации» за процессуальной деятельностью следственной группы устанавливается прокурорский надзор. При этом на прокурора возлагается обязанность лично выезжать (либо обеспечить по установленному графику дежурств выезд одного из своих заместителей) на места происшествий. По прибытии на место происшествия он обязан в целях координации действий сотрудников правоохранительных органов и оперативных служб вникнуть в характер и обстановку места происшествия, при необходимости своевременно решить вопрос об определении подследственности, принять меры по обеспечению законности проведения оперативно-разыскных мероприятий и процессуальных действий.

Отдельным и специфическим организационным вопросом является обеспечение безопасности как членов следственно-оперативной группы, так и отдельных проходящих по делу лиц (в частности свидетелей — очевидцев акта терроризма, подготовки к нему и т. п.). В юридической литературе по этому поводу обоснованно подчеркивается, что уголовно-процессуальная сфера противодействия преступности сама по себе опасна, тем более для обычного гражданина, содействующего государственным правоохранительным и судебным органам в производстве по уголовному делу [2, с. 20].

Решение названных организационных вопросов особенно необходимо при расследовании террористических актов, последствиями которых явилась гибель людей, разрушение и повреждение жилых зданий, промышленных объектов и т. д.

Руководителем следственной группы всегда назначается следователь, имеющий опыт расследования преступлений террористической направленности.

В составе следственной группы комплектуются подгруппы:

- 1) для осмотра места происшествия и работы со следами и вещественными доказательствами;
- 2) для осмотра трупов (если в результате террористического акта погибли люди), их идентификации (в том числе по останкам трупов), назначения судебно-медицинских, медико-криминалистических, судебно-медицинских, вещественных доказательств и других экспертиз;
- 3) для допросов оставшихся в живых потерпевших и свидетелей;
- 4) подгруппа информационно-аналитического обеспечения;
- 5) подгруппа технико-криминалистического обеспечения расследования.

При небольшом объеме отдельные участки этой работы нередко обеспечивают одни и те же члены группы. При значительном объеме эти участки между ними распределяются, но обеспечивается постоянный встречный обмен информацией.

Поскольку расследование таких преступлений всегда начинается с осмотра места происшествия, целесообразно, чтобы в нем участвовали сотрудники, в последующем отвечающие за назначение судебно-медицинских и других экспертиз. Это поможет им правильно формулировать вопросы экспертам. В зависимости от характера оперативной обстановки на местности, где производится осмотр, решается вопрос о предупреждении возможности нападения на членов следственной группы, их обеспечении соответствующей защитной экипировкой, при необходимости и личным оружием.

При совершении террористического акта, повлекшего смерть многих людей, необходимо обеспечить место первоначального размещения трупов для их дополнительного осмотра, если в здании или помещении, где был совершен теракт, невозможно более детально их обследовать. Например, при осмотрах взорванных жилых домов на ул. Гурьянова и на Каширском шоссе в Москве по мере извлечения тел из-под развалин они помещались в оперативно оборудованные павильоны-палатки, где с ними проводилась необходимая в таких случаях работа с последующей транспортировкой трупов в морг.

Значение осмотра места происшествия давно рассматривается как аксиоматическое правило. Однако при осмотре мест совершения террористических актов с использованием взрывных устройств столь же аксиоматическим являются особенности его подготовки и осуществления.

В частности, в отдельных случаях преступники оставляют на месте происшествия «сюрпризы» для участников будущего осмотра в виде взрывных устройств как натяжного, так и Нажимного действия в основном на базе штатных боеприпасов в виде ручных гранат или противопехотных мин.

Поэтому по получении сообщения о совершении преступления с использованием взрывного устройства (особенно в местностях с напряженной криминальной обстановкой) в первую очередь наряду с организацией и применением мер по охране места происшествия обсуждается вопрос о предварительном обследовании, то есть об инженерной разведке и возможном разминировании места предстоящего осмотра непосредственно перед его проведением.

Для этого привлекаются военнослужащие инженерных частей Вооруженных Сил или других воинских формирований, располагающие необходимыми поисковыми средствами.

Игнорирование необходимости проведения возможного разминирования может повлечь трагические последствия. Так произошло, в частности, при осмотре больницы в одном из городов после того, как ее покинули боевики, ранее захватившие ее вместе с медперсоналом и больными, а также с людьми, пригнанными в больницу под угрозой применения оружия. Заложники и захватившие их участники незаконного вооруженного формирования находились в больнице несколько дней, после чего им предоставили возможность покинуть это место. На следующий день был назначен осмотр больницы и прилегающей территории с предварительной ее разбивкой на квадраты и определением групп участников осмотра каждого из них. Однако провести его не удалось, поскольку сразу же подорвались на гранатах, поставленных на растяжки и замаскированных в траве, и погибли сотрудник МЧС и военнослужащий подразделения специального назначения, начавшие рассредоточение по территории больницы.

В связи с этим выдвигание следственных групп на закрепленные за ними квадраты было остановлено и решен вопрос о проведении инженерной разведки силами военнослужащих. Они смогли обнаружить и обезвредить более десяти «сюрпризов», оставленных в различных местах, даже в больничном морге под телами умерших ранее в больнице людей. Только после этого началось обследование территории больницы группами следователей и специалистов. Тем не менее дополнительно специалисты смогли обнаружить и обезвредить еще четыре гранаты на растяжках.

Спустя немногим более полугода аналогичная ситуация произошла в другом городе, где боевики также захватили больницу вместе с медперсоналом и находившимися в ней на излечении людьми. Когда они покинули здание больницы, первые попытавшиеся войти в нее военнослужащие погибли в результате подрыва «сюрпризов» (один на противопехотной мине у входа, а второй на гранате-растяжке уже в помещении больницы).

Люди определенных профессий (летчики-испытатели, саперы, спасатели и другие) непроста говорят, все инструкции по безопасности для них написаны кровью. Можно утверждать, что такими же «чернилами» пишутся отдельные организаци-

онно-методические рекомендации по осмотру мест совершения террористических актов и других преступлений с использованием взрывных устройств.

Это послужило основанием для принятия мер по соответствующей подготовке следователей, специалистов, оперативных работников, в первую очередь для твердого уяснения ими правил поведения в подобных местах. Есть известное требование, запрещающее производить осмотр обстановки, предметов и других объектов на месте происшествия без перчаток. В 1927 г. в СССР был опубликован перевод книги известного криминалиста Роберта Гейндля — начальника криминальной полиции г. Дрездена (Германия) об использовании дактилоскопических методов в расследовании преступлений [1, с. 154–155]. В ней есть примечательная рекомендация и одновременно сожаление автора о том, как трудно заставить полицейских и следователей приучить себя во время осмотра держать руки в карманах. Безусловно, речь шла о недопустимости оставления участниками осмотра следов их рук, могущих дать ложный след, о недопустимости перемещения с места на место предметов обстановки места происшествия, что влечет ее изменение и последующие затруднения в проверке показаний подозреваемого, обвиняемого с целью установления его преступной осведомленности о расследуемом событии.

Осмотр места совершения террористического акта связан с необходимостью соблюдения крайней осторожности во избежание приведения в действие взрывного устройства натяжного или иного действия. Если есть основания предполагать возможность оставления преступниками «сюрпризов», категорически запрещается наступать, например, на коврики, на доски перед дверями (особенно у наружного входа), открывать двери внутренних помещений (причем открывающихся как наружу, так и внутрь), находиться непосредственно перед ними, включать освещение имеющимися внутри выключателями. «Специалистами» из числа боевиков, террористов разработаны и применяются различные конструкции взрывных устройств с использованием главным образом ручных гранат, которые и рассчитаны на неосторожное поведение участников осмотра, в том числе совершение ими названных и других действий.

В связи с этим в отделе криминалистики Главного следственного управления Генеральной прокуратуры на основании анализа практики проведения осмотров мест совершения террори-

стических актов специально проводились занятия по изучению таких устройств, по изучению мер безопасности во избежание нежелательных последствий. Неоценимую помощь в этом оказали сотрудники одного из НИИ Министерства обороны России.

Если террористический акт сопряжен с подрывом жилого дома или другого строения, осмотр может быть начат только после обследования развалин сотрудниками МЧС вместе с саперами, а также строителями, определяющими отсутствие угрозы обрушения конструкций помещений.

Ранее сказано, что в зависимости от площади поражения она может быть разбита на участки, которые обследуют специально назначенные для этого группы. Тщательно фиксируются места расположения и позы трупов, места повреждений от поражающих элементов взрывного устройства, места нахождения частей этого устройства с последующим сведением полученных данных в единый протокол осмотра и обобщенную схему места происшествия с указанием эпицентра взрыва. Так проводился, например, осмотр места взрыва в подземном переходе на Пушкинской площади в Москве. Как правило, при осмотре мест срабатывания взрывных устройств производится в первую очередь обзорная панорамная фотосъемка. В связи с внедрением в следственную практику фотосъемки в формате 3D, обеспечивающей получение более полного пространственного представления о месте происшествия, безусловно, целесообразно ее использование при осмотрах мест взрывов как в помещениях, так и на открытых участках.

При судебно-медицинской экспертизе трупов погибших в результате террористического акта и их частей, безусловно, необходимо присутствие следователей из состава обзорной группы и группы, отвечающей за назначение и производство судебных экспертиз (как сказано, обычно эти функции совмещаются). Если вследствие минно-взрывной травмы произошло обезображение внешности погибшего, уничтожение его одежды, исключающие идентификацию по чертам лица, по одежде, а также по посмертной фотографии, то под контролем должно находиться следующее:

1) помещение образца его крови для последующего исследования по методу молекулярно-генетической идентификации в емкость с тем же номером, под которым зарегистрирован труп, от которого этот образец взят;

2) обязательное дактилоскопирование трупа, если это позволяет сделать состояние кистей его рук, и решение вопроса о проверке его дактокарты по учетам органов внутренних дел;

3) изъятие на месте извлеченных из трупа поражающих элементов взрывного устройства (а равно пуль, если для совершения террористического акта использовалось нарезное огнестрельное оружие), их сортировка, осмотр и последующее исследование, в том числе судебно-экспертное;

4) изъятие, осмотр сохранившейся на трупе одежды или ее остатков с предварительным ее просушиванием в исключаяющих ее порчу условиях, помещение в упаковку с указанием на ней данных погибшего, личность которого установлена, либо указанием номера, под которым зарегистрирован труп.

Несоблюдение этого правила может повлечь получение ошибки в последующей идентификации того или иного не поддающегося визуальному опознанию трупа или его частей. В свою очередь, сведение идентификационных действий с таким трупом только к его опознанию по остаткам одежды тоже чревато нежелательными последствиями, которые, к сожалению, случались на практике.

Экспертное исследование остатков взрывных устройств, использованных взрывчатых веществ должно осуществляться незамедлительно. Результаты этой работы могут указать направление расследования.

В целом методика расследования террористических актов имеет свои особенности. Вместе с тем она включает ряд компонентов, сходных с элементами расследования преступлений других видов, в частности убийств, незаконного изготовления, хранения боеприпасов, взрывных устройств и т. д.

Таким образом, расследование террористических актов представляет собой разновидность использования системного метода (системно-целевого подхода) в организации следственной работы с четкой направленностью и функциональной ориентированностью включенных в их состав следователей, а также приданных сотрудников оперативно-разыскных подразделений, экспертов, специалистов. Существование комплекса вопросов при создании и в ходе функционирования таких следственных групп также обязывает рассматривать не только процессуальные и криминалистические, но и организационно-управленческие аспекты этой деятельности, включая вопросы обеспечения безопасности сотрудников, входящих в состав группы.

В связи с этим очевидны как необходимость использования рекомендаций научной организации труда в непосредственной деятельности таких групп, так и безусловное использование разработанных криминалистической наукой техниче-

КОНФЕРЕНЦИЯ

криминалистических, методических, тактических рекомендаций, соответствующих ориентированности.

Представляется целесообразным включение в программы подготовки специалистов для будущей работы в органах уголовной юстиции основ организации и проведения расследования пре-

ступлений террористической направленности. Это поможет им более ускоренно в конкретных случаях входить в сущность проблем, возникающих при расследовании преступлений этой категории, верно оценивать исходные и последующие ситуации и находить оптимальные пути их разрешения.

Литература

1. *Гейндль Р.* Дактилоскопия и другие методы уголовной техники в деле расследования преступлений / под ред. А.Н. Крюкова. М.: Государственное техническое издательство, 1927. — 332 с.
2. *Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В.* Процессуальные и криминалистические механизмы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. — 149 с.

References

1. *Heindl R.* Daktiloskopiya i drugie metody ugovolnoi tekhniki v dele rassledovaniya prestuplenii [Fingerprinting and other methods of criminal technique in the investigation of crimes]. Ed. A.N. Kryukov. Moscow: Gosudarstvennoe tekhnicheskoe izdatel'stvo Publ., 1927. 332 p. (In Russian)
2. *Zaitsev O.A., Epikhin A.Yu., Mishin A.V.* Protsessual'nye i kriminalisticheskie mekhanizmy obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva: monografiya [Procedural and forensic mechanisms for ensuring the safety of participants in criminal proceedings: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 149 p. (In Russian)

О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЭКСТРЕМИЗМА, ТЕРРОРИЗМА И ПРЕВЕНЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК

Крамаренко Владимир Петрович,
Шабанов Вячеслав Борисович

Цель: в статье изложен авторский взгляд на становление частных криминалистических теорий в развитии и совершенствовании криминалистических методик расследования преступлений. В частности, подвергается анализу частная криминалистическая теория временных связей и отдельные аспекты ее практической интеграции в процесс расследования преступлений экстремистской направленности. Поскольку данная теория зародилась более 20 лет назад, в сегодняшнем мире она нуждается в обновлении. Важно подчеркнуть, что в конце XX в. в криминалистике еще не было принято обсуждать так называемые виртуальные следы, которые большинство ученых-процессуалистов категорически не признавали доказательствами по уголовному делу. Развитие государства и его правовых основ убедительно доказало, что в XXI в. виртуальные (компьютерные) или цифровые следы должны быть введены в уголовный процесс наряду с материальными и идеальными следами. В работе акцентируется внимание участников уголовного судопроизводства на необходимости использования новейших технических средств и оборудования, а также цифровых технологий для выявления, закрепления и исследования доказательств. Их применение, по мнению авторов, уменьшает влияние субъективных факторов, позволяет объективировать установление всех временных связей и расширить границы ситуаций, которые возникают при расследовании преступлений рассматриваемой категории. Современные цифровые технологии и используемые технические средства объективизируют информацию о расследуемом событии. Их наличие, а также активное внедрение и использование в практической следственной деятельности позволяет следователю сэкономить временную составляющую предварительного расследования определенных видов преступлений вообще и экстремистской направленности в частности. Использование временных связей в доказывании позволит резко сократить, а в некоторых ситуациях и вовсе отказаться от проведения бесконечных очных ставок, следственных экспериментов, проверок показаний на месте. В нынешнем состоянии дел организация и производство названных следственных действий отнимает безумное количество рабочего времени следователя. Итоговой их целью является проверка показаний всех участников уголовного процесса о тех или иных фактах минувшего преступного деяния. Допрашиваемые же под воздействием различных субъективных факторов в своем большинстве склонны исказить сущность увиденного или услышанного. Авторы полагают, что ни у кого не возникает сомнений в тех фундаментальных положениях теории временных связей, которые обязан использовать любой оперативный сотрудник и следователь в поиске криминалистически значимой информации, а также доказательств при расследовании преступлений, а именно устанавливать:

- конкретный момент времени, когда у преступника зародился умысел на совершение преступления, то есть устанавливать первопричину;
- тот временной интервал, исчисляемый днями, месяцами или годами, в течение которого преступник перешел от мысленного замысла к реальному воплощению преступления;
- те временные отношения, которые характеризуют последовательность действий преступника во времени, направленных как на осуществление задуманного, так и на сокрытие следов преступления.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых научных исследований.

Выводы. Одна из главных задач следователя — не потеряться в потоке информации и последовательно фиксировать те улики, которые однозначно свидетельствуют о том моменте времени, с которого будущий боевик начал детально интересоваться экстремистской или террористической деятельностью, искать сообщников, подчиняться конкретному лицу — лидеру и т. д.

По нашему мнению, при расследовании именно экстремистских проявлений или актов терроризма неоправданно ограничиваться установлением только тех фактов, которые относятся к непосредственному осуществлению криминального замысла, к конкретному исполнителю. Следует дополнять информацию фактами, относящимися и к лидеру преступного сообщества. Иными словами, необходимо расширять перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в каждом конкретном случае устанавливая первопричину появления умысла на совершение преступления, обеспечивая при этом защиту свидетелям.

Научная и практическая значимость. Появление новых технических средств и технологий, позволяющих совершенно точно устанавливать временные связи в развитии тех или иных событий, впоследствии ставших предметом исследования в уголовном судопроизводстве, актуализирует и стимулирует необходимость дальнейших научных исследований в области частных методик временных связей в расследовании любых преступлений, и экстремистских в частности. Приводятся практические рекомендации, определяющие основные направления деятельности оперативных сотрудников и следователей по определению временных связей, влияющих на результаты расследования и превенции следственных ошибок.

Ключевые слова: частные криминалистические теории, временные связи, экстремизм, терроризм, следы преступления, цифровизация, ситуация, следственные ошибки, лидер экстремистской организации.

Как известно, одной из составных частей общей теории криминалистики являются частные криминалистические теории, которые, по мнению профессора Р.С. Белкина, играют роль метода познания, ибо указывают «путь исследования и определяют его цели» [1, с. 29]. В.М. Мешков в относительно далеком 1995 г. в своей диссертации представил криминалистической обществу свежий взгляд на значение временных связей и отношений при расследовании преступлений. Впоследствии этот взгляд приобрел статус частной криминалистической теории [4].

Поскольку данная теория зародилась более 20 лет назад, в сегодняшнем мире она нуждается в обновлении. Уместно будет заострить внимание читателей на том факте, что в конце XX века в криминалистике еще не было принято обсуждать так называемые виртуальные следы, которые большинство ученых-процессуалистов категорически не признавали доказательствами по уголовному делу. Развитие государства и его правовых основ убедительно доказало, что в XXI веке виртуальные (компьютерные) или цифровые следы должны быть введены в уголовный процесс наряду с материальными и идеальными следами. Следовательно, при дальнейшем совершенствовании криминалистических теорий вообще и частной криминалистической теории о значении временных связей и отношений в расследовании преступлений в частности процесс, как и сама процедура возникновения, фиксации, исследования

таких следов, необходимо не только учитывать, но и подвергать теоретическому и практическому переосмыслению.

Современные цифровые технологии и используемые технические средства объективизируют информацию о расследуемом событии. Их наличие, а также активное внедрение и использование в практической следственной деятельности позволяет следователю сэкономить временную составляющую предварительного расследования определенных видов преступлений вообще и экстремистской направленности в частности. Использование знания о временных связях и их значении в расследовании и доказывании позволит резко сократить, а в некоторых ситуациях и вовсе отказаться от проведения бесконечных очных ставок, следственных экспериментов, проверок показаний на месте. В нынешнем состоянии дел организация и производство названных следственных действий отнимает безумное количество рабочего времени следователя. Итоговой их целью является проверка показаний всех участников уголовного процесса о тех или иных фактах минувшего преступного деяния. Допрашиваемые же под воздействием различных субъективных факторов в своем большинстве склонны искажать сущность увиденного или услышанного.

Понятно, что криминалистическая теория о временных связях и отношениях при расследовании преступлений имеет свои сильные и слабые стороны. Тем не менее мы полагаем, что ни у кого

не возникают сомнения в тех фундаментальных положениях теории временных связей и отношений, которые обязан использовать любой следователь в поиске криминалистически значимой информации и доказательств при расследовании любых преступлений вообще и преступлений экстремистской направленности в частности, а именно устанавливать:

— конкретный момент времени, когда у преступника зародился умысел на совершение преступления экстремистской направленности, то есть первопричину, побудительный мотив начала формирования личностной установки и своей роли в мысленной модели планируемой преступной деятельности;

— тот временной интервал, исчисляемый днями, месяцами или годами, в течение которого преступник перешел от мысленного моделирования к реальным действиям и поступкам, направленным на воплощение преступного замысла, на совершение преступления;

— те временные отношения, которые характеризуют не только хронологическую последовательность действий преступника во времени, но и отражают конкретную направленность его деятельности как на осуществление задуманного, так и на сокрытие следов преступления экстремистской направленности. Здесь мы назвали лишь малую толику временных связей и последовательность их исследования, однако их установление является наиболее важным при раскрытии и расследовании экстремистских и террористических действий. Упущения, связанные с игнорированием их установления, детерминируют ошибки в оперативной и следственной деятельности, которые во многих случаях влекут за собой безвозвратную утерю доказательств [4, с. 56–67].

Острота ситуации начала XXI века заключается и в том, что преступления экстремистской направленности, высшей формой проявления которых является терроризм, требуют разработки тактических, технических, технологических методических и других рекомендаций, расширяющих возможности процедуры выявления, закрепления, исследования следов таких преступлений, вне зависимости от их видов и форм отражения. Установление и фиксация следовой картины названных преступлений требует широкого интегрирования знаний о теории временных связей и отношений в практическую деятельность при раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемого вида.

Применительно к временной теории в криминалистике, как нам представляется, следует об-

ратить внимание на использование технических средств, позволяющих объективно установить все временные характеристики преступного события. Сегодня уже никто не сомневается в том, что, например, приборы системы ГЛОНАСС способны с точностью до секунды определять местоположение интересующего следствие субъекта или объекта преступления. А записи видеокamer, нередко в режиме реального времени, фиксируют временные моменты и интервалы времени совершения преступления, а также временные отношения в деятельности конкретного субъекта и пр.

Насколько это важно в деятельности следователя, мы покажем на анализе экстремистских и террористических действий, а также на деятельности следователя по их расследованию и раскрытию.

В современной России начиная с 90-х гг. прошлого века, и в особенности с момента начала СВО на Украине, набирают обороты такие тяжкие по своим последствиям преступления, как экстремизм и терроризм. В условиях дальнейшей интеграции России и Беларуси на пути создания Союзного государства подобные преступления представляют прямую угрозу национальной, экономической и общественной безопасности как для Российской Федерации, так и для Республики Беларусь. Главное отрицательное последствие проявления экстремизма и его крайней формы — терроризма состоит в том, что преступления этой направленности имеют конечной целью насильственное изменение основ конституционного строя союзных государств. Здесь хотелось бы акцентировать внимание на том факте, что проводники, а также лидеры — носители идей экстремизма являются лицами, призывающими в конечном итоге к изменению территориальных границ и России, и Республики Беларусь.

Предпринимаемые меры со стороны законодателя, со своей стороны ужесточающего меры ответственности за преступления рассматриваемого вида, а также усилия ученых-криминалистов, разрабатывающих рекомендации в области их расследования и раскрытия, в определенной степени привели к отдельным успехам в противодействии этим опасным явлениям. Тем не менее следует признать, что пока положительное влияние науки криминалистики явно не отвечает потребностям союзных государств и их общественным интересам в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Объяснением этого, по нашему мнению, являются зональный аспект исследова-

ний, а также то, что, как правило, они ограничиваются определенными временными рамками их проведения. Ранее мы уже писали, что к негативным факторам, препятствующим успешной борьбе с экстремизмом и терроризмом, относятся правовой нигилизм и пренебрежительное отношение сотрудников оперативных и следственных подразделений к современным криминалистическим рекомендациям, направленным на совершенствование расследования и раскрытия преступлений [3, с. 136–138].

В начале XXI века на отрицательные факторы, влияющие на природу происхождения правового нигилизма, обращал внимание и профессор Р.С. Белкин, отмечавший, что «удручающе малое количество следователей» знакомо с криминалистическими теориями, и «практика попросту игнорирует то, что предлагает ей наука» [1, с. 123].

Примерно такое же отношение сохранилось и в наши дни. Мало того, что из следственных органов уволилось огромное количество профессионалов, сменившее их молодое поколение зачастую не понимает, что для полного расследования каждого факта экстремизма и терроризма необходимо установить первопричину: когда и под воздействием чего у преступника зародился умысел на совершение данного преступления. Именно время зарождения умысла служит отправной точкой, указывающей на возможные места сокрытия его следов, для поиска доказательственной информации и ее использования не только в расследовании текущего преступления, но и для криминалистической профилактики планируемых преступниками будущих деяний аналогичного характера. Это, если будет угодно, должно рассматриваться как перманентность состояния в деятельности следователя!

Осуществляемые исследования практики свидетельствуют, что зачастую следователь ограничивается расследованием лишь завершающего этапа преступлений рассматриваемого вида, а именно вынесением обвинительного заключения и привлечения к уголовной ответственности только исполнителя, который совершил террористический акт в виде подрыва взрывного устройства, повлекшего смерть потерпевшего. За пределами расследования остается целый айсберг не выявленных и не установленных первопричин преступного поведения лиц, вовлеченных во вменяемую деятельность, в частности, когда и кто повлиял на формирование преступного замысла. Подтверждение справедливости наших выводов мы находим и среди нового поколения ученых-криминалистов. Так, Д.Н. Еремин в своей дис-

сертации отметил, что борьба в данной сфере ведется не с феноменом экстремизма, а с его проявлениями, представляющими отдельные составы преступлений [2, с. 3].

Помимо временных аспектов расследования преступлений экстремистской направленности, вне зоны внимания российского законодателя и, как следствие, сотрудников оперативных и следственных подразделений остается актуальный и чрезвычайно важный вопрос о защите свидетеля. Нередко очевидцы обоснованно опасаются за свою жизнь, поэтому отказываются от дачи показаний без обеспечения своей защиты со стороны государства. Российский законодатель принял в этом направлении ряд мер, но они явно не обеспечивают защиты свидетеля. Например, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ до сих пор действуют правила фиксации результатов допроса, изложенные в ч. 2 ст. 190 УПК РФ. Согласно данным правилам, следователь обязан записать показания допрашиваемого «от первого лица и по возможности дословно». Совершенно понятно, что, прочитав текст протокола допроса свидетеля, записанный дословно, обвиняемый в экстремизме или терроризме без особого труда узнает, кто давал эти показания и, в зависимости от ситуации, предпримет все доступные ему способы оказания на него соответствующего давления, а то и физического устранения.

Кроме того, необходимо незамедлительно внести изменения в УПК РФ, реально обеспечивающие защиту тех участников уголовного процесса, которые заинтересованы в противодействии экстремизму и терроризму. К сожалению, в соответствии действующим законом судья, рассматривающий уголовное дело по обвинению в преступлениях экстремистской направленности, обязан раскрыть в судебном заседании на стадии судебного следствия стороне защиты (читай: подсудимому и его защитникам) сведения о личности лица, ранее участвовавшего в уголовном процессе под псевдонимом. Считаем, что длительность государственной защиты свидетелей и других, ранее обозначенных лиц, надлежит значительно увеличить. По нашему мнению, которое мы уже высказывали [5, с. 86–89], более чем очевидно, что столь короткий временной интервал, когда государство обеспечивает защиту свидетеля, не соответствует той опасности, которой подвергается этот участник процесса.

В завершающей части произведенного исследования считаем целесообразным рассмотреть еще один аспект борьбы с экстремизмом и терроризмом, а именно проблему изобличе-

ния лидера данной преступной деятельности. Как нам представляется, вопрос установления лидера преступной деятельности при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом, — ключевой для методики расследования именно этих преступлений. При игнорировании данного обстоятельства практика борьбы с этими преступлениями будет сводиться только к изобличению конкретного исполнителя, приведшего в действие взрывное устройство, либо захватившего заложника, либо осуществившего массовый расстрел школьников и т. п., что и наблюдается в наши дни. Оставшиеся на свободе лидеры достаточно быстро находят и вербуют новых «смертников», в том числе используя сеть Интернет. Мы полагаем, что отправной точкой для вычисления лидера является установление конкретного момента времени, когда в сознании очередного боевика возник умысел на участие в незаконном вооруженном формировании, на совершение взрыва, массового расстрела или захват заложника. Понятно, что вычислить данный момент достаточно сложно, но, как показывает практика, при желании все возможно. Данный момент устанавливают на основании как показаний боевика (если он остался жив после теракта),

так и показаний его близких, сослуживцев или сокурсников, на основании анализа содержимого его компьютерных сообщений, анализа материальной обстановки в его жилище и пр. Одна из главных задач следователя — не потеряться в потоке информации и последовательно фиксировать те улики, которые однозначно свидетельствуют о том моменте времени, с которого будущий боевик начал детально интересоваться экстремистской или террористической деятельностью, искать сообщников, подчиняться конкретному лицу — лидеру и т. д.

По нашему мнению, при расследовании именно экстремистских проявлений или актов терроризма неоправданно ограничиваться установлением только тех фактов, которые относятся к непосредственному осуществлению криминального замысла, к конкретному исполнителю. Следует дополнять информацию фактами, относящимися и к лидеру преступного сообщества. Иными словами, необходимо расширять перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в каждом конкретном случае устанавливая первопричину появления умысла на совершение преступления, обеспечивая при этом защиту свидетелям.

Литература

1. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, Инфра-М, 2001. — 237 с.
2. *Еремин Д.Н.* Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.12. Калининград, 2016. — 23 с.
3. *Крамаренко В.П.* О некоторых детерминантах, влияющих на формирование правового нигилизма в деятельности следователей // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию кафедры криминалистики юридического факультета БГУ. Минск, 12–13 окт. 2017 г. / отв. ред. В.Б. Шабанов. Минск, 2017. С. 136–138.
4. *Крамаренко В.П.* Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Краснодар, 2012. — 182 с.
5. *Крамаренко В.П., Мешков В.М.* Интеграция криминалистической теории познания временных связей в расследовании преступлений экстремистской направленности // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов: сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 2 / гл. ред. С.Е. Чебуранова. Гродно, 2017. С. 86–89.
6. *Мешков В.М.* Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. М., 1995. — 40 с.

References

1. *Belkin R.S.* Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiiskoi kriminalistiki [Criminalistics: problems of today. Topical issues of Russian criminalistics]. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ., 2001. 237 p. (In Russian)

2. *Eremin D.N.* Metodika rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s politicheskim ekstremizmom: na materialakh Severo-Kavkazskogo regiona [Methods of Investigation of Crimes Related to Political Extremism: Based on the Materials of the North Caucasus Region]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.12. Kaliningrad, 2016. 23 p. (In Russian)

3. *Kramarenko V.P.* O nekotorykh determinantakh, vliyayushchikh na formirovanie pravovogo nigilizma v deyatel'nosti sledovatelei [On some determinants influencing the formation of legal nihilism in the activities of investigators]. In *Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenii: problemy, perspektivy i innovatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 45-letiyu kafedry kriminalistiki yuridicheskogo fakul'teta BGU. Minsk, 12–13 okt. 2017 g.* [Forensic support for the investigation of crimes: problems, prospects and innovations. Materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 45th anniversary of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of BSU. Minsk, 12–13 Oct. 2017]. Ed. V.B. Shabanov. Minsk, 2017, pp. 136–138. (In Russian)

4. *Kramarenko V.P.* Situatsionnyi podkhod k vyyavleniyu i preodoleniyu sledstvennykh oshibok [Situational approach to identifying and overcoming investigative errors]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.09. Krasnodar, 2012. 182 p. (In Russian)

5. *Kramarenko V.P., Meshkov V.M.* Integratsiya kriminalisticheskoi teorii poznaniya vremennykh svyazei v rassledovanii prestuplenii ekstremistskoi napravlennosti [Integration of the forensic theory of cognition of temporal connections in the investigation of extremist crimes]. In *Ustoichivost' i progressivnoe razvitie pravovykh sistem v kontekste integratsionnykh protsessov. Sbornik nauchnykh statei v 2-kh chastyakh, chast' 2* [Sustainability and progressive development of legal systems in the context of integration processes. Collection of scientific articles in 2 parts, part 2]. Ed. S.E. Cheburanova. Grodno, 2017, pp. 86–89. (In Russian)

6. *Meshkov V.M.* Kriminalisticheskoe uchenie o vremennykh svyazyakh i otnosheniyakh pri rassledovanii prestuplenii [Forensic doctrine of temporary connections and relationships in the investigation of crimes]. Avtoref. diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.09. Moscow, 1995. 40 p. (In Russian)

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ: ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИК

Куликов Александр Викторович,
Шелег Ольга Алексеевна

***Цель:** терроризм в любых его проявлениях является одним из самых опасных, разрушительных и насильственных деяний, направленных против человечества. Действия террористических и экстремистских организаций, применяющих для достижения своих целей все более жестокие, бесчеловечные методы и средства, угрожают безопасности многих стран и их граждан, оказывают негативное психологическое воздействие на людей.*

***В** последние годы активизировалась деятельность международного терроризма, что связано с многочисленными социально-экономическими и межэтническими конфликтами в различных регионах мира.*

Терроризм сегодня, имеющий религиозно-националистический оттенок, представляет серьезную угрозу общественной безопасности и политической стабильности России. Имеющие место случаи проявлений терроризма в стране имеют резкий общественный резонанс, вызывая у людей тревогу за свою безопасность, безопасность родных и близких. Статья посвящена исследованию особенностей уголовно-правовой и криминалистической характеристик преступлений террористической направленности.

Отмечается, что при расследовании террористического акта особое внимание должно быть уделено личности преступника, которая отличается сложной структурой и выделением различных типов и подтипов, в связи с чем рассматриваются проблемы, касающиеся пределов изучения такой личности, какие конкретные характеристики и показатели необходимо включать в данное понятие.

***Методология:** диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Знание и применение элементов уголовно-правовой и криминалистической характеристик личности террориста способствует оперативному раскрытию совершаемых им преступлений, а также качественному расследованию в полном объеме.*

***Научная и практическая значимость.** Особое внимание уделено освещению вопросов необходимого перечня сведений о личности преступника-террориста, обеспечивающих эффективное расследование преступлений такого вида. В статье предлагается классификация террористов по стойкости осуществления ими террористической деятельности, а также направленности их мотивации. Изучение мотивации лица, совершившего террористический акт, в рамках исследования криминалистической и уголовно-правовой характеристик преступления будет способствовать минимизации правоприменительных ошибок, связанных с игнорированием террористической и экстремистской составляющих при установлении признаков субъективной стороны состава преступления.*

***Ключевые слова:** террористический акт, личность преступника, террорист, уголовно-правовая и криминалистическая характеристики, классификация террористов, террористические организации, эффективное раскрытие и расследование преступлений террористической направленности.*

В научных разработках правоохранительного профиля определяющее методологическое значе-

ние имеют уголовно-правовая и криминалистическая характеристики вида преступной деятель-

ности и (или) конкретного состава преступления. При этом важно с позиций юридических наук провести комплексное исследование всех элементов состава совершаемого преступления для понимания предварительной преступной деятельности, стадий ее замысла, подготовки и совершения преступлений с целью выявления особенностей и недопущения их впредь. Это относится прежде всего к умышленным тяжким и особо тяжким преступлениям, в категорию которых входит совершение террористических актов.

Уголовный закон (ст. 205 УК РФ) определяет террористический акт как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях (*Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954*).

Террористический акт обладает самой высокой степенью общественной опасности, так как является многообъектным преступлением. Основным объектом его преступного посягательства выступают основы общественной безопасности, а факультативными дополнительными объектами являются жизнь, здоровье, собственность, порядок управления. Общественная опасность теракта заключается не только в совершении самих террористических действий, устрашающих население, но и в наступивших последствиях, а именно в реальном причинении значительного имущественного ущерба либо наступлении иных тяжких последствий, например, при захвате объектов стратегического назначения допускают радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности, мест дислокации военнослужащих или правоохранительных органов, гибель личного состава и другие последствия. Но самое главное, последствием террористического акта может являться массовая гибель людей, что не следует допускать ни при каких обстоятельствах.

В связи с чем особое внимание в проводимых исследованиях необходимо уделять изучению личности террориста как базовому элементу характеристики такого вида преступлений.

Личность террориста, помимо уголовного права и криминологии, детально исследует криминалистика. Однако, изучая, на первый взгляд,

одинаковые элементы характеристики, каждая из этих наук подходит к личности преступника со своих позиций, не повторяя друг друга, а расширяя масштаб и ценность подобных исследований. Каждая из них, рассматривая личность преступника под своим углом зрения, выделяет свои специфические черты, необходимые именно в рамках исследования данной науки. Так, уголовно-правовая наука рассматривает личность преступника с точки зрения надлежащего субъекта преступления, устанавливая обязательные признаки данного элемента состава преступления, а именно возраст, вменяемость, психическое отношение к деянию и др. Отметим, что для привлечения к уголовной ответственности не столь важно внутреннее познание личности преступника, необходима лишь формальная констатация факта наличия или отсутствия у лица обязательных признаков надлежащего субъекта для вменения конкретного состава преступления. В свою очередь, криминология рассматривает психологическую составляющую личности преступника уже шире, его мотивацию и жизненные установки, которые в совокупности привели лицо к совершению преступления.

Криминалистика как наука подходит более предметно и детально к изучению личности преступника именно с практической стороны данного вопроса, когда уже преступление совершено. В случае совершения преступления определенного вида криминалисты интересуют основной вопрос: как установить по имеющимся типовым методикам анализа личности, способу совершения и изъятых следам с места преступления вероятного преступника [1, с. 35]. Иными словами, располагая типовыми методиками применительно к определенному виду преступления, криминалистика дает возможность установить с определенной вероятностью причастное к преступлению лицо, организовать качественное и эффективное расследование, осуществить розыск преступника.

При этом личность преступника в понимании базового элемента уголовно-правовой и криминалистической характеристик преступлений может иметь сложную структуру, выражающуюся в наличии множества структурных частей (подэлементов), отражающих специфику определенного вида преступлений, через призму изучения которых можно получить конкретное представление о личности преступника. Среди ученых-криминалистов существуют разногласия по вопросам, каковы пределы изучения личности преступника, какие конкретные характеристики

и показатели необходимо включать в изучение данного элемента криминалистической характеристики, а какие необходимо выносить за рамки такого изучения, в том числе и по преступлениям террористической направленности. Как известно, при изучении личности любого преступника необходимо произвести стандартный сбор информации о подозреваемом лице, о его установочных данных и образе жизни [2, с. 135]. Но это общее правило недопустимо применять к преступлениям террористической направленности. Поскольку личность преступника изучается в связи с фактом совершения тяжкого, особо тяжкого деяния, постольку не может быть оставлено вне внимания все прошлое подозреваемого лица, начиная с момента рождения, включая его поведение не только с точки зрения антиобщественных проступков, но и его увлечений, а также нахождения и воспитания в определенной среде. Это позволяет выявить наличие (или отсутствие) определенных убеждений личности и судить о случайности или обусловленности (детерминированности) совершения акта терроризма. Важную сторону исследования личности и ее характеристик будут составлять ее психологические качества: наклонности, убеждения, воля, темперамент, эмоциональные свойства, накладывающие отпечаток на криминальную деятельность личности и имеющие непосредственное значение, в том числе при решении следственно-тактических задач [3, с. 311].

Говоря о преступнике-террористе, мы должны отметить один важный аргумент. В отличие от большинства иных видов преступлений, даже приближенных к преступлениям террористической направленности по степени тяжести, для определения личности преступника-террориста необходима более конкретная типологизация лиц с включением всех параметров познания. Данный аргумент обосновывается, прежде всего, групповым характером совершения такого вида преступлений. Не секрет, что непосредственному совершению преступлений террористической направленности предшествует процесс сложной подготовки, зачастую невозможный при участии лишь одного человека. Так, подготовка гражданки Сирии Ахлам Альбашир, совершившей 13 ноября текущего года террористический акт в Стамбуле, проходила под контролем инструкторов из США...» (*МВД Турции: указание о теракте в Стамбуле было получено из сирийского Манбиджа // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/18/19065265.shtml> (дата обращения: 20.11.2022)*). Более того, на

сегодняшний день в мире существует множество законспирированных преступных организаций, проповедующих терроризм в качестве основного вида деятельности и готовящих террористов. Подобные организации запрещены на территории множества государств, в том числе и в Российской Федерации.

Таким образом, террористов необходимо делить на различные группы по определенным критериям (основаниям), классифицируя их по стойкости осуществления террористической деятельности, а также устойчивости их преступной мотивации:

1) Террористы-идеологи — лица, главным мотивом у которых является идеология, присущая только той или определенной радикальной группе. Их также можно разделить на религиозных, национальных, политических и других, в зависимости от взглядов, убеждений, по степени доходящих до фанатизма. К ним относятся все известные террористы современности от Усамы бен Ладена (Усама бен Мухаммед бен Авад бен Ладен — международный террорист, основатель и первый эмир международной исламистской террористической организации «Аль-Каида») до Шамиля Басаева (Шамиль Салманович Басаев, он же Абдаллах Шамиль Абу-Идрис — чеченский полевой командир, повстанец, террорист и политик).

2) Профессиональные террористы — лица, не имеющие четкой идеологии, главной целью которых является дестабилизация нормальных процессов жизнедеятельности за денежное вознаграждение. Как наемники, они грамотные, расчетливые, дисциплинированные, умеющие четко и верно формулировать и ставить перед собой задачи, правильное выполнение которых принесет им материальный доход. К их числу также следует отнести Шамиля Басаева. Он организовал 24 августа 2004 г. практически одновременно взрывы в двух гражданских самолетах с использованием террористок-смертниц. В Тульской области самолет Ту-134, выполнявший рейс Москва—Волгоград, а в Ростовской области — Ту-154, выполнявший рейс Москва—Сочи. Все пассажиры и члены экипажа обоих самолетов (всего 90 чел.) погибли. Террористками-смертницами оказались Аминат Нагаева и Сацита Джебиханова, уроженки Чечни (*Теракты 24 августа 2004 года в самолетах Ту-154 и Ту-134. Справка // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20090824/182146689.html> (дата обращения: 15.12.2022)*).

3) Меркантильные террористы — лица, преследующие цель получить разовую крупную имуще-

ственную выгоду за выполнение ими тех или иных террористических действий. Примечательно, но существует кредо террористических организаций, после совершения террористического акта денежную компенсацию обязательно получают родственники умершего террориста.

4) Смертники-шахиды — лица, становящиеся фанатиками, подверженные идеологической обработке и влиянию, которые пренебрегают собственной жизнью ввиду своих религиозных и социальных установок. На сегодняшний день чаще всего террористов-смертников представляют женщины, поскольку имеют слабо выраженный характер на фоне мужчины-террориста.

5) Террористы-поджигатели — лица, главная цель которых — привлечение к себе внимания со стороны общественных деятелей, органов власти и управления путем осуществления теракта.

6) Террористы-шантажисты — лица, которые стремятся получить как известность, так и материальную выгоду в виде необходимого блага путем захвата и удержания заложников.

7) Насильственные террористы — лица, совершая преступления террористической направленности, прибегают к насильственным действиям различного характера, благодаря которым у них происходит удовлетворение собственного «Я».

8) Террористы-манипуляторы — лица, которые в ходе реализации своих преступных действий стараются превознестись на фоне других путем манипуляций, привлечения внимания, а также получить желаемое благо.

9) Апокалипсические террористы — лица, недавно появившиеся и считающие себя посланниками Бога. Действуют в отношении тех лиц, кого считают воплощением зла, противниками, на кого возлагают вину за свои страдания и разочарования. Наиболее резонансным из допущенных терактов стало обвинение И. Галявиева по делу о расстреле в казанской гимназии № 175 11 мая 2021 г., в результате которого погибли 9 человек, в том числе 7 детей. Согласно материалам дела обвиняемый решил совершить массовое убийство в школе без какого-либо повода, находясь «под влиянием интернет-публикаций» о подобных преступлениях, совершенных представителями субкультуры «Колумбайн» (в РФ движение признано террористическим и запрещено). Для осуществления своего плана Галявиев получил охотничий билет, прошел медкомиссию и получил положительное медзаключение на владение оружием, обучился стрельбе в специальном образовательном учреждении «Батыр-НЧ», купил оружейный сейф. Затем получил в республикан-

ском управлении Росгвардии разрешение и лицензию на приобретение охотничьего оружия. С его помощью купил охотничье ружье Natsan 2017 г. выпуска и сотни различных патронов с картечью. Также он скачал из Интернета инструкцию по изготовлению взрывчатого вещества и закупил в хозяйственных магазинах необходимые компоненты. В качестве поражающих элементов он применил гайки. Хранил боеприпасы Галявиев у себя дома, планируя массовое убийство, как утверждает следствие, ссылаясь на то, что своими планами он за семь дней до трагедии поделился в Telegram-канале под названием «Бог». По данным государственного обвинения, в общей сложности Галявиев покушался на 655 лиц, из которых 643 — дети. 149 пострадавших получили тяжкий вред здоровью (*Казанский стрелок согласился с обвинением // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5668454> (дата обращения: 27.05.2022)*).

Разделяя на вышеуказанные группы по определенным критериям (основаниям), а также устойчивости их преступной мотивации в зависимости от определенного стиля поведения, индивидуальной мотивации и психологических наклонностей можно выделить конкретные типы личностей — террористов:

— «Миссионеры-фанатики» своего преступного дела, мысли и идеи которых ведут на любые радикальные меры и действия, они не задумываются о дальнейших последствиях для общества и государства. Так, 6 февраля 2004 г. в час-пик сработало взрывное устройство в вагоне метро, следовавшего от станции «Автозаводская» к «Павелецкой» (г. Москва). Жертвами взрыва стали 40 человек, 134 получили ранения. Исполнителем-смертником был житель Карачаево-Черкессии Анзор Ижаев (*Самые крупные теракты в России // [Электронный ресурс]: URL: <https://mgutm.ru/2020/10/09/21-avgusta-mezhdunarodnyj-den-pamyati-i-p/> (дата обращения: 27.05.2022)*).

— «Мстители» — лица, которые выступают против унижения, ущемления и неприязни к своей нации, этносу, вере. Среди данной группы много молодых людей, которые выступают в защиту самих себя, а также своих родных и близких в силу оказываемого влияния и заблуждений. Так, 4 июня 2004 г. произведен взрыв бомбы на рынке в г. Самара, результатом которого стало 10 погибших, 59 раненых. Организатор теракта — бывший курсант Ростовского военного училища Павел Косолапов, а исполнитель преступления — житель Казахстана Еркингали Тайжанов (*Самые крупные теракты в России // [Электронный ре-*

супс]: URL: <https://mgutm.ru/2020/10/09/21-avgusta-mezhdunarodnyj-den-pamyati-i-p/> (дата обращения: 27.05.2022)).

— «Лидеры-повелители» — наиболее влиятельные и стойкие участники, руководители террористических организаций, групп-ячеек, стремящиеся занимать лидирующие позиции, изменять те или иные правила и привносить их в общество посредством террористической деятельности. Так, 20 лет назад, 23 октября 2002 г. чеченские террористы захватили Театральный центр на Дубровке. Заложниками боевиков стали 916 человек. Главарем террористов стал 23-летний Мовсар Бараев — племянник чеченского полевого командира Арби Бараева. По мнению полковника милиции Саид-Селим Пешхоева (в 2002 г. начальник УВД Чеченской Республики), Мовсар Бараев — мелкий, ничем не примечательный бандит. Окончил десять классов, ни работать, ни учиться не стал, а после гибели своего именитого родственника сколотил банду из четырех-пяти человек. Разбойничал в основном в Аргуне и селении Мескер-Юрт. Еще одним фактическим руководителем этого теракта стал уроженец Грозного Руслан Эльмурзаев, известный в террористических кругах как Абу-Бакар. За его плечами был серьезный боевой опыт. Когда-то он служил в милиции, а в 1998 г. в лагере подготовки боевиков возле Урус-Мартана прошел усиленный курс диверсионно-террористической подготовки.

— «Сценаристы-режиссеры» — тип террориста, который схож с типом «фанатик», но имеющий перед собой цель грамотно и верно спланировать террористическую деятельность, не участвуя лично.

— «Технари-специалисты» — тип террористов, часто используемых втемную, основной целью которых является не только техническое сопровождение террористического акта, но и человеческие жертвы и причинение значительного ущерба, что не всегда учитывается в работе правоохранительных органов.

Мы понимаем, что эти типы террористов практически выращиваются в недрах организаций террористической направленности, где подвергаются идеологической обработке и обучению практическим навыкам совершения террористических актов, которые также имеют свою типологизацию [4, с. 963]. Важно при этом учитывать структуру, иерархичный характер такой организации и наличие видов так называемых преступных должностей. То есть в данном случае из иерархии такой преступной организации

(сообщества) следует выделять различные роли и специализации участников, совершающих преступления террористической направленности. При этом наиболее значимыми с точки зрения исследования криминалистической характеристики, помимо самих исполнителей, являются лица, осуществляющие организационно-контрольные функции: идейные руководители, организаторы, бригадиры, старшие.

Основная задача исполнителей-боевиков — это непосредственное совершение террористического акта. В подготовке и совершении террористических действий чаще участвуют лица в возрасте 25–35 лет, имеющие хорошую физическую подготовку, в том числе прошедшие обучение в лагерях по подготовке террористов (95 %) [5]. Если говорить о чертах характера или психологических свойствах личности таких преступников, то это должны быть лица весьма агрессивные, пренебрежительно относящиеся не только к закону, но и к нормам общечеловеческой морали и нравственности. Их отличает стремление противопоставить себя обществу любым путем. Велика вероятность совершения ими в прошлом правонарушений и преступлений корыстно-насильственной направленности (убийства, вымогательства, бандитизм и т. д.). Отдельной категорией исполнителей преступлений террористической направленности, как мы уже указывали, выступают террористы-смертники. В качестве таковых, как правило, выступают женщины (65 %), из них: в возрасте 18–27 лет — 93 %, в возрасте до 50 лет — 7 %, или мужчины 20–25 лет [5]. Террористы-смертники — это, как правило, малообразованные люди, подверженные психическому и религиозному влиянию, вербующиеся из малоимущих слоев населения, у которых погибли родственники, нет средств к существованию, не было цели в жизни (81 %).

Более высокую категорию преступников, участвующих лично в подготовке и совершении террористических актов, составляют лица, имеющие среднее или высшее образование, однако их участие больше продиктовано религиозными убеждениями (15 %) или корыстными побуждениями (44 %) [6, с. 21]. Часто в террористических актах принимают участие наемники из ближнего и дальнего зарубежья, прошедшие специальную подготовку в различных лагерях подготовки террористов, которые идут на совершение терактов ради обогащения (55 % из числа всех членов террористических организаций, действующих на территории Российской Федерации) [7, с. 12].

Задача непосредственно старших групп, бригадиров заключается в обеспечении реализации решений руководителей террористической организации, в контроле за деятельностью исполнителей, заменяя их, а также в осуществлении посреднических полномочий, в том числе в хранении и распоряжении материальными и финансовыми средствами, используемыми для подготовки и проведения террористических акций. В террористической группе-ячейке зачастую функции руководства и организационно-контрольные исполняет одно лицо — бригадир, он же непосредственно руководит группами исполнителей (боевиков) в ходе совершения преступлений [5]. Бригадир, помимо самих руководителей, могут выполнять функции по вербовке новых сторонников террористических организаций. В большинстве случаев бригадиры разделяют убеждения той террористической организации, в которой реализуют свою преступную деятельность, являясь даже в некотором роде фанатиками. Однако встречаются случаи и наемной работы бригадиров, исполнения ими своей деятельности за денежное вознаграждение, получаемое ими как на постоянной основе (наподобие зарплаты), так и на разовой (за совершение конкретных действий — организацию теракта, вербовку новых сторонников).

Идеологи, руководители террористических организаций — это, как правило, наиболее авторитетные среди участников подобных организаций лица. При этом свой авторитет они зарабатывают сначала непосредственным совершением преступлений общеуголовной направленности,

переходя затем к террористической деятельности. Данные лица, как правило, участвовали в вооруженных конфликтах и столкновениях, имеют богатый военный опыт. У данной категории хорошо развиты ораторские навыки, они умеют убеждать и увлечь за собой неустойчивых лиц. Данные лица, помимо преступных целей, также добиваются известности как террористы. Их имена на слуху у мирового сообщества. Возраст подобных лиц, как правило, превышает 40 лет. Они жестоки в своих действиях, в качестве основных мотивов руководствуются низменным спектром желаний и побуждений. Это может быть корысть, религиозные верования, месть, желание влиять на политическую ситуацию в регионе или мире, зачастую они фанатичны, чем представляют повышенную общественную опасность.

Таким образом, мы можем констатировать, что в рамках исследования уголовно-правовой и криминалистической характеристик есть объективная необходимость в типологизации личности террориста. Личность преступника, совершающего преступления террористической направленности, отличается сложной структурой и наличием большего числа различных типов и подтипов, чем кардинально отличается от других видов преступников. Конкретный вид и тип террориста, а соответственно, и степень общественной опасности такой личности определяется в рамках уголовно-правовой и криминалистической характеристик окончательно в зависимости от того, какую роль и ступень он занимал в иерархии преступной террористической организации.

Литература

1. *Кряжев В.С.* Взгляд на проблему борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий // *Российский следователь*. 2016. № 2. С. 35–39.
2. *Ведерников Н.Т.* О проблеме предела изучения личности преступника в криминалистике // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2014. № 385. С. 135–138.
3. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Издательство АН СССР, 1957. — 328 с.
4. *Влезько Д.А., Зуева К.С.* Криминалистическая характеристика терроризма // *Научный журнал КубГАУ*. 2016. № 118. С. 963–978.
5. *Кряжев В.С.* Данные о личности преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // *Криминалистические чтения на Байкале — 2015. Материалы международной научно-практической конференции ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Восточно-Сибирский филиал / отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 197–200.*
6. *Вассалатий Ж.В.* Методика расследования преступлений террористического характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Челябинск, 2010. — 23 с.
7. *Васильев А.В.* Оперативно-разыскная террология // *Концепт*. 2017. № 13. С. 12.

References

1. Kryazhev V.S. Vzglyad na problemu bor'by s terrorizmom i ekstremizmom s uchetom sovremennykh realii [A look at the problem of combating terrorism and extremism taking into account modern realities]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2016, no. 2, pp. 35–39. (In Russian)
2. Vedernikov N.T. O probleme predela izucheniya lichnosti prestupnika v kriminalistike [On the problem of the limit of studying the personality of a criminal in criminalistics]. *Vestnik Tom. gos. un-ta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2014, no. 385, pp. 135–138. (In Russian)
3. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. O meste psikhicheskogo vo vseobshchei vzaimosvyazi yavlenii material'nogo mira [Being and consciousness. On the place of the mental in the general interconnection of the phenomena of the material world]. Moscow: AN SSSR Publ., 1957. 328 p. (In Russian)
4. Vlez'ko D.A., Zueva K.S. Kriminalisticheskaya kharakteristika terrorizma [Criminalistic characteristics of terrorism]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU [Scientific Journal of KubSAU]*, 2016, no. 118, pp. 963–978. (In Russian)
5. Kryazhev V.S. Dannye o lichnosti prestupnika kak element kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii terroristicheskoi napravlenosti [Data on the identity of a criminal as an element of the criminalistic characteristics of terrorist crimes]. In *Kriminalisticheskie chteniya na Baikale — 2015. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii FGBOUVO «Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiya» Vostochno-Sibirskii filial [Forensic readings at Baikal — 2015. Materials of the International Scientific and Practical Conference of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice” East Siberian Branch]*. Ed. D.A. Stepanenko. Irkutsk, 2015, pp. 197–200. (In Russian)
6. Vassalatii Zh.V. Metodika rassledovaniya prestuplenii terroristicheskogo kharaktera [Methods of investigation of crimes of a terrorist nature]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.09. Chelyabinsk, 2010. 23 p. (In Russian)
7. Vasil'ev A.V. Operativno-razysknaya terrologiya [Operational-investigative terrology]. *Kontsept [Concept]*, 2017, no. 13, p. 12. (In Russian)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Кустов Анатолий Михайлович,
Макарова Олеся Александровна

***Цель:** сформулировать выводы и предложения, касающиеся структуры частной методики расследования преступлений экстремистской направленности, в частности такого элемента, как проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности.*

***Методология:** синтез, анализ, комплексный подход, системно-структурный метод, сравнение, обобщение, ситуационный подход.*

***Выводы.** Природа такого явления, как экстремизм, разрушительна. Экстремизм не имеет границ и носит транснациональный характер. Доступность информационно-телекоммуникационных технологий изменила качественные и количественные характеристики современных преступлений экстремистской направленности. Авторами обосновывается объективная потребность в переосмыслении структуры частной методики расследования преступлений экстремистской направленности, обращается внимание на необходимость выделения такого элемента, как проверка сообщения о преступлении.*

По мнению авторов, проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности должна включать в себя следующие элементы: принятие, изучение и регистрацию сообщения о преступлении; непосредственно проведение проверочных действий; вынесение решения по результатам проверки. Представляется, что в частной методике расследования данной группы преступлений обязательно должен быть разработан подробный алгоритм действий должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Содержание и характер этих действий зависят от ряда обстоятельств, в том числе складывающихся следственных ситуаций, которые можно сформулировать как доследственные ситуации.

***Научная и практическая значимость.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы как в практической деятельности правоохранительных органов, так и в дальнейших теоретических разработках в рамках общей теории криминалистической методики расследования преступлений.*

***Ключевые слова:** экстремизм, преступление, экстремистская направленность, частная методика, структура, проверка сообщения о преступлении.*

Массовые акции преступных группировок, носящих экстремистский характер, в мировом сообществе в настоящее время получили государственную, политическую, национальную, религиозную и криминальную направленность. В том или ином регионе мира данные акты в процессе формирования механизма преступной деятельности приобретают те или иные особенности. Угрожающая насильем, экстремисты используют чувство

страха как средство для принуждения своих противников подчиняться их требованиям.

Закрепилось особое направление криминальной деятельности — целенаправленная экстремистская деятельность. Она осуществляется реже преступниками-одиночками и чаще — организованными преступными группами, преступными организациями. Она направлена на изменение социально-экономической формации, разрушение

государственной идеологии, изменение формы правления и государственно-политического режима как в отдельном государстве (или отдельном регионе мира), так и в отдельном субъекте Российской Федерации.

В последние годы стала просматриваться тенденция кооперирования и сотрудничества между экстремистскими группами в оказании политической, моральной и материально-финансовой помощи данным организациям и группам со стороны отдельных лиц и государств. Это делается с целью привлечения внимания мировой общественности к поднимаемым экстремистами проблемам. Криминальная деятельность подобных групп (организаций) складывается из отдельных преступлений экстремистского характера, отличающихся по целям и средствам, объектам и исполнителям и по территории деятельности.

Перед учеными-криминалистами в условиях расширения предмета и объектов научного познания встают задачи обеспечения исследований отдельных видов деятельности, в первую очередь следственной деятельности в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом. В ходе такой деятельности реализуются оперативно-разыскная, прокурорская и экспертная деятельность.

В связи с этим разрешения требует актуальный вопрос — определение содержания и структуры методико-криминалистического обеспечения деятельности следователя по расследованию преступлений экстремистского характера (направленности), которая выражается в структуре частной криминалистической методики.

Структура частной методики расследования преступлений экстремистского характера (направленности), на наш взгляд, на сегодняшний день сформировалась следующим образом:

1) *теоретико-информационная часть* (в которую входят информационные модели): обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию; криминалистическая характеристика указанных видов (подвидов) преступлений; типичная модель механизма преступления;

2) *прикладная или практическая часть*: особенности первоначального этапа расследования — типичные исходные следственные ситуации и типичные криминалистические версии, а также программы по их разрешению или проверке; особенности последующего этапа расследования — типичные последующие следственные ситуации и типичные следственные версии, а также программы по их разрешению и проверке; заключительный этап расследования [1, с. 201–210] — этап дополнительный.

Во-первых, можно сделать вывод о том, что *методико-криминалистическое обеспечение деятельности следователя по расследованию указанных преступлений — это система полученных криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений следователей использовать методы и методики, средства и рекомендации криминалистики в целях эффективности выполнения своих функциональных обязанностей в борьбе с преступностью (в том числе экстремистской направленности) и защите нарушенных прав и свобод гражданина и человека.*

Во-вторых, анализ судебно-следственной практики позволил прийти к следующему неутешительному выводу о том, что в настоящее время экстремизм становится своего рода индустрией, работающей на экспорт. Экстремистские организации формируют политическое направление своей преступной деятельности, уточняют стратегические цели и новые задачи. Они имеют высокую организованность, иерархическую структуру с руководящим звеном и специальной системой обеспечения безопасности и конспирации.

В своей преступной деятельности данные криминальные структуры используют политические связи, сфокусированные в зоне будущего противоправного акта, в том числе и коррумпированные связи в различных органах публичной власти. В данных преступных организациях просматриваются несколько структурных звеньев: исполнительское звено, в состав которого входят исполнители криминальных заказов; организационно-контрольное звено, в состав которого входят лица (бригадиры), организующие и контролирующие деятельность исполнителей, обеспечивающие безопасность группы и разрешающие конфликты, возникающие внутри группы; руководящее звено — лидеры преступной организации, вырабатывающие стратегию и тактику деятельности группы (организации).

На всем протяжении экстремистской деятельности, как на подготовительном этапе и этапе непосредственного совершения противоправного акта, так и на этапе сокрытия последствий преступного события, члены криминальных формирований совершают действия, которые могут квалифицироваться как отдельные преступления.

Механизм деятельности преступной группировки [2, с. 773, с. 822] (или механизм совершаемых преступлений) формируется из следующих этапов.

Начальный этап формирования механизма преступной деятельности экстремистской группы (организации), как правило, характеризуется

образованием конфликтной ситуации (политико-экономического характера) на определенной территории страны.

В своей подготовительной деятельности лидеры таких группировок, прежде всего, используют передовые компьютерные технологии, возможности телекоммуникационной сети Интернет, спутниковую связь, мобильные средства связи, ноутбуки и смартфоны, различные мессенджеры и возможности социальных сетей как средств коммуникации, которые позволяют большинству из них эффективно и безопасно общаться между собой, усиливать действенность пропаганды идей экстремистов.

Члены криминальных групп посредством компьютерных и цифровых технологий обмениваются информацией со своими единомышленниками, проживающими в различных регионах страны и за рубежом. Используя социальные сети, мессенджеры, имиджборды как основное средство коммуникации, куда они выкладывают свои реплики, манифесты, видеоролики, видеообращения и различную информацию, тем самым насыщая общедоступные социальные сети (например, «ВКонтакте») подстрекательской риторикой, способной повлиять на умы людей и развить экстремизм в их мышлении.

Данный этап формируется как из открытых действий (в отдельных случаях), так и из действий, совершаемых в условиях строжайшей конспирации. Среди них можно назвать такие действия, как: постановка программной цели совершения акта политико-идеологического или национально-шовинистического характера; подбор и принятие в организацию бойцов, исполнителей, пособников; разработка плана дальнейшей деятельности (отражение в плане мотивов, целей, сроков и средств реализации, а также исполнителей и приемов конспирации); выработка норм поведения в сфере взаимоотношений членов такой группы между собой и с окружающим миром.

На этом этапе преступники-экстремисты в рамках подготовки к противоправному акту осуществляют поиск и подбор технических средств для совершения криминальных актов, незаконные изготовление или подделку паспортов либо других равнозначных документов, ввоз их в страну, приобретение, хранение фальшивых документов, получение документов на основании ложных заявлений или документов; определяют объекты преступного посягательства; определяются с местом и временем осуществления акта, приемами и направлениями отхода с места совершения преступления; формулируют (согласовывают) свои

требования или требования заказчика данного акта; осуществляют действия по сокрытию следов подготовительной деятельности группы.

Основной этап механизма преступной деятельности экстремистской организации формируется из следующих действий и элементов: прибытие на место запланированного преступления; ознакомление со сложившейся на данный момент обстановкой; уточнение ролевых функций и распределение членов группы по местам дислокации; корректировка плана дальнейших действий членов группы и открытое совершение противоправного акта (актов).

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031) определяет достаточно широкий перечень способов совершения актов экстремизма: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием или угрозой его применения; совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных действий либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их

изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению и т. д.

Согласно плану осуществления противоправного акта, до или после его совершения преступники выдвигают (передают в администрацию) свои или согласованные с заказчиком требования политико-идеологического или национально-шовинистического характера; вступают в переговоры с представителями властных структур, после согласования некоторых позиций требований чаще всего преступники прекращают свою криминальную деятельность.

На основном этапе формирования преступлений осуществляются действия по сокрытию следов преступной деятельности на месте совершения акта (как показало изучение следственной практики, данные действия осуществляются крайне редко).

Заключительный этап механизма преступной деятельности экстремистской организации формируется из следующих действий и элементов: уход (покидание) с места совершения противоправного акта с быстрым переодеванием и уничтожением средств совершения акта; сокрытие или уничтожение плакатов, символов, флагов, использованной одежды и технологий совершения преступлений; выезд (вылет) по заранее приобретенным билетам за границу или в другую местность, используя поддельные документы; восстановление кадрового потенциала группы для совершения новых заказных актов экстремизма.

В-третьих, исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что ввиду особой сложности следственной деятельности по противодействию экстремизму (то есть связи с высокой степенью организованности преступной группы, в которой ее члены действуют скрытно и конспиративно) и расследованию аналогичных преступлений, особое значение в разрабатываемых частных методиках учеными-криминалистами может или должно придаваться *этапу проверки сообщения о преступлении, то есть этапу следственной проверки*. Ранее мы обозначали этот этап как этап сбора и проверки материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Представляется, что он должен войти в структуру общей и частных криминалистических методик. В нем должно быть выделено особое место и описаны мероприятия по выявлению признаков совершенного преступления, выявлению фактов о замышляемых и подготавливаемых преступлениях экстремистского характера, иными словами, о скрытых (латентных) преступных деяниях, выявляемых следователем.

В рамках данной деятельности следователь может выявлять лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность. Данная работа должна осуществляться во взаимодействии с органом дознания (дознавателем), оперативными сотрудниками отделов по противодействию экстремизму (отдел «Э»), уголовного розыска, участковыми уполномоченными и другими службами органов внутренних дел.

Анализ материалов следственной и судебной практики свидетельствует о наличии целого комплекса проблем, возникающих не только при расследовании, но и при проверке сообщения о преступлении, которая регламентируется ст. 144, 145 УПК РФ (*Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921*). Очевидно, что следственные ошибки в ходе доследственной проверки убеждают в необходимости углубленного изучения со стороны не только практиков, но и научного сообщества.

Р.С. Белкин сравнивал этап проверки сообщения о преступлении «с наступлением, когда войска в условиях дефицита времени, прилагая максимальные усилия, добиваются успеха» [3, с. 380]. Так, по его мнению, данный этап считается оконченным, когда все «начальные доказательства» обнаружены и закреплены, все неотложные следственные действия произведены, все, что представлялось необходимым, выполнено. В момент получения информации о преступлении следователь находится в ситуации информационной недостаточности. Анализ материалов следственной практики, монографической литературы показал, что ситуация, в которой находится следователь на данном этапе, является сложной и относится к ситуациям тактического риска. Зачастую лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, пытается уничтожить следы, содержащие доказательственную информацию о преступлении.

В научной криминалистической литературе деятельность правоохранительных органов по проверке информации о преступлении до сих

пор не обозначена единым термином и чаще всего именуется проверкой, проверочными действиями, доследственной проверкой, предварительной проверкой, рассмотрением сообщений о преступлении и т. д. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что мы считаем необходимым использовать словосочетание «проверка сообщения о преступлении», поскольку данная формулировка свидетельствует об указанной деятельности как о функционально самостоятельном этапе стадии возбуждения уголовного дела.

А.Н. Ильин под проверкой сообщения о преступлении понимает прием и регистрацию информации о предполагаемом преступном событии, выявление в ней наличия или отсутствия фактических данных, указывающих на признаки преступления, а также сбор дополнительных сведений о следах преступного события [4, с. 33].

Результаты изучения судебно-следственной практики и архивных уголовных дел, а также судебных приговоров показывают, что проверка сообщения о совершенном тяжком и особо тяжком преступлении проводилась почти во всех случаях — в 98 %. Анкетный опрос следователей и дознавателей также показал, что их подавляющее большинство — 95 % — считают проведение предварительной проверки сообщения о преступлении целесообразным [5, с. 85–111].

С учетом данного обстоятельства информационно-поисковая направленность деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении [6, с. 3; 4, с. 34] и правоприменительная практика свидетельствуют, что в методике расследования преступлений значительную роль должны играть рекомендации по оптимизации деятельности, связанной с рассмотрением сообщений об их совершении.

Некоторые ученые-криминалисты придерживались и придерживаются точки зрения о том, что нет необходимости в разработке криминалистических рекомендаций для проведения проверочных действий до возбуждения уголовного дела. В частности, А.Н. Васильев отмечал: «Рассмотрение первичных материалов и возбуждение уголовного дела должно относиться к науке уголовного процесса, а не к методике расследования и не к криминалистике вообще» [7, с. 61]. Р.С. Белкин не отрицал необходимости разработки криминалистических рекомендаций оценки исходных данных и указывал, что их следует определять в ходе рассмотрения вопросов направления и планирования расследования, а не выделять в самостоятельный структурный элемент частной методики [8, с. 333–334].

И.А. Возгрин [9, с. 275, с. 294–314], А.Г. Филиппов [10, с. 122], Э.С.О. Мурадов [11, с. 148–152] и многие другие выделяют рассмотрение сообщения о преступлении в качестве самостоятельного предварительного этапа. Иную позицию занимает Н.П. Яблоков, который считает, что данный этап следует выделять в определенных случаях, например, по многоэпизодным сложным преступлениям или по преступлениям, связанным с нарушением технических, технологических и иных правил [12, с. 549]. При этом первоначальный этап расследования начинается с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

С.Ю. Косарев и другие криминалисты включают действия по рассмотрению сообщения о преступлении в начальный этап расследования [13, с. 83]. В частности, Р.С. Белкин отмечал: «Начальный этап фактически может иметь своим исходным моментом осмотр места происшествия, производимый до возбуждения уголовного дела, но, как правило, — до принятия дела к производству расследования» [8, с. 393]. Однако мы придерживаемся позиции, согласно которой деятельность по проверке сообщения о преступлении не является этапом расследования, поскольку само расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Таким образом, проверка сообщения о преступлении, по нашему мнению, является криминалистическим этапом по установлению наличия (отсутствия) признаков преступлений определенного вида.

Проверка сообщения о преступлении как дополнительный этап криминалистической деятельности по установлению наличия (отсутствия) признаков преступления определенного вида обладает следующими признаками: имеет специфические задачи и цели, главная из которых — обеспечение принятия законного и обоснованного решения, предусмотренного УПК РФ; осуществляется в короткие сроки, предусмотренные УПК РФ, и в условиях серьезной информационной неопределенности; проводится надлежащими субъектами; реализуется в ходе проведения ограниченного количества следственных и иных процессуальных действий (осмотр места происшествия, предметов, документов, назначение судебных экспертиз, освидетельствование, получение объяснений, назначение исследований и т. д.).

В криминалистической литературе многими учеными поддерживается подход к делению деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении на этапы, поскольку она не является однородной по содержанию и целям [14, с. 41].

В связи с этим полагаем, что проверка сообщения о совершенном преступлении как криминалистический этап деятельности по установлению наличия (отсутствия) признаков преступлений определенного вида включает в себя следующие элементы: принятие, изучение и регистрацию сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); непосредственно проведение проверочных действий (ст. 144 УПК РФ); вынесение решения по результатам проверки (ч. 1 ст. 145 УПК РФ) (*Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921*).

В теории оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел под выявлением лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, понимается процесс осуществления комплекса оперативно-разыскных, иных мероприятий, включающих поиск и получение первичных сведений о таких лицах и фактах, их проверку и принятие следователем процессуального решения. Поэтому выявление первичной информации о лицах или фактах, касающихся экстремистов и их преступной деятельности, может осуществляться *до, вовремя или после осмотра места происшествия (и других следственных осмотров)* и в следующем порядке: поиск и получение первичных сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес; проверка полученных первичных сведений; принятие под руководством следователя по вышеуказанным сведениям процессуального решения.

В рамках взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками предполагается обнаружение и фиксация сведений о подготовке или совершении преступлений, а также о лицах, не состоящих на оперативно-разыскных и профилактических учетах, однако являющихся носителями криминалистически значимой информации.

Сотрудники уголовного розыска, используя признаки преступлений экстремистского характера, могут осуществить деятельность по выявлению причастных к экстремизму лиц: задержанных, арестованных, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, в отношении которых проводилась оперативная разработка, а также отбывающих наказание за преступления, связанные с террористической и экстремистской деятельностью; лидеров и боевиков незаконных вооруженных формирований, организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций); лиц, входящих в криминогенные группы, неформальные объединения экстремистской или террористической направленности и т. д.

Следователь совместно с оперативными сотрудниками на этапе сбора материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, по нашему мнению, должны осуществлять поиск лиц, заподозренных в выполнении следующих функции: *исполнителя*, непосредственно совершившего преступление экстремистского характера, *организатора* совершения преступления или руководителя его совершения. Также сюда относятся следующие лица: подстрекатели, вербовщики, привлекающие новых членов экстремистской групп, склоняющие их к совершению преступления; пособники, в той или иной мере содействующие совершению преступления; укрыватели и недоносители; лица, совершающие умышленные действия по поиску средств и орудий совершения преступления, а также по созданию других условий для его совершения (например, составление плана совершения преступления и т. п.); лица, по поведению которых можно ожидать совершения ими преступления экстремистского характера, а также радикалы, националисты, сочувствующие и т. п.

Полученные первичные сведения о лицах и фактах, связанных с криминальным событием, подлежат тщательной проверке. Это позволяет определить достоверность поступившей информации, ее полноту и возможность использования при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и дальнейшем расследовании совершенных преступлений.

В следственной практике имеются случаи, когда первоначальные сведения не соответствовали действительности, а их использование привело в последующем к ущемлению прав и законных интересов граждан, к нарушению законности.

Поэтому в ходе доследственной проверки следователь должен сопоставлять известные признаки состава преступления с получаемой информацией. Среди них признаки, характеризующие противоправные действия; признаки, характеризующие антиобщественное поведение; признаки, присущие способам и средствам преступления, а также признаки, характеризующие лиц, совершающих противоправные деяния.

Преступления экстремистского характера всегда носят тщательно спланированный характер. Они подготавливаются и совершаются в составе преступной группы, то есть осуществляется планирование, распределение ролей между членами группы, организация материально-технического обеспечения, разработка способов совершения и сокрытия преступлений, принятие мер безопасности в отношении членов преступной группы, конспирация и т. д.

Следователю при осуществлении доследственной проверки, на наш взгляд, надо иметь в виду, что экстремисты ставят себя и свои цели выше мнения общества и государства, исходя из завышенной самооценки, считают себя исключительными лицами; их мотивация в действиях всегда находится в области идеологии; конечным результатом их деятельности является признание идеи превосходства национальной, политической или религиозной группы и господство ее морально-ценностных ориентаций.

Наиболее перспективным направлением осуществления поиска заподозренных лиц следователем, по нашему мнению, являются дача поручения участковым уполномоченным полиции на поиск указанных лиц на территории обслуживания с привлечение негласного аппарата (доверенных лиц), а также дача поручения оперативным сотрудникам на поиск указанных лиц на объектах, которые они посещают, то есть фитнес-клубы, спортклубы, религиозные объекты, а также объекты транспорта, места массового отдыха, базары, рынки, санатории, дома отдыха и т. п.

Особое внимание, на наш взгляд, следует обращать внимание на поиск заподозренных в криминогенной среде группы лиц, которых объединяет антиобщественное поведение экстремистской направленности, или лиц, ранее привлекаемых к уголовной ответственности за экстремизм или терроризм.

Важным направлением доследственной проверки является анализ криминалистически значимой информации, имеющейся в других отделах и подразделениях органов внутренних дел: сводок о совершенных преступлениях экстремистского характера на соседних административных территориях и транспорте, а также материалов выезда на места совершения подобных преступлений; материалов проведенных первичных проверок и оперативных разработок, имеющих в соседних подразделениях органов внутренних дел; архивных уголовных дел и дел оперативного учета, выделенных в отдельное производство материалов следствия и отказных материалов в отношении лиц, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности в других подразделениях органов внутренних дел; материалов мероприятий, проводимых оперативно-поисковыми подразделениями и подразделениями специальных технических мероприятий в отношении указанной категории лиц и т. д.

Источниками первичной криминалистически значимой информации на этапе проверки сообщения о преступлении, на наш взгляд, могут быть:

— сотрудники правоохранительных органов (то есть патрульная служба, участковые уполномоченные и др.);

— сотрудники визовых центров;

— лица, оказывающие конфиденциальное содействие органам полиции в борьбе с преступлениями экстремистской направленности;

— участники неформальных объединений, члены общественных, политических и религиозных объединений;

— служащие и преподаватели вузов и колледжей, сотрудники общежитий, спортивных секций, организованных по национальному или идеологическому признаку, лагерей и молодежных центров, где могут быть лица, распространяющие взгляды экстремистской направленности;

— сотрудники почтовых отделений на территории обслуживания, куда поступает корреспонденция и посылки для участников экстремистских объединений (организаций), и служб доставки;

— консьержи жилых домов, которые получают информацию о фактах распространения пропагандистской печатной продукции экстремистского содержания;

— сотрудники редакций местных СМИ и типографий, которые выявили или могут выявить экстремистские листовки и иные материалы и факты их печати;

— сотрудники интернет-кафе, которые знают лиц, распространяющих через сеть Интернет экстремистские взгляды;

— ранее судимые за аналогичные преступления и их близкие родственники;

— ранее выявленные правоохранительными органами участники экстремистских организаций и др.

Следователь может прийти к выводу о наличии признаков состава преступления по следующим выявленным фактам: обнаружение в почтовых ящиках жилых домов, в вузах, на предприятиях, в мечетях и других местах религиозного назначения, в издательствах местных СМИ подброшенных листовок, прокламаций, газет, специальной литературы, пропагандирующей цели конкретной организации, содержащей идеи экстремизма; печатание и хранение указанной выше печатной продукции конкретными лицами и ее распространение; разъяснительные беседы с конкретными лицами, которые обладают информацией экстремистского характера; склонение граждан к вступлению и участию в организации экстремистской направленности; объединение некоторых лиц в группировки по интересам, связанными с экстремистскими взглядами; организация и про-

ведение сборов (вблизи памятников истории, культуры, объектов, взятых под охрану государства, и др.), характер которых говорит об их экстремистской направленности; появление в сети Интернет и в различных мессенджерах информации о конкретной организации (объединении), целью которой является деятельность экстремистского характера и т. д.

Следователь, в распоряжении которого находится первичная информация о преступлении экстремистского характера, на основе ее анализа выделяет в ней две группы сведений: об обстоятельствах содеянного, то есть месте, времени, участниках, организаторах и т. д.; об источниках и носителях информации: лицо (лица в случае группового заявления), от которого поступила первичная информация, другие лица, могущие подтвердить изложенные факты или сделать по ним дополнительные сообщения; предметы, документы, информативные с рассматриваемой точки зрения.

На информационной базе формулируются криминалистические версии (о природе события, его видовой принадлежности, об отдельных обстоятельствах и т. д.) и разрабатывается план их проверки с отражением вопросов, подлежащих выяснению (о месте, времени, участниках исследуемого события, его последствиях и т. д.), указывается, каким образом это должно быть сделано, кем и в какие сроки.

Далее следователь в соответствии с криминалистическими рекомендациями должен осуществить: выезд со следственно-оперативной группой на место происшествия и его осмотр; получение объяснений от лиц, от которых поступила информация о совершенном преступлении, от других лиц, которые могут подтвердить или опровергнуть, дополнить, уточнить исходные данные; изучение необходимых предметов и документов по месту их нахождения; дача поручения специалистам провести в необходимых случаях документальные проверки, специальные исследования, обследование каких-либо объектов (баз, жилых помещений и т. д.).

Следователем могут быть затребованы имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сведения о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию.

Будучи солидарными с мнением Т.С. Волцовой [15, с. 111–114] и Д.В. Кима [16, с. 100], считаем, что ситуационный подход следует применять уже на стадии приема и изучения сообщения о преступлении, где необходимо сформулировать

и оценить доследственные ситуации, в которых имеются тактические и иные особенности действий следователя (дознателя). Содержание и характер его действий зависят от следующих обстоятельств: от объема информации, содержащейся в сообщении, от источника поступления сообщения и времени, прошедшего с момента совершения преступления. Представляется, что этот вопрос требует отдельного исследования в рамках проверки сообщения о преступлении экстремистской направленности. Затем он по факту выявления признаков состава совершенного преступления возбуждает уголовное дело и реализует частную методику расследования по конкретному совершенному преступлению.

Особенности расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых организованными преступными группами, сказываются и на тактике допроса потерпевших и свидетелей. В некоторых случаях они сами оказываются причастными к совершению противоправных действий, проживают на территории, где действуют преступные формирования, в процессе расследования вступают в сговор с обвиняемыми и их представителями, подвергаются запугиванию, шантажу, уговорам, подкупу.

При проведении следственных действий с участием лиц различных национальностей и вероисповеданий, в том числе исповедующих ислам, существенным является знание национальных ритуалов и стереотипов поведения. При наличии такой возможности следователю целесообразно ознакомиться с соответствующей литературой, побеседовать с лицами данных национальностей и вероисповеданий.

В случае возникновения при назначении или производстве судебно-медицинской (судебно-психиатрической) экспертизы необходимости стационарного обследования лица, оно помещается в соответствующий стационар на основании постановления или определения о назначении судебной экспертизы.

В ходе предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера часто изымается различная литература, документы, блокноты и тетради с записями, фотографии, видео- и аудиоматериалы, компьютеры, смартфоны, электронные записные книжки с содержащейся в них информацией, зачастую, криминалистически значимая информация изымается с электронных ресурсов (интернет-контента, мессенджеров, социальных сетей и т. д.) [17, с. 47]. Указанные предметы и содержащаяся в них информация также служат источником до-

казательств по уголовному делу, их необходимо осмотреть, признать вещественными доказательствами и приобщить к материалам дела. По всем указанным источникам целесообразно назначение и проведение соответствующих экспертиз (автороведческой, лингвистической, почерковедческой, бухгалтерской и др.).

В процессе расследования преступлений экстремистской направленности следует исходить из того, что эти преступления имеют нетрадиционную структуру, обусловленную мотивами преступной деятельности: посягательство на потерпевшего, его права и законные интересы выступает, по существу, средством, обеспечивающим воздействие на третью сторону конфликта, являющееся основной целью преступлений экстремистской направленности.

При изучении и доказывании таких элементов механизма преступления, как способ, время и место совершения преступления, а также орудия преступления следует исходить из того, что они имеют составной характер: включают способ, место, время и орудия посягательства на потерпевшего, а также, соответственно, способ, время, место и орудия воздействия на третью сторону конфликта.

В случае, если способ преступления включает также совершение действий пропагандистского характера, необходимо учитывать, что передаваемая преступниками информация (содержащаяся в материалах экстремистского характера) имеет два вектора направленности: часть ее адресована представителям той политической партии (организации, движения), идеологии, расы, национальности, религиозной конфессии, социальной группы и др., по отношению к которой возбуждается ненависть или вражда (первая группа адресатов), а другая часть — позитивного характера (призывы к объединению) — адресована представителям той же политической партии (организации), идеологии, расы, национальности, религиозной конфессии или социальной группы, что и сами преступники (вторая группа адресатов). В таком случае структура способа совершения преступления усложняется еще больше.

Однако эти обстоятельства должны найти свое отражение в предмете доказывания по уголовному делу. Исходя из специфики предмета доказывания

по делам о преступлениях исследуемой группы, необходимо определять перечень и последовательность следственных действий, а также виды и предметы судебных экспертиз.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

— структура частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности, несомненно, должна соответствовать потребностям практики расследования данной группы преступлений. Представляется, исходя из потребностей практики правоохранительных органов, необходимым включение в ее структуру такого элемента, как проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности;

— проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности должна включать в себя следующие элементы: принятие, изучение и регистрацию сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); непосредственно проведение проверочных действий (ст. 144 УПК РФ); вынесение решения по результатам проверки (ч. 1 ст. 145 УПК РФ) (*Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921*);

— в частной методике расследования данной группы преступлений обязательно должен быть предложен подробный алгоритм действий должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, имеющего целью принятие решения о возможности возбуждения уголовного дела. Содержание и характер этих действий зависят от следующих обстоятельств: от объема информации, содержащейся в сообщении, от источника поступления сообщения и времени, прошедшего с момента совершения преступления, и напрямую зависят от складывающихся следственных ситуаций, которые можно сформулировать как доследственные ситуации.

Представляется, что рассмотренные вопросы, касающиеся структуры частной методики расследования преступлений экстремистской направленности, нуждаются в дальнейшей теоретической разработке в рамках общей теории криминалистической методики расследования преступлений.

Литература

1. Кустов А.М. История криминалистической практики и науки (X в. — середина XX в.). М.: Юрлитинформ, 2019. — 237 с.
2. Криминалистика для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. 2-е изд. перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2021. — 1024 с.

3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям. М.: Юнити, 2001. — 837 с.
4. *Ильин А.Н.* Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. М., 2009. — 223 с.
5. *Кустов А.М., Лапин В.О.* Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. — начало XXI в.). Т. 1. М.: Юрлитинформ, 2021. — 624 с.
6. *Драпкин Л.Я.* О некоторых дискуссионных проблемах периодизации процесса расследования // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. Свердловск, 1988. С. 3–4.
7. *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 64 с.
8. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. — 480 с.
9. *Возгрин И.А.* Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. — 473 с.
10. *Филиппов А.Г.* Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
11. *Мурадов Э.С.О.* Проверка сообщения о преступлении, связанного с процедурой банкротства // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 148–152.
12. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М: Юристъ, 2005. — 781 с.
13. *Косарев С.Ю.* Примерная типовая структура типичных частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 3 (36). С. 83–87.
14. *Натура А.И., Дубинин Л.Г.* Проверка сообщений о преступлениях и ее значение по делам о даче заведомо ложных показаний // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 4 (32). С. 40–44.
15. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. М., Калининград: КГУ, 1997. — 245 с.
16. *Ким Д.В.* Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. — 205 с.
17. *Бессонов А.А.* О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 46–52.

References

1. *Kustov A.M.* Istoriya kriminalisticheskoi praktiki i nauki (X v. — seredina XX v.) [History of forensic practice and science (X century — mid-XX century)]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 237 p. (In Russian)
2. *Kriminalistika dlya bakalavrov* [Criminalistics for bachelors]. Ed. L.V. Bertovskii. 2-e izd. pererab. i dop. Moscow: RG-Press Publ., 2021. 1024 p. (In Russian)
3. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki. Ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po yuridicheskim spetsial'nostyam [Criminology course. Textbook for university students enrolled in legal specialties]. Moscow: Yuniti Publ., 2001. 837 p. (In Russian)
4. *I'in A.N.* Taktika predvaritel'noi proverki soobshcheniya o prestuplenii [Crime report pre-screening tactics]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.09. Moscow, 2009. 223 p. (In Russian)
5. *Kustov A.M., Lapin V.O.* Sovremennaya kriminalisticheskaya praktika i nauka (konets KhKh v. — nachalo KhKhI v.). Tom 1 [Modern forensic practice and science (end of the 20th century — beginning of the 21st century). Volume 1]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2021. 624 p. (In Russian)
6. *Drapkin L.Ya.* O nekotorykh diskussionnykh problemakh periodizatsii protsessa rassledovaniya [About some controversial problems of periodization of the investigation process]. In *Problemy optimizatsii pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestuplenii* [Problems of optimizing the initial stage of crime investigation]. Sverdlovsk, 1988, pp. 3–4. (In Russian)
7. *Vasil'ev A.N.* Problemy metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii [Problems of methods of investigation of certain types of crimes]. Moscow: Mosk. un-ta Publ., 1978. 64 p. (In Russian)
8. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki v 3-kh tomakh. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii [Course of criminalistics in 3 volumes. Vol. 3: Forensic tools, techniques and recommendations]. Moscow: Yurist' Publ., 1997. 480 p. (In Russian)

9. *Vozgrin I.A.* Vvedenie v kriminalistiku: istoriya, osnovy teorii, bibliografiya [Introduction to Forensic Science: History, Fundamentals of Theory, Bibliography]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 473 p. (In Russian)
10. *Filippov A.G.* Problemy kriminalistiki. Izbrannye stat'i [Problems of criminology. Featured Articles]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2007. 352 p. (In Russian)
11. *Muradov E.S.O.* Proverka soobshcheniya o prestuplenii, svyazannogo s protseduroi bankrotstva [Verification of a crime report related to bankruptcy proceedings]. *Biznes v zakone [Business in law]*, 2010, no. 4, pp. 148–152. (In Russian)
12. *Kriminalistika: uchebnik [Criminalistics: textbook].* Ed. N.P. Yablokov. Moscow: Yurist Publ., 2005. 781 p. (In Russian)
13. *Kosarev S.Yu.* Primernaya tipovaya struktura tipichnykh chastnykh kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestuplenii [Approximate typical structure of typical private forensic methods for investigating crimes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy]*, 2017, no. 3 (36), pp. 83–87. (In Russian, abstract in English)
14. *Natura A.I., Dubinin L.G.* Proverka soobshchenii o prestupleniyakh i ee znachenie po delam o dache zavedomo lozhnykh pokazanii [Verification of reports of crimes and its significance in cases of knowingly giving false evidence]. *Vestnik kriminalistiki [Bulletin of criminalistics]*, 2009, issue 4 (32), pp. 40–44. (In Russian)
15. *Volchetskaya T.S.* Kriminalisticheskaya situologiya [Forensic situational science]. Moscow, Kaliningrad: KGU Publ., 1997. 245 p. (In Russian)
16. *Kim D.V.* Kriminalisticheskie situatsii i ikh razreshenie v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya [Criminalistic situations and their resolution in criminal proceedings: monograph]. Barnaul: Altaiskogo un-ta Publ., 2006. 205 p. (In Russian)
17. *Bessonov A.A.* O nekotorykh vozmozhnostyakh sovremennoi kriminalistiki v rabote s elektronnyimi sledami [On some possibilities of modern forensic science in working with electronic traces]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina [Bulletin of the Kutafin University]*, 2019, no. 3 (55), pp. 46–52. (In Russian, abstract in English)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Макарова Олеся Александровна,
Куркова Наталья Алексеевна

***Цель:** изучить возможности криминалистической профилактики преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними.*

***Методология:** синтез, анализ, комплексный подход, системно-структурный метод, сравнение, обобщение.*

***Выводы.** В последние годы экстремизм в молодежной среде приобрел агрессивные формы, насаждаются насилие, жестокость, отрицание общепринятой морали и любых форм управления, пропагандируются идеи борьбы с правоохранительными органами и органами государственной власти. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях разъяснительно-предупредительной работы среди молодежи недостаточно, требуется совершенствование мер профилактики. Следует активизировать и наладить взаимодействие между субъектами, осуществляющими профилактику преступлений экстремистского характера, совершенных несовершеннолетними, и на постоянной основе проводить мероприятия по выявлению и пресечению деятельности экстремистских молодежных группировок.*

***Научная и практическая значимость.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы в профилактической деятельности следователя.*

***Ключевые слова:** криминалистическая профилактика, экстремизм в молодежной среде, противодействие экстремистской деятельности, меры профилактики.*

В юридической литературе есть несколько терминов, касающихся криминалистической профилактики: предупреждение, превенция, пресечение, предотвращение.

Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов и С.В. Маликов под криминалистической профилактикой понимают «деятельность субъекта расследования, содержанием которой является выявление причин и условий совершения преступлений, раскрытие совершенных преступлений, что имеет предупредительное значение и обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наказания, а также принятие мер воспитательного характера» [1, с. 15].

М.П. Шруб считает, что можно дать как широкое, так и узкое определение изучаемому термину. В широком смысле под криминалистической

профилактикой понимается «самостоятельная частная теория криминалистики, представляющая собой систему научных положений и основанных на них рекомендаций по разработке и использованию технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций, направленных на предупреждение и пресечение преступлений и их последствий». В узком смысле это «система мер следователя, эксперта-криминалиста и иных работников правоохранительных органов по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, объектов профилактического воздействия, а также применению специфических превентивных мер, затрудняющих совершение новых и направленных на пресечение совершаемых преступлений» [2, с. 206].

И.И. Иванов употребляет термин криминалистической превенции, под которой подразумевает «систему научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию» [3, с. 9].

Л.Р. Клебанов использует термин криминалистическое предупреждение преступлений, которое включает:

— предотвращение преступлений: недопущение преступления на стадии обнаружения умысла, когда преступления де-юре еще не существует;

— пресечение преступлений: недопущение преступления на стадиях приготовления, покушения;

— удержание от возврата на преступный путь имеет место во время отбывания лицом наказания за совершенное преступление, а также после его отбытия либо во время испытательного срока при условном осуждении, после освобождения от наказания, в период ресоциализации и т. д. [4, с. 8].

Следует согласиться с мнением И.М. Комарова и Е.И. Ян, что и профилактика, и предупреждение, и пресечение преступлений — это синонимы, тождественные понятия. Их можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле слова. При этом в широком смысле под предупреждением преступлений понимается устранение преимущественно общих причин и условий, способствующих совершению преступлений, а в узком смысле так называемое правовое предупреждение, включающее и правоохранительную деятельность, — это и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений (специальная превенция о недопустимости нарушения норм права), и борьба с ними правовыми способами и средствами (административно-правовыми и пр.) [5, с. 188].

Анализируя определения, можно выделить специфические задачи криминалистической профилактики:

— разработка и совершенствование методов и приемов выявления причин преступлений и способствующих им условий;

— выделение в каждом случае объектов криминалистического профилактического изучения и соответствующего воздействия в рамках расследования и вне его (по результатам расследования);

— выявление особенностей типичных следственных ситуаций профилактического характера, складывающихся при расследовании, выработка на их основе главных направлений криминалистической деятельности по предупреждению преступлений;

— определение комплекса профилактических криминалистических мер по защите различного рода объектов от преступного посягательства, наиболее эффективных в каждой из выделенных ситуаций;

— разработка мер пресечения начавшегося и предупреждения готовящегося преступления.

И.И. Иванов предлагает выделять следующие средства и методы криминалистической профилактики:

— предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений;

— своевременное обнаружение преступлений и иных объектов криминалистического профилактического воздействия, выявление и иницирование следственных ситуаций профилактического характера;

— быстрое, полное раскрытие и качественное расследование совершенных преступлений;

— пресечение конкретной преступной деятельности и ликвидация ее опасных последствий;

— выявление и устранение в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоление любых форм противодействия расследованию [3, с. 11].

И.М. Комаров и Е.И. Ян разделяют методы криминалистического предупреждения на общие, характерные для других наук, и частные — специфические именно для криминалистики. Особенно важно использовать социологические методы, такие как биографический метод, обобщение независимых характеристик; собеседование, интервьюирование; анкетирование; анализ и обобщение практического опыта деятельности правоохранительных органов и суда; анализ документов и статистической отчетности [5, с. 189].

Л.Р. Клебанов уверен, что без технических мер невозможна криминалистическая профилактика, их он разделяет по различным основаниям: по группам и видам преступлений, по виктимной группе, по этапу предупреждения преступности, по виду мер уголовно-правового характера, по субъекту применения [4, с. 8].

Кроме того, можно выделить следственную и экспертно-криминалистическую профилактику, в рамках которых применяются собственные методы и средства. Профилактическая деятельность следователя в основном осуществляется непосредственно в процессе расследования или сразу после его окончания, в ней выделяются следующие средства:

1) следственные действия, в ходе которых реализуется воспитательно-психологическое воздействие на конкретных лиц; тактические операции профилактической направленности и т. п.;

2) действия, осуществляемые по поручению следователя другими государственными и иными органами, организациями, предприятиями и т. д.: действия оперативно-разыскного, технического, организационного характера, осуществляемые по поручению следователя органами дознания, государственными и иными организациями.

Экспертно-криминалистическая профилактика осуществляется путем применения следующих средств:

1) средства и методы экспертного исследования;

2) средства и методы профилактической деятельности конкретного экспертно-криминалистического подразделения.

Важную роль играет установление причин и условий совершения преступлений. Пожалуй, это и есть одна из основных задач расследования.

Таким образом, криминалистическая профилактика представляет собой отдельную прикладную отрасль криминалистики, которая в широком смысле представляет собой систему научных положений и рекомендаций об использовании средств, методов и приемов по предупреждению и пресечению преступлений и их последствий, а в узком смысле — совокупность мер следователя, эксперта и других участников расследования по выявлению причин и условий, а также обстоятельств совершения преступлений и выбора средств и методов по их пресечению.

Основная задача криминалистической профилактики заключается в снижении негативного влияния преступлений на общество, особую роль в этом играет профилактика преступности среди несовершеннолетних — субъектов преступлений, еще не сформировавшихся и поддающихся влиянию. Несовершеннолетнего преступника можно уберечь от неверного шага, и эту задачу помогает решить частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних.

Одним из показателей состояния общества является уровень преступности, особенно среди несовершеннолетних. Основную долю пре-

ступлений, совершенных несовершеннолетними в 2021 г., составили кражи и грабежи (48,7% и 10,4% соответственно), также угоны автомобилей — 11,7%, преступления в сфере оборота наркотических средств — 9,5%. Объектами посягательств все чаще становится автотранспорт, комплектующие и запчасти к нему. В кражах, грабежах и разбоях проявляется «сезонный характер» похищаемого.

В 2021 г. 117 несовершеннолетних были осуждены за убийства, 401 подросток — за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 100 человек — за изнасилования (*Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2021 гг.* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 18.12.2022)). По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2021 г. было выявлено 29 126 лиц до 18 лет, совершивших преступления (*Показатели преступности в России* // [Электронный ресурс]: URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.12.2022)). При этом соотношение подростков мужского и женского пола составляет 92,5% и 7,5%. Следует отметить негативную тенденцию: несовершеннолетние совершают значительное число деяний насильственного характера, тяжкие и особо тяжкие преступления. В среднем несовершеннолетними совершается в группе 8833 преступлений в год, причем при наличии взрослого в группе — 3488 случаев. Это свидетельствует о том, что для несовершеннолетнего преступника характерны именно определенная внушаемость и подчиненность другим, более опытным участникам группы (*Показатели преступности в России* // [Электронный ресурс]: URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.12.2022)).

Групповой характер преступлений позволяет несовершеннолетним компенсировать их психологическую неуверенность в собственных силах, недостаток жизненного опыта, способствует объединению физических усилий, необходимых для достижения преступного результата. Присущее несовершеннолетним стремление к самоутверждению, желание занять лидирующую позицию в группе в сочетании с их ограниченными возможностями могут специфично, по-своему выразиться в конкретном преступлении. Так, при совершении посягательств против личности нередко наблюдается бессмысленная жестокость, причинение жертве без необходимости множества телесных повреждений.

Несовершеннолетний Ш. был осужден за убийство и грабеж, он участвовал в групповом престу-

плени. Из трех участников убийцей ограбленной женщины оказался именно он, став также инициатором похищения имущества. Причиной нападения на продавщицу киоска стал отказ продать пиво в долг, из-за чего трое поочередно нанесли потерпевшей принесенным с собой металлическим прутком удары по голове, от которых она упала на землю рядом с киоском и скончалась. Труп потерпевшей двое занесли в киоск, закрыли дверь на замок, затем втроем из гаража похитили коробку со спиртом и мешки с медью (Приговор Свердловского областного суда от 02 октября 2017 г. по уголовному делу № 2-32/2017).

В Стратегии национальной безопасности до 2030 года среди приоритетных направлений государственной политики указывается предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего, среди несовершеннолетних и молодежи (подп. 8, 9 п. 47 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351). В связи с этим нужно вести речь о развитии единой системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, улучшать средства и методы предупреждения подростковой преступности, в том числе и в рамках частного криминалистического учения о профилактике преступлений несовершеннолетних.

За последние несколько лет одним из вызовов современному обществу и в целом системе правоохранительных органов, занимающихся профилактикой преступлений несовершеннолетних, явились такие криминальные молодежные субкультуры, как скулшутинг, который получил название «Колумбайн» в странах Западной Европы и США, и «группы смерти».

Говоря о скулшутинге, следует упомянуть, что данное явление получило распространение в подростковой среде и среде молодых людей, преимущественно учащихся образовательных учреждений. Скулшутинг следует понимать как любую форму немотивированных насильственных действий в образовательных учреждениях, совершаемых учащимся (группой учащихся) в отношении преподавателей и учеников с использованием оружия и подручных средств [6, с. 580].

Скулшутинг (или школьные расстрелы) представляют собой особое явление, которое отличается от других преступлений с применением оружия. Тем не менее можно выделить ряд признаков, по которым возможно идентифицировать данное явление: во-первых, нападающие зачастую име-

ют отношение к образовательному учреждению, являясь в большинстве случаев действующими учащимися; во-вторых, убийства или ранения носят умышленный характер и не имеют корыстного мотива, как правило, они направлены на неопределенный круг лиц; в-третьих, в большинстве случаев скулшутеры не подвержены религиозным идеям (хотя сами идеи могут быть весьма различны, и, как показывают исследования, приверженность религиозным идеям не может быть исключена полностью); в-четвертых, нападения не носят спонтанный характер, они зачастую организуются заранее. В этой связи можно сделать вывод о том, что у скулшутеров не всегда имеются политические мотивы, они не всегда подвержены религиозным мотивам, главное, на наш взгляд, что их объединяет — это наличие собственного мнения о происходящем, своя «идеология».

Как и в случае с другими деструктивными субкультурами, скулшутинг получил столь большую популярность благодаря распространению в сети Интернет, преимущественно в соцсетях.

В последнее время органами власти приняты беспрецедентные меры по нейтрализации соответствующих групп в социальных сетях, однако в зарубежном сетевом сегменте скулшутинговые паблики по-прежнему активно распространяются. Администраторами тематических групп в социальных сетях являются наиболее активные последователи субкультурного течения, как правило, это несовершеннолетние, которые являются фактическими создателями и модераторами тематических ресурсов.

Представляется, что одним из ключевых признаков данного молодежного течения является радикализация в коммуникативной среде онлайн, то есть той среде, в которой общаются и взаимодействуют друг с другом подростки. Радикализация как явление представляет собой процесс эскалации от ненасильственных форм выражения собственного мнения к более жестким формам проявления насильственного поведения и готовности к насильственным действиям. Наиболее сложной по своему механизму и уровням проявления является онлайн-радикализация, представляющая собой применение информационно-коммуникационных технологий, зачастую социальных связей в онлайн-среде для достижения идеологических, политических, экономических и иных целей. Онлайн-радикализация — это ситуационный (случайный) процесс, который влечет за собой вовлечение в систему экстремистских убеждений и готовит почву для совершения преступлений в оффлайн-среде.

Для более полного анализа данного явления следует раскрыть вопрос об уровнях радикализации подростков в онлайн-среде, включающий в себя три основных уровня: *индивидуальный уровень*, который дает подростку возможность поиска ключевой информации по степени значимости для него самого, (то, что интересует пользователя социальных сетей); *групповой уровень*, позволяет идентифицировать несовершеннолетнего с группой таких же, как он, по схожим интересам, взглядам, своей (особой) системе идеологических установок; *массовый уровень* — это уровень, отличающийся взглядами группы людей, для которых присущи несогласие или даже конфликт с политикой внешней группы, то есть самого общества.

Основными технологическими преимуществами скулшутеров являются:

— структура гиперссылок в интернет-контенте, которая дает возможность пользователям легко связывать любые две точки данных, создавая логические цепочки и ассоциации, за которыми могут следовать и другие пользователи, извлекая информацию;

— сама динамика сети, которая определяет рост цифровых платформ, создавая тем самым «сетевой эффект»;

— роль алгоритмической автоматизации в предоставлении контента пользователям Интернета. Это, прежде всего, дает возможность пользователям создавать, распространять, изменять цифровые медиа с помощью шаблонов и алгоритмов; так называемый закон групповой поляризации. В данном случае Интернет выступает своего рода учебником по токсичному поведению.

Не последнюю роль в распространении молодежной субкультуры скулшутинга, по мнению многих исследователей, сыграл современный медиа-ландшафт. Ряд исследователей выделяют такое понятие, как «эффект Колумбайна», являющийся благодатной почвой, своего рода «квестом для славы» многих скулшутеров. Основными мотивами для последователей этого молодежного течения являются подражание, поиск славы, имитация, большинство подростков черпают вдохновение из подробного освещения в средствах массовой информации случаев скулшутинга.

Так, по мнению ряда исследователей, в среднем тема однократного скулшутинга сохраняет свою актуальность в медиасреде на протяжении шести месяцев. Ежедневное сохранение угрозы школьного насилия или угрозы взрыва бомбы сохраняется в течение 50 дней [6, с. 578].

Если говорить о типологии скулшутеров, то одним из исследователей данного феномена Пе-

тером Лангманом в 2008 г. была предложена следующая:

1) психопатический тип представляет собой чрезвычайно нарциссичных личностей, игнорирующих закон и нормы морали, в большинстве своем они испытывают садистское удовольствие от причинения вреда или смерти другому человеку, способности к эмпатии не имеют;

2) психотический тип характеризуется резким несоответствием окружающей действительности, как правило, выражающимся в расстройстве восприятия, памяти, мышления, иногда это люди, активно борющиеся с шизотипическим расстройством личности. Их симптомы включают в себя галлюцинации, манию величия, параноидальный бред, а также серьезные нарушения социальных функций;

3) травмированный тип подвергается в детстве физическому, а иногда и сексуальному насилию, зачастую имеет родителей, злоупотребляющих психоактивными веществами, родителей-алкоголиков, достаточно жестоких, нередко с криминальным прошлым [7, с. 228; 8].

Следует отметить, что первые два типа личности зачастую воспитываются в более или менее благополучных семьях, третий тип — в семьях с высокой степенью дисфункции.

По утверждению исследователей, как российских, так и зарубежных, отличительными чертами скулшутеров является сложная комбинация «личностных черт, семейных историй, социальных влияний и проблем идентичности, а также психических заболеваний» [9, с. 49].

Хронические конфликты выделяют целенаправленных стрелков, которые имели давние конфликты и чаще других демонстрируют существенные предупреждающие знаки надвигающего насилия. Случайные стрелки не имели долгосрочных конфликтов и показывали меньше предупреждающих знаков, а вот «сборщики несправедливости» накапливали чувство несправедливости против всех своих обид. Они испытывают зависть ко всем, кто добился успеха, а они претерпели неудачу, однако самые опасные — это случайные стрелки. Как показывает анализ материалов исследований и следственной практики, количество их жертв более чем в 5 раз превышает количество жертв целенаправленных стрелков.

Ряд авторов в ходе исследования криминального поведения скулшутеров предложили четвертый тип — «контрафактное отклонение», то есть способность выражать нормальные интересы способом внесоциальных конвенций [9, с. 50]. В основном это умственно здоровые люди, обладаю-

щие хорошими навыками работы на компьютере, у которых не сформированы (или недостаточно сформированы) навыки социально-ответственного поведения в обществе, предпочитающие социальную изоляцию и «не включенные» в референтную группу своего коллектива в школе, образовательном учреждении, имеющие навязчивые интересы. Очень часто такие подростки бессознательно переходят на «запретную» территорию, собирая «эмоциональные сигналы» внешнего мира из любопытства, в некоторых случаях это люди с легким расстройством аутического спектра.

За последние годы были проанализированы и исследованы поведенческие траектории многих скулшутеров, авторами разработаны модели механизма поведения (или типы ролевых моделей поведения) преступников.

Рассмотренные типы скулшутеров могут варьироваться, некоторые из них могут включать в себя различные сходства и отличия ролевой модели в зависимости от личностных факторов стрелков. На наш взгляд, важно понимать, что, используя предложенные типы (модели механизмов поведения) скулшутеров, сотрудники правоохранительных органов должны иметь специальную профессиональную подготовку и опыт для глубокого анализа подражателей, сосредоточив внимание на исследовании личных мотивов подражания в каждом конкретном случае.

Еще одним из деструктивных молодежных течений являются «группы смерти» — это молодежная субкультура, информация о которой сравнительно недавно появилась в современном российском обществе, однако по степени общественного резонанса она не уступает криминальной субкультуре скулшутеров. Ряд исследователей считают, что эти две криминальные субкультуры имеют ряд общих черт, и «группы смерти» в некоторых случаях могут перерастать в более смертоносные группы последователей «Колумбайна», используя различные типы подражания, от таких экстремистских сообществ, как «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) и идеологии неонацизма, до керченского стрелка и русских националистов [10, с. 100].

Как показал анализ данных официальной статистики, от самоубийств в России ежегодно погибают около 2800 детей и подростков в возрасте от 5 до 18 лет, и данные цифры не учитывают случаев попыток к самоубийству; количество детей и подростков, покончивших жизнь самоубийством, составляет 12,7% от общего числа умерших от неестественных причин (*Показатели преступности в России // [Электронный ресурс]:*

URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.12.2022)).

Однако утверждение о том, что членом «группы смерти» может стать любой подросток, главное, чтобы он сам изъявил желание, является заблуждением. Как показали исследования, в большинстве своем, «группы смерти» — это закрытые группы в социальных сетях, чаще всего они представлены социальной сетью «ВКонтакте». Для того чтобы стать членом «группы смерти», пользователь должен «стать избранным» и под руководством «проводника»-куратора выполнить все поручения и задания «суицидального квеста».

Предварительно анкеты потенциальных жертв детально изучаются, нащупываются болевые точки. Куратор сам выбирает, кто «достоин» такой группы. *Так, например, в августе 2017 г. гр. Ш., находясь на территории г. Х Собинского района, работала план совершения преступления, согласно которому они и гр. Г., который, по ее мнению, согласился принять участие в преступлении, должны совместно и согласованно использовать созданные в период с апреля 2017 г. по август 2017 г. страницы социальной сети «ВКонтакте» в сети Интернет с вымышленными именами, а также страницы, созданные ранее с собственными именами, с которых осуществляли переписку с пользователями социальной сети, в том числе в беседах (одновременных переписках нескольких пользователей социальной сети «ВКонтакте») и группах (тематических страницах социальной сети «ВКонтакте», в которые могут вступать пользователи сети со схожими взглядами и общими интересами) с целью отыскания несовершеннолетних лиц, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, последующего их вовлечения в игру суицидальной направленности, под видом которой склонять их к совершению самоубийства (Приговор Судакского городского суда Республики Крым от 7 мая 2018 г. по делу № 1-25/2018).*

Представим типовой алгоритм действий злоумышленников:

«#Хочу в игру». Условием «пропуска в игру» является самоповреждение как доказательство серьезности намерений игрока. К примеру, согласно правилам игроку (лицу, выполняющему соответствующее задания, направленные в конечном итоге на совершение самоубийства), разъяснялось, что итогом игры является самоубийство игрока, для чего последний должен выполнить 15 заданий, направленных на причинение себе телесных повреждений, которые следовало фотографировать и в целях подтверждения их выполнения отправлять фотографии с повреждениями лицу, ведущему игру и дававшего задания (куратору).

«#Я хочу гореть ярко звездой f58». На данном этапе осуществляется распространение и продвижение символики игры: рисунки китов, дельфинов, выбросившихся на берег, бабочек (они живут один день), космос, олицетворяющий вечность, «f40», «f58», «Тихий дом», «Мертвые души f57».

«#Дай мне номер», «#Дай мне инструкцию». На данном этапе подростку может присваиваться порядковый номер и даваться ряд заданий, например, встать в 5 утра и, находясь на самом высоком этаже высотного здания, сидеть на краю крыши, причем само задание обязательно сопровождается видео- и фотоотчетом, который подросток в обязательном порядке высылает куратору группы. Представляется, что на данном этапе должно снижаться чувство самосохранения, происходит выброс адреналина в кровь, что зачастую характерно для несовершеннолетних.

«#Прошу, найди меня» — этап проверки будущего члена группы. Своей целью данное задание имеет доказательство кандидатом преданности куратору группы, готовности к совершению акта суицида. Несовершеннолетнему заранее сообщается дата смерти, и он должен смириться, доказать, что он «кит». Основная цель такого задания — подчинить волю участника суицидального квеста, манипулировать им, нередко это связано с развратными действиями. В этих целях в большинстве случаев применяются различного рода мессенджеры (WhatsApp, Вайбер, Telegram и др.) для удобства осуществления переписки. Общение с куратором входит в привычку, особенно учитывая доступность коммуникации посредством Интернета. Возможна ассоциация собеседника за экраном со своим «внутренним голосом», либо неким альтер эго, доступным для ребенка в любом месте и в любой ситуации.

«#Помоги мне найти мой путь». По мере прохождения «игры» важной составляющей является групповое общение: онлайн и личные встречи.

«#Подними меня в 4.20». Просмотр суицидальных видеороликов с целью навязывания суицидальных идей путем текстовой и аудиовизуальной информации: посредством музыки, фильмов, книг и прочих произведений депрессивно-суицидальной направленности или с наличием соответствующих элементов.

Одним из отличительных особенностей «групп смерти» является то, что детей заставляют заходить в закрытые группы именно в ночное время. Так называемая «депривация сна» имеет своей целью сгладить барьер между реальностью и виртуальным миром, подготовить психику несовершеннолетнего к акту аутоагрессии.

Отличительной чертой «групп смерти» является выраженная романтизация смерти, самоповреждений и суицида, что формирует у участников «игр» искаженное восприятие положительных чувств и качеств, таких как любовь, ответственность за свои поступки, красота.

Администраторы и кураторы «групп смерти» осознают важность символизма и ставят его на первое место при выполнении промежуточных задач своего психоэмоционального воздействия на игрока: внушения чувства подчиненности его личности куратору, отказа человека от свободы воли и выполнения всех распоряжений куратора вне зависимости от их содержания, а также истощения механизмов естественной психологической защиты человека. Искаженное восприятие таких понятий, как любовь, красота и ответственность, притупляют или вовсе отключают механизм осознания фатальности последствий самоубийства, полного прекращения жизненных функций организма, которые неизбежно влечет за собой смерть.

Подростки, находящиеся под воздействием «групп смерти», находятся под влиянием группы даже после формального выхода из нее. В этой связи ими крайне отрицательно воспринимаются внешние попытки выяснения обстоятельств, связанных с игрой и кругом лиц, которые «работали» с ними, используются рекомендуемые администраторами методы «отказа» и разговорные клише.

Можно дать следующие рекомендации по выявлению суицидальных наклонностей и предотвращению самоубийств среди подростков и молодежи. Для выявления суицидальных наклонностей рекомендуется проводить среди референтных групп различные исследования в форме тестирований (анонимные и персонифицированные), индивидуальных консультаций, бесед и пр. Основной целью подобных исследований является определение принадлежности несовершеннолетнего к «группе риска» по суициду.

Ключевыми признаками приготовления к самоубийству, требующими особого внимания, являются:

1. Нарушение межличностных отношений: наличие проблем в семье, смерть близких, уход из семьи или развод родителей и др.; искусственное ограничение круга общения подростка, влекущее выделение в коллективе «одиночек», «изгоев»; конфликты со сверстниками, педагогами, близкими людьми; наличие психологических факторов, оказывающих давление на подростка; постоянное физическое и (или) психическое насилие.

2. Наличие эмоциональных нарушений.

3. О планируемом самоубийстве говорит при ведение своих дел в порядок.

4. Прощание — выражение благодарности различным людям за помощь в разное время жизни.

5. Оставление письменных обращений, указаний (в письмах, записках, дневнике), запись видеообращений, вербальные указания на планируемый суицид.

Одной из важнейших задач по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в деструктивные молодежные субкультуры «группы смерти» и «скулшутинг» является профилактическая деятельность следователя.

Представляется, что она должна осуществляться во взаимодействии с образовательными учреждениями, психологическими службами и специалистами в области детской психологии и психодиагностики, сотрудниками служб по профилактике экстремизма и терроризма не только в оффлайн-, но и онлайн-среде. Это комплексная работа, которая предполагает гибридный подход, включающий в себя методы сбора и анализа информации в онлайн- и оффлайн-среде социальных связей скулшутеров, изучение факторов риска и моделей механизма вовлечения скулшутеров в свои ряды. Одним из таких инструментов выступает криминалистическая профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними, развивается по двум направлениям: выявление условий и причин, способствующих совершению несовершеннолетними преступлений, а также определение мер по их снижению и предупреждению. *В рамках первого направления* необходимо выяснить условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, характер подростка, его отношение к работе и учебе, наличие или отсутствие его прошлых деяний и т. д. У следователя складывается картина взаимосвязи причин и условий, которые способствовали совершению конкретного преступления подростком. *В рамках второго направления* на основе информации, полученной следователем, концентрируются фактические материалы для осуществления по данному делу предупредительных мер, которые направлены на исправление подростка и предупреждение дальнейшего совершения им правонарушений.

С.А. Евсеева указывает на неполноту тактического обеспечения предоставленных следователю законом средств профилактики [11, с. 116], Г.Н. Рязова — на недостаток опыта работы по

профилактике преступлений с использованием криминалистических средств и методов [12, с. 107], Е.В. Шишкина — на недостаточную осведомленность следователя в сфере специальных знаний, касающихся социально-педагогических и криминогенных факторов, обуславливающих преступность несовершеннолетних [13, с. 110], Е.В. Демидова-Петрова — на отсутствие концептуальной модели построения программы предупреждения преступности несовершеннолетних [14, с. 14]. О.А. Макарова выделила перечень проблем, характерных для криминалистической профилактики преступлений, совершенных несовершеннолетними:

— отсутствие системности профилактической деятельности следователей;

— отсутствие единой системы обмена информацией о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними;

— редкость проведения комплекса мер, направленных на повышение квалификации субъектов профилактики преступлений среди несовершеннолетних;

— отсутствие системы правового и антикриминального просвещения среди молодежи и их родителей [15, с. 61].

Частью криминалистического учения о профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними, является криминалистическая характеристика данной категории преступлений, включающая в себя ряд элементов, одним из которых является информация о личности несовершеннолетнего преступника, особенности которой необходимо учитывать в ходе расследования. Незавершенность физического и духовного развития способствует некоторой внушаемости подростка, что может привести к участию в групповых преступлениях. Ряд факторов эмоционального, социального и идеологического характера влияют на совершаемые несовершеннолетними преступные действия.

Ю.В. Прохоревич считает, что на личность несовершеннолетнего, склонного к совершению преступления, влияют в первую очередь причины экономического и социального характера, такие, например, как:

— неблагоприятное влияние на несовершеннолетнего его ближайшего окружения;

— сближение с лицами, характеризующимися аморальным или криминальным поведением;

— негативная моральная и бытовая обстановка в семье несовершеннолетнего [16, с. 60]. Неблагополучное окружение несовершеннолетнего способствует привитию искаженных ценностей,

формированию низкой самооценки личности, облегчает процесс вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественные действия.

К.С. Чеберяк отмечает, что на личность несовершеннолетнего преступника влияет, прежде всего, эмоциональная сфера [17, с. 82]. Нереализованные эмоциональные потребности приводят к стремлению любой ценой заслужить хорошее отношение окружающих (даже с помощью лжи, асоциального поведения и т. д.). Необходимо сказать также об особенностях переходного возраста, который часто сопровождается взрывоопасным и жестоким, одновременно ранимым поведением, перепадами настроения.

Личность несовершеннолетнего преступника коррелирует с личностью потерпевшего, предметом посягательства, а также со способом совершения и сокрытия преступления. Знание следователем взаимосвязи данных элементов криминалистической характеристики помогает осуществлять меры по профилактике рецидива преступлений несовершеннолетних.

Следует отметить, что несовершеннолетним, как правило, не свойственна долгая подготовка к совершению преступления. Часто их действия спонтанны, примитивны и не продуманы. Отсутствие предварительной подготовки, в свою очередь, влияет на выбор несовершеннолетними орудий совершения преступления, которыми зачастую оказываются находящиеся при них предметы обихода либо объекты, подобранные ими вблизи места происшествия (складные ножи, ключи от квартиры, камни, пустые бутылки, металлическая арматура, обрезки труб и т. п.).

Способы совершения преступления несовершеннолетними лицами обусловлены именно личностью преступника: переоценка своих сил и возможностей, неадекватность притязаний объективным условиям, ситуативность и инфантильность целей и мотивов преступной деятельности приводит к ошибкам подготовки к совершению преступления. Поэтому обычно речь идет о неполноструктурных преступлениях, то есть отсутствует элемент профессиональной подготовки.

Нехватка жизненного опыта влияет и на механизм слеодообразования и способ сокрытия таких преступлений. В отличие от взрослых преступников, несовершеннолетние, напротив, часто стараются привлечь внимание к месту совершения преступления: бьют посуду, рвут одежду, ломают, переворачивают мебель, рассыпают сыпучие продукты, перемешивают все это, поджигают, отправляют естественные надобности и т. п.

Что касается способов сокрытия, то они либо не используются вовсе, либо кажутся совсем непродуманными: на месте преступления могут найти частицы и фрагменты уничтоженного или поврежденного имущества; старую одежду подростка, если он ушел в новой украденной; неглубоко зарытый труп, если это убийство, и т. д.

Местом совершения преступления среди несовершеннолетних, как правило, являются различные помещения (магазины, киоски, дачи, квартиры, садовые домики, подъезды, подвалы, места проведения праздников, дискотек и т. д.). Реже преступления совершаются на открытых площадках. Это связано с тем, что несовершеннолетние все же опасаются быть застигнутыми, боятся реакции общества или родителей и стараются сделать так, чтобы их никто не видел. С этим же связано время совершения преступлений — вторая половина дня, преимущественно после 22 часов. Характерной чертой совершения преступления также является то, что оно обычно совершается подростком в том районе, где он живет или учится — это место ему знакомо, а в новом месте он не ориентируется и туда вряд ли пойдет.

Профилактическая деятельность следователя выражается: во-первых, в защите подростка от обвинений в том, что он не совершал, если выявляется факт соучастия в преступлении и провокации со стороны других лиц; во-вторых, в привлечении к ответственности тех лиц, которые вовлекли подростка в совершение преступления; в-третьих, в оказании воспитательного воздействия на подростка и создании основных начал для применения воспитательных мер после окончания предварительного следствия.

На этапе предварительного следствия следователь органов внутренних дел может взаимодействовать с оперативными сотрудниками, а также с участковыми уполномоченными и инспекторами по делам несовершеннолетних, которые обладают необходимой информацией. Следователи Следственного комитета РФ также привлекают к расследованию структуры, имеющие отношение к несовершеннолетнему, путем направления соответствующих запросов. Процессуальной формой профилактической работы следователя является составление представления, адресатом которого может выступить любая из структур, входящих в систему профилактики безнадзорности и преступлений несовершеннолетних.

Основные проблемы взаимодействия:

— формальный подход к составлению представлений следователями;

— малочисленность кадров, участвующих в предварительном следствии при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, или недостаточная их компетентность;

— слабая степень взаимодействия между следователями, инспекторами по делам несовершеннолетних, участковыми уполномоченными и уголовно-исполнительными инспекциями.

Следует наметить пути решения данных проблем и совершенствования криминалистической профилактики в целом.

1) Исключить формальный подход в составлении представлений:

— предложить возможные варианты по устранению негативных факторов;

— усилить контроль за их исполнением;

— оказывать соответствующую помощь в проведении мер, указанных в представлении;

— дополнительно указать на ответственность за невыполнение требований следователя, указанных в представлении;

— присоединять к делу ответ от адресата представления о выполненных мерах.

2) Усилить профессиональную подготовку следователей, которые участвуют в расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. Так, например, для повышения эффективности профилактической работы следователя можно использовать «шахматный» алгоритм планирования сбора документов и сведений о личности несовершеннолетнего.

3) Усилить взаимодействие подразделений полиции путем принятия локальных актов, которые бы обязывали следователей при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних привлекать в обязательном порядке все службы, связанные с личностью несовершеннолетнего, при этом максимально содействовать им в их работе по дальнейшей профилактике путем рекомендаций.

4) Проводить информационно-просветительскую деятельность, то есть привлекать к воспитательно-профилактической работе популярных среди молодежи личностей: блогеров, спортсменов, артистов и т. д.

Литература

1. *Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В.* Криминалистика. М.: РИОР, 2022. — 241 с.
2. *Шруб М.П.* Криминалистическая профилактика как элемент общеправовой системы мер предупреждения преступности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2017. № 6. С. 206–210.
3. *Иванов И.И.* Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. СПб., 2004. — 40 с.
4. *Клебанов Л.Р.* Технические меры предупреждения преступности: понятие, виды и субъекты применения // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 7–20.
5. *Комаров И.М., Ян Е.И.* Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 182–192.
6. *Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В.* Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 578–591.
7. *Langman P.* Why kids kill: Inside the minds of school shooters. New York: Palgrave Macmillan, 2009. — 256 с.
8. *Langman P.* Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copcat Offenders // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62 (2). С. 210–228.
9. *Карпова А.Ю., Чайковский Д.В.* «Пост-Колумбайн эффект»: стохастический терроризм // Вестник национального антитеррористического комитета. 2019. № 2 (22). С. 45–53.
10. *Карпова А.Ю., Максимова Н.Г.* Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108.
11. *Евсеева С.А.* Ювенальная преступность как объект криминалистической профилактики // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 114–119.
12. *Рязова Г.Н.* Понятие криминалистической профилактики вовлечений несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий // Закон и право. 2013. № 4. С. 105–107.
13. *Шишкина Е.В.* Криминалистические средства профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 109–118.

14. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Казань, 2019. — 53 с.

15. Макарова О.А. Проблемы криминалистической профилактики преступлений, совершенных несовершеннолетними // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VII Международной научно-практической конференции, г. Алушта, 25–26 апреля 2019 г. Симферополь, 2019. С. 60–62.

16. Прохоревич Ю.В. Проблемы профилактики преступности среди несовершеннолетних // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции. Могилев, 27 февраля 2014 г. Могилев, 2014. С. 59–60.

17. Чеберяк К.С. Психологическое обоснование преступности несовершеннолетних // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции (Могилев, 27 февраля 2014 г.). Могилев, 2014. С. 81–83.

References

1. Balashov D.N., Balashov N.M., Malikov S.V. Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow: RIOR Publ., 2022. 241 p. (In Russian)

2. Shrub M.P. Kriminalisticheskaya profilaktika kak element obshcheyuridicheskoi sistemy mer preduprezhdeniya prestupnosti [Forensic prevention as an element of the general legal system of crime prevention measures]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences], 2017, no. 6, pp. 206–210. (In Russian, abstract in English)

3. Ivanov I.I. Kriminalisticheskaya preventsiya (kompleksnoe issledovanie genezisa, sostoyaniya, perspektiv) [Forensic prevention (a comprehensive study of the genesis, state, prospects)]. Avtoref. diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.09. Saint Petersburg, 2004. 40 p. (In Russian)

4. Klebanov L.R. Tekhnicheskie mery preduprezhdeniya prestupnosti: ponyatie, vidy i sub"ekty primeneniya [Technical measures to prevent crime: concept, types and subjects of application]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of criminalists and criminologists], 2021, no. 2, pp. 7–20. (In Russian, abstract in English and German)

5. Komarov I.M., Yan E.I. Ponyatie, sodержanie, metodologiya i zadachi kriminalisticheskogo preduprezhdeniya prestuplenii [The concept, content, methodology and tasks of forensic crime prevention]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2 (89), pp. 182–192. (In Russian, abstract in English)

6. Volchetskaya T.S., Avak'yan M.V., Osipova E.V. Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika skulshutinga i kiberbullinga v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Criminological characteristics and prevention of school shooting and cyberbullying in Russia and foreign countries]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 2021, v. 15, no. 5, pp. 578–591. (In Russian, abstract in English)

7. Langman P. Why kids kill: Inside the minds of school shooters. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p. (In English)

8. Langman P. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders. *American Behavioral Scientist*, 2018, v. 62(2), pp. 210–228. (In English)

9. Karpova A.Yu., Chaikovskii D.V. "Post-Kolumbain effect": stokhasticheskii terrorizm ["Post-Kolumbain effect": stochastic terrorism]. *Vestnik natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta* [Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee], 2019, no. 2 (22), pp. 45–53. (In Russian)

10. Karpova A.Yu., Maksimova N.G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? [Schoolshooting in Russia: what matters?]. *Vlast'* [Power], 2021, v. 29, no. 1, pp. 93–108. (In Russian, abstract in English)

11. Evseeva S.A. Yuvenal'naya prestupnost' kak ob"ekt kriminalisticheskoi profilaktiki [Juvenile delinquency as an object of forensic prevention]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik* [Altai Legal Bulletin], 2019, no. 3 (27), pp. 114–119. (In Russian, abstract in English)

12. Ryauzova G.N. Ponyatie kriminalisticheskoi profilaktiki vovlechenii nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii ili antiobshchestvennykh deistvii [The concept of forensic prevention of the involvement of minors

in the commission of crimes or antisocial actions]. *Zakon i parvo [Law and right]*, 2013, no. 4, pp. 105–107. (In Russian)

13. *Shishkina E.V.* Kriminalisticheskie sredstva profilaktiki prestuplenii, sovershaemykh nesovershennoletnimi [Forensic means of preventing crimes committed by minors]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian legal journal]*, 2017, no. 3, pp. 109–118. (In Russian, abstract in English)

14. *Demidova-Petrova E.V.* Prestupnost' nesovershennoletnikh v sovremennoi Rossii: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye problemy ee poznaniya i preduprezhdeniya [Juvenile delinquency in modern Russia: theoretical, methodological and applied problems of its knowledge and prevention]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Kazan', 2019. 53 p. (In Russian, abstract in English)

15. *Makarova O.A.* Problemy kriminalisticheskoi profilaktiki prestuplenii, sovershenykh nesovershennoletnimi [Problems of forensic prevention of crimes committed by minors]. In *Ugolovnoe proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Alushta, 25-26 aprelya 2019 g. [Criminal proceedings: procedural theory and forensic practice. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Alushta, April 25-26, 2019]*. Simferopol', 2019, pp. 60–62. (In Russian)

16. *Prokhorevich Yu.V.* Problemy profilaktiki prestupnosti sredi nesovershennoletnikh [Problems of juvenile delinquency prevention]. In *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Mogilev, 27 fevralya 2014 g. [Fight against crime: theory and practice. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Mogilev, February 27, 2014]*. Mogilev, 2014, pp. 59–60. (In Russian)

17. *Chebryak K.S.* Psikhologicheskoe obosnovanie prestupnosti nesovershennoletnikh [Psychological substantiation of juvenile delinquency]. In *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Mogilev, 27 fevralya 2014 g. [Fight against crime: theory and practice. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Mogilev, February 27, 2014]*. Mogilev, 2014, pp. 81–83. (In Russian)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СКУЛШУТИНГА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Осипова Екатерина Васильевна,
Авакьян Михаил Владимирович

Цель: провести сравнительное исследование феномена скулшутинга и криминалистический анализ случаев скулшутинга в России и за рубежом и на его основе разработать научно-практические рекомендации по противодействию данной форме преступного поведения.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, системно-структурный подход, ситуационный подход, метод сравнительного правоведения.

Выводы. Криминалистический анализ преступной деятельности скулшутеров позволил сделать вывод о том, что в качестве основных элементов криминалистической характеристики массовых убийств в образовательных организациях следует выделить: мотивы и цели преступника; особенности личности скулшутера; обстановку совершения преступления, включающую в себя время, место; основные способы и средства совершения преступления.

Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта показал, что криминалистическая характеристика таких элементов, как средство совершения преступления (виды оружия, взрывчатых веществ) и личность преступника (возраст), отличаются. Средний возраст российского скулшутера меньше — 14–18 лет, в качестве средств превалирует пневматическое оружие, бытовые ножи. Кроме того, и в зарубежных странах, и в России прослеживается тенденция к подражательству, толчок которой был дан во время массового расстрела в школе «Колумбайн» (США). Также был сделан вывод о том, что большинство скулшутеров так или иначе сообщают о своем намерении до совершения преступления.

Местом совершения преступления в контексте рассматриваемой проблематики неизменно является образовательная организация, причем наибольшей «результативности» достигают злоумышленники, которые начали реализовывать свой преступный умысел непосредственно в помещении образовательной организации. Прослеживается корреляционная связь между местом и личностью преступника — во всех случаях в России это ученики или бывшие ученики образовательной организации.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть положены в основу дальнейшего изучения феномена скулшутинга в целом, а также могут послужить основой для последующей разработки криминалистической характеристики массовых убийств в образовательных учреждениях в России. С практической точки зрения полученные результаты могут быть использованы в деятельности правоохранительных органов по противодействию случаям скулшутинга на территории Российской Федерации для разработки научно обоснованных криминалистических рекомендаций по их расследованию и профилактике.

Ключевые слова: насилие, молодежная среда, скулшутинг, школьная стрельба, массовые убийства, учебные заведения, криминалистика, криминалистическая характеристика, противодействие скулшутингу, зарубежные страны.

Проблема распространения в молодежной среде различных идеологических концептов, оправдывающих агрессию и насилие, является

одной из обсуждаемых тем современности во всем мире. Молодые люди зачастую не обладают способностью критически воспринимать посту-

пающую информацию, что приводит к возникновению буллинга и иных форм девиантного поведения, наиболее опасной из которых является скулшутинг. Если еще 10–20 лет назад проблема скулшутинга была актуальна в большей степени в США, то участвовавшие за последние 10 лет случаи массовых расстрелов в школах стран ЕС, а затем и в России требуют своевременного реагирования как со стороны научного сообщества, так и со стороны компетентных правоохранительных органов.

Как справедливо отмечает Е.В. Демидова-Петрова, сформировавшаяся в других правовых, политических, социально-экономических, духовных условиях политика предупреждения преступности несовершеннолетних оказывается недостаточно эффективной перед продуцированными глобализацией новыми криминальными угрозами, как то: скулшутинг, молодежный экстремизм, «колумбайнеры» и другие аналогичные нападения [1, с. 135].

При этом такой феномен, как скулшутинг, практически не исследован в российской юридической науке, хотя в зарубежных научных источниках указана необходимость его научного осмысления для установления детерминант девиантного поведения и оптимизации противодействия или профилактики.

Так, категориально-понятийный аппарат рассматриваемого криминального феномена неоднократно освещался в публикациях Mary O'Toole [15] и Camelia Dumitriu [14]. Также предметом научного анализа зарубежных ученых неоднократно становились личностные особенности учащихся, совершающих массовые убийства в образовательных учреждениях, при этом как психологические (*Belknap J., Greathouse T. School shooting // [Электронный ресурс]: URL:*

https://www.britannica.com/topic/school-shooting (дата обращения: 14.09.2021)) [8], так и социально-демографические [9].

Между тем выработка эффективных мер по противодействию скулшутингу возможна только на условии криминалистического анализа криминальных ситуаций массовых убийств в образовательных учреждениях.

Соответствующий анализ был реализован через призму криминалистической характеристики преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений как научная категория представляет собой информационную модель преступления, структура и корреляционные связи элементов которой позволяют установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, раскрыть и расследовать совершенное преступление [6, с. 124].

Для формирования эффективной криминалистической характеристики преступлений существенное значение имеет достоверная и полная эмпирическая база исследования.

В настоящее время разногласия среди зарубежных ученых относительно категориально-понятийного аппарата данного криминального феномена привели к созданию различных баз учета случаев скулшутинга [3, с. 683]. Для анализа зарубежных случаев скулшутинга (произошедших в США) в рамках настоящего исследования использовалась база данных K-12, созданная в кооперации Военно-морской академии США и Центра обороны и безопасности страны (*K-12 school shooting database research methodology // [Электронный ресурс]: URL: https://www.chds.us/ssdb/methods/ (дата обращения: 15.09.2021)*).

Аналогичная проблема ввиду отсутствия единообразного подхода к пониманию сущности и содержания скулшутинга прослеживается в ев-

Таблица 1

Случаи массовых расстрелов в образовательных учреждениях стран ЕС

Страна	Кол-во случаев скулшутинга	Год	Страна	Кол-во случаев скулшутинга	Год
Германия	5	2002, 2003, 2005, 2006, 2009	Греция	1	2009
Швеция	1	1961	Венгрия	1	2009
Дания	1	1994	Норвегия	1	2009
Великобритания	3	1967, 1988, 1996	Франция	2	2012, 2017
Финляндия	3	1989, 2007, 2008	Эстония	1	2014
Нидерланды	2	1999, 2004	Испания	1	2015
			Польша	1	2019

ропейских и российских исследованиях в области противодействия скулшутингу.

Между тем анализ различных специальных источников позволил обобщить все случаи скулшутинга в ЕС в рамках одной таблицы, ранжировав их при этом по странам и дате произошедших событий.

Из таблицы № 1 четко прослеживается единственный характер случаев скулшутинга, зарегистрированных в пространстве ЕС. Только в Германии насчитывается пять таких преступлений. Во всех анализируемых случаях скулшутеры использовали огнестрельное оружие, преимущественно пистолеты, реже винтовки, револьверы и самодельные взрывчатые вещества. Все преступления совершались в дневное время и, как правило, длились не более часа. В 25 % случаев скулшутер заканчивал жизнь самоубийством. В целом ряде случаев стрелками являлись ученики, либо ранее отчисленные из школ, либо подвергавшиеся буллингу. При анализе предкриминальной ситуации в ряде случаев скулшутинга в 2000-х гг. было выяв-

лено, что преступник интересовался сайтами колумбайн-последователей, некоторые из них оставляли видео или сообщения в мессенджерах о своих намерениях. Кроме того, порядка 65 % случаев массовых расстрелов в школах Европы состоялись после 2000 г.

В целях настоящего исследования нами были проанализированы опубликованные в научной литературе и в сети Интернет случаи скулшутинга, имевшие место в Российской Федерации, и систематизированы исходя из сформулированного ранее в данной статье определения скулшутинга. Начиная с 2014 г. в Российской Федерации массовые убийства в образовательных учреждениях, преимущественно школах, происходили ежегодно — от одного до четырех раз в год.

Представленные в табличном виде данные о случаях насилия в образовательных организациях Российской Федерации являются наиболее характерными примерами скулшутинга. Данная выборка представляет собой основу для эмпирической базы настоящего исследования.

Таблица 2

Обзор случаев скулшутинга в РФ

	Дата и место преступления	Краткое описание	Количество пострадавших
1	3 февраля 2014 г., школа № 263, г. Москва	Десятиклассник, вооруженный карабином и винтовкой, застрелил учителя географии и захватил в заложники своих одноклассников, затем открыл огонь по прибывшим на место происшествия полицейским. После переговоров нападавший сдался сотрудникам правоохранительных органов.	Погиб 1 преподаватель и 1 сотрудник вневедомственной охраны. Тяжелые ранения получил один сотрудник полиции.
2	4 декабря 2014 г., гимназия «Томь», г. Томск	Бывший ученик устроил стрельбу из пневматического пистолета.	Получили ранения и травмы два ученика и завуч.
3	20 марта 2015 г., школа № 64, г. Томск	Девятиклассник открыл огонь из пневматического пистолета. Было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 116 УК РФ «Побои из хулиганских побуждений». В мае того же года дело было прекращено в связи с примирением сторон.	Легкие травмы получили двое учащихся восьмого класса.
4	23 сентября 2016 г., школа № 1, г. Суксун, Пермский край	23-летний учитель физкультуры школы № 1 открыл стрельбу из пневматического пистолета по ученикам, ранив одного из них в грудь.	Ранения получил 1 учащийся.
5	12 мая 2017 г., школа № 2, г. Усинск, Республика Коми	Ученик, находясь во дворе школы, открыл огонь из пневматического пистолета по другим детям.	Ученица получила ранение глаза.
6	5 сентября 2017 г., школа № 1, г. Ивантеевка, Московская обл.	Ученик девятого класса принес в учебное заведение самодельные взрывпакеты, топор и пневматическое оружие. На уроке географии он выстрелил из оружия в учительницу и ударил ее топором, а пиротехнические средства взорвал. Трое учеников выпрыгнули из окна, получив в результате различные травмы.	Получили травмы и ранения 1 учитель, 3 учащихся.

	Дата и место преступления	Краткое описание	Количество пострадавших
7	19 января 2018 г., школа № 5, г. Улан-Удэ	Ученик 9-го класса пришел в школу № 5, где он учился, в маске. В руках у него были топор и «коктейль Молотова». Беспрепятственно зайдя в здание, он бросил зажигательную смесь в класс, где проходил урок у семиклассников, а после напал на школьников и учительницу. После этого нападавший ударил себя ножом в грудь и выпрыгнул из окна, но выжил. Его сразу же задержали. В больницу доставили семь подростков, включая нападавшего.	Нескольких учеников (7) получили телесные повреждения разной степени тяжести. Также ранения получил один педагог образовательной организации.
8	21 марта 2018 г., школа № 15, г. Шадринск, Курганская обл.	Во время урока 13-летняя ученица произвела несколько выстрелов из пневматического пистолета, который принадлежал ее отцу.	Семь учащихся 7-го класса получили легкие ранения (ссадины, синяки).
9	10 мая 2018 г., филиал Новосибирского колледжа транспортных технологий им. Н.А. Лунина, г. Барабинск, Новосибирская обл.	17-летний студент колледжа пришел на занятия, в коридоре колледжа собрал принесенное с собой ружье, зашел в учебный класс и выстрелил в сокурсника. После этого покончил с собой.	1 человек погиб (нападавший), 1 студент получил тяжкий вред здоровью в результате ранения, 2 студента получили незначительные травмы, выпрыгнув в момент нападения в окно.
10	17 октября 2018 г., Политехнический колледж, г. Керчь, Республика Крым	Учащийся учинил взрыв самодельного взрывного устройства, который сопровождался стрельбой.	Погибло 5 работников колледжа, 15 студентов, преступник. Ранено 67 человек.
11	14 ноября 2019 г., Колледж строительства и жилищно-коммунального хозяйства, г. Благовещенск	Студент Амурского колледжа устроил стрельбу из охотничьего оружия в здании учебного заведения.	Двое мужчин погибли (из которых один — сам нападавший), трое молодых людей пострадали.
12	28 мая 2019 г., школа № 4, г. Вольск	Ученик средней школы № 4 в Вольске поднялся на ее второй этаж и бросил в класс, где находились 18 школьников и учитель, бутылку с легковоспламеняющейся жидкостью «коктейль Молотова». После этого подросток увидел другого учителя в коридоре и тоже бросил в него бутылку, а затем ударил топором в лоб 12-летней ученице и попытался скрыться.	Причинен тяжкий вред здоровью 12-летней ученице.
13	11 мая 2021 г., гимназия № 175, г. Казань, Республика Татарстан	19-летний бывший студент колледжа Казани ворвался в здание школы и начал стрельбу по ученикам и преподавателям, используя помповый дробовик и самодельные взрывные бомбы.	9 человек убиты, 26 получили травмы различной степени тяжести.
14	20 сентября 2021 г., Пермский государственный университет, г. Пермь	18-летний студент в 11:30 вошел в корпус университета и начал стрельбу по ученикам и преподавателям, используя помповое ружье.	6 человек убиты, 47 получили травмы различной степени тяжести.
15	26 сентября 2022 г., школа № 88, г. Ижевск	Выпускник школы 1988 г. рождения ворвался в здание школы и начал стрельбу по ученикам и преподавателям	18 человек убиты, 23 получили ранения различной тяжести.

В качестве основных элементов криминалистической характеристики скулшутинга были проанализированы: мотивы и цели преступника; особенности личности субъекта противоправного деяния; обстановка совершения преступления, включающая в себя время, место и другие обстоя-

тельства; основные способы и средства совершения преступления.

Обстановка совершения преступления. Под обстановкой совершения преступления понимается система различного рода взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов,

характеризующих время, вещественные и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления [4, с. 32].

В этой связи в рамках настоящего исследования обстановка была рассмотрена как совокупность взаимосвязей субъекта посягательства с той средой, в которой подготавливается и совершается преступление, что обусловило необходимость анализа места и времени совершения скулшутинга.

Местом совершения преступления в контексте рассматриваемой проблематики неизменно является образовательная организация. Изучение материалов судебной практики показало, что наибольшей «результативности» достигают злоумышленники, которые начали реализовывать свой преступный умысел непосредственно в помещении образовательной организации, а не на подходе к ней (в школьном дворе, спортивной площадке и т. д.). Во многом это обусловлено наличием большого количества замкнутых пространств (учебных классов и аудиторий), предполагающих скопление людей, а также конфигурацией большинства учебных заведений, имеющих один главный вход и выход.

Например, в случае № 7 ученик, бросив зажигательную смесь в аудиторию, осознанно остался у единственного выхода, рассчитывая на то, что всеобщая паника и стремление учащихся спастись от ожогов и угарного газа позволят ему достичь максимальных результатов в поражении живой силы холодным оружием.

Кроме того, место совершения преступления в виде образовательной организации находится в тесной взаимосвязи с таким элементом криминалистической характеристики, как особенности личности преступника, предопределяя социальную принадлежность последнего к месту преступного посягательства. Во всех без исключения случаях скулшутинга, произошедших на территории Российской Федерации за последнее время, нападавший являлся учеником (бывшим учеником) или сотрудником образовательной организации, где имело место событие преступления.

Также проведенный анализ материалов судебной практики позволил констатировать, что во всех рассмотренных случаях злоумышленник атаковал не абстрактную школу, а именно то образовательное учреждение, учеником которого является сам (или учился ранее).

Применительно к временным характеристикам в результате проведенного анализа материалов

было выявлено, что массовые убийства в образовательных учреждениях, как правило, совершаются в первой половине дня в утренние часы в самом начале уроков, а именно в промежутки начиная с 8 часов 30 минут до 11 часов 00 минут.

Ярко выраженных всплесков сезонной активности для данного криминального феномена установлено не было. Вместе с тем меньше четверти исследованных случаев скулшутинга совершались в зимнее время.

Средняя продолжительность единичного случая скулшутинга, зарегистрированного на территории Российской Федерации, составляет один час двадцать минут. Так, например, Сергей Г. (пример № 1) зашел в школу с огнестрельным оружием в 11:40, совершил последний выстрел примерно 12:15, сдался правоохранительным органам и покинул образовательное учреждение в 13:05. Аналогично развивалась криминальная ситуация и в Керченском политехническом колледже (пример № 10), где приблизительно в 11:40 раздался первый взрыв самодельного взрывного устройства, а в 13:00 была полностью завершена эвакуация пострадавших и обнаружено тело преступника, совершившего посткриминальный суицид.

Способ преступления. Хрестоматийные примеры скулшутинга неразрывно связаны с использованием огнестрельного оружия. Однако при проведении настоящего исследования была сделана поправка на количество огнестрельного оружия, которое находится в свободном гражданском обороте в Российской Федерации и в США, где проблематика скулшутинга берет свое начало. Точное количество единиц огнестрельного оружия, находящегося в распоряжении граждан США или России, подсчитать невозможно. Между тем, по данным Центров по контролю и профилактике заболеваний, в США в 2016 г. от огнестрельного оружия погибло более 38 000 человек [5]. В то время как в Российской Федерации данная цифра отражает ежегодное количество всех убийств вне зависимости от способа их совершения.

В этой связи нами были рассмотрены также и преступные посягательства на территории образовательных учреждений, где было использовано холодное оружие, зажигательные смеси или иные предметы в качестве оружия, однако анализ криминальной ситуации позволял судить о наличии умысла у посягателя на умышленное лишение жизни или здоровья широкого круга лиц.

Проведенное исследование показало, что в большинстве случаев скулшутинга, зарегистрированных на территории Российской Федерации,

использовалось гладкоствольное (длинноствольное) оружие. Так, в случаях № 10 и № 13 злоумышленники использовали помповые ружья марки Hatsan, в примере № 11 нападавший был вооружен охотничьим ружьем ИЖ-81 российского производства, в случае № 9 подросток также был вооружен гладкоствольным охотничьим ружьем, а в последнем на сегодняшний день случае № 14 стрелок использовал помповое ружье Huglu Atrox T. Лишь в случае № 1 использовались нарезные карабин Browning 22 Semi-Auto rifle и винтовка Tikka T3, которые подросток взял у отца.

Специфической особенностью российских проявлений скулшутинга является использование злоумышленниками пневматического оружия, которое фигурировало в примерах № 2–4, 5, 8. Во многом это объясняется доступностью такого вида оружия на территории Российской Федерации.

Другой отличительной чертой скулшутинга в России является использование в качестве оружия бытовых (кухонных) приборов (ножей, топоров и т. д.). При более детальном изучении таких случаев можно обнаружить корреляционную связь между выбранным орудием преступления и возрастом правонарушителя. Так, чем старше посягатель, тем выше вероятность использования им огнестрельного оружия (примеры № 1, 9, 11, 14). В то время как лица младшего возраста (от 12 до 15 лет) чаще склонны использовать бытовые (кухонные) приборы для совершения преступлений (примеры № 6, 7, 12).

Тревожным сигналом является использование в последнем зарегистрированном на сегодняшний день случае скулшутинга в России (пример № 14) травматического оружия, кустарно переделанного под стрельбу огнестрельными патронами. В условиях полного изъятия из гражданского оборота короткоствольного нарезного оружия данный случай может стать отправной точкой и задать тренд на кустарную модификацию травматического оружия.

В большинстве рассмотренных случаев скулшутеры использовали огнестрельное оружие, которое принадлежало их родителям (примеры № 1, 8, 9). Схожим образом при использовании оружия, взятого из дома, разворачивались события в примерах № 5, 11, а также в примерах № 7, 12, где в качестве оружия использовались зажигательные смеси и бытовые принадлежности (топоры).

Особенности личности субъекта противоправного деяния. В контексте рассматриваемой категории преступлений наибольшее значение имеют нравственно-психологические черты, характери-

зующие преступника. Также велика криминалистическая значимость особенностей личности преступника, входящих в социально-демографическую подструктуру: пол, возраст, образование, семейное положение (в данном случае анализируется состояние семьи), опыт противоправной деятельности, членство или принадлежность к субкультурным объединениям.

Анализ материалов судебной практики показал, что средний возраст отечественного скулшутера 14–18 лет.

В силу юного возраста лиц, совершавших нападения на образовательные учреждения, выявить у них в качестве общей закономерности наличие предшествующего криминального опыта не удалось. Между тем многие скулшутеры умели обращаться с огнестрельным оружием и даже на регулярной основе оттачивали навыки стрельбы из него.

Так, Сергей Гордеев (пример № 1) состоял в стрелковом клубе «Выстрел», любовь к огнестрельному оружию привил ему отец, вместе с которым они посещали стрельбища («Неуд» за убийство, «тройка» за наказание // *Московский комсомолец*. № 26754. 2015. 3 марта). Аналогично первичный опыт обращения с огнестрельным оружием от отца имел и несовершеннолетний из примера № 9.

Также следует отметить, что 63% от общего числа российских скулшутеров воспитывались в полных семьях, а также имеют положительные характеристики со стороны окружения и преподавателей.

Нравственно-психологические свойства преступника в большей степени представляют совокупность негативных типологических качеств индивида, предопределяющих преступность его поведения. К таким качествам могут быть отнесены характерологические качества, потребности личности, ее ценностные позиции и некоторые другие личностные особенности [6].

В случае с Сергеем Г. (пример № 1) нравственно-психологическим свойством, предопределившим преступность его поведения, стало наличие у него диагноза «параноидальная шизофрения», выявленного по результатам судебно-психиатрической экспертизы («Школьного стрелка» признали невменяемым // [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/news/569480#ixzz30lCuKn1Z> (дата обращения: 17.12.2022)).

По схожим обстоятельствам был признан невменяемым подросток, устроивший стрельбу в частной гимназии «Томь» (УВД: подросток, стрелявший в томской гимназии, признан невме-

няемым // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20150526/uvd-podrostok-strelyavshij-v-gimnazii-tomj-priznan-nevmenyaemim/> (дата обращения: 17.12.2022)).

На учете в психоневрологическом диспансере с диагнозом «шизофрения, эмоционально-волевой дефект» состоял также Артем К. (пример № 14). При этом последний прием у психиатра состоялся за неделю до совершения преступления.

В то же время Антон Б. (пример № 7), напротив, своим поведением в предкриминальной ситуации не оставил оснований для сомнений в его вменяемости. Так, за день до нападения он связался с некоторыми учащимися и предостерег их от посещения образовательной организации. Помимо этого, по сообщениям одноклассников, ценностные позиции и нравственные ориентиры Антона Б. во многом содержали постулаты деструктивной идеологии «АУЕ», которая романтизирует криминальную жизнь.

Мотивы и цели. Вне зависимости от подхода к определению скулшутинга наиболее часто упоминаемыми причинами данного явления на страницах специальной литературы являются: проблемы в семье; буллинг (травля со стороны сверстников, ощущение социальной изоляции); жестокость, воспитанная продуктами массовой культуры; личные психологические проблемы (комплексы, депрессии); проблемы со здоровьем [6, с. 219].

Между тем проведенный анализ показал, что крайне важной мотивационной составляющей при совершении скулшутинга стало подражательство аналогичным преступлениям.

Например, Антон Б. (пример № 12) в социальных сетях неоднократно упоминал в постах керченского стрелка Владислава Рослякова (пример № 10), устроившего массовое убийство в политехническом колледже осенью 2018 г. (*Саратовский суд приговорил к семи годам лишения свободы подростка, напавшего на школу с «коктейлями Молотова» и топором* // [Электронный ресурс]: URL: <https://snob.ru/accidents/saratovskij-sud-prigovoril-k-semi-godam-lisheniya-svobody-podrostka-napavshego-na-shkolu-s-koktejljami-molotova-i-toporom/> (дата обращения: 17.12.2022)). Большая часть скулшутеров, вошедших в эмпирическую базу исследования, интересовалась тематикой «Колумбайна» и состояла в соответствующих группах в социальных сетях.

Помимо этого, все случаи скулшутинга в рамках проведенного анализа удалось подразделить на конкретно-персонализированные (specifically personalized school shooting) и хаотичные (rampage school shooting).

Для первого вида характерен прямой умысел на лишение жизни определенного человека, либо нескольких человек, которые имеют непосредственную связь со скулшутером. При этом не исключена возможность лишения жизни или причинения вреда здоровью лиц, не охватываемых первоначальным преступным замыслом. Такое развитие собственно криминальной ситуации целесообразно рассматривать как эксцесс исполнителя (пример № 1, 7 и 9).

Детерминантами конкретно-персонализированных случаев скулшутинга являются, как правило, неудачный опыт коммуникации, обусловленный травлей, оскорблениями или буллингом.

В свою очередь, случаи хаотичного скулшутинга чаще предопределены психическими расстройствами, имеющимися у посягателей, низким уровнем социализации, домашним насилием. Совершая преступления, такие лица ставят перед собой цель верифицировать истинность какой-либо деструктивной теории, «очистить мир» или заявить о своих убеждениях с наибольшим общественным резонансом.

Например, Сергей Гордеев (пример № 1) в рамках допроса пояснял, что на совершение преступления его подтолкнуло желание доказать одноклассникам теорию солипсизма, ему было интересно узнать, «что будет после», а также посмотреть, как людиотреагируют на его действия [7].

Преступный умысел в таких видах скулшутинга прямой, но совершенно не конкретизированный. Количественный фактор играет роль в большей степени, нежели качественный. Жертвой преступления может стать любой ученик или педагог образовательной организации, а также лица, случайно оказавшиеся на месте преступления и никак не связанные с преступником.

В рамках анализа конкретных элементов криминалистической характеристики скулшутинга был выявлен ряд специфических особенностей, показывающих различие российской и зарубежной практики.

Согласно зарубежным комплексным исследованиям скулшутинга, при реализации преступного умысла в США чаще используются образцы короткоствольного огнестрельного оружия (пистолеты). Так, пистолеты использовались в 69% инцидентов с единственной жертвой и в 52% инцидентов с множественными жертвами. Тогда как длинноствольное оружие использовалось в 8,5% инцидентов с единственной жертвой и в 38% инцидентов с множественными жертвами [8].

Между тем результаты настоящего исследования показали, что для Российской Федерации

в большей степени свойственно использование гладкоствольного охотничьего оружия, случаев использования короткоствольного нарезного огнестрельного оружия по состоянию на 2021 г. не зафиксировано.

Кроме того, результаты проведенного исследования показали, что средний возраст преступника, посягающего на жизнь и здоровье широкого круга лиц, в Российской Федерации несколько ниже, чем в США, и составляет 18 лет. Зарубежные ученые на основе анализа 97 эпизодов скулшутинга пришли к выводу, что средний возраст преступника — 21 год [9].

Вышеуказанное обстоятельство наглядно продемонстрировало несостоятельность в российских реалиях другой зарубежной гипотезы о том, что если возраст преступника больше двадцати лет, то вероятность летального исхода для потенциальных жертв в результате нападения значительно выше [10].

Несмотря на наличие отличительных черт, у российских и зарубежных случаев скулшутинга имеются и схожие закономерности.

Так, проведенный анализ материалов российской следственной практики подтвердил гипотезу зарубежных исследователей о том, что большая часть огнестрельного оружия, использованного при стрельбе в школах, было взято из дома [3, с. 684].

По аналогии с США подавляющее большинство российских скулшутеров мужского пола, что подтверждают данные американских исследований, где 96 % скулшутеров за период с 2000 по 2017 гг. оказались мужчинами. Зарубежные ученые объясняют эту закономерность через призму общей теории деформации, где мужской гендер является значимым и независимым фактором риска причинения вреда другим [11].

Кроме того, проведенный анализ позволил эмпирическим путем подтвердить гипотезу Дж. Мелой о том, что большинство убийц признаются «нормальными» на момент скулшутинга (94 % стрелков признаны вменяемыми), несмотря на наличие психологических отклонений, которые позволяют им совершать преступления такого рода [12].

Также проведенный анализ материалов судебной практики позволил подтвердить наличие устойчивой взаимосвязи между личностью преступника и местом совершения преступления, заключающейся в том, что злоумышленник нападает не на абстрактную школу, а именно на то образовательное учреждение, учеником которого является сам (или учился ранее) [13, с. 64].

Кроме того, была установлена определенная «преемственность» в действиях российских скулшутеров, которые в подавляющем большинстве интересовались тематикой «Колумбайна», состояли в тематических группах в сети Интернет, а в некоторых случаях делали прямые отсылки к трагическим событиям тридцатилетней давности при реализации своего преступного умысла.

Таким образом, в результате проведенного криминалистического анализа скулшутинга в России были определены основные элементы криминалистической характеристики массовых убийств в образовательных учреждениях, выявлены отдельные корреляционные связи между ними, а также проанализированы специфические черты реализации скулшутинга в Российской Федерации. Полученные результаты могут быть использованы как для оптимизации деятельности по расследованию случаев скулшутинга на территории Российской Федерации, так и для организации комплексной работы по профилактике скулшутинга в образовательных организациях.

Литература

1. Демидова-Петрова Е.В. Криминализация несовершеннолетних и меры ее предупреждения в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 134–137.
2. Гарифуллин И.Р. Криминалистическая характеристика убийств, совершенных с особой жестокостью // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского. Уфа, 2019. С. 122–125.
3. Rowhani-Rahbar A., Moe C. School Shootings in the U.S.: What Is the State of Evidence? // Journal of Adolescent Health. 2019. № 64 (6). С. 683–684.
4. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. — 303 с.
5. Xu J., Murphy S.L., Kochanek K.D., Bastian B., Arias E. Deaths: Final Data for 2016 // National Vital Statistics Reports. 2018. № 67 (5). С. 1–76.

6. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996. — 336 с.
7. Носов Н.А., Коростелев Д.В. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего массовое убийство в образовательном учреждении, осложненное посткриминальным суицидом // Вестник современных исследований. 2018. № 12.2 (27). С. 107–109.
8. Holland K.M., Hall J.E., Wang J., Gaylor E.M., Johnson L.L., Shelby D., Simon T.R. Characteristics of School-Associated Youth Homicides — United States, 1994–2018 // *Morbidity and mortality weekly report*. 2019. № 68 (3). С. 53–60.
9. Brown J.D., Goodin A.J. Mass Casualty Shooting Venues, Types of Firearms, and Age of Perpetrators in the United States, 1982–2018 // *American Journal of Public Health*. 2018. № 108 (10). С. 1385–1387.
10. Livingston M.D., Rossheim M.E., Hall K.S. A Descriptive Analysis of School and School Shooter Characteristics and the Severity of School Shootings in the United States, 1999–2018 // *Journal of Adolescent Health*. 2019. № 64 (6). С. 797–799.
11. Musu L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Oudekerk B.A. Indicators of school crime and safety: 2018. Washington: NCES, IES, U.S. Department of Education, 2019. — 268 с.
12. Meloy J.R., Hempel A.G., Mohandie K., Shiva A.A., Gray B.T. Offender and offense characteristics of a nonrandom sample of adolescent mass murderers // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2001. № 40 (6). С. 719–728.
13. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 4. С. 62–76.
14. Dumitriu C. Crisis Management in School Shootings Situations. The School — A Forgotten Factor in the Equation // *School Shootings. International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention*. New York: Springer, 2013. С. 441–476.
15. O’Toole M.E. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective. Quantico: National Center for the Analysis of Violent Crime, Federal Bureau of Investigation, 2000. — 52 с.

References

1. Demidova-Petrova E.V. Kriminalizatsiya nesovershennoletnikh i mery ee preduprezhdeniya v usloviyakh globalizatsii [Criminalization of minors and measures to prevent it in the context of globalization]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2018, no. 4 (44), pp. 134–137. (In Russian, abstract in English)
2. Garifullin I.R. Kriminalisticheskaya kharakteristika ubiistv, sovershennykh s osoboi zhestokost’yu [Forensic characteristics of murders committed with particular cruelty]. In *Kriminalisticheskie problemy effektivnosti bor’by s prestupnost’yu i inymi pravonarusheniyami sredi molodezhi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu professora L.L. Kanevskogo [Criminalistic problems of the effectiveness of the fight against crime and other offenses among young people. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of Professor Kanevsky L.L.]*. Ufa, 2019, pp. 122–125. (In Russian)
3. Rowhani-Rahbar A., Moe C. School Shootings in the U.S.: What Is the State of Evidence? *Journal of Adolescent Health*, 2019, no. 64 (6), pp. 683–684. (In English)
4. Yablokov N.P. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov [Forensic science: Textbook for universities]. Moscow: Yurait Publ., 2014. 303 p. (In Russian)
5. Xu J., Murphy S.L., Kochanek K.D., Bastian B., Arias E. Deaths: Final Data for 2016. *National Vital Statistics Reports*, 2018, no. 67 (5), pp. 1–76. (In English)
6. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii [Psychology of an offender and the investigation of crime]. Moscow: Yurist” Publ., 1996. 336 p. (In Russian)
7. Nosov N.A., Korostelev D.V. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershivshego massovoe ubiistvo v obrazovatel’nom uchrezhdenii, oslozhennoe postkriminal’nym suitsidom [Forensic characteristics of the personality of a criminal who committed mass murder in an educational institution, complicated by post-criminal suicide]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy [Bulletin of modern research]*, 2018, no. 12.2 (27), pp. 107–109. (In Russian, abstract in English)

8. Holland K.M., Hall J.E., Wang J., Gaylor E.M., Johnson L.L., Shelby D., Simon T.R. Characteristics of School-Associated Youth Homicides — United States, 1994–2018. *Morbidity and mortality weekly report*, 2019, no. 68 (3), pp. 53–60. (In English)
9. Brown J.D., Goodin A.J. Mass Casualty Shooting Venues, Types of Firearms, and Age of Perpetrators in the United States, 1982–2018. *American Journal of Public Health*, 2018, no. 108 (10), pp. 1385–1387. (In English)
10. Livingston M.D., Rossheim M.E., Hall K.S. A Descriptive Analysis of School and School Shooter Characteristics and the Severity of School Shootings in the United States, 1999–2018. *Journal of Adolescent Health*, 2019, no. 64 (6), pp. 797–799. (In English)
11. Musu L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Oudekerk B.A. Indicators of school crime and safety: 2018. Washington, NCES, IES, U.S. Department of Education, 2019. 268 p. (In English)
12. Meloy J.R., Hempel A.G., Mohandie K., Shiva A.A., Gray B.T. Offender and offense characteristics of a nonrandom sample of adolescent mass murderers. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2001, no. 40 (6), pp. 719–728. (In English)
13. Davydov D.G., Khlomov K.D. Massovye ubiistva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika [Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]*, 2018, no. 4, pp. 62–76. (In Russian, abstract in English)
14. Dumitriu C. Crisis Management in School Shootings Situations. The School — A Forgotten Factor in the Equation. In *School Shootings. International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention*. New York, Springer, 2013, pp. 441–476. (In English)
15. O'Toole M.E. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective. Quantico, National Center for the Analysis of Violent Crime, Federal Bureau of Investigation, 2000. 52 p. (In English)

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

Панькина Инга Юрьевна

Цель: в настоящее время многие явления в обществе приобретают признаки, которые граничат, а в некоторых случаях и переходят в понятие «преступление». Миграционные потоки, которые позволяют перемещаться с одной территории на другую, несут в себе особенности этнического характера. Если ранее этнос обозначался как признак проявления дружбы народов, то в настоящее время он превратился в реальную проблему экстремистского характера. В его основе лежит комплекс противоречий, возникающих между личностью, обществом и государством. Он затрагивает такие проблемы общества, как национальная и экономическая безопасность, межэтнические отношения. Для того чтобы выработать эффективные методы борьбы с данным явлением, необходимы исследования факторов, являющихся основой распространения этнического экстремизма, а также совершенствование нормативно-правовой базы по данному вопросу.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод ситуационного моделирования.

Выводы. Постоянный рост ксенофобии и экстремизма в настоящее время является тенденцией в России. В связи с этим приостановление и предотвращение таких явлений, как этнический экстремизм и ксенофобия, — это уже задача не только правоохранительных органов и научных исследований, но и самого российского общества. Безусловно, перед учеными и практиками стоит задача выработать эффективные методы и средства борьбы с данным явлением. Но эта задача не отдельных точечных «выстрелов». Необходимо представить такую государственную политику, которая бы предотвращала искажения и деформацию сознания граждан, не политизировала бы восприятие этноса как отдельно стоящего населения с особым национальным восприятием. При политизировании явления само общество вырабатывает негативное отношение к данному явлению. А это приводит к дальнейшим негативным последствиям, оказывающим давление на сознание граждан.

Научная и практическая значимость. Автором проанализировано явление этнического экстремизма, предложено понятие экстремизма, этнического экстремизма, рассмотрены системные элементы этнического экстремизма. Все это позволяет оценить глубину опасности данного явления. Сформулированные выводы представляют собой интерес не только для правоохранительных органов, но и для органов исполнительной власти в целом.

Ключевые слова: экстремизм, этнический экстремизм, межнациональные отношения, национальная идентификация, национальная нетерпимость, этнические стереотипы.

Этнический экстремизм берет свое начало еще в I в. до н. э. в документах того времени. С течением времени этнический экстремизм менялся в прямой зависимости от общества и государства, распространялся во множество стран, в одних он обретал одобрение государства, а в других санкционировался.

Этнический экстремизм в СССР нашел свое отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 г. «Об объявлении

чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 г. № 1060-1 «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах» (с измен. и допол.) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 3. Ст. 40), в котором было закреплено, что «любые экстремистски направленные

группировки, которые разжигают национальную рознь и вражду». Представляется, что в данном аспекте под понятием «любые экстремистки направленные группировки» можно понимать в том числе и этнический экстремизм. В связи с этим в правовой системе СССР было закреплено понятие этнического экстремизма как враждебных действий по отношению к другой нации.

В правовом поле Российской Федерации продолжение понятия этнического экстремизма нашло свое выражение в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (*Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031*). Однако отметим, что в данном законе нет четкого определения экстремизма, а лишь представляется перечень противоправных деяний, которые, в свою очередь, и формируют понятие экстремизма. Позицию законодателя, который в принципе приравнивал понятие «экстремизм» к понятию «экстремистские действия», мы не разделяем, так как понятие всегда шире его структурных элементов. Безусловно, экстремистские действия входят в само понятие «экстремизм», но и в том случае, когда экстремизм выражается в активности субъекта. Поэтому мы считаем, что это пробел законодателя, который необходимо устранить. И предлагаем следующее определение: «Экстремизм — это приверженность крайним и радикальным взглядам, методам действий, а также призыв социальным масс к насильственным действиям против существующего политического, религиозного или социального строя».

Безусловно, экстремизм включает в себя несколько частных видов, одним из которых является этнический экстремизм.

Для Российской Федерации этническая составляющая имеет важнейшее значение как в политическом, так и в социальном и экономическом плане. В России 180 национальностей. В России, которая входит десятку крупнейших стран по численности населения, пятая его часть проживает в 13 городах с населением свыше миллиона. На родной территории этноса для титульной нации приходится менее одной трети населения. Лишь в шести республиках остается большинство основной нации: Ингушетия, Чувашия, Тува, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чеченская Республика. В основном своем объеме этнос переселился на территорию российских городов. В связи с этим перед обществом стоит острейшая задача профилактики этнического экстремизма, который имеет специфические проявления.

Так, мы относим к этническому экстремизму такие действия, как возбуждение национальной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его национальной или языковой принадлежности; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его национальной принадлежности; публичные призывы к осуществлению деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, их изготовление или хранение в целях массового распространения; организацию, подготовку и подстрекательство к осуществлению экстремистских действий. И, кроме того, к экстремистским действиям относится финансирование такого рода деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении.

Так же, как и понятие «экстремизм», этнический экстремизм постоянно находится под пристальным вниманием российских ученых. Многие авторы, исследующие данное понятие, предлагают определения этнического экстремизма, включая в него такие элементы, как планирование, организацию, подготовку, финансирование, иное содействие для совершения действий, направленных на возбуждение национальной розни, унижение национального достоинства, на отрицание абсолютной ценности прав человека, а равно публичные призывы к осуществлению указанной деятельности [1, с. 126]. Кроме того, понятие этнического экстремизма могут раскрывать такие признаки, как антиобщественная противоправная деятельность, основанная на насильственных и иных методах совершения преступления, с целью причинения ущерба законным правам и интересам граждан [2, с. 67].

В настоящее время выработана система элементов этнического экстремизма, в которую входит следующее:

1. Субъекты этнического экстремизма делятся на два типа, а именно: физические лица и юридические лица. Под юридическими лицами следует понимать организации и объединения, а также политические партии. Также можно выделить специальный субъект — должностные лица и государственные служащие.
2. Этнический экстремизм выражается не только в форме непосредственных действий экстремистской направленности, но и в их подготовке, организации и финансировании.
3. Общественно опасное деяние этнический экстремизм реализуется в формах насилия, угрозы применения насилия, пропаганды, также этнический экстремизм имеет тенденцию быстрого распространения у населения.

4. Мотивом совершения преступлений экстремистской направленности является национальная ненависть или вражда.

Мы присоединяемся к мнению о вхождении в данную систему особого объекта — этнической группы. Однако надо выделить тот факт, что это не просто этнос территории проживания. Это может быть этнос «языка» или этнос «внешности», или этнос «народности, проживающей на чужой территории» и т. д.

В век технического прогресса с появлением сети Интернет стала гораздо быстрее распространяться информация на обширный круг пользователей, в частности с экстремистской направленностью. Например, выделяют такие особенности интернет-среды, как:

- 1) моментальная передача информации;
- 2) дешевое техническое обслуживание и установка средств для совершения преступлений экстремистской направленности;
- 3) легкое в освоении программное обеспечение;
- 4) использование интернет-ресурсов как источников информации в СМИ [3, с. 59].

В связи с данными особенностями интернет-среды стали появляться новые формы этнического экстремизма, которые можно разделить на четыре группы:

1. Распространение информации экстремистской направленности в сети Интернет посредством репостов и постов в социальных сетях («ВКонтакте», Telegram и т. д.).

2. Распространение информации экстремистской направленности через фото, видео и истории в социальных сетях, платформах, видеопорталах для просмотра видеороликов, таких как Rutube, YouTube.

3. Распространение информации экстремистской направленности с помощью мессенджеров посредством передачи аудиоматериалов (голосового сообщения), таких как «ВКонтакте», Telegram, WhatsApp и т. д. [4, с. 156].

4. Распространение информации экстремистской направленности посредством размещения ее на электронных страницах в сети Интернет (сайты с экстремистской литературой, форумы, брошюры).

Вследствие данных особенностей создается симбиоз между этническим экстремизмом и информационным, который порождает признаки, характерные только для экстремизма в сети Интернет. Это:

1. Создание материалов экстремистской направленности при помощи компьютерных программ.

2. Передача информации экстремистской направленности на цифровых носителях, например, USB-флеш-накопителях, жестких дисках, через ресурсы в сети Интернет и т. д.

3. Мгновенная передача информации неопределенному обширному кругу пользователей, адресатом может стать любой пользователь, посетивший ту или иную информационную площадку в сети Интернет.

4. Распространение информации экстремистской направленности в режиме «инкогнито», создание сайтов, площадок с использованием подменных, фальшивых имен и доменов.

5. Интернет-площадки, социальные сети способствуют поиску единомышленников в разы быстрее, посредством рекламы, продвижения постов, рассылок. К тому же пользователи сами распространяют свои личные данные (пол, возраст, местонахождение, религиозные убеждения, национальность) в сети Интернет при регистрации, создании постов, вступлении в сообщества в социальных сетях и т. п.

6. Несовершенный уровень контроля и цензуры со стороны государства. В сегодняшних реалиях крупные социальные сети и платформы сотрудничают с государственными структурами. Но механизм взаимодействия, отслеживания и блокировки сайтов и платформ, которые распространяют информацию с экстремистской направленностью, недостаточно эффективный в связи с объемами подобных сайтов и платформ.

Кроме этого, мы не оставляем без внимания и причины формирования сознания людей, впитывающего экстремистские убеждения на почве этнического расслоения. В данном направлении возможно выделить деформированную политику идентификации наций. Так, с учетом миграционных потоков, направленных на территорию Российской Федерации, выбрав ее постоянным местом жительства, этнические группы имеют достаточно большие привилегии по сравнению с коренным населением. Привилегии не только в трудовой и экономической сфере, но также и в административных правоотношениях. Нельзя забывать и о перенаселении этническими группами определенных регионов России. Так, армяне отдают предпочтение Краснодарскому краю, азербайджанцы — Москве и Республике Дагестан, казахи — Астраханской и Оренбургской областям. И конечно, национальная политика, реализуемая на таких региональных уровнях, должна в первую очередь формировать в населении межнациональное согласие, знание обычаев и традиций как коренной, так и этнической части населения.

Кроме того, этническому экстремизму способствует и социальная несправедливость (бедность). Данное явление, которое в последние годы усили-

лось, породило увеличение коррумпированности, которая стимулирует экстремизм и ксенофобию.

По данным портала правовой статистики, в России за период с января по ноябрь 2022 г. зарегистрировано 1407 преступлений экстремистской направленности. Прирост преступлений составил 43,13 %. Также по данным того же сайта процент совершения данных преступлений молодежью, то есть лицами в возрасте 14–29 лет, составляет 30,54 %. 430 преступлений экстремистской направленности совершено лицами в возрасте от 14 до 29 лет. (*Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 26.01.2023)*). Приведенная статистика показывает, что для этнического самосознания значительной части молодежи свойственны этнические автостереотипы, выражающиеся в призна-

нии превосходства собственной национальности. А такое направление мышления порождает этническое дистанцирование.

Безусловно, существуют различные методы предупреждения и выявления данных негативных, а часто и противоправных явлений. Нам представляется, что должна быть выработана единая система работы, в первую очередь — с молодежью, начиная с возрастной группы в 7–8 лет и далее, поднимаясь вверх. Социальная политика, особенно в молодежной среде, должна отвечать таким показателям, как:

- плановность и систематичность;
- управляемость этническими группами, относящимися к определенной территориальной принадлежности;
- единство требований к разным этническим группам.

Литература

1. *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Ростов н/Д, 2003. — 217 с.
2. *Забиров Р.В., Иванчук О.В.* Феноменологический анализ понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм», «профилактика молодежного экстремизма» // Вестник современных исследований. 2019. № 3.6 (30). С. 66–70.
3. *Иванчук О.В., Забиров Р.В.* Феноменологический анализ понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм», «профилактика молодежного экстремизма» // Наука и инновации в современном мире: сборник научных статей / науч. ред. А.С. Старун. М., 2019. С. 57–61.
4. *Мартынова Л.М.* Атеистический экстремизм как «метод борьбы» с экстремизмом религиозным // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 24 сентября 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 156–158.

References

1. *Fridinskii S.N.* Bor'ba s ekstremizmom: ugovovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty [Combating extremism: criminal law and criminological aspects]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Rostov-na-Donu, 2003, 217 p. (In Russian)
2. *Zabirov R.V., Ivanchuk O.V.* Fenomenologicheskii analiz ponyatii «ekstremizm», «molodezhnyi ekstremizm», «profilaktika molodezhnogo ekstremizma» [Phenomenological analysis of the concepts of “extremism”, “youth extremism”, “prevention of youth extremism”]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy [Bulletin of Modern Studies]*, 2019, no. 3.6 (30), pp. 66–70. (In Russian, abstract in English)
3. *Ivanchuk O.V., Zabirov R.V.* Fenomenologicheskii analiz ponyatii «ekstremizm», «molodezhnyi ekstremizm», «profilaktika molodezhnogo ekstremizma» [Phenomenological analysis of the concepts of “extremism”, “youth extremism”, “prevention of youth extremism”]. In *Nauka i innovatsii v sovremennom mire. Sbornik nauchnykh statei [Science and innovation in the modern world. Collection of scientific articles]*. Scientific ed. A.S. Starun. Moscow, 2019, pp. 57–61. (In Russian)
4. *Martynova L.M.* Ateisticheskii ekstremizm kak «metod bor'by» s ekstremizmom religioznym [Atheistic extremism as a “method of struggle” against religious extremism]. In *Vzaimodeistvie nauki i obshchestva: problemy i perspektivy: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 24 sentyabrya 2019 g. [Interaction between science and society: problems and prospects: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, September 24, 2019]*. Ekaterinburg, 2019, pp. 156–158. (In Russian).

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ КРИТЕРИИ ПРИ ПРИЗНАНИИ ДЕЯНИЯ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Игнатович Наталья Павловна

***Цель:** рассмотреть доктринальные подходы к толкованию категории малозначительности деяния в уголовном праве Российской Федерации в части учета (или отказа от учета) объективных, субъективных факторов, а также характеристики личности лица, совершившего соответствующее деяние. Соотнести полученные данные с разъяснениями из постановлений Пленума Верховного Суда, затрагивающих вопрос малозначительности. На основании проведенного анализа вывести те обстоятельства, которые суды должны учитывать при признании деяния малозначительным, и сравнить с существующей судебной практикой. Объяснить причину имеющихся расхождений в применении судами ч. 2 ст. 14 УК РФ и предложить возможные решения данной проблемы.*

***Методология:** индукция, дедукция, анализ, синтез, аналогия, сравнительный анализ, обобщение, формально-юридический метод.*

***Вывод.** Единообразие судебной практики в части применения судами ч. 2 ст. 14 УК РФ отсутствует, поскольку имеются значительные расхождения относительно того, подлежат ли учету при разрешении вопроса о признании деяния малозначительным следующие факторы: объективные и субъективные признаки, а в особенности характеристики личности лица, совершившего соответствующее деяние. В доктрине преобладает позиция о невозможности учета характеристик личности. Постановления Пленума Верховного Суда говорят о необходимости учитывать как субъективные, так и объективные факторы (причем преимущественно количественные и качественные характеристики предмета), вопрос об учете личности подсудимого не поднимается. Таким образом, сделан вывод о необходимости выработать единую позицию по вопросу учета характеристик личности при решении вопроса о признании деяния малозначительным (причем целесообразнее решить вопрос в пользу того, что качества личности учитываться не должны) для приведения судебной практики к единообразию.*

***Научная и практическая значимость.** Вопрос факторов, которые должны (и, напротив, не должны) учитываться при решении вопроса о признании деяния малозначительным, до сих пор остается открытым, так как в доктрине единого мнения не выработано, а легальная формулировка нормы о малозначительности не позволяет избежать противоречий при ее применении судами. Данная работа направлена на сведение воедино доктринальных мнений и разъяснений Верховного Суда и имеет большую практическую значимость с учетом необходимости приведения судебной практики в вопросе признания деяния малозначительным к единообразию.*

***Ключевые слова:** малозначительность деяния, общественная опасность, уголовное право, характеристики личности, субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона, единообразие правоприменения, принцип равенства.*

Категория малозначительности в уголовном праве уже долгое время является предметом дис-

куссии среди ученых-правоведов. Объясняется это двумя факторами: важностью данной категории

с точки зрения правоприменения и неопределенностью формулировки ч. 2 ст. 14 УК РФ, в которой эта категория закреплена. Согласно тексту закона, «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Таким образом, легальная дефиниция малозначительности отсутствует вовсе, а ситуация, когда данная категория может присутствовать, включает два критерия.

Первый критерий, подразумевающий наличие состава преступления, достаточно определен. Некоторые ученые справедливо отмечают, что данное условие не соотносится со ст. 8 УК РФ, согласно которой совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, является основанием уголовной ответственности [1, с. 50–56]. Однако, это противоречие скорее стоит отнести к ошибке в юридической технике, не влекущей двойного толкования и не создающей проблем для правоприменителя.

Гораздо более спорным является второй критерий, указанный в ч. 2 ст. 14 УК РФ, а именно, отсутствие общественной опасности. Так, если толковать данное положение буквально, получается, что малозначительное деяние вообще не несет общественной опасности. В то же время судебная практика показывает, что деяния, признаваемые малозначительными, чаще всего подразумевают общественную опасность, пусть и небольшую [2, с. 53–57]. Но что есть «небольшая общественная опасность»? Ответ на этот вопрос остается на откуп правоприменителю, что закономерно ведет к отсутствию единообразия в судебной практике.

Первоочередной вопрос, требующий разрешения в данной ситуации, касается не столько конкретных обстоятельств, которые стоит или не стоит учитывать при рассмотрении подобного рода дел, сколько того, какие объективные и субъективные факторы необходимо принимать во внимание.

В доктрине мнения на этот счет расходятся. Так, Р.А. Комягин предлагает учитывать при рассмотрении возможности признать деяние малозначительным только объективные факторы. Данная точка зрения аргументируется тем, что характер и степень общественной опасности деяния формируются на основе объекта и объективной стороны соответственно. Следовательно, для исключения признака общественной опасности анализировать субъект и субъективную сторону нет необходимости [1, с. 50–56].

Аналогичной позиции придерживается и М.И. Ковалев, акцентируя внимание на том, что учет личности субъекта в качестве фактора, влияющего на признание деяния малозначительным, ведет к нарушению принципа равенства граждан перед законом, закрепленного в ст. 4 УК РФ [3, с. 8].

Схожего в части отказа от субъективных критериев, но более узкого подхода придерживается А.Ю. Гордеев. Согласно позиции исследователя, понятие малозначительности вообще стоит убрать из ч. 2 ст. 14 УК РФ, заменив его более объективным и единственным критерием — причиненным вредом [4, с. 131–132].

Однако и эта позиция встречает критику со стороны большого количества ученых. Например, Б.В. Епифанов, исследуя феномен общественной опасности, говорит о том, что нельзя ставить ее в прямую зависимость от вредных последствий как единственного критерия. В доказательство данной точки зрения исследователь приводит простой пример с убийством и причинением смерти по неосторожности. Действительно, несмотря на то что причиненный вред в данном случае один и тот же — смерть человека, тем не менее, очевидно, что убийство несет в себе несравнимо большую общественную опасность, нежели неосторожное причинение смерти [5, с. 91].

В.Д. Мерзляков и А.А. Горбачева, напротив, называют субъективный критерий (а именно, несовпадение цели и мотива лица, совершившего деяние, с целью и мотивом вменяемого ему преступления) обязательным для применения положения о малозначительности наряду с критериями объективными [6, с. 283–289].

В.В. Мальцев и вовсе признает общественную опасность за личностью, объясняя это тем, что именно личность человека определяет его способность вести себя неправомочно [7, с. 102].

Собирательной можно назвать позицию Ч.М. Багирова, согласно которой личность учитываться не должна, в то время как другие характеристики субъекта (вменяемость, возраст) могут рассматриваться в качестве факультативных. Решающую же роль в вопросе о признании деяния малозначительным должны играть объективные критерии, а также факторы субъективной стороны (вина, мотив, цель) [8, с. 213–215].

Малозначительность также не раз затрагивалась в Постановлениях Пленума Верховного Суда, где данная категория разъяснялась применительно к отдельным видам преступлений. Анализируя данные постановления, можно сделать вывод о том, что Верховный Суд призывает ориентироваться прежде всего на объективные

факторы: объект посягательства, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении (если речь идет о соучастии), поведение в период совершения деяния, отсутствие вредных последствий и способ совершения деяния (так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» в качестве обстоятельства, необходимого для того, чтобы малозначительность вообще рассматривалась, назван способ совершения деяния, не связанный с массовым истреблением водных биологических ресурсов).

Отдельное внимание Верховный Суд уделяет количественным и качественным характеристикам. Так, по делам об алиментных обязательствах необходимо учитывать размер неуплаченных сумм и длительность периода неуплаты (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Российская газета. 2022. 30 декабря*); в случае хищений — размер похищенного (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. 18 января*); при рассмотрении дел экстремистской направленности — размер и состав аудитории, которая получила доступ к соответствующей информации, а также количество просмотров (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля*); в уже упомянутом постановлении, посвященном преступлениям в сфере рыболовства — количество и стоимость выловленной рыбы. Таким образом, при определении малозначительности именно количественные и качественные характеристики предмета ставятся во главу угла.

Тем не менее Верховный Суд неоднократно упоминает в своих постановлениях и субъективные факторы, которые ряд ученых предлагают вовсе не учитывать при определении малозначительности. Так, мотивы и цель подсудимого упоминаются в четырех из семи постановлений, затрагивающих вопрос малозначительности (например, *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–3271 Уголовного*

кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 30 декабря).

Кроме того, Верховный Суд призывает обращать внимание также на ряд обстоятельств, не имеющих прямого отношения к преступному поведению лица, а именно: поведение, предшествующее совершению деяния; обстоятельства, способствовавшие совершению деяния; а в случае нарушения миграционного законодательства — отношения с лицом, в связи с которым оно было нарушено.

Говоря об объективных и субъективных признаках состава преступления в контексте малозначительности, стоит рассмотреть и ситуацию, когда имеет место быть квалифицированный состав. В доктрине утвердилось мнение о том, что наличие квалифицирующих признаков само по себе не исключает возможность признания деяния малозначительным [9, с. 42–49]. Об этом говорит и Верховный суд как в Постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», так и в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020)», где разбирается дело о мошенничестве с использованием служебного положения.

Тем не менее необходимо понимать, что квалифицирующие признаки все же играют существенную роль при решении вопроса малозначительности, поскольку говорят о большей общественной опасности деяния. Так, в ситуации, когда размер причиненного вреда колеблется между малозначительным и тем, что уже образует преступление, при прочих равных квалифицирующий признак станет обстоятельством, которое сдвинет чашу весов в пользу признания деяния общественно опасным, а значит, преступным [10, с. 73–77].

Более того, Верховный Суд признает наличие ситуаций, когда малозначительность не может быть применена именно из-за квалифицирующих признаков. Например, рассматривая преступление, заключающееся в организации незаконной миграции, Верховный Суд обращает внимание на то, что применять положения ч. 2 ст. 14 имеет смысл лишь в случае, когда квалифицирующие признаки отсутствуют (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Российская газета. 2020. 17 июля*).

Таким образом, анализ постановлений Верховного Суда показывает, что при решении вопроса о малозначительности деяния основное внимание

следует уделять объективным признакам (особенно количественным и качественным характеристикам предмета). Вместе с тем необходимо учитывать и субъективные признаки (мотив, цель) и даже элементы доприступного поведения. Все постановления Пленума Верховного Суда оставляют перечень подлежащих учету обстоятельств открытым, однако отсутствие в них любых упоминаний о личности преступника можно признать подтверждением позиции тех исследователей, которые склоняются к невозможности ее учета в рамках ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Для того чтобы разобраться, одинаково ли суды толкуют ч. 2 ст. 14 УК РФ и соблюдают ли они при рассмотрении вопроса о признании деяния малозначительным те критерии, которые осветил в своих постановлениях Верховный Суд, необходимо обратиться к судебной практике.

Анализ материалов уголовных дел за период с 2019 по 2020 гг. в Саратовской области и Республике Хакасия, возбужденных по ст. 157 УК РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), в рамках которых рассматривался вопрос малозначительности, показал, что в решениях судов отсутствует единообразие.

Так, из 40 проанализированных дел в 11 из них суд при разрешении вопроса малозначительности деяния учитывал не только фактические обстоятельства совершенного преступления, но и личность подсудимого (*например, Приговор Советского районного суда Саратовской области № 1-63/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 1-63/2020*).

Еще в двух делах были учтены объективные и субъективные факторы, а именно способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, умысел, мотив, цели, характер и размер наступивших последствий (*например, Приговор Советского районного суда Саратовской области № 1-30/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 1-30/2020*).

В остальных рассмотренных делах суд при решении вопроса малозначительности опирался только на объективные факторы (*например, Приговор Абазинского районного суда Республики Хакасия № 1-77/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 1-77/2020*).

Анализ судебной практики по другим категориям дел приводит к аналогичным выводам об отсутствии среди судей единого понимания порядка применения ч. 2 ст. 14 УК РФ в отношении категорий, которые необходимо учитывать при решении вопроса о признании деяния малозначительным.

Например, в деле о нарушении неприкосновенности жилища (*Постановление Междуречен-*

ского городского суда № 10-15/2019 от 19 августа 2019 г. по делу № 10-15/2019) мировым судьей при признании деяния малозначительным, помимо фактических обстоятельств дела, были учтены следующие данные о личности подсудимого: состояние здоровья, наличие постоянного места жительства, отсутствие судимости, а также то, что подсудимый является пенсионером и ветераном труда.

Представитель потерпевшей, в свою очередь, настаивал на том, что все характеристики подсудимого как личности (в том числе характеристика с места жительства, отсутствие судимости и пожилой возраст) никак не должны влиять на применение категории малозначительности. Вместо этого представитель потерпевшей считал необходимым учесть такие обстоятельства, как отсутствие действий по заглаживанию причиненного преступлением вреда, отказ подсудимого принести извинения потерпевшей и поведение во время совершения деяния.

Если разбирать данные позиции с опорой на проведенный в начале анализа постановлений Верховного Суда, стоит признать обоснованным доводы представителя потерпевшей в части того, что не должны учитываться характеристики личности. В то же время апеллирование представителя потерпевшей к постпреступному поведению подсудимого неверно.

Обоснование же мирового судьи соответствует логике Верховного Суда только в части необходимости учета фактических обстоятельств дела.

Однако Междуреченский городской суд, рассматривавший дело в апелляционной инстанции, полностью согласился с доводами мирового судьи в части принятия во внимание данных о личности подсудимого и оставил решение о признании деяния малозначительным в силе. В обоснование данной позиции суд сослался на ст. 64 УК РФ, а именно на ч. 1 данной статьи: «При наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления...».

Тем не менее позицию суда нельзя назвать обоснованной, поскольку среди перечисленного есть факторы субъективной и объективной сторон, но не конкретно личности, на которые как раз в основном и ссылался мировой судья. Единственным объяснением логики Междуреченского суда в данном случае можно считать то, что перечень исключительных обстоятельств, перечисленных

в ст. 64 УК РФ, открыт. Однако вряд ли можно считать это достаточным основанием для оставления в силе решения мирового судьи о признании деяния малозначительным.

Из приведенных выше примеров может сложиться неверное впечатление о том, что суды склонны учитывать личность подсудимого при рассмотрении вопроса о малозначительности, и именно этот подход занял преобладающее место в судебной практике. В действительности же, напротив, многие постановления о прекращении дела в связи с малозначительностью, принятые в первой инстанции, отменяются в дальнейшем как раз-таки по причине того, что, вопреки логике законодателя, нижестоящими судами были учтены личностные характеристики подсудимого.

Так, например, дело о фиктивной постановке на учет иностранного гражданина по месту пребывания в РФ, прекращенное мировым судьей в том числе на основании анализа личности подсудимой, было отменено районным судом с формулировкой: «Указанные суждения суда первой инстанции не основаны на действующем законодательстве» (*Приговор Себежского районного суда Псковской области № 1-3/2020 1-81/2019 от 7 февраля 2020 г. по делу № 1-3/2020*).

Аналогично дело о нарушении неприкосновенности жилища, в первой инстанции прекращенное за малозначительностью, было отпращено апелляционным постановлением на новое судебное разбирательство (*Апелляционное постановление Подпорожского городского суда Ленинградской области № 10-11/2020 от 2 октября 2020 г. по делу № 10-11/2020*). Принимая данное решение, суд апелляционной инстанции подчеркнул, что личность и семейное положение не должны рассматриваться в качестве обстоятельств, характеризующих малозначительность деяния, и могут учитываться лишь при назначении наказания.

Неоднородность судебной практики в вопросе учета характеристик личности применительно к категории малозначительности объясняется достаточно просто: перечисляя факторы, которые должны и не должны учитываться при решении данного вопроса, Верховный Суд понятие личности опускает, а сам перечень обстоятельств, подлежащих учету, оставляет открытым. Именно поэтому в судебной практике появляются значительные расхождения в данном вопросе.

Более того, характеристика личности является далеко не единственным фактором, относительно которого суды не могут прийти к единому мне-

нию. Даже в тех аспектах, по которым Верховный Суд вроде бы дал полный, исчерпывающий комментарий, возникают вопросы, когда дело доходит до применения нормы в конкретном деле.

Представляется, что данная проблема проистекает из того, что Верховный Суд в своих постановлениях не рассматривает малозначительность как самостоятельную категорию. Все разъяснения относительно возможности признания деяния малозначительным даются через призму отдельно взятых видов преступлений: хищение, неуплата алиментов, преступления экстремистской направленности и др. Конечно, в совокупности все эти разъяснения помогают судам сформировать некую общую картину применения малозначительности, на основе которой суды смогут реализовывать ч. 2 ст. 14 не только в разобранных Верховным Судом преступлениях, но и применительно ко всем остальным деяниям. Однако попытка уловить общую логику Верховного Суда и применить ее по аналогии не всегда оканчивается успешно.

Например, в одном из дел, касающихся фиктивной постановки на регистрационный учет по месту пребывания в России иностранных граждан, мировой судья аргументировал признание деяния малозначительным тем, что нарушение носило единичный характер и на учет был поставлен лишь один иностранный гражданин. Если опираться на рассмотренные выше постановления Верховного Суда, то данная логика верна, ведь основываться нужно прежде всего на объективных критериях и количественных характеристиках. Но в то же время, если учитывать специфику данного вида преступления, становится ясно, что постановка на учет лишь одного гражданина в данном случае не является признаком малозначительности. Именно эта аргументация была приведена Нерчинским районным судом Забайкальского края при отмене решения мирового судьи по данному делу (*Апелляционное постановление Нерчинского районного суда Забайкальского края № 10-10/2019 от 24 декабря 2019 г. по делу № 10-10/2019*).

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что несмотря на наличие нескольких постановлений Пленума Верховного Суда, где разъясняется применение категории малозначительности, суды продолжают применять положения ч. 2 ст. 14 УК РФ по-разному. Так, в ряде дел учитываются лишь объективные признаки, другие дела разрешаются с учетом признаков как объективных, так и субъективных, но главным камнем преткновения, конечно, становится личность подсудимого. Должна ли она быть учтена? Исходя из

постановлений Пленума Верховного Суда можно дать скорее отрицательный ответ на данный вопрос. Доминирующая позиция в доктрине также сводится к тому, что учитывать личностные характеристики при решении вопроса о малозначительности деяния нельзя, так как это нарушает принцип равенства граждан перед законом.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что не столь важно даже, какую позицию в итоге займет Верховный Суд. Важно, чтобы эта единая позиция вообще появилась и была доведена до судей. Только в этом случае будет достигнуто единообразие судебной практики, а принцип равенства не будет нарушаться.

Литература

1. *Комягин Р.А.* Малозначительность деяния в уголовном праве: теоретическое моделирование понятия и алгоритма установления // *Союз криминалистов и криминологов.* 2021. № 4. С. 50–56.
2. *Базарова С.* Малозначительность деяния // *Законность.* 2009. № 1 (891). С. 53–57.
3. *Ковалев М.И.* Преступление и проступок // *Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями.* Свердловск, 1982. С. 3–14.
4. *Гордеев А.Ю.* Проблемы практического применения института малозначительности деяния в российском и зарубежном уголовном праве // *Право и государство: теория и практика.* 2018. № 9 (165). С. 131–132.
5. *Епифанов Б.В.* Общественная опасность преступления как фундаментальная и интегративная категория уголовного права: подходы к законодательной дефиниции // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2017. № 4 (76). С. 90–94.
6. *Мерзляков В.Д., Горбачева А.А.* Малозначительность деяний: проблемы правоприменения // *Актуальные вопросы публичного права: сборник трудов XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 31 октября — 1 ноября 2019 г.).* Екатеринбург, 2019. С. 283–289.
7. *Мальцев В.В.* Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1995. — 185 с.
8. *Багиров Ч.М.* Субъективные факторы малозначительности деяния // *Евразийский юридический журнал.* 2020. № 11 (150). С. 213–215.
9. *Сонов Д.В.* Малозначительное деяние: критерии оценки и форма решения суда // *Уголовный процесс.* 2018. № 3 (159). С. 42–49.
10. *Скоробогач А.А., Бодаевский В.П.* Понятие малозначительности деяния и отличие его от смежных категорий // *Colloquium-Journal.* 2021. № 3-3 (90). С. 73–77.

References

1. *Komyagin R.A.* Maloznachitel'nost' deyaniya v ugovnom prave: teoreticheskoe modelirovanie ponyatiya i algoritma ustanovleniya [Insignificance of an act in criminal law: theoretical modeling of the concept and algorithm for establishing]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]*, 2021, no. 4, pp. 50–56. (In Russian, abstract in English)
2. *Bazarova S.* Maloznachitel'nost' deyaniya [Insignificance of the act]. *Zakonnost' [Legality]*, 2009, no. 1 (891), pp. 53–57. (In Russian)
3. *Kovalev M.I.* Prestuplenie i prostupok [Crime and misdemeanor]. In *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami [Problems of improving legislation to strengthen the rule of law and strengthen the fight against offenses]*. Sverdlovsk, 1982, pp. 3–14. (In Russian)
4. *Gordeev A.Yu.* Problemy prakticheskogo primeneniya instituta maloznachitel'nosti deyaniya v rossiiskom i zarubezhnom ugovnom prave [Problems of practical application of the institute of insignificance of an act in Russian and foreign criminal law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]*, 2018, no. 9 (165), pp. 131–132. (In Russian, abstract in English)
5. *Epifanov B.V.* Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya kak fundamental'naya i integrativnaya kategoriya ugovnogo prava: podkhody k zakonodatel'noi definitsii [Public danger of a crime as a fundamental and integrative category of criminal law: approaches to the legislative definition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

universiteta MVD Rossii [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 4 (76), pp. 90–94. (In Russian, abstract in English)

6. *Merzlyakov V.D., Gorbacheva A.A.* Maloznachitel'nost' deyanii: problemy pravoprimeneniya [Insignificance of acts: problems of law enforcement]. In *Aktual'nye voprosy publichnogo prava. Sbornik trudov XVIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh i studentov (Ekaterinburg, 31 oktyabrya — 1 noyabrya 2019 g.) [Current issues of public law. Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific Conference of Young Scientists and Students (Yekaterinburg, October 31 — November 1, 2019)]*. Ekaterinburg, 2019, pp. 283–289. (In Russian)

7. *Mal'tsev V.V.* Kategoriya «obshchestvenno opasnoe povedenie» v ugovolnom prave [Category “socially dangerous behavior” in criminal law]. Volgograd: VYuI MVD Rossii Publ., 1995. 185 p. (In Russian)

8. *Bagirov Ch.M.* Sub"ektivnye faktory maloznachitel'nosti deyaniya [Subjective factors of insignificance of the act]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal [Eurasian Law Journal]*, 2020, no. 11 (150), pp. 213–215. (In Russian, abstract in English)

9. *Sopov D.V.* Maloznachitel'noe deyanie: kriterii otsenki i forma resheniya suda [Minor act: evaluation criteria and the form of the court decision]. *Ugolovnyi protsess [Criminal process]*, 2018, no. 3 (159), pp. 42–49. (In Russian, abstract in English)

10. *Skorobogach A.A., Bodaevskii V.P.* Ponyatie maloznachitel'nosti deyaniya i otlichie ego ot smezhnykh kategorii [The concept of the insignificance of an act and its difference from related categories]. *Colloquium-Journal*, 2021, no. 3-3 (90), pp. 73–77. (In Russian, abstract in English)

КЛЕВЕТА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цыс Зинаида Александровна

Цель: клевета является распространенным деянием, которое приносит вред как обществу, так и отдельным личностям. Одной из целей работы является анализ причин, по которым норма, предусматривающая уголовно-правовой запрет такого деяния, как клевета, сначала была декриминализована, а спустя непродолжительное время подверглась повторной криминализации, следовательно, необходимо сравнение редакций нормы в разное время для выявления изменений. Целью работы является полный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 128¹ УК РФ, для выявления проблем при квалификации деяния. Отдельное внимание будет уделено субъекту преступления, в частности потерпевшему. Анализ состава преступления при сопоставлении с судебной практикой и статистикой позволит определить изменения в данной статье, необходимые для устранения проблем при ее применении. Для более полного анализа также будет проведено сравнение нормы ст. 128¹ УК РФ со смежными составами преступления. С помощью данного сравнения возможно выявить схожие положения, которые будут способствовать конкретизации нормы, а также определить наличие схожих проблем при квалификации.

Методология: методологическую совокупность проведенного исследования составляют различные методы познания, среди которых можно выделить диалектический метод, сравнительный анализ, дедукцию, индукцию, синтез, системный метод, а также такие частноправовые методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический.

Выводы. В настоящее время норма, устанавливающая уголовно-правовой запрет такого деяния, как клевета, имеет ряд проблем как в диспозиции нормы, так и в санкции нормы. Устранения данных проблем будет способствовать более точному применению нормы на практике, а также более частому ее использованию. Был приведен ряд изменений, принятие которых будет способствовать устранению данных проблем. Также сравнительный анализ смежных составов показал их схожесть со ст. 128¹ УК РФ, из-за чего проблемы квалификации распространяются и на эти составы, а следовательно, необходима и их конкретизация.

Научная и практическая значимость. Клевета является довольно распространенным явлением в современном обществе, поэтому законодательный запрет на совершение такого деяния не должен содержать неточностей, которые будут приводить к ошибкам при квалификации. Выводы, сделанные в данной работе, содержат рекомендации по конкретизации норм Уголовного кодекса, что должно способствовать более точному и частому применению норм, устанавливающих запрет такого деяния, как клевета.

Ключевые слова: клевета, уголовно-правовой запрет, криминализация деяния, санкция, наказание, уголовная ответственность, состав преступления, честь, достоинство, репутация.

Стремительные изменения в различных областях политической, экономической и социальной жизни, свидетелями и даже участниками которых становятся все члены общества, закономерно требуют преобразований и в проводящейся государством уголовно-правовой политике. В последнее время в Уголовный кодекс Российской Федерации

(далее — УК РФ) вносятся изменения: появляются новые уголовно-правовые запреты, меняются диспозиции и санкции действующих уголовно-правовых норм. Норма, устанавливающая уголовно-правовой запрет такого деяния, как клевета, не стала исключением: за относительно небольшой промежуток времени клевета сначала была декри-

минализована, а после заново криминализована. В данной статье будут проанализированы основные изменения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за клевету, причины декриминализации данного деяния и возвращения в УК РФ соответствующего уголовно-правового запрета. Кроме того, будет произведено разграничение ст. 128¹ УК со смежными составами.

Сначала хотелось бы проанализировать причины декриминализации клеветы. В декабре 2011 г. в силу вступил Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362), которым была исключена ст. 129 УК РФ, устанавливавшая на тот момент уголовную ответственность за клевету. Одновременно в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1) (далее — КоАП РФ) была добавлена ст. 5.60, которая установила за клевету административную ответственность. При анализе диспозиций новых норм можно прийти к выводу, что законодатель не изменил их — был расширен состав преступления за счет добавления ч. 4 «Непринятие мер к недопущению клеветы в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации», а также был изменен вид ответственности с уголовной на административную.

Такое решение законодателя вызвало множество дискуссий. Часть правоведов и общественности считали, что декриминализация клеветы — это проявление «либерализации» [1, с. 136–171] уголовной политики, а также защита права на свободу выражения собственного мнения, закрепленного в ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163), которая на тот момент была ратифицирована на территории Российской Федерации. Кроме того, данное решение было поддержано сообществом представителей средств массовой информации, которые считали, что декриминализация клеветы является шагом в сторону предотвращения цензуры и предоставления журналистам большей свободы высказываний. Была поддержана декриминализация «бытовой клеветы» (неквалифицированной клеветы), так как она в силу сложности обнаружения создает проблемы для разграничения с гражданско-правовым деликтом.

Однако в другой части общества декриминализация клеветы вызвала негативную реакцию. По мнению ряда исследователей и юристов-практиков, сомнению подвергалось введение в КоАП

нового состава, так как он не соответствовал предмету регулирования и основам отрасли административного права и даже отчасти им противоречил [2, с. 27]. Также высказывались точки зрения о том, что к 2011 г. возросло количество преступлений против чести и достоинства личности («Единый отчет о преступности» (Форма 1-Г) за 2004–2011 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 14.01.2023)), некоторые ученые считали, что в тот момент российское общество находилось в состоянии нравственного кризиса [3, с. 196–199], а следовательно, декриминализация клеветы является ошибочным решением. А если говорить про неэффективность наказания, то в некоторых случаях альтернативные санкции, предусмотренные нормой ст. 129 УК РФ могли являться более мягким наказанием, чем штраф, предусмотренный нормой ст. 5.60 КоАП РФ, так как его размеры по квалифицированным составам могли достигать 500 тысяч рублей.

Видимо, в связи с тем, что законодатель прислушался к аргументам критиков декриминализации клеветы и убедился в неэффективности административно-правового противодействия данному деянию, в июле 2012 г. был принят и вступил в силу Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4330), которым в состав уголовно-правовых норм была включена ст. 128¹ УК РФ «Клевета», что означает повторную криминализацию данного деяния спустя относительно небольшой срок (меньше года). Совершение данного деяния снова стало основанием уголовной ответственности.

Сравнивая вновь включенную в УК РФ ст. 128¹ с прежней редакцией ст. 129 УК РФ, можно отметить:

1. Диспозиция ст. 128¹ УК РФ была приведена почти в полном повторении прежней запретительной для клеветы формулировки, то есть законодатель социальную сущность клеветы, как и прежде, видит в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Как и раньше, клевета продолжает оставаться преступлением с умышленной формой вины в виде прямого умысла — виновный понимает, что говорит или иным образом сообщает кому-либо из третьих лиц не соответствующую действительности (ложную) информацию о потерпевшем (если субъект не знал о ложности распространяемой информации, считал сообщаемые сведения истинными, то основание уголовной ответственности не возникнет).

Также стоит отметить, что заведомость ложных сведений означает, что лицо осознает неверность или возможную неверность представленных им сведений в отношении другого лица, при этом сами сведения должны представлять собой конкретные, проверяемые факты, а не абстрактные и оценочные суждения (то есть «плохой», «ленивый» и т. д. не будут являться достаточными сведениями для наличия состава преступления). И данные сведения не должны соответствовать действительности, должны умалять достоинство и честь личности, утверждать о нарушении потерпевшим охраняемых законом общественных отношений, моральных норм (то есть, если лицо распространяет сведения, позорящие личность, но при этом являющиеся правдивыми, то уголовная ответственность отсутствует) и т. д. При этом сами категории «честь и достоинство», «репутация» являются оценочными — им нельзя дать точную характеристику, так как в них присутствует значительный элемент морали, и пострадавший может воспринимать причиненный ему вред в зависимости от своих моральных характеристик, однако данный вопрос будет рассматриваться далее в работе.

2. Изменилась категория преступления: согласно санкциям ст. 129 УК РФ квалифицированная клевета являлась преступлением средней тяжести (в соответствии действующей на тот момент редакции ст. 15 УК РФ), а согласно действующим редакциям ст. 128¹ и 15 УК РФ клевета является преступлением небольшой тяжести.

3. Значительные изменения коснулись санкций данной статьи. Часть 1 ст. 129 УК РФ предусматривала несколько альтернативных видов наказаний: штраф в размере до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного, либо обязательные работы на срок от 120 до 180 часов, либо исправительные работы на срок до 1 года, либо ограничение свободы на тот же срок. В санкции же основного состава ст. 128¹ УК РФ предусмотрены альтернативно только два вида наказания: штраф в размере до 500 тыс. рублей или заработной платы или иного дохода осужденного, либо обязательные работы на срок до 160 часов. Если говорить о размерах наказаний, то согласно ст. 129 УК РФ максимальный размер штрафа (с учетом квалифицированных составов) мог достигать 300 тыс. рублей, а размер штрафа согласно ст. 128¹ РФ (также с учетом квалифицированного состава) может достигать 3 млн рублей. То есть мы видим, что в результате изменений альтернативных наказаний в основном составе стало меньше, однако размер наказаний

значительно увеличился (с учетом квалифицированных составов — в 10 раз). Данное решение законодателя привело к спорам и критике, так как некоторые правоведы полагают, что данные изменения статьи не соответствуют принципам уголовного законодательства, поскольку с одной стороны, наблюдается «разброс» наказаний, а с другой стороны, их «перехлест» [4, с. 52–59]. Отдельно стоит отметить, что новый вариант санкции можно считать более строгим, несмотря на формальное смягчение, так как сумма штрафа значительно возросла, что для многих может стать более серьезным наказанием, чем обязательные или исправительные работы. Данную особенность отмечала Т.В. Непомнящая: «Несложные арифметические расчеты денежных взысканий в виде штрафа и в виде удержаний в доход государства от 5 до 20 % при назначении исправительных работ за аналогичное преступление показывают, что штраф будет более строгим видом наказания, чем исправительные работы, так как суммы взыскания будут значительно выше при назначении штрафа» [5, с. 213–216].

Далее стоит рассмотреть объект преступления ст. 128¹ УК РФ, который является одним из элементов состава преступления. При анализе диспозиции нормы данной статьи возникает несколько проблемных вопросов: определение потерпевшего, разграничение понятий чести, достоинства и репутации лица.

Говоря о самом объекте, можно сказать, что его трактовки довольно схожи. Например, Ю.Е. Пудовочкин определял объект клеветы как «общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком естественно-гарантированного нормами международного и конституционного законодательства права на достоинство, честь и репутацию» [6, с. 536–537]. Большее количество споров порождает трактовка таких понятий, как честь, достоинство и репутация, так как честь и репутация являются близкими понятиями, связанными с закреплением в общественном мнении определенных качеств человека, в то время как достоинство является отражением качеств человека в его сознании. При этом также существует трактовка И.И. Харитоновой, который разграничил данные понятия следующим образом [7, с. 13–16].

1. Честь — охраняемое законом благо, которое основано на положительной оценке личности, вне зависимости от ее социального статуса. Данная категория обусловлена поведением человека в соответствии с принятыми в обществе социальными нормами и правилами поведения.

2. Достоинство — охраняемое законом благо, которое основано на самостоятельной положительной оценке личностью своих действий. Данная категория не зависит от общественного мнения.

3. Репутация — мнение, которое отражено в общественном сознании и складывается обществом на основе положительной или отрицательной оценки действий личности.

Таким образом, мы видим, что данные категории сложно разграничить, так как они основываются на субъективных оценках личности и общества в целом, на восприятии определенной ситуации: и в зависимости от оценивающего (личности или общества) можно выделить основной отличительный признак данных понятий. При этом стоит отметить, что дифференциация данных понятий имеет скорее научный, чем практический характер, так как законодатель в норме ст. 128¹ УК РФ не разделяет их.

Также, говоря об объекте клеветы, отдельно стоит выделить вопрос о потерпевшем. Исходя из текста уголовного закона, потерпевшим согласно ст. 128¹ УК РФ может быть любое лицо, из-за чего возникает ряд вопросов при его определении.

Например, если говорить о психически больных людях и малолетних, то вопрос об отнесении их к потерпевшим является спорным, так как согласно норме ст. 128¹ УК РФ потерпевшими они могут являться, хотя могут не воспринимать значения высказываний в их адрес, а значит не понимать: наносится вред их достоинству или нет. При клевете в отношении таких лиц мы можем говорить о вреде, наносимом только их чести и репутации, так как воздействие оказывается на общественное мнение. Если же говорить о правоприменении данной нормы: если вред причиняется данным категориям лиц, то заявление о совершении в отношении них клеветы может подать их законный представитель, что позволяет защитить права таких лиц. Однако данный вопрос вызывает дискуссию среди ученых-правоведов: например, И.С. Ной считал, что потерпевшим от «клеветы может быть любое лицо, независимо от того, обладает ли оно сознанием собственного достоинства, так как оценка достоинства лица существует вне зависимости от сознания им этого достоинства» [8, с. 14–18]. Противоположную позицию высказывал М.М. Гродзинский, который считал, что потерпевшими при клевете «не могут быть душевнобольные, а также дети, не достигшие еще того развития и того возраста, при котором они занимали бы определенное положение в том

или ином коллективе и обладали бы сознанием своего достоинства, как членов этого коллектива» [9, с. 624–626]. И все же хотелось бы согласиться с точкой зрения авторов, признающих, что психически больные и малолетние могут быть потерпевшими по норме ст. 128¹ УК РФ, так как клевета будет наносить вред их чести и репутации, изменит восприятие данных людей обществом, что может причинить им вред.

Также дискуссионным является вопрос о признании умершего потерпевшим от клеветы. Например, п. 1 ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации (СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301) закрепляет принцип, согласно которому защита чести и достоинства лица возможна и после его смерти, что позже подтвердил и Пленум Верховного суда Российской Федерации (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»* // *Российская газета*. 2005. 15 марта). Однако в уголовном законодательстве данный вопрос не был решен. Это также вызывало немало споров. Например, М.Д. Шаргородский считал, что «умерший, не будучи ни человеком, ни личностью не может быть объектом клеветы» [10, с. 13–17]. Обратной позиции придерживались многие правоведы, например, Ю.М. Ткачевский считал, что умершие могут быть потерпевшими от клеветы, так как наносится вред их чести и репутации. Таким образом, вопрос о том, считать ли умершего человека потерпевшим от клеветы или нет, остается спорным в силу своей нерешенности в уголовном законодательстве, а также большого количества разных мнений, которые подтверждаются положениями уголовного права. Однако мы считаем, что умерших следует признать потерпевшими от деяния, предусмотренного нормой ст. 128¹ УК РФ, так как клевета может нанести вред их доброму имени, право на уголовно-правовую охрану которого человек не утрачивает даже после смерти, а также причинить вред их родственникам и ближайшему окружению.

Отдельно стоит проанализировать данную норму в сравнении с относительно новыми положениями УК РФ, которые могут иметь схожий состав. Для начала следует сравнить данную норму с положениями ст. 298¹ УК РФ, которая тоже подвергалась изменениям (так, ст. 298 УК РФ утратила силу в 2011 г.).

1. Объект преступления в данной статье представляет собой нормальную работу судьи, а также

иных лиц, содействующих ему, их честь и достоинство, что сближает данную норму со ст. 128¹ УК РФ.

2. В данной статье конкретизируется потерпевший: им может быть судья, присяжный заседатель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации.

3. Само определение клеветы осталось прежним, а следовательно, не изменилась и субъективная сторона, представленная виной в форме прямого умысла, а также специальной целью (воспрепятствовать деятельности потерпевшего, связанной с отправлением правосудия) или мотивом совершения преступления (отомстить за деятельность потерпевшего, связанную с отправлением правосудия).

4. Категория преступления не изменилась: и общий, и специальный составы клеветы остаются преступлениями небольшой тяжести.

5. Санкции, предусмотренные нормой ст. 298¹ УК РФ, увеличены по сравнению с санкциями ст. 128¹ УК РФ, при этом альтернативные варианты наказания остались прежними (штраф, исполнительные и обязательные работы). В основных составах разница между верхними пределами штрафа увеличена в 4 раза (до 2 млн рублей), а в квалифицированных верхний предел остался прежним — 5 млн рублей.

Таким образом, состав преступления, предусмотренного ст. 128¹ УК РФ, имеет много схожих признаков с составом преступления, предусмотренного ст. 298¹ УК РФ, так как совпадает само деяние (клевета), тяжесть преступления, субъективная сторона, виды альтернативных санкций, однако отличается основной объект посягательства, потерпевший и размер санкций.

Хотелось бы разграничить также клевету и заведомо ложный донос.

1. Для начала стоит проанализировать само деяние: донос — это переданное в устной или письменной форме ложное сообщение о совершении преступления, сделанное лицом самостоятельно, анонимно, через третьего лица, от имени другого лица. Донос является схожим с клеветой, так как предполагает сообщение не соответствующей действительности информации (добросовестное заблуждение не влечет уголовной ответственности), при этом донос и клевета имеют разные цели: клевета — унижение чести и достоинства личности; донос — привлечение невиновного лица к уголовной ответственности. Также клевета имеет более широкое распространение сведений (среди третьих лиц), а донос направлен на донесение сведений в органы, зани-

мающиеся расследованием и предупреждением преступлений.

2. Основные объекты рассматриваемых преступлений различны — при доносе это нормальная деятельность суда, а также органов, осуществляющих расследование и дознание; при клевете — честь, достоинство и репутация потерпевшего.

3. Субъективная сторона так же, как и при клевете, представляется виной в форме прямого умысла, однако направленность этого умысла разная: при клевете виновный стремится опорочить потерпевшего, при доносе — добиться привлечения потерпевшего к уголовной ответственности.

4. Основные составы преступлений также представляют собой преступления небольшой тяжести.

5. Законодатель за совершение заведомо ложного доноса предусмотрел большее количество альтернативных санкций, нежели при клевете (добавился арест и лишение свободы), что дает больший выбор при назначении наказания судебными органами.

Далее стоит сравнить клевету с недавно криминализованным деянием, предусмотренным ст. 207³ УК РФ, — публичным распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий.

1. Деяние, предусмотренное ст. 207³ УК РФ, имеет схожие с клеветой признаки: распространение заведомо ложных сведений, которые субъект доводит до сведения третьих лиц самостоятельно. Однако от клеветы данное деяние отличает публичность распространения сведений (публичность при клевете не является обязательным признаком деяния), цель распространения сведений, а также их содержание (при совершении деяния, предусмотренного нормой ст. 207³ УК РФ, лицо распространяет ложную информацию об определенных государственных структурах или должностных лицах, что значительно сужает круг сведений, распространение которых относится к данному составу преступления).

2. Отдельно стоит отметить, что законодателем не определены последствия распространения ложных сведений, в отличие от клеветы, то есть преступление имеет формальный состав, а следовательно, время его наступления начинается с момента публичного распространения сведений, что отличает данное деяние от клеветы.

3. Субъективная сторона также представлена виной в форме прямого умысла.

4. Основной состав преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, также является преступлением небольшой тяжести.

5. В основном составе преступления по ст. 207³ УК РФ, в альтернативную санкцию добавлено лишение свободы, а размер других наказаний (например, штрафа) был значительно увеличен, что также позволяет сделать вывод о большей общественной опасности нового деяния по ст. 207³ УК РФ, по сравнению с общим составом клеветы.

Также клевета схожа с нормой, предусмотренной в ст. 280³ УК РФ, которая предусматривает ответственность за совершение публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях.

1. Деяние, предусмотренное нормой ст. 280³ УК РФ, предполагает уже не только распространение сведений, но и совершение иных действий, направленных на дискредитацию. При этом законодатель не определил точные действия, а только форму их совершения — публичную.

2. Схожей представляется и цель совершения рассматриваемых деяний — дискредитация (что предполагает действия, которые могут быть направлены на распространение заведомо ложных сведений), однако при клевете эта дискредитация имеет личную направленность, в то время как при совершении преступления, предусмотренного ст. 280³ УК РФ, дискредитация касается государства (его вооруженных сил, органов и должностных лиц, представляющих государство).

3. Стоит отметить, что деяние, предусмотренное ст. 280³ УК РФ, целесообразно конкретизировать в закон за счет определения круга распространяемых при дискредитации сведений, что позволило бы более точно определить потерпевшего при совершении таких преступлений.

4. Также следует сказать о том, что тяжесть основного состава и субъективная сторона весьма схожи у данных преступлений.

5. Если рассматривать санкции, то стоит отметить, что в ст. 280³ УК РФ законодатель предусмотрел большее количество альтернативных наказаний, а также значительно увеличил их размер, что говорит о большей опасности данного преступления по сравнению с клеветой.

Хотелось бы сравнить клевету и с некоторыми формами реабилитации нацизма (ст. 354¹ УК РФ).

1. Само деяние в ст. 354¹ УК РФ представлено в форме совершения альтернативных действий, которые сходны с клеветой: отрицание фактов (то есть признание действительными ложных сведений), оправдание преступлений (что также является признанием действительности ложных сведений), а равно распространение заведомо ложных сведений (что совпадает с частью нормы ст. 128¹ УК РФ). Таким образом, само деяние является сходным с клеветой, однако обязательным условием его совершения является публичность, что является отличительным признаком.

2. Законодатель в данной норме не указал последствия распространения данных сведений, что является важной отличительной чертой данного преступления от деяния, предусмотренного нормой ст. 128¹ УК РФ.

3. Данное деяние также является сходным с точки зрения субъективной стороны, так как представляет собой вину в форме прямого умысла.

4. При этом в альтернативную санкцию ст. 354¹ УК РФ законодатель включил большее число наказаний (по сравнению с санкцией ст. 128¹ УК РФ), что дает суду большую свободу в выборе наказания при индивидуализации ответственности, но при этом может стать и проблемой при выборе наказания для деяний, предусмотренных данной статьей и обладающих схожими признаками. При этом размер санкций значительно превышает размер санкций, предусмотренных ст. 128¹ УК РФ, что свидетельствует о повышении общественной опасности реабилитации нацизма по сравнению с клеветой.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что уголовное законодательство содержит нормы, которые являются сходными с нормой ст. 128¹ УК РФ, деяния, предусмотренные ими, имеют ряд схожих с клеветой признаков, однако по социальной природе и направленности существенно различаются. Некоторые из этих составов более конкретизированы за счет определения потерпевшего, формы совершения деяния, его целей, и являются специальными по сравнению со ст. 128¹ УК РФ нормами.

Таким образом, мы видим, что клевета в уголовном праве прошла путь от декриминализации к повторной криминализации меньше чем за год. Сейчас состав клеветы нуждается в изменениях и конкретизации многих признаков (в том числе в части определения умершего лица как потерпевшего), поскольку в настоящее время ст. 128¹ УК РФ сложно использовать при правоприменении, о чем свидетельствует малое количество деяний, квалифицированных по данной статье [4, с. 52–59]. Це-

лесообразным представляется и увеличение видов альтернативных наказаний (например, как было предусмотрено нормой ст. 128 УК РФ), снижение размеров существующих наказаний, в особенности штрафа, так как его большой размер может носить большее бремя для осужденного, чем обязательные

работы. При этом снижение размера штрафа не нарушит принцип справедливости, так как лицу, совершившему преступление, может быть назначен более тяжкий вид наказания. Конкретизация исследуемой нормы может решить и проблемы разграничения клеветы со смежными деяниями.

Литература

1. Пелипенко Р.С. О декриминализации клеветы и оскорбления // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 4. С. 136–171.
2. Бородин С.С., Громыко С.С. Административное право. Общая и Особенная часть: курс лекций. СПб.: ГУАП, 2007. — 432 с.
3. Осокин Р.Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8. С. 196–199.
4. Джафарова А.А. Проблемы назначения наказания за клевету // Вестник УЮИ. 2020. № 1 (87). С. 52–59.
5. Непомнящая Т.В. Система наказаний: истоки, реалии, перспективы совершенствования // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права. М., 2011. С. 213–216.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2016. — 792 с.
7. Харитонов И.И. Уголовная ответственность за клевету: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2015. — 230 с.
8. Королева М.М. Преступления против чести и достоинства по уголовному праву Российской Федерации и стран АТР: Японии, Республики Корея и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2011. — 23 с.
9. Беляев Н.А., Анашкин Г.З., Прохоров В.С. и др. Курс советского уголовного права. Часть Особенная / под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 836 с.
10. Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Краснодар, 2007. — 24 с.

References

1. Pelipenko R.S. O dekriminalizatsii klevety i oskorbleniya [On the decriminalization of libel and insult]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*, 2012, no. 4, pp. 136–171. (In Russian)
2. Borodin S.S., Gromyko S.S. Administrativnoe parvo. Obshchaya i osobennaya chast': kurs lektzii [Administrative law. General and special part: a course of lectures]. Saint-Petersburg: GUAP Publ., 2007. 432 p. (In Russian)
3. Osokin R.B. Dekriminalizatsiya klevety i oskorbleniya kak odna iz form realizatsii ugovolnoi politiki [Decriminalization of slander and insult as one of the forms of implementation of criminal policy]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Socio-economic phenomena and processes]*, 2012, no. 7–8, pp. 196–199. (In Russian)
4. Dzhafarova A.A. Problemy naznacheniya nakazaniya za klevetu [Problems of sentencing for defamation]. *Vestnik UYuI [Bulletin of UUI]*, 2020, no. 1 (87), pp. 52–59. (In Russian)
5. Nepomnyashchaya T.V. Sistema nakazanii: istoki, realii, perspektivy sovershenstvovaniya [The system of punishments: origins, realities, prospects for improvement]. In *Ugolovnoe pravo: istoki, realii, perekhod k ustoychivomu razvitiyu: materialy VI Rossiiskogo kongressa ugovolnogo prava [Criminal law: origins, realities, transition to sustainable development: materials of the VI Russian Congress of Criminal Law]*. Moscow, 2011, pp. 213–216. (In Russian)
6. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi): v 2 t. [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (item by article): in 2 vols.]. Ed. A.V. Brilliantov. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 792 p. (In Russian)

7. *Kharitonov I.I.* Ugolovnaya otvetstvennost' za klevetu [Criminal liability for defamation]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2015. 230 p. (In Russian)

8. *Koroleva M.M.* Prestupleniya protiv chesti i dostoinstva po ugovnomu pravu Rossiiskoi Federatsii i stran ATR: Yaponii, Respubliki Koreya i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki: sravnitel'no-pravovoi analiz [Crimes against honor and dignity under the criminal law of the Russian Federation and Asia-Pacific countries: Japan, the Republic of Korea, and the People's Republic of China: a comparative legal analysis]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2011. 23 p. (In Russian)

9. *Belyaev N.A., Anashkin G.Z., Prokhorov V.S.* etc. Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Chast' Osobennaya [The course of Soviet criminal law. Part Special]. Eds. N.A. Belyaev and M.D. Shargorodskii. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta Publ., 1973. 836 p. (In Russian)

10. *Ganzha Yu.V.* Prestupleniya protiv chesti i dostoinstva lichnosti: ugovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika [Crimes against the honor and dignity of the individual: criminal law and criminological characteristics]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Krasnodar, 2007. 24 p. (In Russian)

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ПАСТУХОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ. ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХ»

Цель: познакомить с личностью и наследием, оставленным выдающимся политиком и дипломатом Б.Н. Пастуховым.

Методология: цитирование.

Выводы. Борис Николаевич Пастухов — выдающийся политик и дипломат — был членом ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, министром в Советском Союзе и Российской Федерации, председателем комитета Государственной думы России; получил орден Ленина из рук Л.И. Брежнева, а «За заслуги перед Отечеством» — из рук В.В. Путина. В приведенных главах из книги «Борис Николаевич Пастухов. Портрет на фоне эпох» о своей жизни рассказывает сам Борис Николаевич, его дети, друзья и коллеги.

Научная и практическая значимость. Приведенный текст может быть использован при изучении истории России 80–90-х гг. XX в.

Ключевые слова: Афганистан, вывод советских войск из Афганистана, советское посольство, посол СССР, Б.Н. Пастухов, Наджибулла, заместитель министра иностранных дел России, Ли Пэн, Е.М. Примаков, Б.Н. Ельцин, вооруженный конфликт в Приднестровье, нагорнокарабахский конфликт.

Пастухов Борис Николаевич. Портрет на фоне эпох. Рыбинск: Издательство «РМП», 2021. 375 с.

Тщательная подготовка к поездке в Афганистан

Работать в Афганистан папа просился с самого начала своего пребывания в Дании. Много позже в его бумагах я нашла письмо, которое он написал Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву, с просьбой отправить его в любую горячую точку — в Латинскую Америку или в Афганистан. Кстати, Михаил Сергеевич когда-то очень давно один раз был у нас дома, я его помню. Он тоже начинал в комсомоле.

Долго на папины обращения не было никакой реакции. И вдруг... В 1988 году его назначили послом СССР в Афганистане.

Мы все, конечно, очень переживали: ведь точка-то была наигорячейшая! Но папа был абсолютно счастлив.

Отец очень серьезно и фундаментально готовился к работе в Афганистане: изучал Коран, анализировал этапы истории этого древнего государства, пригодились тут и его знание произведений великих восточных мыслителей. Очень боль-

шое значение для работы в Афганистане имели такие папины качества, как мужество, мудрость, умение сохранять спокойствие и выдержку даже под пулями. И еще очень помогла ему поддержка мамы — она всегда была рядом с ним в Кабуле, долгое время — единственной женой дипломата в посольстве.

(Дочь Татьяна)

Приезд в Кабул

Я прилетел в Кабул. Послы государств Варшавского договора собрались на аэродроме встретить советского посла. Здание аэродрома выглядело плохо. Оно наполовину сгорело, и в нем было холодно. Горы, окружающие аэродром, уже покрыты снегом. Часть окон, выбитых обстрелами, забиты фанерой и жестью. Посреди маленькой комнатухи (приемной для VIP-персон) стоит буржуйка с раскаленными боками, тут послы пьют чай и не спеша разговаривают.

Протокольная встреча завершается. Мы выходим к машинам.

Обстрел, кажется, прекратился. Подхожу к польскому «мерседесу», пытаюсь открыть дверцу

и не могу, первая мысль: «Неужели я так обессилен при перелете в Кабул?»

Телохранитель и шофер открывают дверцу, мы отъезжаем. В салоне автомобиля впереди в открытом, как шоферы говорят, «бардачке» катаются две ручные гранаты, лежит пистолет, а на сиденье — автомат Калашникова. Про себя думаю: «Интересную декорацию подготовила команда к встрече нового посла».

Первые разговоры о городе, о районе, который мы проезжаем. Нам приветливо кивают овечки и ослики, с удовольствием поглощающие пластиковые бутылки и пакеты, а также жалкую растительность по обочинам у парашютов и арыков, вдоль улиц, по которым мы проезжаем.

Мне объясняют, что дверца автомобиля так трудно открывается, потому что «мерседес» бронирован. Ну а что касается оружия и гранат — «Скоро привыкнете, здесь без этого выезжать никуда нельзя».

В городе движение постепенно усиливается, становится хаотичным.

Еще в Москве во время инструктажей в разных ведомствах я уже был переполнен рассказами о том, что происходит в Афганистане. Но вот так, в обыденной реальности, это впечатляет гораздо сильнее.

(БП)

Кабул. Военный аэродром

Вообще говоря, кабульский аэродром заслуживает особого рассказа, ибо это удивительное место, где потом мне приходилось многократно бывать, встречая и провожая делегации. Слышал я самые разные истории о том, что здесь происходило, когда в конце декабря 1979 года один за другим садились военно-транспортные самолеты с первыми советскими военными на борту, которым выпало вскоре штурмовать дворец Амина и обеспечивать ввод советского ограниченного воинского контингента.

Кабульский аэродром видел многое. С его взлетной полосы уходили на Родину большие и малые специальные самолеты, которые у нас называют «черными тюльпанами», они уносили домой в цинковых гробах мальчишек, погибших в боях и умерших от ран в кабульских госпиталях. Это называлось — «груз 200».

Своими глазами видел собачек, которые привычно подбегали к советскому военно-транспортному самолету, только что приземлившемуся в Кабуле, в надежде получить кусочек хлеба или колбасы. А к самолету уже стояла очередь из местных бедняков с канистрами, ведрами, ко-

торые пытались выпросить у летчиков немного авиационного керосина для своих нужд. Однажды очередь мгновенно разбежалась в разные стороны, а экипаж начал ловить собачонку, к животу которой был привязан динамит. Успели. Взрыва не произошло.

В определенные периоды года снабжение советского воинского контингента, да и афганской армии и гражданского населения, осуществлялось по воздуху. Никогда не забуду, когда тревожный посольский телефон сообщил, что на аэродроме готовится совершить экстренную посадку наш Ил-76Т, который привез авиационное топливо. Шасси не вышло, и самолет вынужден был садиться брюхом на грунт. Кружить над Кабулом, вырабатывая топливо, было бессмысленно, ибо в нашем транспортнике для кабульцев «летели» несколько десятков тонн дизельного топлива.

Командира корабля привезли через полчаса в посольство. Пожилой мужчина в форме летчика гражданской авиации еще не отошел от пережитого. Он увидел на посольском столе для заседаний старорежимный графин с водой, попросил разрешения, схватил его... и выпил до дна!

Потом он, получив возможность связаться по ВЧ со своим авиационным начальством в Ташкенте, несколько успокоившись, доложил о происшествии на борту. О том, что шасси не выпустилось, и он вынужден был посадить самолет на грунт.

Долго-долго лежал этот самолет на брюхе рядом с посадочной полосой. И никто уже не задавал вопроса: «А что произошло с этим Ил-76Т?» Историю его посадки прекрасно знали и наши, и афганцы.

Садящиеся и взлетающие из Кабула самолеты моджахеды со своих позиций обстреливали ракетами. И во время боевых действий, и потом, когда армия ушла, все наши самолеты, да и не только наши — все, кто садились и взлетали на кабульском аэродроме, отстреливали в воздухе так называемые тепловые ловушки, которые должны были уводить от самолета ракеты «земля-воздух», выпущенные афганскими или какими-то другими моджахедами. В основном это были знаменитые «стингеры» американского производства, которыми в несчетных количествах снабжались бандиты, державшие в напряжении афганскую столицу. Для них не было разницы стрелять по-военному, гражданскому, пассажирскому или транспортному самолету.

(БП)

Традиционные тосты за наших бойцов

Мне посчастливилось поработать в Республике Афганистан в посольстве СССР, а затем России

в должности советника-посланника в дипломатическом ранге Чрезвычайного и Полномочного посланника СССР и России. Послом нашей страны там в те годы работал Борис Николаевич, который пользовался большим уважением и авторитетом как среди афганского руководства, так и всего нашего дипломатического корпуса. У нас, советских людей, в Афганистане были несколько традиционных тостов. По случаю выпивали всегда в следующей последовательности: первые два тоста — произвольные, в зависимости от обстоятельств, третий — всегда молча и стоя — «За тех, кого уже нет с нами», и за ним под троекратное «ура», также стоя тост за тех, кто в бою поднимается в «полный рост». Все советские люди, прошедшие Афганистан, и мы с Борисом Николаевичем в том числе, придерживались этой традиции. Долгие годы общаясь с Борисом Николаевичем, отмечу, что он всегда поднимался «в полный рост» по зову Родины, семьи и друзей.

(Л.Г. Саакян)

Махмут Ахметович Гареев

Еще перед поездкой в Кабул в Министерстве обороны СССР мне заочно представили главного военного советского советника президента Афганистана Наджибуллы генерала Махмута Ахметовича Гареева.

Рассказывали о том, что, прибыв в Афганистан вскоре после вывода войск, он сразу сумел отличиться, организовав контратаку деморализованных подразделений Афганской народной армии под Джелалабадом. Тогда, собрав разрозненные паникующие отряды, он сам, заняв место в танке, повел в атаку несколько машин и пехоту. Превосходящие силы противника были разбиты и позорно бежали.

По этому поводу одна из авторитетных западных газет написала в те дни: «Советский Союз вывел из Афганистана 100 тысяч солдат и ввел туда одного татарина».

Только потом я узнал, что у генерала армии М.А. Гареева 19 орденов и более 30 медалей.

Я бесконечно благодарен Махмуту Ахметовичу за то, что в Афганистане он преподавал мне бесценные академические и практические уроки военного дела. Продолжение моего военного образования он начал с ознакомления со стрелковым оружием, артиллерией, а также всякого рода переделками, интересными находками, которые использовали наши военные умельцы для того, чтобы пустить в дело, например, неуправляемые авиационные и вертолетные ракетные комплексы, которые вылетали из самодельных установок

с жутким ревом и одним этим наводили ужас на противника.

Однажды М.А. Гареев взял меня с собой на линию фронта, а она проходила по горной цепи, опоясывавшей кабульский аэродром. С одной стороны взлетно-посадочная полоса. Садятся гражданские и военные самолеты. С другой — на высотах окаймляющих гор — противник, душманы, которые обстреливают линию переднего края народной афганской армии и сам аэродром.

Меня восхищало в Махмуте Ахметовиче умение общаться с афганцами, генералами и рядовыми. Он говорил с ними на смеси трех языков: татарского, узбекского, который он усвоил за годы жизни семьи в Узбекистане и своего обучения в Ташкенте, и русского, оснащенного разнообразными военными терминами и крепкими (не всегда литературными) выражениями, которыми он пользовался виртуозно.

Его понимали прекрасно. Советы и команды нашего генерала выполнялись афганскими солдатами и офицерами незамедлительно и беспрекословно.

Мы стоим в окопах переднего края. Вдруг Махмут Ахметович дергает меня за рукав: «Давайте-ка присядем». Присели. И тут же над головой противный визжащий звук, который издают пули автоматных и пулеметных очередей.

— Откуда вы знаете, что сейчас будут стрелять именно сюда? — спросил я.

Махмут Ахметович только плечами пожал. Действительно, детский вопрос — как не знать, если человек с восемнадцати лет на войне, еще той — Великой Отечественной, которую он прошел с ноября 1941 года.

(БП)

Над пропастью

Афганистан. Я очень часто задаю себе вопрос: как папа согласился работать в этой стране?! Двое детей в Москве, а тут — горячая точка, только что вывели советские войска, постоянные обстрелы посольства.

Тогда я думала: папа сильный, он справится... И информации не было такой, как сейчас, о той ситуации, об обстрелах, о заложенных минах. Я не представляла всего этого ужаса. И только потом, по мере того как я выросла, как многие вещи стали открываться, я стала содрогаться, когда представляла себе жизнь родителей в Кабуле.

Это был подвиг каждый день.

Только два случая (папа не очень любил рассказывать о тех ужасах).

Был очередной обстрел посольства, ракета взорвалась очень близко от здания, и взрывной волной — по законам физики — должно было вынести все стекла, и папа просто погиб бы от осколков. Его спасло лишь то, что в одной из комнат кто-то забыл закрыть форточку, и взрывная волна прошла насквозь очень легко, не повредив окно.

А однажды, когда мы с папой и мамой были в Кисловодске в санатории, уже в 1990-е годы, мы ходили с ним по Долине Роз и дошли до фуникулера. Я испугалась ехать:

— Ой, папа, страшно-страшно!

И тут он рассказал мне о том, как в Афганистане падал в подбитом вертолете. Это тоже был случай, когда папа был на грани жизни и смерти. Произошла жесткая посадка, но всем пассажирам и пилотам повезло, никто не погиб, правда, кто-то получил травмы.

Уже много позже папа однажды мне сказал:

— Ты знаешь, я после Афганистана боли не боюсь.

(Дочь Надежда)

Прогулки в саду с розами. Под угрозой обстрела

Меня всегда поражало удивительное внимание и заботливость Махмута Ахметовича к членам своей семьи, к людям вообще. Это проявлялось во всем — и в отношении его к дочери, и к внучке, и к семьям дипломатов, и прикомандированным в Афганистан, к разным специалистам, разным людям.

Наши беседы обычно проходили в Кабуле где-то в полдень. Это было время молитв и обеда у душманов. Обстрелы прекращались. Мы свободно ходили по дорожкам посольства, которые обрамлял совершенно уникальный розарий. Как будто розы из сказок Ганса Христиана Андерсена из далекой Дании переселились сюда, под этот кабульский солнцепек. Если где-то что-то грохало, Махмут Ахметович совершенно спокойно говорил: «Товарищ посол, пошли постоим у стенки, немного отдохнем». Мы заходили в тень, и я понимал, что тень ему не нужна и отдых тоже, он переживал, как бы посла Советского Союза не зацепило пулей или осколком.

(БП)

Искренний дипломат

Одна из ярких страниц деятельности Бориса Николаевича — это, конечно, его дипломатическая работа. Я считаю, что это был выдающийся дипломат. Очень искренний дипломат. Его же послали в очень сладкую страну — Данию. А ему все неуютно было. Кончилось тем, что он сам настоял

на отправке послом в горячую точку — Афганистан. Вместе с Борисом Николаевичем полетела туда и Жанна Павловна.

А там война шла вовсю. Сотрудники посольства в Кабуле жили в ужасных условиях, в поселке, огороженном стеной, но не более того. Полной защищенности не было и в помине — случалось, территорию обстреливали, приходилось прятаться в бомбоубежище. И климат... Жара, особенно летом, невероятная! В общем, условия жизни рассчитаны на сильного человека. Борис Николаевич и Жанна Павловна все это прошли.

А пока они там, дочери находились здесь, в Москве. Я помню, ко мне приходила Таня Пастухова. У меня на работе была связь ВЧ. Я соединял ее с посольством в Кабуле и, естественно, выходил из кабинета, пока они что-то обсуждали. Конечно, и Таня, и Надя очень переживали за родителей, хотели, чтобы папа и мама поближе были. Но Борис Николаевич всю свою вахту выдержал до самого конца. А иначе он не мог, потому что был очень правильный, верный своему долгу человек. Такой не предаст.

(В.Н. Игнатенко)

Орден «От благодарного афганского народа»

Жанна — доктор технических наук, профессор МВТУ имени Н.Э. Баумана — оставляет науку, преподавание и едет со мной в Копенгаген. В одночасье превращается в домохозяйку. Все подчинено семье — как там в Москве девочки, бабушки. Нам здесь сытно, а там... И в Москву летят посылки с консервами и крупой, одеждой и всякими подарками. Написан последний учебник. В Дании металловедение не развито, экспериментов делать негде. Вот они, некоторые «прелести» жизни жены посла. Я благодарен своей супруге за то, что ни в Дании, ни в Афганистане она не превратилась в самодура-командира посольского коллектива. Всегда и со всеми была скромна и любезна.

...Кабул. Жанну Павловну Пастухову туда выпустили под расписку об ответственности супруга. Тяжелые климатические условия. Постоянное напряжение от близости боевых действий, душманские ракетные обстрелы.

Попытка военного государственного переворота против президента Наджибуллы. Многие часы в посольском бомбоубежище, когда надо было и еду готовить, и успокаивать растерянных женщин — жен сотрудников посольства и военных советников, утешать личным примером и всегда оптимистично улыбаться.

Тогда власть в Кабуле выстояла. Через день, а это был канун Восьмого марта, на шумный

и многолюдный прием в советское посольство приехал Наджибулла. Радость победителей, шум, гам, конечно, угощение — наше, русское. И награждение наших женщин медалями «От благодарного афганского народа». В дополнение к целинным медалям, ордену Трудового Красного Знамени президент Афганистана вручил моей супруге Жанне Павловне Пастуховой эту дорогую боевую афганскую медаль.

(БП)

Жанна Павловна, супруга посла

Жанна Павловна... Ее невозможно было не любить. Несмотря на свой высокий статус, она была очень демократична и проста в общении, ее отличали искренность, честность и прямота. Всех привлекали ее ум, обаяние, солнечность, доброта, открытость! Она была слишком многогранна, чтобы можно было перечислить все ее качества.

В 1990 году я прилетела спецрейсом в воюющий Кабул вместе с другими женами дипломатов. На душе было тревожно, в Москве осталась в одиночестве дочь, работа в посольстве предстояла сложная. Все вокруг было чужим и незнакомым. На следующей день завхоз посольства собрал нас в представительском здании, раздал нам тряпки и ведра и велел начинать уборку в преддверие большого праздника — 7 ноября. Я оглянулась, чтоб выбрать себе участок, и увидела рядом стоявших в кружке женщин, среди которых выделялась одна, вокруг которой и группировались все остальные. Одетая, как и все, в брюки, блузу, с ведром и шваброй в руках, она вполголоса что-то объясняла. «Видимо, старшая здесь, — подумала я, — как раз то, что мне надо». Я подошла к ним поближе, но народ вокруг не редел, а только умножался, и мне никак не удавалось пробиться сквозь толпу. Я застыла, не зная, как быть... Как вдруг голос над моей головой ласково спросил: «Новенькая? Не знаете, как быть?» На вопрос, застывший у меня в глазах, она просто ответила: «Жанна Павловна, супруга посла». Я оцепенела...

Все жены дипломатов знают, особенно младший состав, что такое жена посла. Это почти небожитель, вызывающая обычно внутренний трепет и дрожь в коленях, тем более в то советское время. Жанна Павловна, напротив, притягивала одним только звуком своего голоса, обликом, и я, замирая, ей всецело доверилась, когда она меня расспрашивала, интересовалась, как мы устроились, есть ли проблемы. На меня повеяло домашним уютom, покоем, давно не испытываемым материнским теплом. Я сразу успокоилась, расслабилась

и поняла, что в Кабуле можно будет и жить, и прекрасно работать.

После этого вечера я стала за собой замечать, что всюду ищу глазами Жанну Павловну. То она гуляет в саду с мужем под руку, то сидит на скамейке, наблюдая за игрой в теннис, подбадривая Бориса Николаевича и нарушая тишину громкими аплодисментами. Приятно было видеть, что семейная пара очень дружна.

(Кяботар Мустафабейли)

Сплоченный коллектив посольства

В посольстве мне все рассказывали, какая радужная хозяйка Жанна Павловна, что у них часто бывают приемы иностранных послов и глав разных зарубежных и международных представительств. Пастуховы выполняли и другую важную миссию: объединяли и сплачивали коллективы людей в условиях войны, организовывая работу посольства как единый механизм.

Представляете, война в Афганистане, моджахеды подходят все ближе и ближе к столице, опасность витает в воздухе и пронзает грудь. А мы живем, работаем, трудимся, потому что во главе нас человек, которому мы бесконечно верим, а за спиной — Москва, Родина.

Деятельность посольства протекала тогда в непрерывном и напряженном режиме. И в этих тяжелейших условиях мой муж заболел гепатитом в тяжелой форме. Его поместили в посольскую больницу, изолировав от коллектива, а меня вызвали к главврачу, чтобы я готовила мужа к срочной эвакуации в Ташкентскую инфекционную больницу. Первая моя мысль была броситься к Жанне Павловне и просить о помощи. Саша, завхоз, посоветовал другое: «Лучше напишите письмо Борису Николаевичу, а я передам». Я писала всю ночь... Утром пришел бледный, не выспавшийся Саша и забрал письмо. Ближе к обеду прибежал взволнованный главврач и прокричал мне на ходу. «Посол взял вашу семью под личный контроль. Завтра прилетает спецрейс с врачом, заберет больного в военный госпиталь ТуркВО, радуйтесь!» Новость, видимо, облетела все посольство, все вокруг меня просто ликовали. У меня оставалось много вопросов: а что со мной, лечу я тоже или нет? В это время дома зазвонил телефон. Это была она! Моя дорогая Жанна Павловна! Все объяснила, успокоила, главное, что я еду с моим Аликом, что я буду жить в гостинице ЦК партии, что там прекрасная столовая, а мужу необходимо диетическое питание! Даже питьевую воду она распорядилась доставить нам в самолет на первое время, так как после приезда врача-инфек-

циониста и нескольких срочных уколов у больного обнаружилась угроза обезвоживания. Но самое ошеломляющее событие произошло утром, перед вылетом, когда врачи выводили моего ненаглядного на крыльцо, поддерживая его, чтоб посадить в машину. В это время дворик поликлиники начал стремительно наполняться людьми, которые все прибывали и прибывали. Вдруг толпа расступается, и я вижу в центре Жанну Павловну с Борисом Николаевичем, которые пришли нас проводить и поддержать! Вы когда-нибудь слышали о таком после и его супруге? Я — нет.

Самое сильное впечатление от Пастуховых — их человечность, доброта, милосердие.

(Кяботар Мустафабейли)

Президент и доктор Наджибулла

Доктор Наджибулла — фигура незаурядная, яркая. Некоторые наши «демократы» «награждали» Наджибуллу дикими прозвищами, например, «палач-коммунист» и другими, которые никогда ему не были никаким образом присущи. Это был истинный сын своего народа, освобождению которого от дикости и нужды он посвятил всю свою жизнь и в конце концов принял ужасную мученическую смерть. Он был медик по образованию, никогда и никого не казнил. Он был убежденным националистом, но не агрессивным, а глубоко гуманным.

Наджибулла был замечательным семьянином, он бесконечно любил свою жену и двух дочерей. Иногда он, улыбаясь, говорил о той суре Корана, где сказано, что «...мужчина, у которого две дочери, обязательно попадает в рай».

Беседовать с ним всегда было очень интересно. Он поражал своей удивительной образованностью и эрудицией. Мы говорили о жизни, о вине, о марксизме — он непринужденно ссылаясь на классиков, знал труды В.И. Ленина, документы КПСС.

После моего рассказа об отпуске, во время которого мы с младшей дочерью были в Киеве и ездили в Чернобыль, Наджибулла принимает решение послать к Новому году детям, пострадавшим от аварии на Чернобыльской атомной станции, несколько тонн афганского изюма, орехов — целый самолет плодов и фруктов. Этот подарок детворе от афганского президента сопровождали в Киев мать его жены — пожилая дама королевских кровей и две дочери президента. Подарок не маленький, но еще и риск. Поступок благородный? Конечно да! Этот жест был выше и сильнее многих речей о дружбе с советским народом.

Я не присутствовал при беседе министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе с Наджибуллой, но молва передавала, что министр предложил Наджибу (как его звали товарищи) отправить его семью в нашу страну. Президент Афганистана не возражал, но жена его ответила твердо: «Я разделю судьбу своего мужа и, если придется, умру вместе с детьми на пороге этого дома». К счастью, жизнь распорядилась иначе. Незадолго до падения режима жена Наджибуллы, не устояв перед уговорами мужа, вместе с дочками улетела погостить, как ей казалось тогда ненадолго, в Индию. Увы, именно в это время произошло предательство, и разлука оказалась вечной. Через некоторое время Наджибулла был зверски убит, буквально растерзан агентами пакистанской разведки, хотя жил он на неприкосновенной территории миссии ООН, но все равно как бы в плену.

(БП)

Поездка в Чернобыль

В 1990 году мы с папой были в Чернобыле, я окончила тогда девятый класс, и у нас начались каникулы. Летом он приехал из Афганистана, и мы сначала отправились из Москвы в Киев. Это была папина идея. Он предложил:

Жанна, надо отвезти Надю в Киев. Она никогда там не была.

Обычно папу везде встречали, а тут выходим на перрон вокзала в Киеве — никто нас не ожидает.

— Ничего, сейчас что-нибудь придумаем, поедem на такси, — предложил папа.

А ехать-то куда? — Спрашиваю. Нас обещали встретить и заселить в гостиницу. На руках брони номера не было, и адреса гостиницы мы не знали.

Пока мы искали такси, подъехали папины товарищи. А накладка произошла из-за разницы во времени в один час между Москвой и Киевом.

Мы были в столице Украины три дня, посмотрели киевские достопримечательности, проехали по Днепру... Но папе очень хотелось показать мне не только Киев — он планировал попасть в Чернобыль, где за четыре года до нашего визита на Украину произошла страшная трагедия на 4-м блоке Чернобыльской АЭС. Нам повезло — папиным друзьям удалось организовать такую поездку. Но маме о том, куда мы едем, ничего не сказали.

Мы побывали в городе атомщиков Припяти — это было страшное зрелище. Совсем немного времени прошло после аварии. Мы сфотографировались на фоне водохранилища, предназначенного для охлаждения воды из реактора. Здесь уже был поставлен памятник ликвидаторам — человек с разорванной грудью, в жутком крике. В этом

водоеме мы увидели огромных рыб — видимо, вследствие радиации, которая в 1990-м еще фиксировалась счетчиком Гейгера, и нам это продемонстрировали. Я видела здание разрушенного реактора, но близко к 4-му блоку меня не пустили. А папа был везде.

Поездка произвела на меня огромное впечатление, такое невозможно забыть. А главное, я увидела специалистов, которые занимались ликвидацией последствий аварии. Это поистине мужественные люди! Папа многих из них знал и говорил о них как о героях.

Когда мы вернулись в гостиницу, первое, что он мне сказал: сразу иди в душ. Он беспокоился за меня — все-таки были в зоне повышенной радиационной опасности.

(Дочь Надежда)

Внук Борис

Когда на свет должен был появиться мой первый сын, папа находился в Афганистане. Мама собиралась прилететь в Москву, чтобы помочь мне после родов. Но Боря (мы назвали сына в честь деда) родился на неделю или две раньше срока. Муж утром по спецсвязи позвонил моим родителям в Афганистан и сообщил радостное известие. Было утро, какое-то неурочное время.

Мой муж Павел потом рассказывал: «Твои родители сначала даже испугались — почему я звоню.

Я сказал:

— У вас родился внук Борис!

Папа очень-очень радовался. А когда он с мамой вернулся в Россию, с удовольствием занимался с внуком.

Боре очень повезло. Папа много ездил с ним по России, брал на разные мероприятия. Они дружили, в выходные всегда договаривались куда-то пойти, в кино, например, или просто гуляли по улицам Москвы.

Боря приходит как-то, смеется:

— Я деда в «Макдональдс» повел.

— И что? — спрашиваю.

— Дед пива попросил. Ему говорят: «Вы что? У нас пива нет».

— Чем же вы тут торгуете? Что же это за кафе?

В общем, они друг друга образовывали.

(Дочь Татьяна)

* * *

В час ночи 19 августа 1991 года вице-президент СССР Г.И. Янаев подписал документы о формировании Государственного комитета по чрезвычайному положению. Было принято Постановление ГКЧП № 1, в котором говорилось

о введении «в отдельных местностях СССР» чрезвычайного положения сроком на шесть месяцев. Также было объявлено о том, что президент СССР М.С. Горбачев больше не может исполнять свои обязанности по состоянию здоровья.

Крещение в период больших потрясений

Так случилось, что во время путча — в августе 1991 года — меня, Надю и моего сына Борю крестил владыка Питирим, потому что мы заранее договорились о крестинах на 20 августа. Сначала решили моего сына Бориса покрестить, но сами с сестрой оказались некрещеными. Было принято решение покреститься втроем. Папа дружил с Питиримом, который в Русской Православной Церкви отвечал за церковное книгоиздание и внешние сношения. На этой почве они и познакомились. И очень симпатизировали друг другу.

В тот день, 20 августа, мы находились в Подмосковье, в одном из пансионатов, куда нас устроил папин друг Валерий Константинович Белянинов, тогда заместитель министра внутренних дел. В Москве происходило что-то непонятное, мы получали противоречивые известия от разных людей. Сидели там и думали — ехать, не ехать на крещение. И, наконец, папа сказал: «Нет. Мы едем». Нас крестили в церкви на Пироговке.

Это был замечательный день! К крещению чужих людей не привлекали, потому что посчитали, что это дело интимное, семейное. У Бори крестной стала моя мама, а крестным — отец моего мужа Александр Павлович Владиславлев, второй дедушка. А когда позже крестили моего младшего сына Александра, было по-другому: крестный отец — мой папа, а крестная мать — моя свекровь Карина Павловна Лисициан. Так мы и перемешали бабушек и дедушек.

Мне сложно оценить, как папа относился к событиям того времени. Думаю, он понимал, что у власти находились люди, масштаб личности которых сильно уступал масштабу задач, стоявших перед ними. Впрочем, папа такое и раньше видел. Да и позже. А страну свою он очень любил и потому переживал за нее. Одно знаю точно, к насилию он относился отрицательно.

(Дочь Татьяна)

Странный звонок из Москвы

Надо признать, что мы в советском посольстве в Афганистане замечательно жили, хотя и в постоянном напряжении. Машина посла всегда была «под парами». Ну а самым большим врагом был телефон. Из Москвы обычно по спутниковой связи звонили с раннего утра. К обеду вроде бы все зати-

хало, ну а после обеда и молитвы моджахеды принимались за дело и начинали обстрел, вот почему машина была всегда наготове — на случай, если кого-то нужно будет везти в госпиталь. Там у нас постоянно дежурили две бригады врачей-хирургов.

Жизнь в Кабуле была довольно оригинальная. Многим из моих тогдашних коллег, по их признанию, эта жизнь и теперь снится и поднимает на ноги среди ночи.

Но вообще Афганистан — прекрасная страна, и живут там замечательные люди. Было много такого, о чем буду вспоминать до конца дней...

Но никогда не смогу забыть о том, как меня отозвали из Афганистана.

Начались смутные времена...

Помню, пришла телеграмма от Кунадзе, заместителя министра иностранных дел (его давно нет в МИДе, этого Кунадзе). Он пишет мне, что в своих дипломатических документах я не должен употреблять терминов «моджахеды», «бандиты», «террористы», так как это оскорбительно для другой стороны, ну и еще несколько подобных идей.

Я ему звоню и говорю, что не понимаю его поручения...

— А я не понимаю ваших посланий, — отвечает он, — вы все время пишете «моджахеды», «бандиты», а где же национальное примирение?

— Вы должны понимать не хуже меня, — говорю я ему, — что бандиты и национальное примирение — это совершенно разное. И с бандитами мы никогда примириться не сможем, не только потому что это неприемлемо для нас, но и потому, что они сами этого не хотят и никогда не допустят. А как называть постоянные обстрелы, которые они ведут по жилым кварталам, в результате чего гибнет мирное население, это ведь не мои выдумки, а реальность, от которой никуда не уйдешь...

И он мне заявляет:

— Вы за границей уже давно, вам пора возвращаться домой.

— Не так быстро, — отвечаю я, — меня за неделю снарядили и отправили в Афганистан. А теперь хотите так же срочно отозвать... Мне надо знать, куда я вернусь.

— У вас много друзей в Москве, не сомневаюсь, что вы без труда найдете себе работу, — отвечает он мне эдак влегкую.

Ну тогда я отвечаю совершенно официально:

— Извините, но я сотрудник Министерства иностранных дел, чрезвычайный и полномочный посол, и если вы меня отзываете, то обязаны предоставить мне работу.

— Мы вам ничего не обязаны. Собирайтесь и завершайте свое пребывание...

— Если вы меня официально отзываете, то присылайте соответствующий документ за подписью министра и к тому же предварительно для объяснений вызовите меня в Москву.

— Не надо вам приезжать в Москву, тем более что у нас нет возможности организовывать для вас командировку.

— Хорошо, — отвечаю я, — если у вас нет денег, я приеду на свои средства.

— Ну, в конце концов, это ваше личное дело.

Вот примерно такой кухонный разговор получился.

(БП)

Возвращение в Москву

Настал день, когда Пастуховым надо было возвращаться из Кабула в Москву. Провожало их все посольство. Помню, как трогательно они прощались со всеми: «До Москвы, до встречи...»

И действительно, ровно через 11 месяцев, в декабре 1992 года Борис Николаевич встречал в аэропорту свое еле живое посольство, просидевшее в длительной осаде в подвалах под пулями, наших людей тогда чудом вывезли живыми военные самолеты. Он стоял у трапа, каждому пожмал руку и кивком головы благодарил за службу. Потом по его ходатайству дипломаты получили награды, отпуска, лечение.

(Кяботар Мустафабейли)

Афганская отметина

Я уехал из Афганистана тогда, когда там все уже рухнуло.

Поседел я в Кабуле. Из Кабула я вернулся белым. Никогда не забуду, как в Москве меня встречал Сережа Купреев — генерал пожарной службы, ранее — первый секретарь МГК ВЛКСМ, секретарь Бауманского райкома партии.

— Ой-ой-ой, — Сергей прикрыл рукой глаза, но через некоторую паузу продолжил, — у тебя брови седые?!

Я говорю:

— Да, Серега...

(БП)

Сергей Купреев

Он тоже ушел от нас молодым. И он остается в нашей памяти навсегда молодым. Большая, светлая, яркая, талантливая личность, настоящий человечисце. Никогда не забудутся его светлая улыбка, глаза, широко распахнутые миру, его юношеская, детская открытость и необычайный интерес, с которым он воспринимал людей и мир вокруг себя. Он славно жил, много и честно рабо-

тал, любил людей, детвору, любил жизнь. И трагически погиб...

Вспоминаю свой первый прилет в командировку в МИД из Афганистана. Военно-транспортный самолет приземляется, вырывается на специальную стоянку в Шереметьеве. Медленно опускается задняя аппарель Ил-76, и на кромке ее стоит громадный мужчина в генеральской шинели, папахе и сапогах, с пятью зимними гвоздичками в руке. Вот таким заботливым и нежным он был всегда.

Как-то однажды я был в его райкомовском кабинете в новом здании на Разгуляе. Меня впечатлил тогда не солидный кабинет, не большой письменный стол первого секретаря, а ряд бумажных квадратиков на столе с фамилиями, именами, какими-то памятными заметками — это все те, кому надо было что-то сделать, помочь, похлопотать. Эту мозаику он всегда держал перед собой, вернее сказать, в поле своего зрения. За каждым бумажным квадратиком был человек, которому Сережа должен был помочь и помогал. Квадратики становилось то больше, то меньше, но они никогда не исчезали совсем с рабочего места первого секретаря.

Человек гордый, азартный, он не любил проигрывать ни в спорте, ни в жизни. Фанатично любил теннис, неплохо играл, хотя травмированное колено постоянно вызывало боль и мешало двигаться так, как ему хотелось бы. Все компенсировал азарт. Азарт во всем. Это передать трудно и забыть невозможно.

Серезу, Сергея, Сергея Александровича любили. Никогда не забуду огромную очередь в клуб МВД на прощание с ним. Так на моей памяти — ни до, ни после — не провожали никого. Люди шли и шли, не мобилизованные, без каких-то разрядов райкома или райисполкома, шли, потому что в Москве его знали и любили многие.

(БП)

Встреча с Ельциным. Назначение заместителем министра иностранных дел России

На военном самолете добираюсь до Ташкента, там покупаю билет, лечу в Москву. Прихожу к знакомым и спрашиваю: «Что тут у вас происходит? «Красные» меня били, потом выгнали на дипломатическую работу. Теперь «демократы» тоже бьют... непонятно за что. Прямо какая-то «Свадьба в Малиновке»: «Белые приходят, грабют, зеленые приходят — грабют, красные приходят... тоже, понимаешь...» Организуйте, говорю, мне встречу с Борисом Николаевичем Ельциным, без этого я не уеду.

Ну, друзья воспользовались всякими своими связями, организовали. И вот в феврале 1992 года я иду в Кремль на встречу с Президентом России. У меня с собой завернутое в материю старинное афганское ружье, из которого уже лет двести не стреляли. Вхожу в приемную, там Александр Васильевич Коржаков.

— Это что такое у тебя? — заинтересовался.

— Старинный мушкет, — отвечаю.

— О! О! О! Дай мне! — говорит.

— Не могу, это я Борису Николаевичу привез.

— Да не нужен ему этот старый хлам, дай мне, — настаивает Коржаков. Очень, видно, ему этот раритет по душе пришелся.

— Я могу отдать, — говорю, — но тогда я должен буду сказать Борису Николаевичу, почему я ему эту штуку не доvez.

— Хи-хи, ха-ха, — сказал Коржаков и пропустил меня.

Вхожу в кабинет:

— Борис Николаевич, я вам привез ружье старинное. Из таких вот мушкетов двести лет назад афганцы всю английскую армию перебили.

Он с большим интересом раритет рассмотрел, поблагодарил. Оружие он любил. Разное.

— Ну, рассказывай, чего приехал?

Борис Николаевич, хочу сообщить вам, что я рядовой российский безработный.

Рассказал байку про белых, зеленых и красных...

— Знаешь, — задушевно так говорит Ельцин, — всю ночь думал, куда тебя деть, и вот решил назначить тебя заместителем министра иностранных дел.

А на столе, смотрю, и правда уже бумага лежит. Он берет ручку и подписывает. Любил он все делать вот так, эффектно.

Одним словом, без ружья, без «боеголовок», но с новым назначением я покинул Кремль.

(БП)

Дружба с Ли Пэнном. Сквозь годы

Когда Б.Н. Пастухов был секретарем комитета комсомола МВТУ им. Баумана, в СССР в Московском энергетическом институте учился простой китайский студент Ли Пэн, ставший потом премьером Государственного Совета Китая. Ли Пэн во время учебы был председателем Ассоциации китайских студентов в Советском Союзе. На этой почве они с Б.Н. Пастуховым и познакомились. И когда Ли Пэн женился (это происходило в Москве), Борис Николаевич был одним из организаторов его свадьбы и даже тамадой. Мы чествовали молодоженов где-то в районе Сокола. Ли Пэн

окончил МЭИ в 1955 году, кстати, с красным дипломом, после чего возвратился на родину. С тех пор у них с Борисом Николаевичем и сложились прекрасные отношения.

Лет через тридцать после той комсомольской свадьбы я собрался поехать в Китай, и Борис Николаевич меня попросил:

– Если будет возможность, передай товарищу Ли Пэну от меня посылку.

Это были две бутылки водки и две баночки икры. С этим нехитрым подарком я поехал в Китай. В аэропорту меня встречали китайские товарищи. И я попросил их:

– Можете передать подарок от товарища Пастухова товарищу Ли Пэну?

– Ли Пэну?

– Ну, да. Председателю правительства.

Они взяли посылку, поговорили с кем-то по телефону, пока мы ехали из аэропорта. И удивительное дело! Они привезли меня прямо на дачу товарища Ли Пэна. Он очень тепло встретил меня, и мы всю ночь пели комсомольские песни. «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди...» Вспоминал Бориса Николаевича. Была и супруга Ли Пэна. Они оба по-русски замечательно говорили.

Когда закончилась моя поездка в Китай, обратно в Москву я ехал с двумя утками по-пекински; мне все тщательно упаковали, чтобы я довез их теплыми. Этот подарок от Ли Пэна я передал Борису Николаевичу.

(В.Н. Игнатенко)

Урегулирование межнациональных конфликтов. На грани отставки

Какое-то время я работал в МИДе, занимаясь поначалу самыми разными делами, начиная с консульской службы и кончая хозяйственными вопросами. Затем меня превращают в зама, которому поручаются горячие точки. Не напрасно я однажды сказал журналистке, что в каждой солидной организации нужен свой Борис Николаевич (имея в виду наше сходство имени и отчества с Б.Н. Ельциным), который обеспечивает тушение пожаров.

Вот тогда жизнь меня помотала. Я стал специальным представителем президента по урегулированию грузино-абхазского конфликта, тогда началась эпопея, связанная с Нагорным Карабахом, Приднестровьем, — это, по сути, целые главы моей жизни.

Постепенно я начинаю понимать, что положение мое изменяется, так как то, чем я занимаюсь, — это ведь и есть реальная дипломатия.

У Андрея Владимировича Козырева, который тогда был министром иностранных дел, на этот счет были своя философия, свой подход. Козырев меня никогда не выделял и, видимо, не ожидал этих успехов и того, что нам удастся разработать и подписать ряд полезных документов и соглашений по части мирного урегулирования конфликтов.

И вот на одном из совещаний он начинает очень круто на меня наезжать, обвиняя, что у нас нет никаких реальных результатов, никакого продвижения и т. п.

Я встаю и отвечаю, что с подобными выводами согласиться не могу. Говорю о соглашениях и документах, которые нам удалось подписать, и о том, как они работают и какие открывают перспективы. Если имеются конкретные претензии, я готов их обсуждать, если же я вас просто не устраиваю, скажите прямо — я за свое кресло цепляться не буду и на этом, как говорится, честь имею. Повернулся и ушел.

Возвращаюсь к себе в кабинет и начинаю ждать, когда мне принесут приказ о моем увольнении. Проходит день. Я нахожусь как бы в безвоздушном пространстве. Очень неприятная ситуация.

Проходит еще день, и... на место Козырева приходит Евгений Максимович Примаков.

Он производит меня в первые заместители министра иностранных дел по вопросам СНГ и урегулированию конфликтов. С головой погружаюсь в эту огромную, сложную и очень интересную работу.

(БП)

* * *

21 июля 1992 года в Москве президенты России и Молдовы Б.Н. Ельцин и Мирча Снегур подписали соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта на Днестре. Это была одна из первых задач, решением которой Б.Н. Пастухов занимался в качестве руководителя рабочей группы, готовя базовые документы соглашения. Несмотря на то, что Приднестровье не являлось подписантом этого соглашения, республика фактически получила статус стороны переговоров, наравне с Молдовой взяв на себя определенные обязательства под гарантии Российской Федерации.

Это происходило в мае 1997 года. Тогда президент Молдовы Петр Лучинский и президент Приднестровья Игорь Смирнов при посредничестве России, Украины и ОБСЕ подписали в Москве до-

кумент, в котором Тирасполь согласился строить свои отношения с Кишиневом «в рамках общего государства». Взамен приднестровские власти получили возможность поддерживать контакты на международном уровне в экономической, культурной и других сферах.

Подготовку этой встречи министр иностранных дел Е. М. Примаков держал под личным контролем, а мне поручил вести переговоры с президентами Молдовы и Приднестровья. Противоречий между конфликтующими сторонами накопилось много, но, что хорошо, с 1992 года было остановлено вооруженное противостояние, и это послужило основой для нового соглашения. И то, что Петр Кириллович и Игорь Николаевич сели за стол переговоров, стало большим успехом.
(БП)

В июне 1993 года Б.Н. Пастухов был назначен личным представителем Президента России на переговорах об урегулировании острейшего конфликта в Абхазии. С этих пор его жизнь протекала в бесчисленных поездках, встречах в Сухуми, в Тбилиси, в Сочи и Москве. Переговоры порой больше походили на диалоги слепых с глухими. Однако дипломатические усилия привели к перемирию и подписанию соглашения, что по тем временам означало мирный выход из кризиса.

Дипломаты-миротворцы

Россия была вовлечена в процесс урегулирования грузино-абхазского конфликта с самого начала, выступая в качестве посредника при достижении соглашений о прекращении огня, выдвигая различные инициативные предложения и проекты документов. В период с 1992 по 1997 год именно России принадлежало лидерство в этой области, и именно в Москве весной 1994 года были подписаны основополагающие документы — «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», «Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц», «Соглашение о прекращении огня и разъединении сил».

Российские дипломаты, выступая в качестве миротворцев, регулярно собирали конфликтующие стороны за стол переговоров для обсуждения вопроса о политическом статусе Абхазии, предлагали проекты протокольных договоренностей. На этом этапе в процесс урегулирования были активно вовлечены российские руководители.

Б.Н. Ельцин несколько раз встречался с президентом Грузии Э.А. Шеварднадзе и президентом Абхазии В.Г. Ардзинбой.

Переговоры возобновились летом 1997 года, когда к переговорщикам с российской стороны присоединился министр иностранных дел Е.М. Примаков. Именно по его настоянию 14 августа, в годовщину начала грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, президент Абхазии Ардзинба совершил беспрецедентный визит в Тбилиси. Мне довелось участвовать в этой исторической встрече. Она состоялась в присутствии Евгения Максимовича. Было оглашено совместное заявление, в котором стороны обязались «не прибегать к оружию для решения разделяющих их противоречий и ни при каких условиях не допускать возобновления кровопролития». Хотя в самой Абхазии Ардзинба подвергся осуждению за этот визит, но эта поездка и совместное заявление двух президентов в значительной степени снизили остроту напряженности во взаимоотношениях сторон.

(БП)

Первый заместитель министра иностранных дел

9 января 1996 года Е.М. Примаков, ранее в течение пяти лет возглавлявший Службу внешней разведки, был назначен министром иностранных дел России. Менее чем через месяц с подачи Евгения Максимовича, что было утверждено указом Президента России Б.Н. Ельцина, Борис Николаевич Пастухов назначен 1-м заместителем министра иностранных дел.

С именем Примакова связывают переход России от атлантизма к курсу на многовекторную внешнюю политику. Евгений Максимович выступал за продолжение развития отношений России со странами Европы и Северной Америки, сохраняя за Россией право проводить независимую внешнюю политику в Китае, Южной Азии и на Ближнем Востоке.

Он первым предложил укрепить взаимное сотрудничество между Россией, Индией и Китаем, что стало основой для создания БРИКС. Е.М. Примаков смог остановить отток молодых дипломатических кадров из внешнеполитического ведомства, добившись освобождения дипломатов от прохождения срочной военной службы и увеличения им заработной платы.

Томик Самеда Вургуна с автографом Гейдара Алиева

Когда пик вооруженных действий в Нагорном Карабахе прошел, мы с Е.М. Примаковым должны были лететь в Баку, чтобы забрать сотню армян, плененных в период боев, и на российском само-

лете доставить их в Ереван. И там в этот же самолет посадить и доставить обратно в Баку сотню пленных азербайджанцев.

Когда мы приехали в бакинский аэропорт, оказалось, что в этой сотне нет армянина, приговоренного к смерти за «военные преступления против азербайджанского народа». Евгений Максимович сказал провожавшему нас президенту страны Гейдару Алиеву (который ценил Примакова очень высоко), что не полетит без этого человека. Президент позвонил, привезли военнопленного.

Вылетели из Баку, и тут я подумал, что эта сотня может в любой момент взбунтоваться. И угнать самолет за границу. Я спросил у охранника Е.М. Примакова Валерия: «Сколько у тебя патронов?» Тот показал свой «Макаров» с одной обоймой. Я решил пообщаться с армянами и выяснить настроения. Поговорил и понял, что эти люди хотели только домой.

Передав армянской стороне пленных, мы с Е.М. Примаковым вылетели в столицу Нагорного Карабаха Степанакерт. И там нам тоже не хотели отдавать одного или двух военных преступников в эту «азербайджанскую сотню». Примаков вновь жестко сказал, что мы не улетим из Степанакерта, не получив всех по списку. Вопрос был решен.

Когда вернулись в Баку и передали пленных азербайджанцев, Гейдар Алиев с Евгением Максимовичем уединились. А я хожу нервно по коридору. В приемной президента Азербайджана библиотека. Я беру томик Самеда Вургуня. Когда беседа закончилась, подхожу к Гейдару Алиеву и говорю: «Гейдар Алиевич, можно я у вас утащу эту книжку, у меня такой нет». «А что, у вас не издают Вургуня?» — спрашивает Алиев. Я говорю: «Может быть, и издают, но я пропустил, у меня нет ни одной вещи Самеда Вургуня. Черкните, пожалуйста, автограф на этой книге». Гейдар Алиевич расписался. Эта книга лежит у меня дома, пузатенькая такая, красная.

В дальнейшем по поручению Е.М. Примакова я не раз выезжал и в Азербайджан, и в Армению по делам нагорнокарабахского конфликта. Мы понимали, что проблему не удастся решить быстро. Но я всегда говорил армянам: «Вы рискуете. Азербайджан наберет силу, будет иметь сильную армию и сокрушит вас. Подумайте об этом...»

(БП)

Утренний звонок домой Примакову

Однажды я позвонил Е.М. Примакову по домашнему телефону утром. В МИДе сидели три

представителя таджикской оппозиции, накануне согласившиеся подписать документ о национальном примирении. В Кремле ждал подписания договора о национальном примирении Эмомали Рахмонов, президент Таджикистана. Там уже шампанское открыли.

Но когда оппозиционеры появились в МИДе, они как обухом по голове ударили. Лидером оппозиции в Таджикистане был мулла Нури, бородач такой: «Мы решили не подписывать!»

Но как, мы же вчера вечером договорились — и вы сказали «да»?! Они отвечают, что посоветовались и решили, что продешевили...

Вот тогда мне пришлось звонить Примакову домой. Жена говорит: «Он в душе!» Евгений Максимович каждое утро принимал ледяной душ. Через пару минут он перезвонил, и я ему говорю: «Евгений Максимович, катастрофа!» Он отвечает: «Да не волнуйся, сейчас приеду!» Приехал в МИД, мы обсудили с ним проблему. Решили, надо действовать немедленно. Сели за стол с муллой Нури, переговорили — и уже минут через пять чувствую, ситуация начинает сдвигаться в лучшую сторону. Я думаю, сказанная авторитет Примакова. Нури его не боялся — он его уважал. В тот же день договор о национальном примирении в Таджикистане был подписан.

(БП)

Гречневая каша для дипломатов

Папа замечательно выступал. Это было дано ему от природы: гениальный оратор, превосходный трибун, потому что его энергетика охватывала всех.

Когда папа выступал со сцены на различных мероприятиях или по телевидению в программах, в новостных передачах, работая в комсомоле, МИДе, Правительстве России, Государственной думе, Торгово-промышленной палате, я буквально с трепетом слушала его речи, настолько яркими, живыми, обращенными к самому сердцу слушателей они были.

Я только сейчас стала понимать, насколько большим и серьезным руководителем был отец. Я видела его в обычной жизни: он всегда представлялся мне скромным, открытым к общению, доступным и абсолютно не звездным, в сегодняшнем понимании этого слова, человеком. И при этом насколько жизненно важные, крупные задачи он решал! За его государственной деятельностью всегда стояли судьбы конкретных людей.

Например, когда папа пришел на работу в МИД, первое, что он сделал, — изыскал все

возможности для того, чтобы сотрудникам министерства повысить оплату. Ведь наши дипломаты, особенно молодые, работая в России или за границей, получали мизерные зарплаты, в результате в середине 1990-х профессионалы своего дела вынуждены были уходить из МИДа, чтобы обеспечивать свои семьи, и министерство, отвечающее за внешнюю политику России, буквально разваливалось, теряя лучшие кадры.

Во время очередного визита президента России Б.Н. Ельцина в министерство папа повел его в мидовскую столовую и сказал:

– Посмотрите, Борис Николаевич, что едят молодые дипломаты.

Они ели гречневую кашу и хлеб, стоивший 2 копейки, смазав его горчицей, которая была бесплатной. И вот этот поход в столовую стал одним из решающих факторов, повлиявших на повышение заработных плат сотрудникам министерства.

(Дочь Надежда)

О музыкальной памяти

Папа был необычайно разносторонним человеком. Объясню. Мой муж Павел из очень музыкальной семьи. Он внук всемирно известного певца, народного артиста СССР П.Г. Лисициана. Его мама Карина Лисициан пела в дуэте со своей сестрой Рузанной, они заслуженные артистки России, народные артистки Армении. Таким образом, Павел вырос в атмосфере классической музыки и, хотя музыкантом не стал, большой ее знаток.

В выходные мы с Павлом ездили вместе с папой на дачу и в дороге обязательно слушали музыку. Муж делал подборку классических произведений, и мы в дороге любили угадывать их авторов. Папа прекрасно разбирался в классической музыке, что для меня, честно говоря, было открытием. Помню, как, характеризуя Шостаковича, он сказал: «Вся его музыка состоит как будто из осколков!» Больше ни от кого я такой характеристики не слышала.

(Дочь Татьяна)

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ РОМАНА ВЛАДИМИРОВИЧА КУЛЕШОВА

Мацкевич Игорь Михайлович

Роман Владимирович Кулешов родился 5 апреля 1980 г. Погиб, выполняя свой воинский и гражданский долг, 21 марта 2023 г. До своего 43-летия он не дожил, и его день рождения мама, брат, жена и дети будут отмечать без него. Впервые...

В 2010 г. он стоял у истоков возрождения Союза криминалистов и криминологов, всемерно поддерживал Союз словом, делом и мудрым советом, а когда было трудно, всегда был рядом. Благодаря ему работает сайт Союза криминалистов и криминологов, потому что именно Роман Кулешов — единственный, кто смог справиться с техническими проблемами, когда они возникли, и подсказал, что делать в будущем, чтобы этого не повторилось.

Так что в том, что вы сейчас читаете этот текст, заслуга Романа Кулешова, хотя он этого уже никогда не узнает.

Он был прекрасным руководителем. Работал во ВНИИ МВД, в ВИПК МВД, в течение долгого времени работал с Владимиром Яковлевичем Ки-

котем, имя которого сегодня носит Московский университет МВД, для которого Роман Кулешов был не чужим человеком. Получил звание подполковника внутренней службы в очень молодые годы. Был бы полковником, но предпочел уйти, а не заискивать перед переменчивыми начальниками.

Благодаря Роману Кулешову, его без преувеличения титаническим усилиям в России сохранено производство подшипников, что, как сегодня совершенно очевидно, является одним из важнейших компонентов работы отечественного ВПК.

Он был ученым. Кандидатом и доктором юридических наук. Его работы по криминалистике останутся в анналах отечественной юриспруденции и будут востребованы отечественными правоведами.

Роман Владимирович Кулешов — честный и порядочный человек. Понимая тонкости и особенности жизни, в том числе связанные с вопросами научной аттестации (когда, например, защищались ученики его друзей), в принципиальных вопросах он не терпел компромиссов. Для него мир не делился на красных и белых, на наших и не наших. Но он очень точно определял, где правда, а где неправда. Неправду он считал ложью и справедливо полагал, что объяснить ложь, а тем более ее оправдать невозможно. Ни при каких условиях.

Роман Владимирович Кулешов был романтиком. Чтобы завоевать сердце своей будущей жены, он отправился в Казанский юридический институт МВД и попросил ее руки у руководителя этого института. Когда и где вы в последний раз слышали о подобном поступке? Может быть, в поэмах Шекспира или Пушкина? Но это было не сто и не триста лет назад, а всего каких-то пятнадцать — совсем недавно, но об этом мы узнаем только сейчас, когда Романа Кулешова нет. Сам

НЕКРОЛОГ

он об этом никому не рассказывал. И не потому, что стеснялся, нет. Просто он считал это нормальным. Нормальным поступком обычного человека, которым, конечно, никогда не был. Он был совершенно необычным человеком. Во всем — в делах и в словах.

Он всегда был лучше, честнее нас всех. В трудное время он не смог оставаться в стороне. Еще до того, как его позвали (его никто не призывал), он сам вызвался помогать своей стране и своим людям (прежде всего, всем нам — тем, кто был рядом с ним) и ушел в самую гущу, самое пекло событий.

Он ни разу не осудил тех, кто чуть позже бежал из страны, бросая дорогие авто и пешком пересекая границы других стран. И хотя у него были не менее дорогие авто, он направился совсем в другую сторону. Про сбежавших он ничего не говорил, он просто был другим — самым необычным человеком.

После его гибели мир поделился на мир Романа Кулешова и мир не Романа Кулешова. В том другом, не его мире — те, кто бежит из страны, кто ищет блох в его диссертациях, кто боится того, что сейчас происходит в мире. Боится, потому что будущий мир — не их, потому что они не из мира Романа Кулешова.

Роман Владимирович Кулешов — настоящий человек — самый обычный необычный герой нашего времени, который сделал наш мир чище и лучше. Свою часть работы он выполнил. Дело за нами и теми, кто идет следом.

Его слова незадолго до смерти были не о себе. Он говорил о том, как лучше построить нашу жизнь, как сделать, чтобы гибло меньше людей. Он знал, как это можно сделать, и несомненно сделал бы.

Не успел. Никто не может все успеть. Он и так сделал очень-очень многое за свою несправедливо недолгую жизнь. Остальное оставил нам.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакьян Михаил Владимирович — кандидат юридических наук, доцент образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» БФУ им. И. Канта, MVAvakyan@kantiana.ru

Анисифоров Тим Сергеевич — кандидат юридических наук, заместитель декана юридического факультета по научной работе, доцент кафедры конституционного и муниципального права Государственного университета просвещения, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ts.anisiforov@mgou.ru

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, borkovv@mail.ru

Бражин Юрий Юрьевич — преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, brazhin.yura@bk.ru

Волчечкая Татьяна Станиславовна — доктор юридических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра ситуалогии и экономико-правовой регионалистики, профессор образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» БФУ им. И. Канта, руководитель Калининградского отделения Союза криминалистов и криминологов, TVolchetskaya@kantiana.ru

Григорьев Анатолий Николаевич — доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, a.n.grigoriev@mail.ru

Дегтерев Андрей Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, degterevand@rambler.ru

Дмитренко Андрей Петрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Жилкин Максим Геннадьевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Игнатович Наталья Павловна — студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), tasha.366@ya.ru

Исаенко Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Московского государственного областного педагогического университета, viach.isaencko2015@yandex.ru

Кадников Николай Григорьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Козырева Ирина Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Института права Уфимского университета науки и технологий, irinak75@gmail.com

Кот Екатерина Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, katerina.kot.89@bk.ru

Крамаренко Владимир Петрович — кандидат юридических наук, доцент образовательно-научного кластера «Институт высоких технологий» БФУ им. И. Канта, vkram39@mail.ru

Куликов Александр Викторович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии БФУ им. И. Канта, bmw0052@rambler.ru

Куликова Светлана Геннадьевна — доктор исторических наук, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, svetlana-1977@mail.ru

Куркова Наталья Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент БФУ им. И. Канта, член Союза криминалистов и криминологов, kurkovna@list.ru

Кустов Анатолий Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Института экономики и права МГОУ, профессор Академии управления МВД России, amkustov@bk.ru

Лопашенко Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, lopashenko@yandex.ru

Макарова Олеся Александровна — кандидат юридических наук, доцент БФУ им. И. Канта, член Союза криминалистов и криминологов, mgf1906@yandex.ru

Мацкевич Игорь Михайлович — профессор, mackevich2004@mail.ru

Осипова Екатерина Васильевна — кандидат юридических наук, доцент образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» БФУ им. И. Канта, EVOsipova@kantiana.ru

Панькина Инга Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент ОНК «Институт управления и территориального развития» БФУ им. И. Канта, iupanjkina@yandex.ru

Приходько Наталья Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени К.Ю. Кикотя, член Союза криминалистов и криминологов, nnnatasha2009@yandex.ru

Пшеничников Илья Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, nataliailya@yandex.ru

Углицких Дмитрий Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, uglickih@rambler.ru

Цысс Зинаида Александровна — студентка 2-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), zinaidatsyss@gmail.com

Шабанов Вячеслав Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, vkram39@mail.ru

Шелег Ольга Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции, доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, kf_sheleg@mail.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Anisiforov Tim Sergeevich — Kandidat der Rechtswissenschaften, stellvertretender Dekan der Juristischen Fakultät für Forschung, Dozent des Lehrstuhls für Verfassungs- und Kommunalrecht an der Staatlichen Universität der Ausbildung, Dozent des Lehrstuhls für Finanzrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen Kutafin-Universität (MSAL), ts.anisiforov@mgou.ru

Avakyan Mikhail Vladimirovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Bildungs- und Forschungsclusters „Institut für Management und territoriale Entwicklung“ an der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, MVAvakyan@kantiana.ru

Borkov Viktor Nikolaevich — Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Leiter der Abteilung des Strafrechts an der Akademie des russischen Innenministeriums in Omsk, borkovv@mail.ru

Brazhin Yuri Yurievich — Dozent im Fachbereich Straf- und Strafvollzugsrecht Akademie des Innenministeriums Russlands in Nischni Nowgorod, brazhin.yura@bk.ru

Cyss Zinaida Alexandrovna — Studentin im 2. Jahr am Institut für forensische Gutachten der Moskauer Staatlichen Kutafin-Rechtsuniversität (MSAL), zinaidatsyss@gmail.com

Degterev Andrey Aleksandrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Astrachan Staatlichen Universität, degterevand@rambler.ru

Dmitrenko Andrey Petrovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer Kikot' Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, krim-pravo@yandex.ru

Grigoriev Anatoly Nikolaevich — Doktor der pädagogischen Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Leiter der Abteilung für Verwaltungs- und Rechtsdisziplinen und Informationsunterstützung der Organe für interne Angelegenheiten Kaliningrader Zweigstelle der St. Petersburger Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, a.n.grigoriev@mail.ru

Ignatovich Natalia Pavlovna — Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen Kutafin-Universität (MSAL), tasha.366@ya.ru

Isaenko Vyacheslav Nikolaevich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafverfahren und Kriminalistik der Moskauer Staatlichen Regionalen Pädagogischen Universität, viach.isaenko2015@yandex.ru

Kadnikov Nikolay Grigoryevich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer Kikot' Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, krim-pravo@yandex.ru

Kot Ekaterina Aleksandrovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, führende Dozentin der Abteilung für Verwaltungs- und Rechtsdisziplinen und Informationsunterstützung der Organe für interne Angelegenheiten Kaliningrader Zweigstelle der St. Petersburger Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, katerina.kot.89@bk.ru

Kozyreva Irina Evgenievna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Dozentin der Abteilung für Kriminalistik des Instituts für Rechtswissenschaften, Universität für Wissenschaft und Technologie Ufa, irinak75@gmail.com

Kramarenko Vladimir Petrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Bildungs- und Wissenschaftsclusters „Institut für Hochtechnologien“ an der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, vkram39@mail.ru

Kulikov Alexander Viktorovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Rechtsanwalt der Russischen Föderation, Leiter der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie, Baltische Föderale Immanuel-Kant-Universität, bmw0052@rambler.ru

Kulikova Svetlana Gennadijevna — Doktorin der Geschichtswissenschaften, Leiterin des Lehrstuhls für Staats- und Zivilrecht der Abteilung des Moskauer Gebiets der Moskauer Kikot' Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, cvetlana-1977@mail.ru

Kurkova Natalia Alekseevna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Mitglied des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, kurkovna@list.ru

Kustov Anatoly Mikhailovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Jurist der Russischen Föderation, Professor am Lehrstuhl für Strafverfahren und Kriminalistik des Instituts für Wirtschaft und Recht der Moskauer Regionalen Staatlichen Universität, Professor an der Akademie für Management des Innenministeriums Russlands, amkustov@bk.ru

Lopashenko Natalya Alexandrovna — Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, verdiente Rechtsanwältin der Russischen Föderation, Professorin der Abteilung für Straf- und Strafvollzugsrecht der Staatlichen Rechtsakademie Saratow, lopashenko@yandex.ru

Makarova Olesya Aleksandrovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Mitglied des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, mgf1906@yandex.ru

Matskevich Igor Mikhailovich — Professor, mackevich2004@mail.ru

Osipova Ekaterina Vasilievna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Bildungs- und Forschungsclusters "Institut für Management und territoriale Entwicklung" an der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, EVOsipova@kantiana.ru

Pankina Inga Yurievna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, Dozentin des Instituts für Management und territoriale Entwicklung, Baltische Föderale Immanuel-Kant-Universität, iupanjkina@yandex.ru

Prikhodko Natalya Yurievna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin der Abteilung für Strafrecht der Moskauer Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, Mitglied des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, nnnatasha2009@yandex.ru

Pshenichnov Ilya Mikhailovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent für Strafrecht und Kriminologie an der Filiale von Nischni Nowgorod der St. Petersburger Akademie des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation, nataliailya@yandex.ru

Shabanov Vyacheslav Borisovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Abteilung für Kriminalistik der Belarussischen Staatlichen Universität, vkram39@mail.ru

Sheleg Olga Alekseevna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, Polizeioberst, Dozentin der Abteilung für Kriminalistik, Kaliningrader Filiale der St. Petersburger Universität des Innenministeriums Russlands, kf_sheleg@mail.ru

Uglitskikh Dmitry Vasilievich — Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, leitender Dozent, Abteilung für Strafrecht und Kriminologie des Moskauer Gebiets, Moskauer Kikot' Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, uglickih@rambler.ru

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna — Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Wissenschafts- und Bildungszentrums für Situationsstudien und wirtschaftsrechtlichen Regionalismus, Professorin des Bildungs- und Forschungsclusters "Institut für Management und territoriale Entwicklung" an der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Leiterin der Kaliningrader Abteilung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, TVolchetskaya@kantiana.ru

Zhilkin Maxim Gynnadievich — Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, stellvertretender Leiter der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie Moskauer Regionalabteilung der Moskauer Universität des Innenministeriums Russlands, benannt nach V.Ya. Kikot', zmax71@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anisiforov Tim Sergeevich — Candidate of Legal Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the State University of Enlightenment, Associate Professor of the Financial Law Department at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), ts.anisiforov@mgou.ru

Avakyan Mikhail Vladimirovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at Educational and Scientific Cluster “Institute of Management and Territorial Development”, Immanuel Kant Baltic Federal University, MVAvakyan@kantiana.ru

Borkov Viktor Nikolaevich — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, borkovv@mail.ru

Brazhin Yuri Yurievich — Lecturer at the Department of Criminal and Penal Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, brazhin.yura@bk.ru

Cyss Zinaida Alexandrovna — 2nd year student of the Institute of Forensic Expertise at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), zinaidatsyss@gmail.com

Degterev Andrey Aleksandrovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law at the Astrakhan State University, degterevand@rambler.ru

Dmitrenko Andrey Petrovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kikot’ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, krim-pravo@yandex.ru

Grigoriev Anatoly Nikolaevich — Doctor of Pedagogy, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Informational Support of the Internal Affairs Agencies, Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a.n.grigoriev@mail.ru

Ignatovich Natalia Pavlovna — Student at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), tasha.366@ya.ru

Isaenko Vyacheslav Nikolaevich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Moscow State Regional Pedagogical University, viach.isaenko2015@yandex.ru

Kadnikov Nikolay Grigoryevich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law at the Kikot Moscow University of the MIA of the Russian Federation, krim-pravo@yandex.ru

Kot Ekaterina Aleksandrovna — Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Informational Support of the Internal Affairs Agencies, Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, katerina.kot.89@bk.ru

Kozyreva Irina Evgenievna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, irinak75@gmail.com

Kramarenko Vladimir Petrovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Educational and Scientific Cluster “Institute of High Technologies” at the Immanuel Kant Baltic Federal University, vkram39@mail.ru

Kulikov Alexander Viktorovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Immanuel Kant Baltic Federal University, bmw0052@rambler.ru

Kulikova Svetlana Gennadievna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines Moscow Regional Branch of the Kikot’ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, cvetlana-1977@mail.ru

Kurkova Natalia Alekseevna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Immanuel Kant Baltic Federal University, Member of the Union of criminalists and criminologists, kurkovna@list.ru

Kustov Anatoly Mikhailovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Institute of Economics and Law of Moscow Regional State University, Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, amkustov@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lopashenko Natalya Alexandrovna — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal and Penitentiary Law of the Saratov State Academy of Law, lopashenko@yandex.ru

Makarova Olesya Aleksandrovna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Immanuel Kant Baltic Federal University, Member of the Union of criminalists and criminologists, mgf1906@yandex.ru

Matskevich Igor Mikhailovich — Professor, mackevich2004@mail.ru

Osipova Ekaterina Vasilievna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at Educational and Scientific Cluster “Institute of Management and Territorial Development”, Immanuel Kant Baltic Federal University, EVOsipova@kantiana.ru

Pankina Inga Yurievna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Management and Territorial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, iupanjkina@yandex.ru

Prikhodko Natalya Yurievna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, member of the Union of Criminalists and Criminologists, nnnatasha2009@yandex.ru

Pshenichnov Ilya Mikhailovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, nataliailya@yandex.ru

Shabanov Vyacheslav Borisovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminalistics at the Belarusian State University, vkram39@mail.ru

Sheleg Olga Alekseevna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Police Colonel, Associate Professor, Department of Criminalistics, Kaliningrad Branch St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kf_sheleg@mail.ru

Uglitskikh Dmitry Vasilievich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, uglickih@rambler.ru

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna — Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Situation, Economic and Legal Regional Studies, Professor of the Educational and Scientific Cluster “Institute of Management and Territorial Development” at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Head of the Kaliningrad Branch of the Union of Criminalists and Criminologists, TVolchetskaya@kantiana.ru

Zhilkin Maxim Gynnadievich — Doctor of law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', zmax71@mail.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Zu den Ergebnissen einer Umfrage unter Wissenschaftlern auf dem Gebiet des Strafrechts, des Strafvollzugs, der Kriminologie (anlässlich des 70. Geburtstags von Professor V.S. Komissarov)

Lopashenko Natalya Alexandrovna

Ziel: am Beispiel der Persönlichkeit des Doktors der Rechtswissenschaften, Professors, Leiters des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität (2000–2017), der einen unbedingten Beitrag zur Organisation der Wissenschaft geleistet hat, durch soziologische Forschung bei hochqualifiziertem Fachpublikum zu prüfen, welche Qualitäten eine Führungspersönlichkeit in der Wissenschaft haben sollte, um die Lehre und die Organisation der Wissenschaft wirksam zu beeinflussen; zu bestimmen, vor welchen Herausforderungen die Wissenschaft des Strafrechts und der Kriminologie heute, in unserer schwierigen Zeit, steht.

Methodologie: dialektische Methode, soziologische Methode (Umfrage), Analyse, Synthese.

Schlussfolgerungen. Die Grundlage der Persönlichkeit in der Wissenschaft im Allgemeinen und in der Organisation der Wissenschaft im Besonderen, einschließlich der Kriminalwissenschaften, ist eine Reihe von Qualitäten, darunter berufliche, kommunikative und persönliche Qualitäten. Die Persönlichkeit eines Wissenschaftlers spielt eine wesentliche Rolle in der Wissenschaft, vor allem bei ihrer Organisation, beim Aufbau der wissenschaftlichen Kommunikation, bei der wissenschaftlichen Ausbildung von Studenten und Anhängern, bei der Bildung von Lehrwissen. Sie bestimmt auch weitgehend die großen Herausforderungen für die Wissenschaft.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Rolle der Persönlichkeit in der Wissenschaft des Strafrechts, des Strafvollzugs und der Kriminologie ist eines der am wenigsten erforschten Themen, daher füllt diese Studie eine Lücke in der Lehre. Die Studie ist von praktischer Bedeutung für junge Wissenschaftler, wenn auch nicht nur für sie, da sie die Prioritäten für die Ausbildung individueller wissenschaftlicher Qualitäten aufzeigt.

Stichwörter: Persönlichkeit in der Wissenschaft; Strafrecht; Kriminologie; Persönlichkeitsmerkmale; Organisation der Wissenschaft; Einfluss des Leiters der Wissenschaft auf die Lehre; Herausforderungen für die Wissenschaft.

Uryadnik — der wichtigste Polizist auf dem Lande: unbekannte Seiten der Entstehung und Funktionsweise des Instituts der Polizeibeamten im Russischen Reich, 1878–1917

Kulikova Svetlana Gennadievna

Ziel: die unbekanntesten Seiten der Entstehung und Funktionsweise des Instituts der Polizeibeamten — Uryadniks im Russischen Reich von 1878–1917 zu beleuchten.

Methodologie: basiert auf historischen Analysemethoden, nämlich vergleichshistorischen und statistischen Methoden. Bei der Neuerstellung der Prosopographie von Polizeibeamten wurde die retrospektive Fragebogenmethode getestet. Die komplexe Anwendung allgemeiner wissenschaftlicher und spezieller wissenschaftlicher Methoden der historischen Forschung in Verbindung mit den Prinzipien der Objektivität, Systematik und des Historismus ermöglichte es, die Grenzen der Forschung angemessen zu beschreiben. Der Grundsatz der wissenschaftlichen Objektivität wurde durch eine kritische Auswahl, Analyse und einen Vergleich der historischen Quellen erleichtert. Das Prinzip der Kohärenz ermöglichte es, die Institution der Uryadniks als ein für ihre Zeit charakteristisches historisches Phänomen zu untersuchen. Das Prinzip des Historismus wiederum half dabei, ein durchschnittliches Porträt eines Uryadniks vor dem Hintergrund der damaligen Zeit zu rekonstruieren.

Schlussfolgerungen. Der Polizei-Uryadnik war einer der Prototypen der modernen Institution des Bezirkspolizeibeamten. Der größte Nachteil der Institution der Polizeiunteroffiziere war die schlechte Koordinierung ihrer Aktivitäten auf Kreis- und Provinzebene sowie der große Umfang ihrer Befugnisse, der bei geringer Kontrolle durch höhere Beamte zu uneingeschränkter Macht führte.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Beitrags liegt in der Tatsache, dass die präsentierten Informationen auf der Grundlage von Archivquellen gesammelt wurden, von denen eine Reihe zum ersten Mal in den wissenschaftlichen Verkehr gebracht wurden. Die praktische Bedeutung erklärt sich aus der Notwendigkeit, das historische Gedächtnis in Bezug auf die Geschichte der Entstehung und Entwicklung der Strafverfolgungsbehörden zu bewahren.

Stichwörter: Uryadnik, Polizeischulen, zweite Hälfte des XIX. Jahrhunderts, Anfang des XX. Jahrhunderts, Russisches Reich, Polizei.

Zur Frage der Anerkennung von Kryptowährungen als Gegenstand von Bestechung und anderen Vermögensdelikten

Dmitrenko Andrey Petrovich, Kadnikov Nikolay Grigoryevich

Ziel: die Probleme der Qualifizierung von Eigentumsdelikten und Bestechung, die unter Verwendung von Kryptowährungen und Informations- und Kommunikationstechnologien begangen werden, zu analysieren und unter Berücksichtigung der juristischen Auslegung Empfehlungen für ihre Lösung anzubieten.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formaljuristische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Unter Berücksichtigung der modernen gerichtlichen Auslegung sowie mehrerer gesetzlicher Neuerungen im Bereich des Vermögensumschlags kann festgestellt werden, dass Kryptowährungen oder andere virtuelle Vermögenswerte als Gegenstand von Vermögensdelikten, einschließlich Korruptionsdelikten (insbesondere als Gegenstand von Bestechung), behandelt werden können und sollten. Das Plenum des Obersten Gerichts der Russischen Föderation sollte in seinen Bemühungen unterstützt werden, den Straftatbestand der Vermögensdelikte zu klären und zu präzisieren, d.h. Bargeld in russischer oder ausländischer Währung sowie bargeldlose Gelder, einschließlich elektronischen Geldes, sowie aus virtuellen Vermögenswerten (Kryptowährung) umgewandelte Gelder als solche zu behandeln. Dennoch ist eine genauere Auslegung erforderlich, wenn der Begriff "Kryptowährung" anstelle von "virtuellen Vermögenswerten" verwendet wird, auch im Zusammenhang mit Eigentumsdelikten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels liegt in der Notwendigkeit, die Probleme der strafrechtlichen Bewertung von Handlungen zu lösen, die unter Verwendung von Kryptowährungen im Allgemeinen und von Vermögensdelikten im Besonderen begangen werden. Die jüngsten Entscheidungen des Obersten Gerichts der Russischen Föderation in diesem Bereich werden eine genauere Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung für Eigentums- und Korruptionsdelikte ermöglichen.

Stichwörter: strafrechtliche Verantwortlichkeit, Eigentumsdelikte, Gegenstand der Bestechung, Kryptowährung als Gegenstand der Kriminalität.

Unterscheidung zwischen der Besetzung einer höheren Position in der kriminellen Hierarchie (Art. 2101 StGB RF) von der Leitung einer kriminellen Vereinigung (Teil 4 Art. 210 StGB RF)

Borkov Viktor Nikolaevich

Ziel: Entwicklung von Kriterien zur Unterscheidung zwischen der Besetzung der höchsten Position in der kriminellen Hierarchie (Art. 2101 StGB RF) und der Leitung einer kriminellen Vereinigung, die von einer Person mit der höchsten Position in der kriminellen Hierarchie begangen wird (Teil 4 Art. 210 StGB RF).

Methodologie: Um das gesetzte Ziel zu erreichen, haben wir die dialektische Methode, normative und soziologische Ansätze verwendet, die es ermöglichen, die soziale Bedingtheit von Rechtsphänomenen zu bewerten. Es wurden die Methode der Systemanalyse und die formaljuristische Methode angewandt.

Schlussfolgerungen. Die Feststellung des *Corpus Delicti*, eine hohe Position in der kriminellen Hierarchie einzunehmen, sollte nicht durch die Feststellung der Führung einer kriminellen Vereinigung ersetzt werden, die vom Subjekt ausgeübt wird. Unter Berücksichtigung der sich entwickelnden gerichtlichen Praxis und der akademischen Positionen formuliert der Beitrag die begründeten Schlussfolgerungen zu zwei Aspekten des genannten Problems. Es wird die Frage nach der Qualifikation der Handlungen einer Person, die eine kriminelle Vereinigung leitet und die höchste Position in der kriminellen Hierarchie einnimmt, gemäß der Kombination von Art. 2101 StGB RF und Teil 4 Art. 210 StGB RF gelöst. Wir haben auch die Möglichkeit untersucht, den Schuldigen nach Art. 2101 StGB RF anzuklagen, wenn der "Dieb im Gesetz" die kriminelle Organisation nicht leitet, den Einflussbereich und die kriminellen Erlöse nicht teilt. Die Lösung dieser Probleme beruht auf dem Verständnis der Besetzung einer höheren Position in der kriminellen Hierarchie als fortgesetzte Straftat und dem Gedanken, dass Art. 2101 StGB und die Vorschrift, die die Begehung der in den Teilen 1 und 11 von Art. 210 StGB genannten Handlungen durch eine Person vorsieht, die die höchste Position in der kriminellen Hierarchie innehat (Teil 4 Art. 210 StGB), nicht als Teil und Ganzes miteinander korrelieren.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel zeigt die Besonderheit der Norm, die die strafrechtliche Verantwortlichkeit für die Besetzung der höchsten Position in der strafrechtlichen Hierarchie vorsieht (Art. 2101 StGB

RF), was die Diskussion über ihren Inhalt in der Theorie und der gerichtlichen Praxis verursacht hat. Der Autor hat eine gut begründete Position über die Korrelation zwischen den in Art. 2101 StGB RF und Teil 4 Art. 210 StGB RF.

Stichwörter: höchste Position in der kriminellen Hierarchie, Führung einer kriminellen Vereinigung, Dieb im Gesetz, fortgesetzte Straftat, Konkurrenz der Strafrechtsnormen, Teil und Ganzes.

Rechtliche Regelung der Kriminalitätsbekämpfung bei Verkehrsanlagen und in der Verkehrsinfrastruktur

Prikhodko Natalya Yurievna

Ziel: einige Aspekte der rechtlichen Regelung der Bekämpfung von Verkehrsdelikten an Objekten des Verkehrs und der Verkehrsinfrastruktur zu analysieren, den Mechanismus der rechtlichen Regelung in den betrachteten Delikten zu bestimmen und die Notwendigkeit der Verbesserung und Konsolidierung der Rechtsvorschriften in diesem Bereich zu bestätigen.

Methodologie: Es wurden allgemeine wissenschaftliche Methoden angewandt: Analyse und Synthese, dialektische Methode; außerdem die Methode des Rechtsvergleichs.

Schlussfolgerungen. Die wesentlichen Merkmale der Rechtsvorschriften zur Regelung der Tätigkeiten des Verkehrs, der Verkehrsinfrastruktur und der Verkehrseinrichtungen erfordern ein sehr reichhaltiges Rechtsgebiet und die Möglichkeit, eine Vielzahl rechtlicher, technischer und organisatorischer Mittel und Methoden einzusetzen, die darauf abzielen, die Rechtsgrundlage im Mechanismus der rechtlichen Regelung zur Bekämpfung von Verkehrsdelikten zu untersuchen, zu verbessern und zu konsolidieren. Die Aufdeckung und rechtzeitige Beseitigung dieser Probleme der rechtlichen Regelung wird dem Komplex der Verkehrssicherheit helfen, den Bedrohungen durch kriminelle Handlungen zu begegnen. Die rechtzeitige Initiative von Fachleuten auf dem Gebiet der Gewährleistung der Sicherheit in den Objekten des Verkehrskomplexes, die durch eine objektive Notwendigkeit zur Verbesserung der Formen und Methoden der Tätigkeit, die Gewährleistung der Sicherheit im Verkehr, ist auch sehr wichtig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Gegenwärtig gibt es keinen konzeptionellen rechtlichen und gesetzgeberischen Ansatz für ein einheitliches Verständnis der Gewährleistung der Verkehrssicherheit und des Mechanismus der rechtlichen Regelung zur Bekämpfung von Verkehrsdelikten. Die normative Rechtsgrundlage für die Verkehrssicherheit ist unzureichend systematisiert, es gibt keinen einheitlichen Ansatz für die Konzepte und den allgemeinen Grundsatz der Anwendung. Die Gewährleistung der Sicherheit des Verkehrs, der Anlagen und der Infrastruktur ist Ausdruck eines komplexen Prozesses, der die Umsetzung von Schritten zur Schaffung und ständigen Verbesserung von Maßnahmen funktionaler Art umfasst, die auf legislativer Ebene zur Bekämpfung der Verkehrskriminalität verankert werden sollten.

Stichwörter: Verkehrssicherheit, gesetzlicher Regelungsmechanismus, Gegenmaßnahmen, Verkehrskriminalität, Verkehrseinrichtungen, Vorschriften, Einrichtungen, Verkehrsinfrastruktur, Verkehr, Gesetzgebung, Schutz vor Terrorismus.

Rechtsvergleichende Analyse der Strafgesetzgebung der Russischen Föderation und der Republik Aserbaidschan im Bereich der Verbrechen gegen den Frieden und die Sicherheit der Menschheit: Problemstellung

Pshenichnov Ilya Mikhailovich

Ziel: die Aufmerksamkeit der wissenschaftlichen Gemeinschaft auf bestimmte Probleme der strafrechtlichen Durchsetzung des Friedens und der Sicherheit der Menschheit zu lenken — eines der Hauptziele von terroristischem und extremistischem Verbrechen im aktuellen Kontext. Insbesondere werden die Aspekte der signifikanten Aktivierung des genannten kriminellen Segments im Jahr 2022 angesprochen, was in hohem Maße die Notwendigkeit der Überarbeitung des aktuellen Stands der Interaktion der Strafverfolgungsbehörden, auch auf internationaler Ebene aktualisiert, um die relevanten kriminellen Herausforderungen zu reflektieren. Eines der Haupthindernisse in dieser Hinsicht ist das Fehlen eines einheitlichen Konzepts für die strafrechtliche Verantwortung sowie Unzulänglichkeiten in einzelnen Rechtsnormen und legislativen Ansätzen in diesem Bereich.

Die Methodologie der durchgeführten wissenschaftlichen Forschung konzentriert sich hauptsächlich auf die dialektische Methode der Erkenntnis der sozialen und rechtlichen Realität, die es uns ermöglichte, spezifische Schritte zu formulieren, die die strafrechtlichen Antworten auf Verbrechen mit terroristischer und extremistischer Ausrichtung gegen den Frieden und die Sicherheit der Menschheit verbessern können. Gleichzeitig trugen Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, Beschreibung und andere Methoden ebenfalls zur Lösung der Aufgaben bei.

Schlussfolgerungen. Es wurden einige Schwachstellen und Lücken in der Strafgesetzgebung einiger postsowjetischer Staaten festgestellt, die die Strafverfolgung bei der Bekämpfung entsprechender Straftaten erschweren.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Beitrags liegt darin, dass die gefassten Schlussfolgerungen Vorschläge für eine schrittweise Modernisierung der einschlägigen Rechtsvorschriften enthalten, um einen Mechanismus für deren einheitliche Anwendung zu entwickeln.

Stichwörter: Frieden und Sicherheit der Menschheit, Kriminalität, Terrorismus, Extremismus, Übergriffe, Gegenmaßnahmen, Strafrecht, Strafverfolgung, Modernisierung, öffentliche Sicherheit, Vereinheitlichung.

Kriminologische Aspekte der Energiesicherheit in der Russischen Föderation in der gegenwärtigen Phase

Uglitskikh Dmitry Vasilievich

Ziel: Maßnahmen zur Vorbeugung und Verhütung von Straftaten im Brennstoff- und Energiekomplex zu ermitteln und offenzulegen, wobei die Wechselwirkung von Maßnahmen strafrechtlicher und kriminologischer Natur berücksichtigt wird.

Methodologie: eine Reihe allgemeiner und spezieller wissenschaftlicher Methoden, spezialjuristische Erkenntnismethoden, die zur Analyse der normativen rechtlichen Regelung im Bereich der Energiesicherheit beitragen.

Schlussfolgerungen. Vorschläge zur Verbesserung der Maßnahmen zur Bekämpfung der Kriminalität im Bereich der Energiesicherheit, einschließlich einer Erhöhung der Wirksamkeit des Mechanismus der strafrechtlichen Regelung der sozialen Beziehungen im Zusammenhang mit der Bekämpfung von Straftaten im Energiekomplex.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Neuheit des Forschungsthemas besteht in der Formulierung des Problems, das mit der Aufdeckung der Gründe und Bedingungen der Verbrechen im Bereich der Energiesicherheit unter den modernen Bedingungen der sozialen Entwicklung der russischen Gesellschaft definiert ist. Es werden die Hauptlinien der Politik auf dem Gebiet der Verbrechensbekämpfung im Brennstoff- und Energiekomplex bestimmt. Im Beitrag werden das rechtliche Wesen des Verbrechens im Brennstoff- und Energiekomplex, die kriminologischen Maßnahmen der Gegenwirkung zu den Verbrechen in der Energiesphäre, die Tendenzen der normativ-rechtlichen Regelung der Strukturen der Verbrechen des Brennstoff- und Energiecharakters aufgedeckt.

Stichwörter: Gewährleistung der Energiesicherheit, Kriminalpolitik, rechtliche Maßnahmen zur Bekämpfung von Straftaten im Bereich des Brennstoff- und Energiekomplexes, Kriminalitätsbekämpfung, strafrechtliche und kriminologische Gegenmaßnahmen.

Bekämpfung der Cyberkriminalität: Berücksichtigung der internationalen Erfahrungen

Degterev Andrey Aleksandrovich

Ziel: den institutionellen und organisatorischen Mechanismus zur Bekämpfung der Cyberkriminalität in der gegenwärtigen Phase der gesellschaftlichen Entwicklung zu untersuchen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, rechtsvergleichende Methode, systematische Methode.

Schlussfolgerungen. Der Beitrag enthält eine rechtsvergleichende Analyse der Gesetzgebung von China, den Vereinigten Arabischen Emiraten und Russland. Es wurden die Probleme der technischen und organisatorisch-rechtlichen Unterstützung von Präventionsmaßnahmen aufgezeigt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor schlägt vor, eine Strategie zur Prävention von Cyberkriminalität zu entwickeln, die die bestehenden Schwachstellen in Gesellschaft und Staat sowie im internationalen System zur Bekämpfung dieser Verbrechen aufzeigt.

Stichwörter: Cybercrime, Cybersicherheit, Internetdienste, Computerinformationen, nationale Sicherheit, Informationssicherheit, Phisher, illegales Eindringen, Telekommunikationsnetze.

Untersuchung von Indikatoren der Wirtschaftskriminalität im Rahmen der Umsetzung des Nationalprojekts "Gesundheitswesen"

Brazhin Yuri Yurievich

Ziel: die statistischen Daten des SIAC des Innenministeriums Russlands zu analysieren, die den aktuellen Stand, die Dynamik und die Struktur der Wirtschaftskriminalität im Rahmen der Umsetzung des Nationalprojekts "Gesundheitswesen" aufzeigen. Durch die Untersuchung von Kriminalitätsindikatoren erstellen die Autoren eine kurzfristige Prognose der Kriminalität in dem betreffenden Gebiet.

Methodologie: dialektische Methode, Induktion, statistische Analyse, Inhaltsanalyse, Extrapolation, Expertenbewertung.

Schlussfolgerungen. Es wird die Hypothese aufgestellt, dass sich bei der Umsetzung des Nationalprojekts "Gesundheitswesen" ein positiver Trend in der Zunahme der Wirtschaftskriminalität abzeichnet.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In Anbetracht des Mangels an umfassenden Studien über den Zustand, die Dynamik und die Struktur der Wirtschaftskriminalität in der Umsetzung des Nationalprojektes "Gesundheitswesen", können die Ergebnisse nützliche methodische Leitlinien für die Bildung von Vorschlägen zur Verbesserung des Mechanismus der Bekämpfung der Kriminalität im Untersuchungsgebiet sein.

Stichwörter: Nationalprojekt "Gesundheitswesen", Wirtschaftskriminalität, Indikatoren, Kriminalitätsprognose, Zustand, Struktur, Dynamik.

Wissenschaftlicher Beitrag der Kaliningrader Abteilung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen zur Bekämpfung des Extremismus in Russland und im Ausland

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna

Als Ergebnis der langjährigen Aktivitäten der Kaliningrader Abteilung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen fand im Dezember 2022 im Institut für Management und territoriale Entwicklung der Baltischen Föderalen Kant-Universität eine internationale wissenschaftlich-praktische Konferenz zum Thema "Probleme der Umsetzung der Kriminalpolitik im Bereich der Bekämpfung von Extremismus und Terrorismus" statt. Wissenschaftliche Partner bei der Organisation dieser Konferenz waren Wissenschaftler der Staatlichen Regionalen Universität Moskau, die nach Kaliningrad kamen. Ausländische wissenschaftliche Partner von der Belarussischen Staatlichen Universität (Belarus) und der Karaganda Kazpotrebsoyuz Universität (Kasachstan) nahmen an der Konferenz teil.

Die Konferenz war ein wichtiger Faktor für die Entwicklung umfassender Maßnahmen zur Terrorismusprävention sowie für den weiteren Ausbau der wissenschaftlichen Verbindungen und die Stärkung der Zusammenarbeit der Kaliningrader Abteilung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen im Rahmen der zwischen den Universitäten geschlossenen Abkommen.

Stichwörter: Extremismusbekämpfung, Kriminalitätsermittlung, Ermittlungspraxis, kriminalistische Charakteristik, psychologische Besonderheiten des Täters, Gewalt, Jugendmilieu, Aufstellung der Version, Extremismusprävention, Kaliningrader Abteilung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen.

Präventivmaßnahmen finanzieller und rechtlicher Art als Mechanismus zur Bekämpfung von Geldwäsche und Terrorismusfinanzierung

Anisiforov Tim Sergeevich

Ziel: Ziel ist es, Schlussfolgerungen und Vorschläge zu formulieren, die auf die Entwicklung von Präventivmaßnahmen finanzieller und rechtlicher Art als Mechanismus zur Bekämpfung von Geldwäsche und Terrorismusfinanzierung abzielen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, systematische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Präventive Maßnahmen im Bereich der Bekämpfung der Geldwäsche, der Finanzierung des Terrorismus und der Verbreitung von Massenvernichtungswaffen sind von entscheidender Bedeutung, da das Schicksal einer Person, die auf der Liste der in terroristische oder extremistische Aktivitäten verwickelten Organisationen und Einzelpersonen steht, von Art und Umfang der angewandten Maßnahmen abhängt.

Die Gesetzgebung sieht nur zwei Bereiche vor, in denen präventive Maßnahmen zur Bekämpfung von Geldwäsche und Terrorismusfinanzierung ergriffen werden können, nämlich die Bereitstellung von Informationen zur Korruptionsbekämpfung durch Rosfinmonitoring und die Benachrichtigung der zuständigen ausländischen Behörden über das Verbot für bestimmte Personengruppen, Finanztransaktionen außerhalb des Territoriums der Russischen Föderation durchzuführen. Die Verhinderung der Geldwäsche, der Finanzierung des Terrorismus und der Verbreitung von Massenvernichtungswaffen sollte jedoch nicht ausschließlich auf den Beamtenapparat beschränkt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der durchgeführten Forschung können sowohl in der praktischen Tätigkeit der Subjekte, die sich mit der Kontrolle im Bereich der Bekämpfung der Geldwäsche, der Finanzierung des Terrorismus und der Verbreitung von Massenvernichtungswaffen beschäftigen, als auch in den weiteren theoretischen Ausarbeitungen innerhalb der Grenzen des allgemeinen Konzepts der Finanzkontrolle verwendet werden.

Stichwörter: *Financial Action Task Force; FATF; AML/CFT; Geldwäsche; Terrorismusfinanzierung; Proliferationsfinanzierung; Föderaler Finanzüberwachungsdienst (Rosfinmonitoring).*

Kriminalistische und psychologische Merkmale der Persönlichkeit extremistischer Straftäter: theoretische und Nutzenanwendung

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna, Kozyreva Irina Evgenievna

Ziel: *mit Hilfe der Analyse von Strafakten die Kriminalistik extremistischer Straftaten zu untersuchen, in deren Rahmen die kriminalistischen und psychologischen Merkmale der Personen, die diese Straftaten begehen, identifiziert werden; wissenschaftliche und praktische Empfehlungen für Ermittler zur Feststellung und Anwendung dieser Informationen zu entwickeln.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, systemisch-struktureller Ansatz, situative Modellierung, statistische und spezifische soziologische Methoden: Befragung, Interview, Analyse und Synthese der Ermittlungs- und Gerichtspraxis.*

Schlussfolgerungen. *Im System der kriminalistischen Merkmale extremistischer Straftaten sind typische Informationen über die Persönlichkeit des Täters von großer theoretischer und praktischer Bedeutung. Diese Informationen ermöglichen es den Wissenschaftlern, evidenzbasierte Empfehlungen für die Untersuchung und Verhütung solcher Straftaten zu entwickeln, und den Ermittlern konkrete Hinweise zu geben sowie taktische Interaktionen zu entwickeln.*

Die Analyse der Ermittlungs- und Gerichtspraxis hat ergeben, dass die überwältigende Mehrheit der extremistischen Straftaten von Männern begangen wird. Frauen begehen diese Straftaten viel seltener, oft aus Rache oder weil sie psychisch oder materiell von einer Person abhängig sind, die Mitglied einer extremistischen Gemeinschaft ist. Junge Menschen stellen die Hauptrisikogruppe dar, die für den Einfluss von Anhängern extremistischer Ansichten und Ideen anfällig ist. In der Regel handelt es sich bei den Personen, die verdächtigt werden, extremistische Straftaten zu begehen, um Personen mit Sekundar- oder Berufsschulabschluss, von denen einige zum Zeitpunkt der Straftaten noch Schüler waren. Es ist bezeichnend für einen Teil der Jugendlichen, dass sie ihre Aktivitäten nicht als extremistisch wahrnehmen und sie als berechtigte Kritik an der herrschenden Weltordnung verstehen, die durch die Meinungsfreiheit garantiert wird. Die Anführer der extremistischen Gruppierungen verfügten über eine höhere Bildung und zeichneten sich durch ein hohes intellektuelles Niveau, eine gewisse finanzielle Leistungsfähigkeit und den für ihre Autorität erforderlichen Altersvorsprung gegenüber der Mehrheit der Mitglieder der extremistischen Gemeinschaft aus.

Informationen über die Eigenschaften des mutmaßlichen Straftäters sollten durch die Analyse der E-Mails des Verdächtigen, durch die Untersuchung des Verlaufs der Internet-Suchanfragen des Verdächtigen, durch die Suche nach Bewerbungen und Anzeigen auf einschlägigen Profil-Websites und durch die Analyse von Datenbanken gewonnen werden. Die aufschlussreichste Quelle für Informationen über die extremistischen Aktivitäten der Person im Cyberspace ist ihre persönliche Seite in verschiedenen sozialen Netzwerken.

Informationen über die Identität des Täters können auch durch linguistische Gerichtsgutachten gewonnen werden, die je nach Art der kriminellen Situation oft mit psychologischen, politik- oder religionswissenschaftlichen Untersuchungen kombiniert werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse der Studie können die Grundlage für die weitere Erforschung der Probleme bei der Bekämpfung extremistischer Straftaten bilden und auch als Grundlage für die weitere Entwicklung der kriminalistischen Analysen bestimmter Arten solcher Straftaten dienen. Im Hinblick auf die Anwendung können die gewonnenen Ergebnisse in der Ermittlungspraxis für Annahmen über die Personen, die extremistische Straftaten begehen, für die Wahl taktischer Methoden zur Herstellung psychologischer Kontakte mit ihnen und für die Durchführung einiger Ermittlungsaktivitäten mit ihrer Beteiligung verwendet werden.*

Stichwörter: *Extremismusbekämpfung, Kriminalitätsermittlung, Ermittlungspraxis, kriminalistische Charakteristik, psychologische Besonderheiten des Täters, Gewalt, Jugendmilieu, Aufstellung der Version, Extremismusprävention.*

Zeitgenössischer Extremismus: Konzept, soziokulturelle Grundlagen und Entwicklungstrends

Grigoriev Anatoly Nikolaevich, Kot Ekaterina Aleksandrovna

Ziel: *der Extremismus als soziales Phänomen des modernen Lebens stellt eine echte Bedrohung für die nationale Sicherheit der Russischen Föderation dar, obwohl die Haltung gegenüber den Erscheinungsformen des Extremismus in*

der heutigen russischen Gesellschaft zweideutig bleibt. In der Tat ist der Extremismus eine der akutesten und extremsten Erscheinungsformen der bestehenden sozialen Widersprüche. In diesem Zusammenhang werden in den wichtigsten Programmdokumenten des Staates im Bereich der Sicherheit die Aktivitäten extremistischer Organisationen als eine der Hauptquellen von Bedrohungen bezeichnet. Und das scheint durchaus berechtigt zu sein. Die Globalisierung und die Etablierung einer unipolaren Welt in der Geopolitik vollziehen sich mit Hilfe des Extremismus und bedrohen auch die Sicherheit der Russischen Föderation. Gleichzeitig ist die Bekämpfung extremistischer Straftaten eine sehr komplexe Aufgabe, die einen komplexen, systematischen Ansatz erfordert. Dieser Umstand ist zu einem großen Teil darauf zurückzuführen, dass sowohl der Inhalt des Phänomens selbst als auch seine Bekämpfung neben den rechtlichen auch eine Reihe von sozioökonomischen, politischen und anderen Problemen direkt betreffen. Um die Wirksamkeit der Strafverfolgungsorgane bei der Bekämpfung extremistischer Straftaten zu verbessern, muss nicht nur das Konzept des Extremismus als komplexe soziopolitische und kulturelle Realität der modernen Gesellschaft verstanden werden, sondern es müssen auch die wichtigsten Grundlagen und Tendenzen seiner Entwicklung ermittelt werden.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, Systemmethode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Aus inhaltlicher Sicht ist Extremismus eine illegale, sozial gefährliche Handlung, die die verfassungsmäßige Ordnung, die persönliche Sicherheit, die Sicherheit der Gesellschaft und des Staates durch die Anwendung gewaltsamer Methoden, die Ablehnung der allgemein anerkannten Normen und Regeln des sozialen Verhaltens sowie die Durchsetzung eigener ideologischer Haltungen der Gesellschaft und des Staates gefährdet. Die Verbesserung der methodischen Grundlagen für die Bekämpfung extremistischer Straftaten sollte sich auf eine umfassende Analyse der Faktoren stützen, die die Entstehung des Extremismus in Russland beeinflussen, sowie auf die Besonderheiten seiner Erscheinungsformen und Entwicklungstrends.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bekämpfung extremistischer Straftaten ist keine leichte Aufgabe für die Strafverfolgungsorgane. Dies ist sowohl auf den komplexen Charakter des Extremismus als auch auf die Besonderheiten seiner Ausprägung in verschiedenen Lebensbereichen der modernen Gesellschaft zurückzuführen. Die Entwicklung des Konzepts dieses Phänomens, das seine komplexe Natur widerspiegelt, sowie die Identifizierung der soziokulturellen Grundlagen und Tendenzen der Extremismusentwicklung sind die notwendigen Voraussetzungen für die Verbesserung der staatlichen Politik im Bereich der Bekämpfung dieses Phänomens. Aus praktischer Sicht würde die Umsetzung der oben genannten Maßnahmen die Wirksamkeit staatlicher und gesellschaftlicher Aktionen zur Bekämpfung und Prävention von Extremismus erhöhen.

Stichwörter: Sicherheit, Ideologie, Nationalismus, Extremismusbekämpfung, Extremismusprävention, Radikalismus, Terrorismus, Extremismus, extremistische Aktivitäten, extremistische Organisationen.

Ausgewählte Fragen zur Organisation der Untersuchung terroristischer Straftaten

Isaenko Vyacheslav Nikolaevich

Ziel: die vom Autor in diesem Beitrag dargelegten Probleme sind das Ergebnis einer Verallgemeinerung und Analyse der Praxis der Organisation der Ermittlungen bei einer Reihe von terroristischen Straftaten, einschließlich der Praxis der persönlichen Beteiligung an dieser Arbeit. Obwohl es sich bei den in der Russischen Föderation gemäß Kapitel 24 des Strafgesetzbuches RF erfassten Straftaten nicht immer um Explosionen, Brandstiftung oder andere Straftaten handelt, die zu den in Artikel 205 Absatz 1 des Strafgesetzbuches genannten Zwecken begangen werden, ist die terroristische Gefahr weiterhin hoch. Dies wird auch durch die einschlägigen statistischen Daten bestätigt. Die Mitarbeiter der Ermittlungs-, Fahndungs- und Strafverfolgungsbehörden müssen auf eine mögliche persönliche Beteiligung an der Untersuchung terroristischer Straftaten vorbereitet werden und müssen daher die einschlägigen kriminalistischen Techniken, forensischen und sonstigen angewandten Instrumente zur Durchführung dieser Arbeit kennen. Die Ermittlungspraxis zeigt, dass die vollständige Ermittlung der Umstände der Vorbereitung und Begehung terroristischer Straftaten sowie die Identifizierung und Entlarvung der Täter und ihrer Komplizen von der richtigen Organisation dieser Arbeit abhängen. Optimal ist ein Ermittlungsteam mit der notwendigen ermittlungstechnischen, fachlichen, technischen und kriminaltechnischen sowie informationstechnischen Unterstützung und einer klaren Verteilung der funktionalen Zuständigkeiten auf die Teammitglieder. Natürlich ist die Einbeziehung von Ermittlern mit persönlicher Erfahrung bei der Untersuchung solcher Verbrechen von großer Bedeutung. Bei der Untersuchung terroristischer Straftaten ist es ein notwendiges Element der Organisation, die Sicherheit der Mitglieder des Untersuchungsteams zu gewährleisten, insbesondere bei der Untersuchung von Orten, an denen sich Sprengkörper befinden könnten. Erforderlichenfalls werden Maßnahmen ergriffen, um die Sicherheit von Opfern und Zeugen zu gewährleisten. Bei der Untersuchung terroristischer Straftaten handelt es sich um eine Art systematischen Ansatz

für die Organisation der Ermittlungsarbeit mit einem klaren Schwerpunkt und einer funktionalen Ausrichtung der beteiligten Ermittler sowie des sonstigen Personals.

Methodologie: dialektische Methode, systematische Methode, Analyse, Synthese, formaljuristische Methode, historische Methode.

Schlussfolgerungen. Die Besonderheit der Untersuchung von terroristischen Straftaten, insbesondere von Terroranschlägen, bestimmt auch gewisse Besonderheiten der Ansätze für die Organisation und Durchführung ihrer Ermittlung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Effektivität der Untersuchung terroristischer Straftaten hängt von der klaren Organisation dieser Arbeit auf der Grundlage der Empfehlungen ab, die im Bereich der wissenschaftlichen Arbeitsorganisation entwickelt wurden, sowie von den Materialien zur Verallgemeinerung und Analyse der einschlägigen Ermittlungspraxis. Die Kenntnis und aktive Nutzung der wissenschaftlich fundierten technischen, methodischen und taktischen Empfehlungen der kriminologischen Wissenschaft durch die Ermittler ist ebenfalls erforderlich.

Stichwörter: terroristische Bedrohung, Terrorismusbekämpfung, terroristischer Akt, Ermittlungsteam, Organisation der Untersuchung, systematischer Ansatz, kriminalistische Methoden, kriminaltechnische Empfehlungen, Sicherheitsmaßnahmen, praktische Erfahrung.

Zur Rolle und Bedeutung spezieller kriminalistischer Theorien bei der Aufdeckung und Untersuchung von Extremismus und Terrorismus sowie bei der Vorbeugung von Ermittlungsfehlern

Kramarenko Vladimir Petrovich, Shabanov Vyacheslav Borisovich

Ziel: der Beitrag stellt die Ansicht des Autors über die Bildung spezieller kriminalistischer Theorien bei der Entwicklung und Verbesserung kriminalistischer Methoden der Verbrechenaufklärung dar. Insbesondere analysiert der Autor die spezielle forensische Theorie der zeitlichen Beziehungen und einige Aspekte ihrer praktischen Integration in den Prozess der Untersuchung von extremistischen Verbrechen. Da diese Theorie vor mehr als 20 Jahren entwickelt wurde, muss sie in der heutigen Welt aktualisiert werden. Jahrhundertlang war es in der Kriminalistik noch nicht üblich, über die so genannten virtuellen Spuren zu diskutieren, die von der Mehrheit der Verfahrensrechtler als Beweismittel in Strafsachen kategorisch abgelehnt wurden. Die Entwicklung des Staates und seines Rechtsrahmens hat überzeugend bewiesen, dass im 21. Jahrhundert neben materiellen und ideellen Spuren auch virtuelle (Computer-) oder digitale Spuren in das Strafverfahren eingeführt werden sollten. Der Beitrag lenkt die Aufmerksamkeit der Teilnehmer an Strafverfahren auf die Notwendigkeit, die neuesten technischen Mittel und Ausrüstungen sowie digitale Technologien zur Identifizierung, Sicherung und Untersuchung von Beweismitteln einzusetzen. Ihr Einsatz, so die Autoren, reduziert den Einfluss subjektiver Faktoren, ermöglicht die Objektivierung der Feststellung aller zeitlichen Beziehungen und erweitert die Grenzen der Situationen, die bei der Untersuchung von Straftaten dieser Kategorie auftreten. Moderne digitale Technologien und die verwendeten technischen Mittel objektivieren die Informationen über das zu untersuchende Ereignis. Ihr Vorhandensein und ihre aktive Umsetzung und Nutzung in der praktischen Ermittlungstätigkeit ermöglicht es dem Ermittler, bei der Voruntersuchung bestimmter Arten von Straftaten im Allgemeinen und extremistischer Straftaten im Besonderen Zeit zu sparen. Durch die Verwendung zeitlicher Verbindungen in den Beweismitteln kann die Notwendigkeit endloser Konfrontationen, Ermittlungsexperimente und Vor-Ort-Kontrollen von Beweismitteln drastisch reduziert und in einigen Situationen sogar aufgehoben werden. Beim derzeitigen Stand der Dinge nimmt die Organisation und Durchführung solcher Ermittlungsmaßnahmen einen irrsinnigen Teil der Zeit der Ermittler in Anspruch. Sie dienen letztlich dazu, die Aussagen aller am Strafprozess Beteiligten zu bestimmten Fakten der vergangenen Straftat zu überprüfen. Verhörte, die unter dem Einfluss verschiedener subjektiver Faktoren stehen, neigen dazu, das, was sie sehen oder hören, zu verzerren. Die Autoren sind der Meinung, dass niemand die grundlegenden Annahmen der Theorie der zeitlichen Beziehungen anzweifelt, die jeder Ermittler bei der Suche nach kriminalistisch relevanten Informationen und Beweisen bei der Untersuchung von Straftaten anwenden muss. Es muss nämlich Folgendes festgestellt werden:

- der konkrete Zeitpunkt, zu dem der Täter die Absicht hatte, die Straftat zu begehen, d. h. die eigentliche Ursache;
- die Zeitspanne von Tagen, Monaten oder Jahren, in der der Täter von der gedanklichen Idee zur tatsächlichen Ausführung der Straftat überging;
- die zeitlichen Beziehungen, die die Abfolge der Handlungen des Täters im Laufe der Zeit kennzeichnen, die sowohl auf die Umsetzung der Absicht als auch auf die Verschleierung der Spuren der Straftat abzielen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-juristische Methode, systematische Methode, Methode der interdisziplinären wissenschaftlichen Forschung.

Schlussfolgerungen. Eine der Hauptaufgaben eines Ermittlers besteht darin, sich nicht im Informationsfluss zu verlieren und konsequent die Beweise zu ermitteln, die eindeutig auf den Zeitpunkt hinweisen, zu dem der künftige Kämpfer begann, sich eingehend für extremistische oder terroristische Aktivitäten zu interessieren, nach Komplizen zu suchen, sich einer bestimmten Person — dem Anführer — unterzuordnen usw.

Unseres Erachtens ist es nicht gerechtfertigt, sich bei der Untersuchung extremistischer Aktivitäten oder terroristischer Handlungen auf die Feststellung von Tatsachen zu beschränken, die sich auf die unmittelbare Verwirklichung eines kriminellen Vorsatzes und eines bestimmten Täters beziehen. Die Informationen sollten durch Fakten in Bezug auf den Anführer der kriminellen Vereinigung ergänzt werden. Mit anderen Worten, es ist notwendig, die Liste der in der Strafsache zu beweisenden Umstände zu erweitern und in jedem Einzelfall die Ursache für den Vorsatz zur Begehung einer Straftat zu ermitteln, wobei der Schutz von Zeugen zu gewährleisten ist.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das Aufkommen neuer technischer Mittel und Technologien, die eine genaue Bestimmung der zeitlichen Zusammenhänge in der Entwicklung bestimmter Ereignisse ermöglichen, die später in Strafverfahren untersucht werden, aktualisiert und stimuliert die Notwendigkeit weiterer wissenschaftlicher Forschung zu speziellen Methoden der zeitlichen Zusammenhänge bei der Untersuchung jeglicher Verbrechen und insbesondere extremistischer Verbrechen. Die Autoren geben praktische Empfehlungen, indem sie die Hauptrichtungen der Tätigkeit der operativen Beamten und Ermittler bei der Aufdeckung der zeitlichen Zusammenhänge, die die Ermittlungsergebnisse und die Vorbeugung von Ermittlungsfehlern beeinflussen, festlegen.

Stichwörter: spezielle kriminaltechnische Theorien, zeitliche Verbindungen, Extremismus, Terrorismus, Spuren von Verbrechen, Digitalisierung, Situation, Ermittlungsfehler, Anführer einer extremistischen Organisation.

Terrorakt: strafrechtliche und kriminalistische Merkmale

Kulikov Alexander Viktorovich, Sheleg Olga Alekseevna

Ziel: der Terrorismus ist in all seinen Erscheinungsformen eine der gefährlichsten, zerstörerischen und gewalttätigsten Handlungen gegen die Menschheit. Die Aktionen terroristischer und extremistischer Organisationen, die immer grausamere und unmenschlichere Methoden und Mittel einsetzen, um ihre Ziele zu erreichen, bedrohen die Sicherheit vieler Länder und ihrer Bürger und haben negative psychologische Auswirkungen auf die Menschen.

Die Aktivitäten des internationalen Terrorismus haben sich in den letzten Jahren aufgrund der zahlreichen sozioökonomischen und interethnischen Konflikte in verschiedenen Regionen der Welt intensiviert.

Der Terrorismus stellt heute mit seinen religiösen und nationalistischen Untertönen eine ernsthafte Bedrohung für die öffentliche Sicherheit und die politische Stabilität in Russland dar. Auftretende Fälle von Terrorismus im Lande rufen eine starke öffentliche Resonanz hervor und wecken in den Menschen die Sorge um ihre Sicherheit, die Sicherheit ihrer Verwandten und Angehörigen. Der Beitrag ist der Untersuchung der strafrechtlichen und kriminalistischen Merkmale von Verbrechen mit terroristischer Ausrichtung gewidmet.

Es wird festgestellt, dass bei den Ermittlungen zu terroristischen Straftaten der Persönlichkeit des Straftäters besondere Aufmerksamkeit gewidmet werden sollte, die eine komplexe Struktur und verschiedene Typen und Subtypen aufweist. In diesem Zusammenhang wird die Frage erörtert, wo die Grenzen der Untersuchung einer solchen Persönlichkeit liegen und welche spezifischen Merkmale und Indikatoren in dieses Konzept aufgenommen werden sollten.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, systematische Methode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Kenntnis und Anwendung der strafrechtlichen und kriminalistischen Merkmale des Terroristen trägt zur schnellen Aufdeckung der von ihm begangenen Straftaten sowie zur qualitativen Untersuchung in ihrer Gesamtheit bei.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Besonderes Augenmerk wird auf die Erfassung der notwendigen Liste von Informationen über die Persönlichkeit des Täters-Terroristen gelegt, die eine effektive Untersuchung dieser Art von Verbrechen gewährleistet. In dem Artikel wird eine Klassifizierung der Terroristen nach der Dauer ihrer terroristischen Tätigkeit sowie nach der Richtung ihrer Motivation vorgeschlagen. Die Untersuchung der Motivation des terroristischen Täters im Rahmen der forensischen und strafrechtlichen Merkmale des Verbrechens wird dazu beitragen, die Fehler der Strafverfolgung zu minimieren, die mit der Vernachlässigung der terroristischen und extremistischen Komponenten bei der Bestimmung der Elemente des subjektiven Aspekts des Verbrechens verbunden sind.

Stichwörter: terroristische Handlung, Täterpersönlichkeit, Terrorist, strafrechtliche und kriminalistische Merkmale, Klassifizierung von Terroristen, terroristische Organisationen, wirksame Aufdeckung und Untersuchung von terroristischen Straftaten.

Zur Struktur der speziellen kriminalistischen Methoden für die Untersuchung von extremistischen Straftaten

Kustov Anatoly Mikhailovic, Makarova Olesya Aleksandrovna

Ziel ist die Formulierung von Schlussfolgerungen und Vorschlägen zur Struktur spezieller Ermittlungsmethoden bei extremistischen Straftaten, insbesondere im Hinblick auf die Überprüfung der Anzeige einer extremistischen Straftat.

Methodologie: *Synthese, Analyse, integrierter Ansatz, system-strukturelle Methode, Vergleich, Synthese, Fallstudienansatz.*

Schlussfolgerungen. *Die Natur des Phänomens Extremismus ist destruktiv. Der Extremismus kennt keine Grenzen und ist transnationaler Natur. Die Verfügbarkeit von Informations- und Telekommunikationstechnologien hat die qualitativen und quantitativen Merkmale der heutigen extremistischen Straftaten verändert. Die Autoren begründen die objektive Notwendigkeit, die Struktur spezieller Ermittlungsmethoden bei extremistischen Straftaten zu überdenken, und weisen auf die Notwendigkeit hin, ein solches Element wie die Verifizierung des Tatberichts zu unterscheiden.*

Nach Ansicht der Autoren sollte die Überprüfung der Anzeige einer extremistischen Straftat die folgenden Elemente umfassen: Annahme, Prüfung und Registrierung einer Anzeige; direkte Durchführung von Überprüfungsmaßnahmen; Treffen einer Entscheidung über die Ergebnisse der Überprüfung. Es scheint, dass die speziellen Ermittlungsmethoden für diese Gruppe von Straftaten notwendigerweise einen detaillierten Algorithmus für die Handlungen des Beamten entwickeln müssen, der die Überprüfung der Strafanzeige vornimmt, um über die Einleitung eines Strafverfahrens zu entscheiden. Inhalt und Art dieser Maßnahmen hängen von einer Reihe von Umständen ab, einschließlich sich abzeichnender Ermittlungssituationen, die als Vorermittlungssituationen formuliert werden können.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse dieser Untersuchung können sowohl für die praktische Arbeit der Strafverfolgungsbehörden als auch für weitere theoretische Entwicklungen in der allgemeinen Theorie der Kriminalistik der Verbrechensbekämpfung genutzt werden.*

Stichwörter: *Extremismus, Kriminalität, extremistische Orientierung, spezielle Methoden, Struktur, Überprüfung der Strafanzeige.*

Kriminalistische Prävention von extremistischen Straftaten, die von Jugendlichen begangen werden

Makarova Olesya Aleksandrovna, Kurkova Natalia Alekseevna

Ziel: die Möglichkeiten der kriminaltechnischen Prävention von durch Jugendliche begangenen extremistischen Straftaten zu untersuchen.

Methodologie: *Synthese, Analyse, umfassender Ansatz, systemisch-strukturelle Methode, Vergleich, Verallgemeinerung.*

Schlussfolgerungen. *In den letzten Jahren können wir feststellen, dass der Extremismus im Umfeld der Jugendlichen aggressive Formen angenommen hat, wir können Gewalt, Grausamkeit, Ablehnung der konventionellen Moral und jeglicher Formen der Staatsführung, Propaganda gegen die Strafverfolgungsbehörden und die staatlichen Behörden beobachten. Die Studie führt uns zu der Schlussfolgerung, dass im aktuellen Kontext Aufklärungs- und Präventionsarbeit unter jungen Menschen nicht ausreicht, sondern bessere Präventionsmaßnahmen erforderlich sind. Die Interaktion zwischen den Akteuren, die an der Prävention extremistischer Straftaten durch Jugendliche beteiligt sind, sollte intensiviert und etabliert werden, und die Aktivitäten zur Aufdeckung und Unterdrückung von Aktivitäten extremistischer Jugendgruppen sollten kontinuierlich durchgeführt werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse der durchgeführten Studie können in der Präventionsarbeit der Ermittler verwendet werden.*

Stichwörter: *forensische Prävention, Extremismus im Jugendmilieu, Bekämpfung extremistischer Aktivitäten, Präventivmaßnahmen.*

Kriminalistische Analyse von Schulschießereien in Russland und im Ausland

Osipova Ekaterina Vasilievna, Avakyan Mikhail Vladimirovich

Ziel: eine vergleichende Untersuchung des Phänomens Schulschießereien und eine kriminalistische Analyse von Schulschießerei-Fällen in Russland und im Ausland durchzuführen und auf dieser Grundlage wissenschaftliche und praktische Empfehlungen zur Bekämpfung dieser Form kriminellen Verhaltens zu entwickeln.

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, systemstruktureller Ansatz, situativer Ansatz, Methode der Rechtsvergleichung.*

Schlussfolgerungen. Die kriminalistische Analyse der kriminellen Aktivitäten von Schulschützen führte zu dem Schluss, dass die folgenden Hauptelemente der forensischen Merkmale von Massakern in Bildungsorganisationen herausgegriffen werden sollten: die Motive und Ziele des Täters; Persönlichkeitsmerkmale eines Schulschützen; die Umstände der Begehung der Straftat, einschließlich Zeit und Ort; die wichtigsten Mittel und Wege zur Begehung einer Straftat.

Eine vergleichende Analyse russischer und ausländischer Erfahrungen hat gezeigt, dass die kriminalistischen Merkmale solcher Elemente wie die Mittel zur Begehung einer Straftat (Arten von Waffen, Sprengstoff) und die Identität des Täters (Alter) unterschiedlich sind. Das Durchschnittsalter des russischen Schulschützen ist geringer — 14–18 Jahre, pneumatische Waffen und Haushaltmesser herrschen als Mittel vor. Darüber hinaus gibt es sowohl im Ausland als auch in Russland einen Trend zur Nachahmung, der durch die Massenerschießung in der Columbine-Schule (USA) angeregt wurde. Es wurde auch der Schluss gezogen, dass die meisten Schulschützen ihre Absicht auf die eine oder andere Weise mitteilen, bevor sie ein Verbrechen begehen.

Der Ort des Verbrechens im Kontext des betrachteten Problems ist ausnahmslos die Bildungseinrichtung, und die größte „Effizienz“ wird von den Angreifern erreicht, die ihre kriminelle Absicht direkt in den Räumlichkeiten der Bildungseinrichtung zu verwirklichen begannen. Es besteht ein Zusammenhang zwischen dem Ort und der Persönlichkeit des Täters — in Russland sind dies in allen Fällen Schüler oder ehemalige Schüler dieser Bildungseinrichtung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der Studie können als Grundlage für die weitere Untersuchung des Phänomens der Schulschießerei im Allgemeinen verwendet werden und können auch als Grundlage für die anschließende Entwicklung einer kriminalistischen Charakterisierung von Massenmorden in Bildungseinrichtungen in Russland dienen. Aus praktischer Sicht können die gewonnenen Ergebnisse in den Aktivitäten von Strafverfolgungsbehörden verwendet werden, um Fällen von Schulschießereien in der Russischen Föderation entgegenzuwirken, um evidenzbasierte kriminalistische Empfehlungen für ihre Untersuchung und Prävention zu entwickeln.

Stichwörter: Gewalt, Jugendumwelt, Schulschießerei, Massenmord, Bildungseinrichtungen, Kriminalistik, kriminalistische Analyse, Bekämpfung von Schulschießereien, Ausland.

Die Besonderheiten des ethnischen Extremismus in Russland

Pankina Inga Yurievna

Ziel: viele gesellschaftliche Phänomene weisen heute Merkmale auf, die an den Begriff der Kriminalität grenzen und in einigen Fällen sogar in diesen übergehen. Migrationsströme, die es ermöglichen, von einem Gebiet in ein anderes zu ziehen, tragen Merkmale der Ethnizität mit sich. Während die ethnische Zugehörigkeit früher als Zeichen der Freundschaft zwischen den Völkern angesehen wurde, ist sie heute zu einem echten Problem extremistischer Natur geworden. Sie beruht auf einer Reihe von Widersprüchen, die zwischen dem Individuum, der Gesellschaft und dem Staat entstehen. Sie berührt gesellschaftliche Probleme wie die nationale und wirtschaftliche Sicherheit und die interethnischen Beziehungen. Um wirksame Methoden zur Bekämpfung dieses Phänomens zu entwickeln, ist es notwendig, die Faktoren zu untersuchen, die der Ausbreitung des ethnischen Extremismus zugrunde liegen, sowie den rechtlichen Rahmen zu diesem Thema zu verbessern.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, systematische Methode, Methode der Situationsmodellierung.

Schlussfolgerungen. Die ständige Zunahme von Fremdenfeindlichkeit und Extremismus ist derzeit eine Tendenz in Russland. In dieser Hinsicht sind die Eindämmung und Vorbeugung von Phänomenen wie ethnischem Extremismus und Fremdenfeindlichkeit eine Aufgabe nicht nur der Strafverfolgungsbehörden und der wissenschaftlichen Forschung, sondern auch der russischen Gesellschaft selbst. Zweifellos haben Wissenschaftler und Praktiker die Aufgabe, wirksame Methoden und Mittel zur Bekämpfung dieses Phänomens zu entwickeln. Dabei geht es jedoch nicht um einzelne „Punktschüsse“. Es ist notwendig, eine staatliche Politik zu betreiben, die die Verzerrung und Deformation des Bewusstseins der Bürger verhindert, und nicht die Wahrnehmung der Ethnie als eine separate Bevölkerung mit einer spezifischen nationalen Wahrnehmung zu politisieren. Wenn ein Phänomen politisiert wird, entwickelt die Gesellschaft selbst eine negative Haltung ihm gegenüber. Und dies führt zu weiteren negativen Folgen und übt Druck auf die Köpfe der Bürger aus.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor analysiert das Phänomen des ethnischen Extremismus, schlägt den Begriff des Extremismus und des ethnischen Extremismus vor und untersucht die systemischen Elemente des ethnischen Extremismus. All dies ermöglicht es, die Tiefe der Gefahr dieses Phänomens

abzuschätzen. Die formulierten Schlussfolgerungen sind nicht nur für die Strafverfolgungsbehörden, sondern auch für die Exekutivbehörden im Allgemeinen von Interesse.

Stichwörter: Extremismus, ethnischer Extremismus, interethnische Beziehungen, nationale Identifikation, nationale Intoleranz, ethnische Stereotypen.

Objektive und subjektive Kriterien für die Anerkennung einer strafrechtlich geringfügigen Handlung

Ignatovich Natalia Pavlovna

Ziel: die doktrinen Ansätze zur Auslegung der Kategorie der geringfügigen Handlung im Strafrecht der Russischen Föderation im Hinblick auf objektive und subjektive Faktoren sowie die Persönlichkeitsmerkmale der Person, die die entsprechende Handlung begangen hat, zu berücksichtigen (oder abzulehnen). Die Ergebnisse mit den Ausführungen des Plenums des Obersten Gerichtshofs zur Frage der Geringfügigkeit in Beziehung zu setzen. Die Umstände herauszuarbeiten, die die Gerichte berücksichtigen sollten, wenn sie eine Handlung als geringfügig anerkennen, und diese mit der bestehenden Rechtsprechung zu vergleichen. Den Grund für die bestehenden Widersprüche bei der Anwendung von Artikel 14 Teil 2 des Strafgesetzbuchs durch die Gerichte zu erläutern und mögliche Lösungen für dieses Problem vorzuschlagen.

Methodologie: Induktion, Deduktion, Analyse, Synthese, Analogie, vergleichende Analyse, Verallgemeinerung, formal-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Bei der Anwendung von Artikel 14 Absatz 2 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation durch die Gerichte herrscht keine Einheitlichkeit, da es erhebliche Unterschiede in der Frage gibt, ob bei der Feststellung, ob eine Handlung als geringfügig anzusehen ist, folgende Faktoren zu berücksichtigen sind: objektive und subjektive Merkmale und insbesondere die persönlichen Merkmale der Person, die die betreffende Handlung begangen hat. Die vorherrschende Meinung in der Doktrin ist, dass persönliche Merkmale nicht berücksichtigt werden können. Nach der Rechtsprechung des Obersten Gerichts sind sowohl subjektive als auch objektive Faktoren zu berücksichtigen (vor allem quantitative und qualitative Merkmale des Objekts), während die Frage der Berücksichtigung der Persönlichkeit des Angeklagten nicht gestellt wird. Daraus ergibt sich die Schlussfolgerung, dass ein einheitlicher Standpunkt in der Frage der Berücksichtigung der Eigenschaften der Person bei der Entscheidung darüber, ob eine Handlung als geringfügig anzusehen ist, entwickelt werden muss (und dass es angemessener ist, sich für die Nichtberücksichtigung der persönlichen Eigenschaften zu entscheiden), um die Rechtspraxis zu vereinheitlichen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Frage, welche Faktoren bei der Entscheidung, ob eine Handlung als geringfügig einzustufen ist, berücksichtigt werden sollten (und welche nicht), ist nach wie vor offen, da es in der Doktrin keine einheitliche Meinung gibt und die rechtliche Formulierung der Norm über die Geringfügigkeit es nicht erlaubt, Widersprüche bei ihrer Anwendung durch die Gerichte zu vermeiden. Das vorliegende Beitrag soll die doktrinen Ansichten und Klarstellungen des Obersten Gerichts zusammenführen und ist von großer praktischer Bedeutung, da es darauf abzielt, die Gerichtspraxis in dieser Frage zu vereinheitlichen.

Stichwörter: Geringfügigkeit einer Handlung, öffentliche Gefahr, Strafrecht, Persönlichkeitsmerkmale, Subjekt, Objekt, subjektive Seite, objektive Seite, Einheitlichkeit der Strafverfolgung, Gleichheitsgrundsatz.

Verleumdung im Strafrecht der Russischen Föderation

Cyss Zinaida Alexandrovna

Ziel: Verleumdung ist eine weit verbreitete Handlung, die sowohl der Gesellschaft als auch dem Einzelnen Schaden zufügt. Eines der Ziele des Beitrags ist es, die Gründe zu analysieren, warum die Norm, die ein strafrechtliches Verbot von Handlungen wie Verleumdung vorsieht, zunächst entkriminalisiert und dann, nach einer kurzen Zeitspanne, wieder unter Strafe gestellt wurde. Ziel der Arbeit ist es, eine vollständige Analyse des Corpus Delicti nach Art. 1281 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation vorzunehmen, um die Probleme bei der Qualifizierung der Tat zu identifizieren. Besonderes Gewicht wird auf den Gegenstand der Straftat, insbesondere auf das Opfer, gelegt. Durch eine Analyse des Corpus Delicti im Vergleich zur gerichtlichen Praxis und zu Statistiken werden Änderungen des Artikels ermittelt, um die Probleme bei seiner Anwendung zu beseitigen. Für eine umfassendere Analyse wird auch ein Vergleich von Art. 1281 des Strafgesetzbuchs mit verwandten Straftatbeständen vorgenommen. Mit Hilfe dieses Vergleichs ist es möglich, ähnliche Bestimmungen zu identifizieren, die zur Spezifizierung der Norm beitragen, sowie das Vorhandensein ähnlicher Probleme in der Qualifikation zu bestimmen.

Methodologie: der methodische Korpus der unternommenen Forschungen besteht aus verschiedenen Erkenntnismethoden, darunter die dialektische Methode, die vergleichende Analyse, die Deduktion, die Induktion, die

Synthese, die systematische Methode sowie privatrechtliche Methoden wie die rechtsvergleichende, formaljuristische Methode.

Schlussfolgerungen. *Gegenwärtig weist die Norm, die das strafrechtliche Verbot der Verleumdung festlegt, eine Reihe von Problemen auf, sowohl was die Ausgestaltung der Norm als auch was die Sanktionierung der Norm betrifft. Die Beseitigung dieser Probleme wird zu einer präziseren Anwendung der Norm in der Praxis sowie zu ihrer häufigeren Anwendung beitragen. Es wurde eine Reihe von Änderungsanträgen eingebracht, die, wenn sie angenommen werden, zur Beseitigung dieser Probleme beitragen würden. Eine vergleichende Analyse der damit zusammenhängenden Straftatbestände hat außerdem ergeben, dass sie Art. 1281 des Strafgesetzbuchs ähneln, so dass die Probleme der Einstufung auch für diese Straftatbestände gelten, weshalb sie präzisiert werden müssen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Verleumdung ist in der modernen Gesellschaft ein weit verbreitetes Phänomen, so dass das gesetzliche Verbot einer solchen Handlung keine Ungenauigkeiten enthalten sollte, die zu Fehlern bei der Einstufung führen würden. Die Schlussfolgerungen dieses Papiers enthalten Empfehlungen zur Präzisierung der Normen des Strafgesetzbuchs, die zu einer genaueren und häufigeren Anwendung der Normen beitragen sollen, die das Verbot einer solchen Handlung wie der Verleumdung festlegen.*

Stichwörter: *Verleumdung, strafrechtliches Verbot, Kriminalisierung einer Handlung, Sanktion, Strafe, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Corpus Delicti, Ehre, Würde, Ruf.*

Kapitel aus dem Buch “Boris Nikolajewitsch Hirten” (Serie “Porträt vor dem Hintergrund der Epochen”)

Ziel: *die Persönlichkeit und das Vermächtnis des hervorragenden Politikers und Diplomaten B.N. Pastukhov vorzustellen.*

Methodologie: *Zitierung.*

Schlussfolgerungen. *Boris Nikolaevich Pastukhov — hervorragender Politiker und Diplomat — war Mitglied des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei der Sowjetunion und des Präsidiums des Obersten Sowjets, Minister in der Sowjetunion und der Russischen Föderation, Vorsitzender des Ausschusses der russischen Staatsduma, erhielt den Lenin-Orden von Leonid Breschnew und den Orden für Verdienste um das Vaterland von Vladimir Putin. In den angegebenen Kapiteln aus dem Buch “Boris Nikolaevich Pastukhov. Porträt vor dem Hintergrund der Epochen” erzählen Boris Nikolaevich selbst, seine Kinder, Freunde und Kollegen über sein Leben.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der vorliegende Text kann beim Studium der Geschichte Russlands in den 80–90 Jahren des XX Jahrhunderts verwendet werden.*

Stichwörter: *Afghanistan, Abzug der sowjetischen Truppen aus Afghanistan, sowjetische Botschaft, Botschafter der UdSSR, B.N. Pastukhov, Najibullah, stellvertretender russischer Außenminister, Li Peng, E.M. Primakov, B.N. Yeltsin, bewaffneter Konflikt in Transnistrien, Berg-Karabach-Konflikt.*

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

On the results of the survey of scientists in the field of criminal and penal enforcement law, criminology (in connection with the 70th anniversary of Professor V.S. Komissarov)

Lopashenko Natalya Alexandrovna

Mission: using the example of the personality of a Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology of Moscow State University (2000–2017), who made an unconditional contribution to the organization of science, to check through a sociological study of a highly qualified professional audience what qualities a leader in science should have in order to effectively influence the doctrine and organization of science to determine what tasks are facing the science of criminal law and criminology today, in our difficult time.

Methodology: dialectical method, sociological method (questionnaire), analysis, synthesis.

Conclusions. The basis of personality in science in general and in the organization of science, in particular, including in the sciences of the criminal cycle, is a set of qualities that include professional qualities, communicative qualities and personal qualities. The personality of a scientist plays an essential role in science, first of all, in its organization, in establishing scientific communications, in the scientific education of students and followers, in the formation of doctrinal knowledge. It also largely determines the main tasks that science faces.

Scientific and practical significance. The role of the individual in the science of criminal, penal enforcement law and criminology belongs to little-researched topics, because this study fills the gap in the doctrine. The study has practical significance for young scientists, although not only for them, because it shows the priorities of the formation of individual scientific qualities.

Keywords: personality in science; criminal law; criminology; personality traits; organization of science; the influence of the leader of science on the doctrine; challenges facing science.

Uryadnik — the chief policeman in the village: unknown pages of the creation and functioning of the Institute of police officers of the Russian Empire 1878–1917

Kulikova Svetlana Gennadievna

Mission: to highlight the unknown pages of the creation and functioning of the Institute of police officers of the Russian Empire in 1878-1917.

Methodology: based on methods of historical analysis, namely comparative historical and statistical methods. When recreating the prosopography of police officers, the method of retrospective questioning was tested. The complex use of general scientific and private scientific methods of historical research in combination with the principles of objectivity, systematicity and historicism made it possible to adequately outline the boundaries of research. Critical selection, analysis and comparison of historical sources contributed to the implementation of the principle of scientific objectivity. The principle of consistency made it possible to investigate the institution of police officers as a historical phenomenon characteristic of its time. In turn, the principle of historicism helped to reconstruct the average portrait of a police officer against the background of the epoch.

Conclusions. The police officer was one of the prototypes of the modern institute of precinct police commissioners. The main disadvantage of the institution of police officers is the weak coordination of their activities at the county and provincial levels, as well as a large amount of official authority, which, with weak control of higher officials, led to permissiveness.

Scientific and practical significance. The scientific significance of the material consists in the fact that the information presented in the article is written on the basis of archival sources, a number of which were first introduced into scientific circulation. The practical significance is explained by the need to preserve historical memory concerning the history of the formation and development of law enforcement institutions.

Keywords: police officer, schools of police officers, the second half of the XIX century, early XX century, the Russian Empire, the police.

On the issue of recognizing cryptocurrency as a subject of bribery and other crimes of a property nature

Dmitrenko Andrey Petrovich, Kadnikov Nikolay Grigoryevich

Mission: to analyse the problems of qualifying property crimes and bribery committed with the use of cryptocurrency and information and communication technologies and, taking into account judicial interpretation, offer recommendations for their resolution.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, interdisciplinary legal research method, comparative legal method.

Conclusions. Taking into account the modern judicial interpretation, as well as a number of legislative novelties in the field of property turnover, it can be stated that cryptocurrency or other virtual assets can and should be recognized as the subject of property crimes, including corruption (in particular, be the subject of receiving and giving a bribe). It is necessary to support the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in an effort to clarify and clarify the subject of the crime in property crimes, understanding by such a subject cash in the currency of the Russian Federation or in foreign currency, as well as non-cash funds, including electronic money, as well as cash funds converted from virtual assets (cryptocurrencies). However, a more precise interpretation is required about the use of the term “cryptocurrency” instead of the term “virtual assets”, including in relation to property crimes.

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article lies in the need to solve the problems of criminal law assessment of acts committed with the use of cryptocurrency in general, and property crimes in particular. The latest decisions in this part of the Supreme Court of the Russian Federation will make it possible to more accurately differentiate criminal liability for property and corruption crimes.

Keywords: criminal liability, property crimes, subject of bribery, cryptocurrency as a subject of crime.

Delimitation of occupying the highest position in the criminal hierarchy

(art. 2101 CC RF) from the leadership of the criminal community (p. 4 art. 210 CC RF)

Borkov Viktor Nikolaevich

Mission: to develop criteria to distinguish the occupation of a higher position in the criminal hierarchy (article 2101 CC RF) from the leadership of a criminal association, committed by a person holding a higher position in the criminal hierarchy (part 4 of article 210 CC RF).

Methodology: to achieve the set goal we used the dialectical method, normative and sociological approaches, allowing to assess the social conditionality of legal phenomena. The method of system analysis and the formal-legal method were used.

Conclusions. The establishment of *corpus delicti* of occupying a high position in the criminal hierarchy should not be replaced with the ascertainment of the leadership of a criminal association which is being performed by the subject. Taking into account the developing judicial practice and academic positions, the article formulates the reasoned conclusions on two aspects of the stated problem. The question about the qualification of actions of a person, who leads a criminal organization and occupying the highest position in the criminal hierarchy, according to the combination of art. 2101 of the CC RF and part 4 of art. 210 of the CC RF is solved. We also studied the possibility of imputing to the guilty under art. 2101 of the CC RF, when the “thief in the law” does not manage the criminal organization, does not share the sphere of influence and criminal proceeds. The solution of these problems is based on the understanding of the occupation of a higher position in the criminal hierarchy as a continuing offense and the idea that art. 2101 of the CC RF and the rule providing the commission of the acts referred to in parts 1 and 11 of article 210 of the CC RF by a person who holds a higher position in the criminal hierarchy (part 4 article 210 CC RF), do not relate as part and whole.

Scientific and practical significance. The article shows the specificity of the norm providing criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy (art. 2101 CC RF), which caused the discussion about its content in the theory and judicial practice. The author has formed a reasoned position on the correlation between the crimes stipulated by art. 2101 of the CC RF and part 4 of art. 210 of the CC RF.

Keywords: highest position in the criminal hierarchy, leadership of a criminal association, thief in law, continuing crime, competition of criminal law norms, part and whole.

Legal regulation of countering transport crimes at transport and transport infrastructure facilities

Prikhodko Natalya Yurievna

Mission: to analyze some aspects of the legal regulation of countering transport crimes at transport facilities and transport infrastructure, to determine the mechanism of legal regulation in the crimes under consideration, to confirm the need to improve and consolidate legislation in this area.

Methodology: general scientific methods were used: analysis and synthesis, dialectical method, the method of legal comparison.

Conclusions. The substantive features of legislation regulating the activities of transport, transport infrastructure and transport hub facilities require a very rich legal field, the possibility of implementing a variety of legal, technical, organizational means and methods aimed at studying, improving and consolidating the legislative framework in the mechanism of legal regulation to counter transport crimes. The disclosure and timely elimination of these problems of legal regulation will ensure that the transport security complex will resist the threats of committing criminal acts. The timely initiative of specialists in the field of ensuring security at the facilities of the transport complex is also important, caused by the objective need to improve the forms and methods of activities that ensure transport security.

Scientific and practical significance. Currently, there is no conceptual legal and legislative approach to a unified understanding of ensuring transport security, the mechanism of legal regulation for countering transport crimes, the regulatory legal framework for transport security is insufficiently systematized, there is no unified approach to concepts and a general principle of application. Ensuring the safety of transport, facilities and infrastructure is expressed in a complex process that involves the implementation of steps to create and continuously improve functional measures that need to be fixed at the legislative level for the purpose of countering transport crimes.

Keywords: transport security, mechanism of legal regulation, counteraction, transport crimes, transport facilities, regulations, facilities, transport infrastructure, transport, legislation, anti-terrorist security.

Comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan in the field of crimes against the peace and security of mankind: problem statement

Pshenichnov Ilya Mikhailovich

Mission: to draw the attention of the scientific community to certain problems of criminal law ensuring the peace and security of mankind, as one of the main objects of terrorist and extremist crimes in modern conditions. In particular, aspects of the significant activation of this criminal segment in 2022 are touched upon, which largely actualizes the need to review the current state of interaction between law enforcement agencies, including at the international level, to reflect the relevant criminal challenges. Whereas one of the key barriers in this way is the lack of unified approaches to the establishment of criminal responsibility, as well as the general shortcomings of certain legal norms and legislative approaches in this area.

Methodology of the conducted scientific research is mainly focused around the dialectical method of cognition of social and legal reality, which made it possible to form and formulate specific steps capable of strengthening measures of criminal and legal counteraction to crimes of terrorist and extremist orientation against the peace and security of mankind. At the same time, the following methods also contributed to the solution of the tasks set: analysis, synthesis, induction, deduction, description and other methods.

Conclusions. Certain weaknesses and omissions in the criminal laws of certain post-Soviet states that complicate law enforcement activities in the field of combating relevant criminal encroachments are identified.

The scientific and practical significance of the article lies in the fact that the conclusions set out in it contain proposals for the progressive modernization of the relevant legislative prescriptions in order to develop a mechanism for their uniform application.

Keywords: peace and security of mankind, crimes, terrorism, extremism, encroachment, counteraction, criminal law, law enforcement, modernization, public safety, unification.

Criminological aspects of energy security in the Russian Federation at the present stage

Uglitskikh Dmitry Vasilievich

Mission: definition and disclosure of measures for the prevention and prevention of crime in the fuel and energy complex, taking into account the interaction of measures of a criminal law and criminological nature.

Methodology: a set of general scientific and private scientific methods, special legal methods of knowledge that contribute to the analysis of regulatory legal regulation in the field of energy security.

Conclusions. Proposals aimed at improving measures to combat crime in the field of energy security, including increasing the effectiveness of the implementation of the mechanism of criminal law regulation of public relations related to countering criminal encroachments in the fuel and energy complex.

Scientific and practical significance. The novelty of the research topic lies in the formulation of the problem, which is determined by identifying the causes and conditions of crimes in the field of energy security in the current

conditions of the social development of Russian society. The main lines of policy in the field of combating crime in the fuel and energy complex have been determined. The legal essence of crime in the fuel and energy complex, criminological measures to counteract crimes in the energy sector, trends in the legal regulation of fuel and energy crimes are disclosed.

Keywords: ensuring energy security, criminal policy, legal measures to combat crimes in the field of the fuel and energy complex, combating crime, criminal law and criminological countermeasures.

Countering cybercrime: the need to take into account foreign experience

Degterev Andrey Aleksandrovich

Mission: the article considers the institutional and organizational mechanism of countering cybercrime at the present stage of society development.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, comparative legal method, system method.

Conclusions. A comparative legal analysis of the legislations of China, the UAE and Russia is given. The problems of technical and organizational and legal support of preventive activities are identified.

Scientific and practical significance. The author proposes to develop a strategy for countering cybercrimes within the framework of preventive activities, which will allow identifying existing pain points in society, in the state and in the international system of countering these crimes.

Keywords: cybercrime, cybersecurity, Internet services, computer information, national security, information security, phishing, illegal intrusion, telecommunication networks.

Study of indicators of service-economic crime in the field of implementation of the national project “Healthcare”

Brazhin Yuri Yurievich

Mission: to analyze the statistical data of the SIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, demonstrating the current state, dynamics and structure of service-economic crime in the implementation of the national project “Healthcare”. Through the study of crime rates, the authors put forward a short-term forecast of crime in the area under consideration.

Methodology: dialectical method, induction, statistical analysis, content analysis, extrapolation, expert evaluation.

Conclusions. A hypothesis is put forward that forms a positive trend in the growth of service-economic crime in the implementation of the national project “Healthcare”.

Scientific and practical significance. Given the lack of comprehensive studies devoted to the study of the state, dynamics and structure of service and economic crime in the implementation of the national project “Healthcare”, the results obtained can be useful methodological recommendations for the formation of proposals for improving the existing mechanism for combating crime in the area under study.

Keywords: national project “Healthcare”, service-economic crime, indicators, crime forecast, state, structure, dynamics.

Scientific contribution of the Kaliningrad branch of the Union of criminologists and criminologists to the activities to counter extremism in Russia and abroad

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna

Based on the results of many years of activity of the Kaliningrad branch of the Union of Criminalists and Criminologists, in December 2022, the International Scientific and Practical Conference “Problems of implementing criminal policy in the field of countering extremism and terrorism” was held at the Institute of Management and Territorial Development of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Scientific partners in organizing this conference were scientists from the Moscow State Regional University who came to Kaliningrad. The conference was attended by foreign scientific partners from the Belarusian State University (Republic of Belarus), Karaganda University of Kazpotreboyz (Republic of Kazakhstan).

The conference was an important factor for developing comprehensive measures to prevent terrorism, as well as for further expanding scientific ties and strengthening cooperation between the Kaliningrad branch of the Union of Criminalists and Criminologists within the framework of agreements concluded between universities.

Keywords: counteraction to extremism, investigation of crimes, investigative practice, forensic characteristics, psychological characteristics of a criminal, violence, youth environment, promotion of versions, prevention of extremism, Kaliningrad Branch of the Union of Criminalists and Criminologists.

Preventive measures of a financial and legal nature as a mechanism for countering the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism

Anisiforov Tim Sergeevich

Mission: to formulate conclusions and proposals aimed at developing preventive measures of a financial and legal nature as a mechanism for combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. Prevention in the field of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime, the financing of terrorism and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction is of fundamental importance, since the fate of a person included in the list of organizations and individuals involved in terrorist activities will depend on the nature and extent of the measures applied. or extremist activities.

Legislation defines only two areas in which preventive measures can be taken in order to counteract the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism, namely, the provision of anti-corruption information by Rosfinmonitoring and notification of the competent authorities of foreign states about the prohibition of certain categories of persons from performing financial transactions outside territory of the Russian Federation, however, prevention in the field of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime, the financing of terrorism and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction should not be limited exclusively to the public service apparatus.

Scientific and practical significance. The results of the study can be used both in the practical activities of entities exercising control in the field of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime, the financing of terrorism and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction, and in further theoretical developments within the framework of the general concept of financial control.

Keywords: Financial Action Task Force; FATF; AML/CFT; legalization (laundering) of proceeds from crime; financing of terrorism; financing of the proliferation of weapons of mass destruction; Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring).

Forensic and psychological features of the personality of a criminal who commits crimes of an extremist orientation: theoretical and applied significance

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna, Kozyreva Irina Evgenievna

Mission: based on the analysis of the materials of criminal cases, to develop a forensic characterization of extremist crimes, in the system of which to identify the forensic and psychological characteristics of the perpetrators of these crimes. Develop scientific and practical recommendations for investigators on the identification and use of this information.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, system-structural approach, situational modeling, statistical and specific sociological methods: questioning, interviewing, analysis and generalization of materials from investigative and judicial practice.

Conclusions. In the system of forensic characteristics of extremist crimes, typical information about the identity of the offender is of great theoretical and applied importance. It is she who allows scientists to develop evidence-based recommendations for the investigation and prevention of these crimes, and investigators to put forward specific versions about individuals, as well as develop methods of tactical interaction with them. An analysis of the materials of investigative and judicial practice made it possible to establish that the vast majority of extremist crimes are committed by males.

Women commit these crimes much less often, more often out of revenge, or because of psychological or material dependence on a person who is part of an extremist community. Young people are the main risk group exposed to the influence of followers of extremist views and ideas. As a rule, persons with a secondary or specialized secondary education become suspects in committing extremist crimes, a number of them were school students at the time of the crimes. A certain part of the youth is characterized by a lack of perception of their activity as extremist, understanding

it as a justified criticism of the dominant world order, guaranteed by freedom of speech. The leaders of extremist formations had higher education, which is characterized by a high intellectual level, a certain financial viability and the superiority of age in relation to most of the members of the extremist community, which is necessary for authority.

Information about the properties of the alleged criminal should be obtained by analyzing the e-mail of the suspect, studying the history of his search queries on the Internet, searching for resumes and advertisements posted on the relevant specialized sites, as well as by analyzing databases. The most highly informative source about extremist activities of a person in cyberspace is his personal page in various social networks.

Also, information about the identity of the offender in the investigation of extremist crimes can be obtained as a result of the appointment and conduct of a forensic linguistic examination, which, depending on the characteristics of the criminal situation, is often assigned in combination with psychological, political science, or religious studies.

Scientific and practical significance. *The results of the study can be used as the basis for further study of the problems of countering extremist crimes in general, and can also serve as the basis for the subsequent development of the forensic characteristics of certain types of such crimes. In the applied aspect, the results obtained can be used in investigative practice to put forward versions about persons who commit extremist crimes, to choose both tactics for establishing psychological contact with them, and tactics for conducting individual investigative actions with their participation.*

Keywords: *counteraction to extremism, investigation of crimes, investigative practice, forensic characteristics, psychological characteristics of a criminal, violence, youth environment, promotion of versions, prevention of extremism.*

Modern Extremism: Concept, Socio-Cultural Foundations and Development Trends

Grigoriev Anatoly Nikolaevich, Kot Ekaterina Aleksandrovna

Mission: *extremism as a social phenomenon of modern life is a real threat to national security of the Russian Federation, although the attitude to extremism in modern Russian society remains ambiguous. Extremism in fact is one of the most acute and extreme manifestations of existing social contradictions. In this connection, in the basic program documents of the state in the sphere of security the activity of extremist organizations is referred to one of the main sources of threats in the sphere of state and public security. It seems to be quite reasonable. Globalization and establishment of unipolar world in geopolitics occur with the help of extremism and threaten security of the Russian state as well. At the same time, counteraction to extremist-oriented crimes is a very complicated task that requires a complex, systematic approach. To a large extent, this circumstance is caused by the fact that the content of both the phenomenon itself and its counteraction directly affects both legal problems and a number of socio-economic, political and other problems. In this regard, improving the effectiveness of law enforcement agencies to combat extremist crimes requires not only comprehension of the concept of extremism as a complex socio-political and cultural reality of modern society, but also the identification of key foundations and trends of its development.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, system method, the method of interdisciplinary legal research.*

Conclusions. *From the substantive point of view, extremism is a criminal, socially dangerous act, encroaching on the foundations of the constitutional system, security of an individual, society and the state by the application of violent methods, the denial of generally accepted norms and rules of social behavior, as well as the imposition of their own ideological settings to the society and the state. Improvement of methodological foundations of counteraction to extremist crimes must be based on the complex analysis of factors influencing the formation of extremism in Russia, peculiarities of its manifestation and development trends.*

Scientific and practical significance. *Counteraction to crimes of extremist orientation is a difficult task for law enforcement bodies. It is stipulated both by complicated nature of extremism and specificity of its manifestation in different aspects of modern society life. Development of the concept of this phenomenon, reflecting its complex nature, as well as the identification of socio-cultural bases and development trends of extremism are necessary conditions for improvement of state policy in the sphere of counteraction to this phenomenon. From a practical point of view, the implementation of the mentioned above would contribute to the enhancement of the effectiveness of state and society actions to suppress extremist activity and prevent extremism.*

Keywords: *security, ideology, nationalism, counteraction to extremism, prevention of extremism, radicalism, terrorism, extremist activity, extremist organization.*

Individual issues of the organization of the investigation of terrorist crimes

Isaenko Vyacheslav Nikolaevich

Mission: questions. presented by the author in this article, are the result of generalization and analysis of the practice of organizing the investigation of a number of terrorist crimes. including the practice of personal participation in this work. Despite the fact that the crimes registered in the Russian Federation under Chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation were not always associated with explosions. arson and other actions committed with goals. named in Part 1 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation, the level of terrorist danger continues to remain high. This is evidenced by the relevant statistical data. Employees of investigative, operational-search bodies, prosecutor's offices need to be prepared for possible participation in the investigation of the crimes under consideration, and therefore they need to know the appropriate forensic techniques. forensic and other applied means of performing this work. The materials of investigative practice show that the full establishment of the circumstances of the preparation and commission of terrorist acts, the identification and exposure of the perpetrators, as well as their accomplices, directly depends on the proper organization of this work. Its optimal form is an investigative group with the necessary operational-investigative, expert and technical-forensic, information support, a clear distribution of functional responsibilities among the employees included in its composition. Of course, it is important to include in such a group of investigators with personal experience of participating in the investigation of such crimes. When investigating terrorist acts, it is necessary for the elements of its organization to ensure the safety of the members of the investigation team, especially during inspections of accident sites where explosive devices may be located. If necessary, measures are taken to ensure the safety of victims and witnesses. The investigation of terrorist acts is a kind of systematic approach to the organization of investigative work with a clear focus and functional orientation of the investigators included in its composition, as well as other employees involved.

Methodology: dialectical method, system method, analysis, synthesis, formal legal method, historical method.

Conclusions. The specifics of the investigation of crimes of a terrorist nature, in particular terrorist acts (acts of terrorism), also determine certain features of the approaches to organizing and conducting their investigation.

Scientific and practical significance. The effectiveness of the investigation of terrorist crimes depends both on the clear organization of this work on the basis of recommendations developed in the field of scientific organization of labor, as well as on the materials of generalization and analysis of relevant investigative practice. It also requires the knowledge and active use by investigators in this work of scientifically sound technical, methodological, tactical recommendations developed by forensic science.

Keywords: terrorist threat, counteraction to terrorism, terrorist act, investigation team, organization of investigation, systematic approach, forensic methodology, forensic recommendations, security measures, practical experience.

On the role and significance of special forensic theories in the detection and investigation of extremism, terrorism and the prevention of investigative errors

Kramarenko Vladimir Petrovich, Shabanov Vyacheslav Borisovich

Mission: the article presents the author's view on the formation of private forensic theories in the development and improvement of forensic methods of crime investigation. In particular, the private criminalistic theory of temporal connections and certain aspects of its practical integration into the process of investigating extremist crimes are analyzed. Since this theory originated more than 20 years ago, it needs to be updated in today's world. It is important to emphasize that at the end of the twentieth century in criminology, it was not yet accepted to discuss the so-called virtual traces, which most process scientists categorically did not recognize as evidence in a criminal case. The development of the state and its legal foundations has convincingly proved that in the 21st century virtual (computer) or digital traces should be introduced into the criminal process, along with material and ideal traces. The paper focuses the attention of participants in criminal proceedings on the need to use the latest technical means and equipment, as well as digital technologies, to identify, consolidate and investigate evidence. Their use, according to the authors, reduces the influence of subjective factors and makes it possible to objectify the establishment of all time connections and expand the boundaries of situations that arise during the investigation of crimes of the category under consideration. Modern digital technologies and the technical means used objectify information about the event under investigation. Their presence, as well as the active introduction and use in practical investigative activities, allows the investigator to save the time component of the preliminary investigation of certain types of crimes in general and extremist orientation, in particular. The use of temporary connections in proving will dramatically reduce, and in some situations, completely abandon the endless confrontations, on-site testimony checks, and investigative experiments. In the current state of affairs, the organization and production of these investigative actions takes an insane amount of the investigator's working time. Their final

goal is to verify the testimony of all participants in the criminal process about certain facts of the past criminal act. The interrogated, under the influence of various subjective factors, for the most part, tend to distort the essence of what they saw or heard. The authors believe that no one has any doubts about the fundamental provisions of the theory of time connections, which any operative and investigator is obliged to use in the search for criminally significant information, as well as evidence in the investigation of crimes, namely to establish:

- a specific moment in time when the criminal had the intention to commit a crime, i. e. to establish the root cause;
- the time interval, calculated in days, months or years, during which the criminal moved from a mental plan to the real embodiment of the commission of the crime;
- those temporary relations that characterize the sequence of actions in the time of the criminal, aimed both at the implementation of the plan and at hiding the traces of the crime.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral scientific research.

Conclusions. One of the main tasks of the investigator is not to get lost in the flow of information and consistently record those clues that clearly indicate the moment in time from which the future militant began to take a detailed interest in extremist or terrorist activities, look for accomplices, obey a specific person — leader, etc.

In our opinion, when investigating extremist manifestations or acts of terrorism, it is unjustified to limit ourselves to establishing only those facts that relate to the direct implementation of a criminal intent, to a specific perpetrator. Information should be supplemented with facts related to the leader of the criminal community. In other words, it is necessary to expand the list of circumstances to be proven in a criminal case, in each case establishing the root cause of the intent to commit a crime, while ensuring the protection of witnesses.

Scientific and practical significance. The emergence of new technical means and technologies that make it possible to accurately establish temporary connections in the development of certain events, which subsequently became the subject of research in criminal proceedings, actualize and stimulate the need for further scientific research in the field of private methods of temporary connections in the investigation of any crimes, and extremist, in particular. Practical recommendations are given that define the main activities of operational staff and investigators to determine the time links that affect the results of the investigation and the prevention of investigative errors.

Keywords: special forensic theories, temporary connections, extremism, terrorism, traces of a crime, digitalization, situation, investigative errors, leader of an extremist organization.

Terrorist act: features of criminal law and criminalistic characteristics

Kulikov Alexander Viktorovich, Sheleg Olga Alekseevna

Mission: terrorism in any of its manifestations is one of the most dangerous, destructive and violent acts directed against humanity. The actions of terrorist and extremist organizations that use increasingly cruel, inhuman methods and means to achieve their goals threaten the security of many countries and their citizens, have a negative psychological impact on people.

In recent years, the activity of international terrorism has intensified, which is associated with numerous socio-economic and interethnic conflicts in various regions of the world.

Terrorism today, which has a religious and nationalistic connotation, poses a serious threat to public security and political stability in Russia. The cases of manifestations of terrorism in the country cause a sharp public response, causing people to worry about their safety, the safety of relatives and friends.

The article is devoted to the study of the features of criminal law and criminalistic characteristics of terrorist crimes.

It is noted that when committing a terrorist act, special attention should be paid to the personality of the criminal, which is characterized by a complex structure and the allocation of various types and subtypes, in connection with which, problems concerning the limits of studying such a person, what specific characteristics and indicators should be included in this concept are considered.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The knowledge and application of elements of the criminal-legal and criminalistic characteristics of the terrorist's personality contributes to the prompt disclosure of the crimes committed by them, as well as to a high-quality investigation in full.

Scientific and practical significance. Special attention is paid to highlighting the issues of the necessary list of information about the identity of the criminal-terrorist, ensuring an effective investigation of crimes of this type. The article proposes a classification of terrorists according to the persistence of their terrorist activities, as well as the

direction of their motivation. The study of the motivation of the person who committed a terrorist act, as part of the study of the criminalistic and criminal-legal characteristics of the crime, will help to minimize law enforcement errors associated with ignoring terrorist and extremist components when identifying signs of the subjective side of the crime.

Keywords: terrorist act, criminal identity, terrorist, criminal-legal and criminalistic characteristics, classification of terrorists, terrorist organizations, effective disclosure and investigation of terrorist crimes.

To the question of the structure of the private forensic methodology for investigating extremist crimes

Kustov Anatoly Mikhailovich, Makarova Olesya Aleksandrovna

Mission: formulate conclusions and proposals regarding the structure of a private methodology for investigating crimes of an extremist orientation, in particular, such an element as checking a report on a crime of an extremist orientation.

Methodology: synthesis, analysis, integrated approach, system-structural method, comparison, generalization, situational approach.

Conclusions. The nature of such a phenomenon as extremism is destructive. Extremism has no borders and is transnational in nature. The availability of information and telecommunication technologies has changed the qualitative and quantitative characteristics of modern extremist crimes. The authors substantiate the objective need to rethink the structure of the private methodology for investigating extremist crimes, draw attention to the need to highlight such an element as checking a crime report.

According to the authors, verification of a message about a crime of an extremist orientation should include the following elements: acceptance, study and registration of a message about a crime; direct verification activities; making a decision based on the results of the audit. It seems that in a private methodology for investigating this group of crimes, a detailed algorithm for the actions of an official who checks a report of a crime in order to resolve the issue of initiating a criminal case must necessarily be developed. The content and nature of these actions depends on a number of circumstances, including emerging investigative situations that can be formulated as pre-investigation situations.

Scientific and practical significance. The results of the study can be used both in the practical activities of law enforcement agencies and in further theoretical developments within the framework of the general theory of the forensic methodology for investigating crimes.

Keywords: extremism, crime, extremist orientation, private technique, structure, verification of a crime report.

Criminalistic prevention of extremist crimes committed by minors

Makarova Olesya Aleksandrovna, Kurkova Natalia Alekseevna

Mission: to study the possibilities of criminalistic prevention of extremist crimes committed by minors

Methodology: synthesis, analysis, integrated approach, system-structural method, comparison, generalization

Conclusions. During last years, extremism among young people has acquired aggressive forms, violence, cruelty, denial of generally accepted morality and any forms of governance are being imposed, ideas of combating law enforcement agencies and state authorities are being promoted. The conducted research allows us to conclude that in modern conditions, explanatory and preventive work among young people is not enough, improvement of preventive measures is required. It is necessary to intensify and establish interaction between the entities involved in the prevention of extremist crimes committed by minors and to carry out measures on a regular basis to identify and suppress the activities of extremist youth groups.

Scientific and practical significance. The results of the conducted research can be used in the preventive activities of the investigator.

Keywords: forensic prevention, extremism among young people, counteraction to extremist activities, preventive measures.

Forensic analysis of school shooting in Russia and abroad

Osipova Ekaterina Vasilievna, Avakyan Mikhail Vladimirovich

Mission: the aim of this study is to conduct a forensic analysis of the phenomenon of school shooting in Russian and foreign educational institutions, as well as to develop scientific and practical forensic recommendations to counteract this form of deviant behavior.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, system and structure approach, situational approach, method of comparative legal research.

Conclusions. The forensic analysis of the criminal activities of school shooters led to the conclusion that the following should be singled out as the main elements of the forensic characteristics of massacres in educational organizations: the motives and goals of the offender; personality traits of a school shooter; the circumstances of the crime, including time and place; the main ways and means of committing a crime.

A comparative analysis of Russian and foreign experience has shown that the forensic characteristics of such elements as the means of committing a crime (types of weapons, explosives), the identity of the offender (age) are different. The average age of the Russian school shooter is less — 14–18 years, pneumatic weapons and household knives prevail as means. In addition, both in foreign countries and in Russia, there is a trend towards imitation, the impetus for which was given during the mass shooting at the Columbine School (USA). It was also concluded that most school shooters communicate their intention in one way or another before committing a crime.

The place of the crime in the context of the problem under consideration is invariably the educational organization, and the greatest “efficiency” is achieved by the attackers who began to realize their criminal intent directly in the premises of the educational organization. There is a correlation between the place and the personality of the offender — in all cases in Russia these are students or former students of an educational organization.

Scientific and practical significance. The results of the study can be used as the basis for further study of the phenomenon of school shooting in general, and can also serve as the basis for the subsequent development of the forensic characterization of mass murders in educational institutions in Russia. From a practical point of view, the results obtained can be used in the activities of law enforcement agencies to counteract cases of school shooting in the Russian Federation as well as the development of evidence-based forensic recommendations for their investigation and prevention.

Keywords: youth violence, youth environment, school shooting, mass murders, criminalistics, educational institutions, forensic analysis, counteraction to school shooting, foreign countries.

The specifics of ethnic extremism in Russia

Pankina Inga Yurievna

Mission: currently, many phenomena that are manifested in society are acquiring signs that border, and in some cases even pass, into the concept of a crime. Migration flows that allow you to move from one territory to another carry the features of an ethnic character. If earlier the ethnic group was designated as a sign of the manifestation of the friendship of peoples, then at present it has turned into a real problem of an extremist nature. It is based on a complex of contradictions that arise between the individual, society and the state. It touches upon such problems of society as the problems of national and economic security, interethnic relations. In order to develop effective methods of combating this phenomenon, it is necessary to study the factors that are the basis for the spread of ethnic extremism, as well as improve the legal framework on this issue.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, situational modeling method.

Conclusions. The constant rise of xenophobia and extremism is currently a trend in Russia. In this regard, the suspension and prevention of such phenomena as ethnic extremism and xenophobia is no longer only the task of law enforcement agencies and scientific research, but also of the Russian society itself. Undoubtedly, scientists and practitioners are faced with the task of developing effective methods and means of combating this phenomenon. But this is not a task of individual, pinpoint “shots”. It is necessary to imagine such a state policy that would prevent the distortion and deformation of the consciousness of citizens, would not politicize the perception of an ethnos as a separate population with a special national perception. After all, having politicized the phenomenon of society, society itself develops a negative attitude towards this phenomenon. And this leads to further negative consequences that put pressure on the consciousness of citizens.

Scientific and practical significance. The author analyzed the phenomenon of ethnic extremism, proposed the concept of extremism, ethnic extremism, considered the systemic elements of ethnic extremism. All this allows us to assess the depth of the danger of this phenomenon. The formulated conclusions are of interest not only for law enforcement agencies, but also for executive authorities in general.

Keywords: extremism, ethnic extremism, interethnic relations, national identification, national intolerance, ethnic stereotypes.

Objective and subjective criteria for recognizing an act as insignificant in criminal law

Ignatovich Natalia Pavlovna

Mission: to consider doctrinal approaches to the interpretation of the category of insignificance of an act in the criminal law of the Russian Federation in terms of taking into account (or refusing to take into account) objective, subjective factors, as well as the characteristics of the personality of the person who committed the relevant act. Correlate the data obtained with explanations from the decisions of the Plenum of the Supreme Court, affecting the issue of insignificance. Based on the analysis, to deduce the circumstances that the courts should take into account when recognizing an act as insignificant and compare it with existing judicial practice. Explain the reason for the existing discrepancies in the application by the courts of part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation and suggest possible solutions to this problem.

Methodology: induction, deduction, analysis, synthesis, analogy, comparative analysis, generalization, formal legal method.

Conclusions. There is no uniformity of judicial practice regarding the application by courts of part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, since there are significant discrepancies as to whether the following factors are subject to the resolution of the issue of recognizing an act as insignificant: objective and subjective signs, and in particular the characteristics of the personality of the person who committed the relevant act. The doctrine is dominated by the position that it is impossible to take into account the characteristics of a person. The decisions of the Plenum of the Supreme Court speak of the need to take into account both subjective and objective factors (and mainly quantitative and qualitative characteristics of the subject), the question of taking into account the identity of the defendant is not raised. Thus, it is concluded that it is necessary to develop a unified position on the issue of taking into account the personality when deciding whether to recognize an act as insignificant (moreover, it is more expedient to resolve the issue in favor of the fact that the personality should not be taken into account) in order to bring judicial practice to uniformity.

Scientific and practical significance. The question of the factors that should (and, on the contrary, should not) be taken into account when deciding on the recognition of an act as insignificant still remains open, since there is no consensus in the doctrine, and the legal formulation of the norm on insignificance does not allow avoiding contradictions in its application by the courts. This work is aimed at bringing together the doctrinal opinions and explanations of the Supreme Court and has great practical significance, as it is aimed at bringing judicial practice in the issue of recognizing an act as insignificant to uniformity.

Keywords: insignificance of the act, public danger, criminal law, personality characteristics, subject, object, subjective side, objective side, uniformity of law enforcement, the principle of equality.

Slander in the criminal law of the Russian Federation

Cyss Zinaida Alexandrovna

Mission: slander is a common act that harms both society and individuals. One of the goals of the work is to analyze the reasons why the rule providing for the criminal law prohibition of such an act as libel was first decriminalized, and after a short time it was re-criminalized, therefore, it is necessary to compare the editions of the rule at different times to identify changes. The purpose of the work is a complete analysis of the offense provided for in Article 128 of the Criminal Code RF to identify problems in qualifying the act. Special attention will be paid to the subject of the crime, in particular the victim. Analysis of the corpus delicti in comparison with judicial practice and statistics will allow to determine the changes necessary to eliminate problems in its application. For a more complete analysis, a comparison of the norm of Art. 128 of the Criminal Code RF with related elements of the crime. With the help of this comparison, it is possible to identify similar provisions that will contribute to the specification of the norm, as well as to determine the presence of similar problems in qualification.

Methodology: the methodological set of the study is made up of various methods of cognition, among which one can single out the dialectical method, comparative analysis, deduction, induction, synthesis, systemic method, as well as such private law methods as comparative legal, formal legal.

Conclusions. At present, the norm establishing a criminal law prohibition of such an act as slander has several problems both in the disposition of the norm and in the sanction of the norm. The elimination of these problems will contribute to a more accurate application of the norm in practice, as well as more frequent use. Several changes have been cited, the adoption of which will contribute to the elimination of these problems. Also, a comparative

analysis of related compositions showed their similarity with Article 1281 of the Criminal Code RF, which is why the qualification problems apply to these compositions, and therefore their specification is also necessary.

Scientific and practical significance. Defamation is a common phenomenon in modern society, so the legal ban on the commission of such an act should not contain inaccuracies that will lead to errors in qualification. The conclusions made in this paper contain recommendations for concretizing the norms of the Criminal Code, which should contribute to a more accurate and frequent application of the norms establishing the prohibition of such an act as slander.

Keywords: slander, criminal law prohibition, criminalization of an act, sanction, punishment, criminal liability, corpus delicti, honor, dignity, reputation.

Chapters from the book “Pastukhov Boris Nikolaevich” (series “Portrait against the backdrop of eras”)

Mission: to acquaint with the personality and legacy left by the outstanding politician and diplomat B.N. Pastukhov.

Methodology: citation.

Conclusions. Boris Nikolaevich Pastukhov, an outstanding politician and diplomat, was a member of the Central Committee of the CPSU and the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, a minister in the Soviet Union and the Russian Federation, chairman of a committee of the State Duma of Russia, received the Order of Lenin from the hands of L.I. Brezhnev, and “For Services to the Fatherland” — from the hands of V.V. Putin. In the above chapters from the book “Boris Nikolaevich Pastukhov. Portrait Against the Background of Epochs” Boris Nikolayevich himself, his children, friends and colleagues talk about his life.

Scientific and practical significance. The above text can be used in the study of the history of Russia in the 80–90s of the twentieth century.

Keywords: Afghanistan, withdrawal of Soviet troops from Afghanistan, Soviet embassy, USSR Ambassador, B.N. Pastukhov, Najibullah, Deputy Minister of Foreign Affairs of Russia, Li Peng, E.M. Primakov, B.N. Yeltsin, armed conflict in Transnistria, Nagorno-Karabakh conflict.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1500 до 3000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. *Научная и практическая значимость.*
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *LexRussica*. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica*, 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)